

Питання німецької історії
Вопросы германской истории
Fragen zur deutschen Geschichte
Questions of German history

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ДНІПРОПЕТРОВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені ОЛЕСЯ ГОНЧАРА

ІНСТИТУТ КУЛЬТУРИ ТА ІСТОРІЇ НІМЦІВ
У ПІВНІЧНО-СХІДНІЙ ЄВРОПІ (НІМЕЧЧИНА)

Нитання німецької історії

Збірник наукових праць

Дніпропетровськ
Видавництво Ліра
2015

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ОЛЕСЯ ГОНЧАРА

ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ НЕМЦЕВ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (ГЕРМАНИЯ)

Вопросы германской истории

Сборник научных трудов

Днепропетровск
Издательство Лиры
2015

MINISTERIUM FÜR BILDUNG UND WISSENSCHAFT DER UKRAINE
NATIONALE OLES GONCAR-UNIVERSITÄT
DNEPROPETROVSK

INSTITUT FÜR KULTUR UND GESCHICHTE DER DEUTSCHEN
IN NORDOSTEUROPA (DEUTSCHLAND)

Fragen zur deutschen Geschichte

Sammelband wissenschaftlicher Werke

Dnepropetrovsk
Verlag Lira
2015

DEPARTMENT OF SCIENCE AND EDUCATION OF UKRAINE
OLES GONCHAR DNEPROPETROVSK NATIONAL UNIVERSITY

INSTITUTE OF CULTURE AND HISTORY OF GERMANS
IN NORTH-EASTERN EUROPE (GERMANY)

Questions of German history

Historical researches

Dnepropetrovsk
Publishing house Lira
2015

УДК 943
ББК 63.3 (4Г)
В 74

Питання німецької історії [Текст] : зб. наук. пр. / відп. ред.
В 74 С. Й. Бобилєва. – Д. : Ліра, 2015. – 356 с.

ISSN 2313-1993

Уміщено результати наукових досліджень з питань Першої світової війни, розглянуто питання цієї війни як цивілізаційної події, яка привела до розпаду імперій та створення нових держав. Для науковців, викладачів, студентів, а також усіх, хто цікавиться питаннями історії.

Вопросы германской истории [Текст] : сб. научн. тр. / отв.
В 74 ред. С. И. Бобылева. – Д. : Ліра, 2015. – 356 с.

ISSN 2313-1993

Помещены результаты научных исследований по вопросам Первой мировой войны, рассмотрены вопросы этой войны как цивилизационного события, которое привело к распаду империй и создания новых государств. Для научных работников, преподавателей, студентов, а также всех, кто интересуется вопросами истории.

*Друкується за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара
протокол № 4 від 4.12.2014 р.*

*Видання здійснено за фінансової підтримки Уповноваженого
федерального уряду Німеччини з питань культури та засобів масової
інформації (Gefördert von der Beauftragten der Bundesregierung für Kultur
und Medien aufgrund eines Beschlusses des Deutschen Bundestages)*

Die Beauftragte der Bundesregierung
für Kultur und Medien

NORD
OST
INSTITUT
an der Universität Hamburg

Редакційна колегія:

д-р **А. Айсфельд** (Німеччина); канд. іст. наук, проф. **С. Й. Бобилєва** (відп. ред.);
д-р іст. наук, доц. **Н. В. Венгер**; проф. **В. Деннингхаус** (Німеччина);
д-р іст. наук, проф. **В. В. Іваненко**, д-р іст. наук, проф. **В. М. Калашников**;
проф. **Н. Катцер** (Німеччина); д-р іст. наук, проф. **В. А. Космач** (Білорусь);
д-р іст. наук, проф. **К. А. Марков**; канд. іст. наук **В. С. Лавренко** (відп. секретар);
д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; проф. **Д. Стейплз** (США);
д-р іст. наук, проф. **С. С. Троян**; д-р іст. наук, проф. **В. І. Яровий**.

*Реєстраційне свідоцтво наукового збірника
№ 15707-4179Р. Серія КВ від 13.07.2009 р.*

© Дніпропетровський національний
університет імені Олеся Гончара, 2015
© Видавництво Ліра, оформлення, 2015

ISSN 2313-1993

Судьбы людей на войне и в тылу

Олієвський О. І.

Про деякі аспекти фронтового побуту російської армії під час «Великої війни» (1914–1918 рр.)

Суржикова Н. В.

Российский плен 1914–1917 гг.: к терминологической разметке исследовательского поля

Мотревич В. П.

Смертность военнопленных Первой мировой войны и современное состояние их захоронений на Урале

Жванко Л. М.

Інститут головуповноважених та уповноважених з улаштування біженців у Російській імперії: нормативно-правові аспекти та реалії життя 1915–1917 рр.

Задерейчук И. А.

Благотворительная деятельность немцев Крыма в период военных действий Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

*Дяченко О. В.,
Тутік Л. С.*

Діяльність лікарень на Катеринославщині у період Першої світової війни

*Бурмага В. П.,
Світлич К. С.*

Роль жінки в організації допомоги фронту в роки Першої світової війни (на матеріалах України)

Савчук В. С.

Фармация Российской империи в Первой мировой войне: Екатеринославский йод

Menschenschicksale im Krieg und im Hinterland

O. I. Olievskij

Über einige Aspekte des Frontalltags des Russischen Heeres während des «Großen Krieges» (1914–1918)

N. V. Suržikova

Russische Gefangenschaft 1914–1917: Zur terminologischen Absteckung des Forschungsfeldes

V. P. Motrevič

Die Sterblichkeit der Kriegsgefangenen und der gegenwärtige Zustand der Soldatenfriedhöfe des Ersten Weltkrieges im Ural

L. M. Žvanko

Das Institut der Hauptbevollmächtigten und der Bevollmächtigten zur Unterbringung der Flüchtlinge im Russischen Reich: normativ rechtliche Aspekte und Realitäten des Lebens 1915–1917

I. A. Zaderežuk

Mohltätigkeit der Krim-Deutschen während des russisch-japanischen und des Ersten Weltkrieges

*O. V. Djačenko,
L. S. Tutik*

Tätigkeit der Krankenhäuser im Ekaterinoslav in den Jahren des Ersten Weltkrieges

*V. P. Burmaga,
K. S. Svityč*

Die Rolle der Frau bei der Organisation der Fronthilfe in den Jahren des Ersten Weltkrieges (am Beispiel der Ukraine)

V. S. Savčuk

Die Pharmazie des Russischen Reiches im Ersten Weltkrieg: Jod aus Ekaterinoslav

УДК 94 (100),1914/1918ЮЮ,:355.415 (470+571)

О. І. Олієвський

Чернівецький національний університет

ПРО ДЕЯКІ АСПЕКТИ ФРОНТОВОГО ПОБУТУ РОСІЙСЬКОЇ АРМІЇ ПІД ЧАС «ВЕЛИКОЇ ВІЙНИ» (1914–1918 рр.)

Досліджено окремі сюжети фронтового побуту під час Першої світової війни (на прикладі російської армії). Погляд на війну саме з такого ракурсу дає можливість чіткіше визначити трагізм людини в екстремальних умовах війни, а також умови, в яких вона вимушена була перебувати.

Ключові слова: повсякденність, побут військовослужбовців, Перша світова війна.

Рассмотрены отдельные сюжеты фронтового быта во время Первой мировой войны (на примере российской армии). Взгляд на войну именно с такого ракурса даёт возможность более чётко определить трагизм человека в экстремальных условиях войны, а также условия, в которых он вынужден был пребывать.

Ключевые слова: повседневность, быт военнослужащих, Первая мировая война.

Behandelt werden einige Aspekte des Frontalltags während des Ersten Weltkrieges (am Beispiel des Russischen Heeres). Durch die Betrachtungsweise gerade aus diesem Blickwinkel wird es möglich, die ganze Tragik des Menschen unter den äußerst extremen Bedingungen des Krieges exakt festzuhalten und jene Verhältnisse einzublenden, mit denen die Frontkämpfer konfrontiert wurden.

Schlagwörter: Alltag, Lebensumstände der Armeeingehörigen, Erster Weltkrieg.

The article studies some aspects of front everyday life during World War I, typical for the soldiers of the Russian army during trench warfare. Basing upon archive materials from Russia and Ukraine, legislative acts of «Code of military regulations», memoirs of contemporaries, published letters of military personnel and materials of soldiers folklore, such aspects of military everyday life as building of trenches, forms of entertainment, sanitation conditions and diet of the soldiers are studied. While characterizing the Russian army, the author took into consideration peasant mentality of the soldiers, which was formed in their everyday life before war. Consequently the author comes to the next conclusions. The trenches of the Russian military men were built according to stereotypes and notions of soldiers. Narrow, inconvenient, with minimal number of dugouts they couldn't adequately insure security of the soldiers. Another health hazard

came from bad sanitation conditions, especially parasites and gastric infections. This not only lowered fighting capacity of the troops but grew into psychological problem, dispiriting active army and undermining its moral and combativity. In order to improve hygiene field bathhouses, both special and improvised, were used. Very vital was the question about food provision of the army. Foul-ups in supplying of soldiers happened almost every time hence the need for provision was permanent. Drinking played special role in front everyday life of active army, and was often used by enemy as the way to do harm to the Russian army. Under conditions when the army permanently lacked alcoholic drinks but suffered from fight stress morphine and cocaine addicts appeared. Boredom also influenced greatly the spirit of the soldiers, and special attempts to cast it away were held in the trenches, such as concerts and performances on military topics. Hereby, everyday life of the soldiers can be considered as an important component of victory or defeat during war actions.

Keywords: everyday life, mode of servicemen, World War I.

Будь-яка війна має дві сторони існування: це бій і повсякденність побуту. Вона є сукупністю смертельної небезпеки, постійного очікування загибелі, випадковості і деталей повсякденного побуту, які завжди присутні в житті людини. У статті зроблена спроба показати окремі сюжети фронтового побуту під час «Великої війни» 1914–1918 рр., а саме: облаштування окопів, розваги, санітарно-гігієнічні умови і раціон.

Погляд на війну саме в такому ракурсі дає можливість глибше усвідомити трагізм людини на тлі глобальних суспільних катаклізмів, а також чіткіше відобразити закономірності, спільні риси людської поведінки. Крім того, важливо зрозуміти, що від якості побуту, його організації в багатьох випадках залежав моральний дух військ та їх боєздатність. По суті, солдатський побут можна віднести до важливих складових перемоги і причин поразки.

У минулому у вітчизняній історіографії не приділялося достатньої уваги вивченню історії повсякденності, зокрема побуту військово-службовців під час військових конфліктів.

Основна увага зосереджувалася на вивченні причин війни, аналізі важливих військових подій, розвитку збройних сил та воєнного мистецтва, взаємозв'язку політики і стратегії, військово-політичних наслідків війни.

Стаття побудована на використанні певного кола джерел, які можна поділити на декілька груп. Першу групу становлять архівні матеріали, що зберігаються в архівах Російського Державного військово-історичного архіву, Чернівецького обласного державного

архіву. Другу групу джерел складають законодавчі акти, найважливіші з яких представлені у збірнику воєнних законів «Свод военных постановлений» (1911 г.).

Наступним джерелом, яке розкриває проблеми постачання в армію є спогади сучасників, які перебували на фронтах Першої світової війни і залишили власні враження на сторінках сучасних періодичних видань. Також у джерельну базу даної статті входять надруковані листи військовослужбовців, матеріали солдатського фольклору (А. А. Брусилов, Н. Н. Головин, Ф. А. Степун, М. Л. Бочкарёва.) Серед праць сучасних дослідників, окремі аспекти повсякденного життя фронтовиків висвітлювались у дослідженнях Е. С. Сенявської.

Отже, що являє собою фронтовий побут? Згідно із словником С. І. Ожегова побут означає загальний життєвий стан, повсякденне життя.

Насамперед визначимо основні структурні елементи фронтового побуту. До них, як визначила сучасна російська дослідниця Е. Сенявська, входить:

- заповнення часу службовими обов'язками, тобто: несення вартової служби, обслуговування бойової техніки, доглядання власної зброї, виконання інших робіт і т.д;

- години відпочинку, у тому числі й організованого, тобто все те, що складає розпорядок дня;

- основними складовими фронтового побуту є також бойове забезпечення і технічне оснащення військ: зброєю, боєприпасами, засобами захисту, пересування, зв'язку і т.п;

- житло, побутове постачання, а саме: солдатський раціон, одяг, фінансове забезпечення і медичне обслуговування;

- зв'язок з тилом, тобто листування з рідними, посилки, шефська допомога, відпустки [14, с. 74].

Для солдата буденністю війни були окопи. Саме там формувалася своєрідна культура – «культура окопного життя», на яку були перенесені стереотипи поведінки та колективні уявлення із повсякденного мирного життя тилу.

Напередодні Першої світової війни в Російській імперії дійсну військову службу проходила лише частина чоловіків призовного віку. До складу постійної армії входила: регулярна армія та її резерв, війська козаків та частини, які складалися з неслов'янських народів. Чисельність армії безпосередньо перед мобілізацією складала 1 млн 423 тис. чоловік. Основу російської армії складали представники християнських народів, із них 84–85 % – селяни, що відповідало

структурі населення Росії. Зокрема кількість українців у російській армії складала 3,5 млн чоловіків а австро-угорської – 250 тис. Після 1915 р., коли російська армія втратила 3,4 млн свого кадрового складу, кількість ненавчених бійців різко збільшилася.

Отже, в характеристиці армії необхідно враховувати селянський менталітет, який сформувався в повсякденному житті до війни.

В умовах позиційної війни значну частину часу солдат проводив саме в окопах, а отже, й облаштовував їх відповідно до власних стереотипів та уявлень. Прикладом може слугувати облаштування окопів російської армії в порівнянні з австрійськими та німецькими. Учасник Першої світової війни письменник М. Тардов описав російські окопи так: «...окопи зовсім не упорядковані. На весь батальйон лише один хід сполучення у тил. У багатьох місцях окопи досягають лише пояса. Доводиться пересуватися увесь час зігнувшись. Усюди непрохідна грязюка. Яма, яка слугує туалетом, завалилася. Стіни не законопачені. Окопи дуже вузькі, – двоє людей не можуть розійтися, а під час зміни наші шинелі покриваються суцільною глиняною кіркою. На усій ділянці немає жодного козирка. Про бліндажі нічого було й думати. Їх усього два чи три, та і ті зроблені на швидку руку. Солдати розміщуються в ямах, які вони нарили вздовж окопів. Ями обкладені бар'єром із землі, щоби не натікала вода під час дощу» [15, с. 60]. Інший учасник війни В. В. Вишневський у своїх спогадах про перебування в окопах писав: «Ми тулилися під передньою стінкою окопа. За комір сипався пісок. Багато хто сидів настобурчившись... Ходів сполучення в тил не було. Щоби сходити по потребі, доводилося виходити з окопа у поле; декому це коштувало життя» [3, с. 726]. Набагато краще виглядали окопи в австрійців і німців. В. В. Вишневський, характеризуючи окопи австрійців, писав, що вони «дивували нас своїм облаштуванням: дуже глибокі, міцні, бетонні бліндажі...» [2, с. 158]. Особливу увагу заслуговують свідчення російського воєначальника, генерала від кавалерії Олексія Брусилова. Він про австрійські і німецькі окопи писав так: «Необхідно визнати, що австрійці і німці закріплювались краще нас, більш ретельніше, і у них в окопах було набагато зручніше жити, ніж у наших окопах. Крім досить широкого застосування залізобетонних споруд, у них у багатьох місцях була проведена електрика, розведені садочки і бліндовані приміщення як для офіцерів, так і для солдат» [11].

У періоди позиційного етапу війни заповнити час було дуже важко. Саме тому однією з головних проблем була елементарна нудь-

га, одноманітність, неможливість знайти достаньо доцільних занять для солдатської маси. «Якби ти знав, товаришу, як набридло сидіти в окопах, не можеш дочекатися тої хвилини, коли дозволять іти на клятого німця. Вся армія очікує з нетерпінням цієї хвилини», – писав у листі до друга один солдат [1, с. 538]. Про це свідчать й інші спогади учасників війни [4, с. 4]. Боролися з нудьгою солдати по-різному. Часто влаштовували розваги, наприклад, вистави в окопах, концерти. Так, один офіцер надіслав листа в тил, разом з яким була і програма вистави, яку підготували солдати. Програма мала такий вигляд: «Сцена в окопі» – сьогодні 4 січня буде представлена сцена «Хоробрий козак Семен Смуров втікає з німецького полону», твір рядового та георгієвського Кавалера Павла Зіміна. Початок вистави о 8-й годині. Якщо нічого не трапиться, бенгальський вогонь і танці з тальянкою з дозволу ротного» [4, с. 4]. В іншому місці, в окопах, московський співак Рахманов кожного дня влаштовував концерти і навіть заслужовував аплодисментів із боку ворожих позицій [6, с. 4].

Крім нудьги, тривале перебування в одних і тих самих окопах та землянках загострило проблеми, пов'язані із санітарно-гігієнічними умовами. Окопи разом з людьми «обживали» супутні їм побутові «комахи-паразити». Життя ставало нестерпним. Це видно хоча б з одного солдатського листа в тил у Вітебську губернію, в якому є такі рядки: «Прошу Бога, щоби швидше вбили або десь пропасти чи захворіти, але нічого не бере. Воші заїли, скільки їх розвелось, щодня відро їх можна набрати» [7, с. 4]. Згадували про цю проблему й інші учасники війни [5, с. 4]. Не менш загрозливим у Першій світовій війні були також шлункові інфекції, особливо черевний тиф, холера і дизентерія, що переслідували армії протягом війни. Серед важливих елементів побуту, які поліпшували санітарно-гігієнічні умови перебування військ на позиціях, були польові лазні. Однак подібна розкіш траплялася нечасто і, як правило, перед святами. Так, після 8-місячних негараздів, холоду та бруду в Карпатах до російської армії прибув спеціальний поїзд-лазня від курського губернського земства. Ця новина швидко розійшлася по окрузі. За кілька днів до Великодня лазню відвідало близько 1500 осіб. Працювала лазня до 20 год. на добу. При поїзді-лазні діяла торговельна лавка [13, с. 11]. Нестачу лазень солдати по можливості компенсували власною винахідливістю безпосередньо на позиціях із підручних матеріалів. У тих місцях, де поблизу була вода або де вдавалося викопати криницю, солдати споруджували землянку-лазню. Стіни землянки оббивали частоколом, підлогу накривали дошками, а з цегли виклада-

ли пічку. Певним попитом користувалися на передових позиціях також лазні-кібітки. Робили їх за зразком існуючих для прикордонної сторожі на Кавказі. Такі лазні споруджувалися із бязі, яку просочували оліфою. Вартість кожного такого намету складала 350–400 крб. [8, с. 4]. Отже, лазні на передових позиціях були не тільки частиною солдатського побуту під час тривалого очікування, але й слугували важливим чинником психологічного впливу на бойовий дух солдатів. А нестача лазень негативно впливала на свідомість бійців, породжувала песимістичні настрої, знижувала боєздатність армій. Таким чином, гігієнічна проблема не лише знижувала боєздатність військ, але й переростала в проблему психологічну, пригнічуючи особовий склад армії, підточуюючи її моральний і бойовий дух.

Великою проблемою для солдат в окопах була нестача їжі. З цього приводу Є. М. Ремарк писав: «Одним із суттєвих психологічних факторів для солдата в окопах є постійне відчуття голоду. Для солдата шлунок і травлення складають особливу сферу, яка йому ближча, ніж усім іншим людям. Навіть його словниковий запас на 3/4 запозичений із цієї сфери» [16, с. 34]. Про це згадував і В. Вишневський, коли писав, що в «...окопах я вперше спізнав відчуття голоду. Я готовий був, немов звір, шукати їжу. Щось знайшли. Варили зелені кислі сливи і тремтіли над картоплею, якої було дуже мало» [12]. Кореспондент часопису «Земщина», підкреслюючи важливість кухні, писав, що це «солдатська газета і пошта. Увесь її штат – кашевари, каптенармус, артельщик – завжди в курсі окопного життя» [9]. Проблем із харчуванням солдат на фронтах Першої світової війни вистачало. Практично завжди існували перебої з постачанням харчів для солдат, і внаслідок цього потреба в їжі була постійною.

Особливе місце у фронтовому побуті займало вживання алкоголю особовим складом. Це не випадково. Справа у тому, що алкоголь, як і деякі інші речовини, по-різному впливають на організм і психіку людини в насильнішій стресовій ситуації – бойовій обстановці. Під час Першої світової війни в Росії було введено сухий закон. Однак на фронт алкоголь доставляли неофіційно і навіть робили із цього прибуток. За відсутності достатньої кількості спиртного в умовах бойових стресів з'явилися морфісти і кокаїсти: досить доступний на той час наркотик заповнив порожнечу, що утворилася. Цікаво відзначити, що неприятель часто використовував погняг до спиртного як засіб завдання шкоди особовому складу ворога. Так, відомі факти, коли німецькі й австрійські війська спеціально залишали під час відступу або підкидали на російські позиції пляш-

ки з отруєним спиртним [10]. Про проблеми, пов'язані з алкоголем, свідчать також листи з фронту. Наприклад, в одному листі читаємо: «Офіцер наш напився, нетверезим чіплявся до однієї дівчини, а вона намагалася від нього втекти. Він у неї три рази вистрелив із револьвера, на щастя не попав» [16, с. 35]. А ось лист від кінної поліції 22-го армійського корпусу за підписом Александр, що був надісланий у м. Троїцьк Оренбурзької губернії: «Люблю гульнути, а в поліції вина багато, ну я, зрозуміло, скористався нагодою і напився, як належить. А опісля поїхав розважатися...» [15, с. 61–62]. Вживали алкоголь також німецькі та австрійські солдати. Так, двоє рядових 231-го Дрогачинського полку, які втекли з полону під час допиту, повідомляли, що «Горілку возять за військами у Галіції євреї і продають австрійським та німецьким солдатам...» [3, с. 726].

Отже, побутові умови під час Першої світової війни відігравали важливу роль у позиційний період війни. Будь-які незручності у фронтовому побуті негативно впливають на психологічний стан людей, а отже, і на боєздатність армії.

Бібліографічні посилання

1. Арамилев В. В. В дыму войны // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы) / В. В. Арамилев. – М. : Мол. гвардия, 1989.
2. Брусилов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. : РОССПЕН, 2001.
3. Вишневский В. В. Собрание починений : в 5 т. / В. В. Вишневский. – М. : Гослитиздат, 1954. – Т. 2.
4. Земщина. – 1915. – 7 янв.
5. Земщина. – 1915. – 1 апр.
6. Земщина. – 1915. – 7 апр.
7. Земщина. – 1915. – 9 апр.
8. Земщина. – 1915. – 31 окт.
9. Российский Государственный Военно-исторический Архив (далі – РГВИА). – Ф. 2067, оп. 1, д. 7, арк. 186.
10. РГВИА. – Ф. 2019, оп. 1, д. 505, арк. 17 // Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Опрос 324-го пехотного Клезминского полка Григория Кузнецова, бежавшего из плена.
11. РГВИА – Ф. 2067, оп. 1, д. 2933, арк. 157 // Штаб главнокомандующего армиями юго-западного фронта. Отделение военно-цензурное. Сводки военных цензоров армий юго-западного фронта.
12. РГВИА – Ф. 2067, оп. 1, д. 7, арк. 196 // Штаб главнокомандующего армиями юго-западного фронта. Переписка о нарушении правил военной цензуры 1916 год.

13. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен. Возвращение. Романы / Э. М. Ремарк. – М. : Худ. л.-ра, 1988.
14. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999.
15. Тардов М. Фронт. Трилогия / М. Тардов. – К. : Дніпро, 1965.
16. Федорченко С. Народ на войне / С. Федорченко. – М. : Сов. писатель, 1990.

Надійшла до редколегії 16.06.2014

УДК 94(470«19»)

Н. В. Суржикова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

РОССИЙСКИЙ ПЛЕН 1914–1917 гг.: К ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

Розглянуто проблему застосування терміна «табір» для опису структур, створених для військовополонених Першої світової війни в Росії. Використання поняття «табір» сучасниками, констатує автор, було лише негласною конвенцією. Насправді інституційне середовище полону, крім власне таборів, було представлено різними структурами, артикуляція яких проблематична через очевидну аморфність як «табороподібних», так і «позатабірних» об'єктивацій полону. Відштовхуючися від недостатності концепту «табір» автор пропонує говорити про процес «таборизації» полону, визначаючи його градус розвиненості або нерозвиненості практик, що дозволяють порівнювати російський полон 1914–1917 рр. з будь-яким іншим досвідом «масового насилля».

Ключові слова: Перша світова війна, російський полон, військовополонені, інституційне середовище, табори.

Рассмотрено проблему применимости термина «лагерь» для описания структур, созданных для военнопленных Первой мировой войны в России. Использование понятия «лагерь» современниками, констатирует автор, являлось лишь негласной конвенцией. На самом деле институциональная среда плена, помимо собственно лагерей, была представлена различными структурами, артикуляция которых проблематична из-за очевидной аморфности как «лагереобразных», так и «внелагерных» объективаций плена. При недостаточности концепта «лагерь» автор предлагает говорить

о процессе «лагеризации» плена, определяя его градус развитостью или неразвитостью практик, позволяющих сравнивать российский плен 1914–1917 гг. с любым другим опытом «массового насилия».

Ключевые слова: Первая мировая война, российский плен, военнопленные, институциональная среда, лагерь.

Es wird die Verwendbarkeit des Begriffs «Lager» zur Beschreibung von Strukturen hinterfragt, die für Kriegsgefangene des Ersten Weltkrieges in Russland geschaffen worden waren. Bei der Verwendung des Begriffs «Lager» durch die Zeitgenossen, so die Autorin, handelte es sich lediglich um eine stillschweigende Übereinkunft. In Wirklichkeit war das institutionelle Milieu der Gefangenschaft neben den eigentlichen Lagern durch verschiedene Strukturen vertreten, deren Artikulierung wegen der augenscheinlichen Schwammigkeit sowohl der «lagerähnlichen» als auch der «lagerfernen» Erscheinungsbilder der Gefangenschaft problematisch ist. Bei dem bestehenden Forschungsbedarf sollte man nach Ansicht der Verfasserin eher vom Prozess der «Lagerisierung» der Gefangenschaft sprechen und dabei ihren Grad mit dem Entwicklungsstand der Praktiken messen, durch welche die Gefangenschaft der Jahre 1914–1917 in Russland mit einer beliebigen Erfahrung der «Massenunterdrückung» verglichen werden kann.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, russische Gefangenschaft, Kriegsgefangene, institutionelles Milieu, Lager.

The article deals with the problem of possibility to apply the term «camp» for describing structure created in Russia for the World War I POWs. According to the author, contemporaries used the term «camp» as a tacit convention. In addition to the proper camps institutional environment of captivity was represented by different structures which articulation is problematic due to apparent amorphism of «camp-like» and «off-camp» captivity objectifications. Owing to the inadequacy of the «camp concept», the author proposes speaking of the process of «campization» of captivity defining its extent by maturity of practices that make possible to compare Russian captivity of 1914–1917 with any other experience of «mass violence».

Keywords: World War I, Russian captivity, prisoners of war, institutional environment, camps.

Тема российского плена 1914–1917 гг. безусловно не относится к числу «заповедных». Посвященные ей работы исчисляются сотнями, что создает обманчивое впечатление освоенности ретроспективной проблематики [33, с. 16–73, 374–408]. Впечатление это тем более усиливается, что основой для специальных работ на тему плена является бесконечно богатый источниковый материал, представленный документами многочисленных архивов. Благодаря их источникам, из документа в документ рутинно воспроизводящим термин «лагерь», он при анализе реалий российского плена 1914–1917 гг. остается

наиболее употребимым. Наиболее активно им «злоупотребляют» западные историки, что обусловлено, по всей видимости, относительно устойчивой немецкоязычной традицией изучения отдельных лагерей пленных Первой мировой войны [3; 5; 6; 8; 10; 12; 13]. Между тем при более пристальном рассмотрении названных выше источников трудно не заметить, что использование понятия «лагерь» для описания структур, созданных в годы Первой мировой войны для содержания пленных иностранцев, являлось не более чем негласной конвенцией и потому институциональной среды российского плена в полной мере не раскрывает. Действительно, по сведениям Военного ведомства, для оказавшихся в России сотен тысяч вражеских военнопленных к началу 1916 г. было оборудовано порядка 250 пунктов приема и содержания, среди которых выделялись сборные пункты театра войны, внутренние сборные пункты, концентрационные лагеря и так называемые места постоянного водворения, подразделявшиеся на районы размещения офицеров и районы размещения нижних чинов [32, л. 1–6 об., 12–13]. Альтернативные источники свидетельствуют, что даже если объединить все перечисленные структуры понятием «лагеря», институциональная среда российского плена все равно останется не до конца описанной. Так, по данным, полученным на основе анализа писем пленников австро-венгерской цензурой, уже в 1915 г. военнопленные в России были размещены не менее чем в 891 месте, из которых только 317 позиционировались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря [11, с. 89]. Как же артикулировать оставшиеся порядка 500 прибежищ пленников, если это были не концентрационные лагеря и не поуздно расположенные места водворения узников войны?

Речь в данном случае шла, вероятно, о местах работ, на которых пленные иностранцы начали активно использоваться с 1915 г. Очевидно при этом, что те структуры, которые возникали непосредственно в районах трудового использования отвоевавшихся солдат противника, лагерями военнопленных могли и могут именоваться лишь условно. Это была альтернативная, параллельная созданным по линии военного ведомства лагерям сеть мест водворения военнопленных, конфигурации которой определяли региональные экономические элиты, активно пользовавшиеся возможностью вовлечения пленных в трудовые процессы. Подавляющее большинство трудовых лагерей военнопленных (за исключением тех, которые возникли при казенных предприятиях), таким образом, оказалось выведено из прямого подчинения государству и, без сомнения, являло со-

бой весьма пеструю картину, с трудом поддающуюся реконструкции. Распределенные по малым, средним и крупным предприятиям пленные оказывались зачастую в совершенно разных условиях содержания и обеспечения, задаваемых не столько диктуемой «сверху» логикой их унификации, сколько характером и возможностями того или иного хозяйствующего субъекта. «Опыт применения труда военнопленных на различных работах выяснил крайнее разнообразие постановки этого дела в различных местностях Империи», – гласил циркуляр Министерства торговли и промышленности от 27 июня 1916 г. [20, л. 19–20]. Время показало, что ни этот документ, ни его многочисленные более поздние аналоги, нацеленные на наведение в деле администрирования труда и жизнеобеспечения пленных хотя бы относительного порядка, ситуации не изменили. «Учрежденные общие правила содержания военнопленных на работах, кои своевременно преподаны были на места для руководства ими, на самом деле исполняются работодателями чрезвычайно разнообразно», – не без некоторого уныния констатировал 17 октября 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа [20, л. 124].

Унифицирующий потенциал термина «лагерь», используемого для описания реалий российского плена, покажется еще более ничтожным, если принять во внимание тот факт, что порядка 60 % всех пленных в России использовалось на сельскохозяйственных работах [15, с. 96; 26, с. 55]. «Выпавшие» таким образом из лагерных структур пленники зачастую становились едва ли не полноправными членами крестьянских семей и тем самым подвергали сомнению не только «лагерность» плена, но и «пленность» как таковую [25; 28; 29]. В этой связи вполне уместно процитировать военнопленного мадьяра Имре Беретваш, который, ходатайствуя о советском гражданстве в 1926 г., в частности писал: «В деревню Мишагину [Шадринского уезда Пермской губернии – *С.Н.*] я приехал как военнопленный, ... на полевые работы ... Нас приезжало четыре человека, я ... оставался работать у гражданина Мишагина Василия Григорьевича, но, побыв у него один месяц, перешел к гражданке Мишагиной Агафье Игнатьевне, у которой в то время мужа не было, потому я начал работать у нее в хозяйстве и до настоящего времени нахожусь у ней, потому как ее муж со службы не вернулся, и я с ней живу как с женой уже восьмой год...» [24, л. 7, 14].

Очевидная узость «лагерного дискурса» экспонирует тот факт, что территория российского плена 1917–1917 гг. не отличалась однородностью, будучи изрезана всевозможными границами, фиксиро-

вавшими в свою очередь существование на этой территории своих центров и окраин, столиц и захолустий, метрополий и колоний. В их иерархии, формируя весьма причудливый рисунок плена, соседствовали самые разные структуры, в различной степени дистанцированные от лагерей, традиционно трактуемых в качестве «классической матрицы плена» (Г. Дэвис) [2, с. 167]. Стоит ли удивляться, что в литературно оформленных переживаниях оказавшихся в России узников войны плен, как подметили В. Мориц и Х. Лейдингер, выступал не столько как «жизнь лагеря», сколько как «история будней, подчиненных работе», частые перемены которой объясняли частую перемену мест [4, с. 17, 20, 21].

К слову сказать, вывод российского плена за пределы лагерных структур позволяет опровергнуть расхожее мнение зарубежных специалистов и в частности Р. Нахтигала о запоздалом интересе к трудоустройству пленных в России и его более скромных масштабах, нежели, скажем, в Германии [7, с. 23–24]. На самом деле в этом отношении развитие российского плена вполне соответствовало «стандарту», выработанному в так называемых Центральных державах, став уже с весны 1915 г. прагматически ориентированным, что позволило интегрировать в трудовые процессы порядка 89,5 % обезоруженных солдат противника, находившихся к 1 января 1918 г. на территории военных округов [17, л. 4]. В этой связи не будет преувеличением сказать, что, несмотря на системные, функциональные и логистические различия своих составляющих, институциональная среда российского плена ориентировала его прежде всего на определенную экономическую миссию, тогда как все его прочие «ипостаси» играли безусловно важные роли, остававшиеся, однако, ролями второго плана [35, с. 247–266; 36, с. 44–56].

Сообразуясь со всем вышесказанным, следует признать, что широкое употребление категории «лагерь» для описания природы и сущности российского плена 1914–1917 гг. в каждом конкретном случае требует своего пояснения. Вместе с тем с пригодностью термина «лагерь» для характеристики пребывания военнопленных Первой мировой войны в России можно согласиться не только при постоянных оговорках конкретизирующего плана. Думается, что понятие «лагерь» можно считать вполне рабочим при условии его использования не для описания тех или иных локаций плена, а для маркирования тех практик охранения, дисциплинирования, наказания и пр. пленников, которые позволяют сравнить российский плен 1914–1917 гг. с любым другим опытом «массового насилия» (М. Фуко) [37]. При этом,

однако, уместно будет говорить не столько о лагерях военнопленных, сколько о процессе «лагеризации» плена, демонстрирующем, какие пристанища пленных в России были лагерями в большей степени, а какие – в меньшей. Ярким примером здесь могут служить места водворения пленных в горнозаводских районах Уральского региона, где высокий градус «лагеризации» плена был вполне осязаем и где плен медленно, но верно эволюционировал в сторону репрессии. Здесь и прежде всего в Богословском горном округе, а также Нижнетагильском и Луныевском округах наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато, «изобразили», к примеру, то, что в системе подразделений Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР будет именоваться штрафными лагерными отделениями. Здесь же, а также на предприятиях Верх-Исетского горного округа и Пермского управления земледелия и государственных имуществ бытовала практика наказания провинившихся пленников посредством урезания их заработка и/или продовольственного пайка [18, л. 278; 19, л. 8–9; 21, л. 17; 22, л. 25; 23, л. 16; –20]. Особенно преуспел на этом поприще А. А. Дубенский, возглавлявший последнее из названных предприятий. По его указанию в сентябре 1915 г., в нарушение всяких законодательно закрепленных принципов и норм, «для единообразного и правильного вознаграждения» занятых на казенных лесных работах военнопленных все они были разделены на 5 категорий, получая соответственные их труду пищевые порции. Помимо того, при распределении по помещениям рабочим 1 и 2 разрядов полагались самые удобные и теплые бараки, а также самые лучшие одежда, белье и обувь [16, с. 18–19], – всё или почти всё, как в советской системе лагерей для военнопленных Второй мировой войны [30, л. 118; 31, л. 48].

Приведенные факты, казалось бы, легко вписываются в хорошо известную специалистам теорию прототипа, предложенную в 1983 г. американским историком П. Пастором. Он, в частности, утверждал, что лагеря для военнопленных Первой мировой войны в России являли собой образец объектов заключения «нового типа», схожий с лагерями сталинского ГУЛАГа и гитлеровскими концлагерями смерти. Вопреки утверждению А. И. Солженицына, этот «новый тип» пениitenciарных учреждений, по версии П. Пастора, сформировался задолго до коммунистов, еще при царском режиме, позволяя говорить о своеобразном архипелаге военнопленных [9, с. 114]. Между тем и сегодня напоминающая о себе теория прототипа П. Пастора с его архипелагом военнопленных адекватна лишь в том, что

такой архипелаг действительно был [1, с. XV, XXVII, XXXIII; 7, с. 48, 89–92, 134; 11, с. 78–82; 27, с. 26. 27]. Но разнообразие, свойственное институциональной среде российского плена 1914–1917 гг., показывает, что для складывания однообразно ориентированных практик содержания пленников этого было слишком мало. Местные проявления «лагеризации» плена едва ли складывались в общую систему типично лагерных форм контроля и насилия, тем более не очевидную за аморфностью самой категории «лагерь», не имеющей, по определению А. Рачамимова, определенного лица. Несмотря на то, что многое – действительно многое – в российском плене 1914–1917 гг. вызывает образы последующих тоталитарных жестокостей, продолжает А. Рачамимов, речь в данном случае может идти лишь о внешнем сходстве [11, с. 79, 80]. Оно же, как представляется, было просто неизбежным в силу общего вектора развития не только карательных, а точнее властных практик в мире, но и мира как такового. И при всей специфичности развития российского плена 1914–1917 гг. оно лишь экспонировало важнейшие социальные интуиции своего времени, когда человечество, по ощущению художника, отступило «перед диким и нетерпимым казарменным идеализмом, стремящимся исправить нынешний мир» [33, с. 171], и концлагерь, по мысли философа, оказался «тайной парадигмой политического пространства современности» [14, с. 156–157].

Библиографические ссылки

1. *Applebaum A. GULAG: A History* / A. Applebaum. – London, 2003.
2. *Davis G. The life of Prisoners of War in Russia 1914–1921* / G. Davis // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War* / Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, editors. – New York, 1983.
3. *Höp G. Muslime in der Mark. Als das Kriegsgefangene und Internierte in Wündsdorf und Zossen, 1914–1924* / G. Höp. – Berlin, 1997.
4. *In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg. von Moritz Verena. Wien; Köln; Weimar, 2008.
5. *Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, das Kriegsgefangenenlager: Entdeckung eines Stückes europäischer Geschichte.* – Ingolstadt, 1999.
6. *Koh R. Im Hinterhof des Krieges. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundshergberg* / R. Koh. – Klosterneuburg, 2002.
7. *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918* / R. Nachtigal // *Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld.* – Frankfurt am Main, 2005.

8. *Otte K.* Das Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Estern Weltkriegs (1914–1921). Geschichte und Geschichten / K. Otte. – Soltau, 1999.

9. *Pastor P.* Introduction / P. Pastor // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War / Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, editors. – New York, 1983.

10. *Peter A.* Das «Russenlager» in Guben / A. Peter. – Potsdam, 1998.

11. *Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front / A. Rachamimov. – New York, 2002.

12. *Treffer G.* Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. – Regensburg, 1990.

13. *Wiesenhof F.* Gefangen unter Habsburgs Krone. K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufthal / F. Wiesenhof. – Purgstall, 1998.

14. *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М., 2011.

15. *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.) / А. М. Анфимов. – М., 1962.

16. Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 308 от 24 сентября 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). – Пермь, 1916.

17. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-3333, оп. 3, д. 575.

18. ГАПК (Государственный архив Пермского края). – Ф. 65, оп. 3, д. 593.

19. ГАПК. – Ф. 65, оп. 5, д. 165.

20. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). – Ф. 24, оп. 20, д. 2825.

21. ГАСО. – Ф. 45, оп. 1, д. 228.

22. ГАСО. – Ф. 55, оп. 2, д. 1128.

23. ГАСО. Ф. 643, оп. 1, д. 3995.

24. Государственный архив в г. Шадринске. – Ф. Р-257, оп. 2, д. 104.

25. Зауральский край. – 1915. – 21 мая.

26. *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция / Т. М. Китанина. – Л., 1985.

27. *Котек Ж.* Век лагерей: Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / Ж. Котек, П. Ригуло. – М., 2003.

28. Пермская земская неделя. – 1915. – 26 февр.

29. Пермская земская неделя. – 1916. – 24 апр.

30. РГВА (Российский государственный военный архив). – Ф. 1п, оп. 15а, д. 341.

31. РГВА. – Ф. 1п, оп. 19а, – д. 20.

32. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2000, оп. 6, д. 167.

33. *Ремарк Э. М.* Возлюби ближнего своего. Триумфальная арка : Романы / Э. М. Ремарк. – М., 1993.

34. Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.) / Н. В. Суржикова. – М., 2014.

35. Суржикова Н. В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии / Н. В. Суржикова // Cahiers du Monde russe. 53/1 (2012).

36. Суржикова Н. В. Российский плен 1914–1922 гг.: социологическое измерение (по материалам Урала) / Н. В. Суржикова // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. : История России. – 2012. – № 4.

37. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М., 1999.

Надійшла до редколегії 10.06.2014

УДК 94(470.5)-054.65«1914/1918»

В. П. Мотревич

Уральский государственный юридический университет

СМЕРТНОСТЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИХ ЗАХОРОНЕНИЙ НА УРАЛЕ

Досліджено проблему смертності іноземних військовополонених на Уралі в роки Першої світової війни. Показано чисельність і розміщення військовополонених, умови їх утримання. На основі аналізу даних метричних книг виявлено причини і масштаби смертності іноземних військовополонених в окремих містах Уралу. Наводяться відомості про облаштування іноземних військових кладовищ в ті роки, а також їх стан у даний час.

Ключові слова: Перша світова війна, військовополонені, табори, бараки, метричні книги.

Исследована проблема смертности иностранных военнопленных на Урале в годы Первой мировой войны. Показана численность и размещение военнопленных, условия их содержания. На основе анализа данных метрических книг выявлены причины и масштабы смертности иностранных военнопленных в отдельных городах Урала. Приводятся сведения об обустройстве иностранных воинских кладбищ в те годы, а также их состоянии в настоящее время.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, лагеря, бараки, метрические книги.

Gegenstand der Forschung ist die Sterblichkeit ausländischer Kriegsgefangener im Ural während des Ersten Weltkrieges. Dargestellt werden die Zahl und die Unterbringung sowie die Haftbedingungen der Kriegsgefangenen. Auf Grund der Analyse von Sterberegistern werden die Gründe und die Ausmaße der Sterblichkeit der ausländischen Kriegsgefangenen in einzelnen Städten des Urals analysiert. Der Beitrag enthält Informationen über die Einrichtung ausländischer Soldatenfriedhöfe in jenen Jahren und über deren gegenwärtigen Zustand.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, Kriegsgefangene, Lager, Baracken, Standesamtsregister.

The article is devoted to the history of foreign prisoners of war on the territory of Russia during World War One (1914–1918). The author considers the topic, almost unstudied in modern historical literature: mortality of prisoners of war in Russian captivity (nearly 2-2,5 millions of soldiers and officers from countries of the Central powers were captured). The research is limited to Ural region, where 300 thousands of foreign prisoners of war from Austro-Hungarian, German and Turkish armies are located. The article gives information about quantity of prisoners of war in various Ural regions, their accommodation in special camps, private and social homes. The author described life conditions of the prisoners of war, namely: their housing conditions, subsistence, level of medical care, postal services. The reasons and scale of foreign prisoners of war mortality in separate cities of Ural are revealed on the base of analyzes of information from church registers. Fatal illness (typhus, pneumonia, scurvy), accidents, suicides took the lives of people, who found themselves in unaccustomed severe conditions of Russian captivity.

The article also describes the further destiny of the belongings of the dead. The information about beautification of foreign cemeteries during war time is given, and their modern state is also described. Till the present day memorials to prisoners of war survived in Kirov, Orenburg, Sverdlovsk oblast. The activity of the Austrian organization «Black Cross», devoted to the commemoration of World War I prisoners of war, is also shown. The author stresses that the work of exposure, preservation and beautification of prisoners of war cemeteries should be continued both in Russia and abroad.

Keywords: the First world war, prisoners of war camps, barracks, the metric book.

В связи со 100-летием с начала Первой мировой войны одной из актуальных проблем отечественной историографии стал вопрос о нахождении на территории России иностранных военнопленных. В научной литературе высказывается мнение, что в годы войны в русском плену оказалось примерно 2,0–2,5 млн военнопленных солдат и офицеров армий центральных держав. В постсоветские годы в России вышло ряд научных публикаций, посвященных нахождению в годы Первой мировой войны и после ее окончания на территории Урала и Западной Сибири иностранных военнопленных [2; 4; 5]. Од-

нако до настоящего времени практически неизученным остается вопрос о смертности военнопленных, организации мест захоронений, их дислокации и численности захороненных, а также их современном состоянии. В полной мере это относится и к Уральскому региону, на территории которого в годы Первой мировой войны были размещены около 300 тыс. иностранных военнопленных из состава австро-венгерской, германской и турецкой армий [7].

В города Урала и Зауралья иностранные военнопленные начали прибывать уже в первые месяцы войны. В начале сентября 1914 г. первая партия военнопленных прибыла в Курган, вскоре в Тобольск и Тюмень. По состоянию на 11 июля 1915 г. в Тобольске было размещено 3978, в Тюменском уезде – 7298, а в Курганском – 5831 военнопленных [8]. Следует отметить, что численность пленных можно установить только приблизительно, поскольку военнопленным часто меняли места расквартирования. Для размещения прибывающих пленников власти арендовали частные дома, в городских постройках и общественных зданиях. Затем строили бараки и создавали специальные лагеря, в которых и размещали пленников.

Всего в России к 1917 г. насчитывалось более 400 лагерей для военнопленных. Часть военнопленных размещали и среди местных жителей. В архиве автора имеются свыше 1,5 тыс. наименований населенных пунктов Российской Империи, в которых были размещены иностранные военнопленные. Один из крупных лагерей для военнопленных находился в Тобольске, в сентябре 1916 г. его посетила датская делегация, куда входили представители Международного Красного Креста.

О результатах осмотра лагеря датской делегацией сохранился рапорт тобольского военного цензора А. С. Тюльпанова, направленный тобольскому губернатору. В рапорте отмечалось, что делегация посетила и осмотрела тобольский лагерь, беседовала с нижними чинами из числа военнопленных. Представители делегации осмотрели хозяйственные постройки и бараки, рассчитанные на 500 человек каждый, отметили их чистоту и благоустройство. Пленные единогласно засвидетельствовали прекрасную постановку почтовой службы, были отмечены факты, когда корреспонденция доходила домой через 21 день после сдачи ее в Тобольске. На следующий день делегация посетила расположенный в 12 км от города поселок, где проживало 165 офицеров австро-венгерской армии и 55 нижних чинов. Комиссия отметила, что офицеры живут по два человека в отдельных домах среди соснового бора. Военнопленные обустроили терри-

торию, построили стадион, распланировали сад, посадили ели, выложили дерном площадку, завели и откармливали свиней [11].

Однако такая идеалистическая картина была далеко не везде. По данным Б. И. Ниманова медицинское обслуживание как таковое в лагерях фактически отсутствовало. Врачи назначались из числа военнопленных, однако со стороны начальства лагерей никак не поддерживались. В источниках отсутствует информация о снабжении лагерей медикаментами. Высокая смертность среди военнопленных была обусловлена и плохими условиями содержания. Из-за переполненности лагерей, отсутствовала возможность в выделении отдельных помещений для больных, поэтому больные зачастую размещались и питались вместе со здоровыми военнопленными. Этим, а также плохим продовольственным снабжением, объясняется и неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, которая сложилась в лагерях. Крупный лагерь для военнопленных находился в Тоцком районе Оренбургской области. Только в Тоцком лагере от эпидемии брюшного тифа ежедневно умирало по 80 человек в день, а начиная с ноября 1915 и по январь 1916 гг. умерло 11,0 тыс. человек [3].

В случае болезни военнопленные размещались в городских больницах и военных лазаретах. Умерших хоронили на военных и городских кладбищах. Благодаря метрическим книгам Тобольского римско-католического костела можно выяснить причины смерти военнопленных. Всего за 1914 – 1915 гг. в Тобольске умерли и были захоронены на городском Завальном кладбище 102 военнопленных. Среди причин смерти наиболее часто упоминаются туберкулез, дизентерия, тиф. Из умерших за эти годы пленных 44 умерли от тифа, 32 от туберкулеза и 9 от дизентерии. В 1916 г. в Тобольске умерло 118 пленных, из них 82 от туберкулеза [9]. Аналогичную картину причин смертности дает нам и анализ метрических книг других церквей. Так церковные записи Свято-Троицкой церкви Ревдинского завода Пермской губернии содержат сведения о 43 умерших военнопленных. Причины смерти все те же – тиф, туберкулез, воспаление легких. Метрические книги Спасо-Преображенского собора в Надеждинске (Серове) за 1915 – 1919 гг. свидетельствуют о том, что в городе умерло 304 военнопленных из состава австро-венгерской, германской и турецкой армий. Среди причин высокой смертности обращает на себя внимание цинга (56 человек), что можно объяснить суровыми климатическими условиями края. Таким образом, причинами смертности военнопленных являлись экзогенные факторы, среди них первенствовали тиф, воспаление легких и цинга. К такому же вы-

воду приходит и Н. В. Суржикова, по расчетам которой из 100 скончавшихся на территории Пермской губернии военнопленных 77 не доживали даже до 40-летнего возраста [6].

Что же делали с имуществом умерших военнопленных? В России существовали «Правила пересылки имущества умерших, бежавших и прочих военнопленных неприятельских армий». Согласно этому документу все оставшиеся после смерти пленных нижних чинов предметы обмундирования должны быть сданы в местные интендантские склады. Все прочие вещи (штатское платье, белье, обувь и т. д.), если они были в удовлетворительном состоянии, после дезинфекции следовало передать другим военнопленным. Если эти вещи в негодном состоянии, то их надлежит уничтожить. Такие вещи как документы, письма, знаки отличия, записные книжки следует отправлять в центральное справочное бюро в Петрограде. Причем к ним должна прилагаться сопроводительная бумага, в которой указано имя, фамилия умершего, возраст, религия, место рождения или постоянного проживания, обозначение армии (германская, австро-венгерская или турецкая) [1].

В рапорте тобольского военного цензора А. С. Тюльпанова тобольскому губернатору содержится также уникальные сведения о состоянии кладбища для военнопленных на момент посещения его представителями Красного Креста. Судя по нему, выделенный для захоронения военнопленных участок был расположен на окраине гражданского Завального кладбища в Тобольске в лесу на сухом месте. Кладбище было разбито на участки, могилы обсажены цветами, ограда и ворота сделаны из березовых стволов, а на воротах имелась надпись «Здесь покоятся пленные». По участку была прорублена центральная аллея, по бокам прорыты канавы для отвода воды. Умерших военнопленных хоронили в деревянных гробах. Тело умершего венгерского офицера Наги, вследствие просьбы перезахоронить его останки на Родине, было захоронено в металлическом гробу. На каждой могиле установлен березовый крест с фамилией и датой смерти, посередине кладбища находился большой черный крест католического образца. Однако в этом же документе указывается на то, что обследованные комиссией кладбища военнопленных в районе Санкт-Петербурга находились в значительно худшем состоянии [12].

За годы Первой мировой войны в России умерли десятки тысяч иностранных военнопленных. Захоронены они были на разбросанных по всей стране гражданских, а также специально созданных

кладбищах. До настоящего времени сохранились установленные в 1918 г. памятники иностранным военнопленным Первой мировой войны на территории Кировской, Оренбургской, Свердловской областей. Во время Первой мировой войны в город Слободской нынешней Кировской области, так же как и во многие другие города Российской империи, для временного проживания были направлены военнопленные австро-венгерской армии. Сначала пленные находились под контролем военных властей, но примерно со середины 1916 г. большинство из них были освобождены из-под охраны. В конце 1915–начале 1916 гг. в городе вспыхнула эпидемия тифа, к этому времени и относится большая смертность в рядах пленных. Для ухода за больными, их изоляции были построены специальные тифозные бараки. Хоронили умерших пленных в юго-восточной части городского кладбища на высоком живописном берегу Вятки. В 1918 г. на месте захоронения пленных был установлен памятник. Слободской обелиск представляет собой высокий четырехгранный пилон на ступенчатом основании, украшенный гирляндами и завершенный стилизованным пламенем Вечного огня. Венчало памятник изображение парящего орла, которое в настоящее время утрачено. Материалом для возведения послужили кирпич и белый камень. Из белого камня выполнены декоративные элементы – пламя, гирлянды, венок, колонки. На всех четырех гранях пилон в неглубоких нишах помещены металлические пластины с надписями на русском и немецком языках.

Свыше 5 тыс. военнопленных находились в годы Первой мировой войны и на севере нынешней Свердловской области в Серове (в те годы – Надеждинске). Часть пленных работала на Надеждинском металлургическом заводе, другие строили железную дорогу. За условиями содержания военнопленных следили представители шведского Красного Креста, однако эти условия были далеки от нормальных. Если работавшие на заводе рабочие находились в более-менее сносных условиях, то остальным приходилось гораздо тяжелее. Так строители железной дороги зимой при сильных морозах вручную кирками и лопатами долбили глубоко промерзший грунт и жили в землянках, в которых было сыро и темно. По данным метрических книг Спасо-Преображенского собора за время войны в Надеждинске умерло 304 военнопленных. В том числе в 1915 г. – 32 человека, в 1916 г. – 112, в 1917 г. – 102 и в 1918 г. – 57 человек. Небольшое количество умерших объясняется тем, что в этом году пленные стали только прибывать в Надеж-

динск. А в 1918 г. они стали возвращаться на родину. Как и в других местах, основная часть пленных умирала в результате болезней (туберкулез и цинга), однако многие становились жертвами несчастных случаев (погиб в мартеновском цехе от угара, попал под поезд, утонул в реке). Имели место и случаи суицида. Хоронили умерших военнопленных на городском кладбище, в 1918 г. на средства Богословского горного округа им был сооружен памятник. Памятник высотой 2,5 метра был сооружен из бетона, его поверхность обработана под дикий камень. В 1950-е гг. при ликвидации кладбища местные жители пытались вытащить его из земли или сломать, но он оказался прочным. Так памятник оказался во дворе одного из частных домов, построенных на этом месте. На памятнике нет только таблички и железной цепи, которой он, по словам местных жителей, был первоначально окружен. В Пермской губернии военнопленные работали и на Ревдинском метизном заводе, на лесозаготовках, строили железную дорогу. В 1920-е гг. ревдинские рабочие собрали деньги и возвели на месте захоронения военнопленных двухметровую каменную пирамиду. Установленная на ней табличка гласила: «Братьям по классу. Жертвам мирового капитала. Ревдинские рабочие». В июне 2014 г. в память об умерших здесь военнопленных австрийцев организацией «Черный крест» (Австрийская Республика) на восстановленной пирамиде была установлена памятная плита с текстом на русском и немецком языках.

Памятники высотой более трех метров на местах захоронений военнопленных сохранились также в г. Нижняя Салда Свердловской области и г. Тоцк Оренбургской области. Однако памятники ставили далеко не везде, поэтому предстоит еще большая работа по выявлению, сохранению и обустройству кладбищ военнопленных Первой мировой войны. Низкая плотность населения и малая хозяйственная освоенность территории уральского региона делают эту задачу вполне выполнимой. В силу этого места многих из них сохранились, хотя внешние признаки захоронения уже стерлись. Примером может служить участок захоронения военнопленных на ликвидированном в конце 1970-х гг. городском кладбище по ул. 9 января в Кургане [10]. В настоящее время на месте кладбища находится Парк Победы. Однако при необходимости можно приблизительно установить и участок захоронения иностранных военнопленных.

В настоящее время за рубежом и в России проводится работа по выявлению и благоустройству мест захоронений погибших в годы

Первой мировой войны военнослужащих. Наиболее активно ее осуществляет австрийская организация «Черный крест». Именно благодаря усилиям этой организации и был установлен памятный знак на месте захоронения иностранных военнопленных времен Первой мировой войны на ликвидированном Рязановском кладбище в Екатеринбурге.

Библиографические ссылки

1. *Жарова А. С.* Положение военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии [Электронный ресурс] / А. С. Жарова // Зауральская генеалогия. Сайт. URL: [http://kurgangen.org/local-finding/Pervaya Mirovaya/ Plen/](http://kurgangen.org/local-finding/Pervaya_Mirovaya_Plen/) (дата обращения 30.12. 2013).

2. *Ломцов А. А.* Военнопленные в Южном Зауралье в годы Первой мировой войны / А. А. Ломцов // Социально-экономические отношения в Сибири и на Урале во второй половине XIX – XX вв. – Курган, 2002. – С. 78–87.

3. *Ниманов Б. И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914 – 1917 годах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Б. И. Ниманов. – М., 2009. – 24 с.

4. *Сафронов Д. А.* Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны / Д. А. Сафронов // Немцы и Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – С. 24–26.

5. *Суржикова Н. В.* Военнопленные в Богословском горном округе: контакты, конфликты, конвенции / Н. В. Суржикова // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1(99). – С. 123–125.

6. *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.) / Н. В. Суржикова. – М. : Росспэн, 2014. – 423 с.

7. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998.

8. Государственный архив Тобольска (далее – ГАТ). – Ф. 152, оп. 29, д. 242, л. 2.

9. ГАТ. – Ф.156, оп. 15, д.725, л. 134–170.

10. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). – Ф. 465, оп. 7, д. 360, л. 75–76.

11. ГАТ. – Ф. 152, оп. 29, д. 242, л. 14–16.

12. ГАТ. – Ф. 152, оп. 29, д. 242, л. 19–20.

Надійшла до редколегії 23.06.2014

УДК 94(470):344.32-054.73«1915/1917»

Л. М. Жванко

*Харківський національний університет міського господарства
імені О. М. Бекетова*

ІНСТИТУТ ГОЛОВУПОВНОВАЖЕНИХ ТА УПОВНОВАЖЕНИХ З УЛАШТУВАННЯ БІЖЕНЦІВ У РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ТА РЕАЛІЇ ЖИТТЯ 1915–1917 рр.

Проаналізовано процес формування інституту головуповноважених та уповноважених з улаштування біженців Першої світової війни у Російській імперії. Визначено нормативно-правову базу їх діяльності та проблеми у їх роботі.

Ключові слова: Перша світова війна, біженці, головуповноважений з улаштування біженців, Російська імперія.

Проанализирован процесс формирования института главнуполномоченных и уполномоченных по устройству беженцев Первой мировой войны в Российской империи. Определены нормативно-правовая база их деятельности и проблемы в их работе.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, главнуполномоченный по устройству беженцев, Российская империя.

Im Mittelpunkt des Beitrags stehen die Einrichtungsgeschichte des Instituts der Hauptbevollmächtigten und Bevollmächtigten zur Unterbringung der Flüchtlinge des Ersten Weltkrieges im Russischen Reich, die normative und rechtliche Grundlage ihrer Tätigkeit und Probleme, mit denen sie konfrontiert waren.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, Flüchtlinge, Hauptbevollmächtigter für die Unterbringung der Flüchtlinge, Russisches Reich.

Das Papier analysiert den Prozess der Bildung des Instituts holovupovnovazhenykh und die Kommissare Anordnung Flüchtlinge des Zweiten Weltkriegs im Russischen Reich. Definierte regulatorischen Rahmen ihrer Aktivitäten und Probleme in ihrer Arbeit.

Stichwort: Weltkrieg, Flüchtlinge, holovupovnovazhenyy Anordnung von Flüchtlingen, Russischen Reiches.

As the result of World War One new social groups – refugees, prisoners of war, deported persons, persons who have been evicted – emerged, notably all

those groups the British historian P. Hetrell ranked as “displaced”. Such group of people in the Russian empire came into being because of political and psychological reasons of wartime situation.

In Russia the formation of the system of state bodies responsible for support of refugees was seriously delayed, because the authorities hoped for public activity, and created the Tatiana committee For the Relief of War Victims, which initially had the features of central state body for refugee. Later the government had to start to create the system of state bodies, which included Special council for refugees, created under the Ministry of internal affairs, two main authorized representatives for helping refugees at Northern-Western and Southern-Western fronts, 12 authorized representatives for helping refugees inside the country. At the local level gubernia councils for arrangement of refugees were created.

In authorized representatives' competence was to define the order of eviction; directions, ways of refugee movement and its coordination with appropriate state bodies; provision of refugees with foodstuff, medical and veterinary care etc.

The structure, created for provision of the necessary facilities for refugees in rear gubernias of the Russian empire according to draft law had to become integral part of state system of refugees help. But actual situation and inability of Russian officials to react timely and efficiently on social needs gave no chances to solve the problem of refugees.

Keywords: World War One, refugees, authorized representative for refugees, the Russian empire.

1914 р.— рік початку Першої світової війни, яка невіпізнанно змінила обличчя цивілізації. І через сто років, уже 2014 р. змінює кардинальним чином не лише Україну та Європу, а увесь світопорядок, ставлячи людство перед загрозою розв’язання нової, останньої, зважаючи на типи озброєння, війни. Зима 2014 р., що вибухнула українською Революцією гідності, принесла й жахливі випробування для України та виклики для світової спільноти. Від 1 березня 2014 р., слово «біженець» раптом втратило своє книжково-архівне наповнення і набуло зловісно-реального змісту. Надзвичайно важко говорити про актуальність дослідження, коли кілька тисяч українців у третьому тисячолітті перетворилися на внутрішньо переміщених осіб, як одну з підкатегорій сучасного поняття «біженці». Зазначене дослідження — одна із ілюстрацій спроб вирішення проблематики біженства Першої світової війни, забутої війни в українському соціумі. Відтак запропоновано аналіз проблеми юридичного оформлення та реального функціонування інституту двох головувповноважених з улаштування біженців та уповноважених з улаштування біженців у тилкових губерніях Російської імперії. Вони виступили однією зі складових державної системи органів допомоги біженцям упродовж 1915–1917 рр.

Перша світова війна спричинила появу нових сукуплень груп населення, вирваних зі звичних умов життя – біженці, військовоположені, депортовані, виселенці, іншими словами, усі ті, хто підпадає під широке поняття, окреслене британським істориком Пітером Гетрелло як «переміщені особи». Особливого розмаху воно набуло на території Російської імперії, а відтак охопило й українські губернії, що входили до її складу. До виникнення цієї соціальної групи привели два різні за своєю суттю та вагомістю фактори. По-перше, психологічний, оскільки війна – це страх пересічної людини бути вбитою ворогом, а відтак втеча давала єдиний порятунок. По-друге, політичний, зумовлений діями імперського військового командування, яке з метою очищення території, згідно принципу «випаленої землі», здійснило насильницьке вивезення значної кількості цивільного населення з прифронтових губерній Росії. Останній мав визначальний вплив і призвів до того, що у різний час на теренах імперії перебувало до 5 млн біженців, з них до 1 млн – на українських землях.

Для правлячої династії Романових сотні тисяч цих підданих стали важкою ношею і непередбаченою реальністю. Спочатку в імперських керівних колах уникали навіть терміну «біженець», а самих біженців розглядали як прикре непорозуміння, що не вписувалося у доктрину переможної війни. Проте влада, розуміючи, що створена нею проблема здатна, за умови її нехтування, вибухнути соціальним конфліктом, була змушена взятися за її розв'язання. Відтак, термін «біженець» міцно закріпився в законодавчих нормах та чи не вперше в Європі отримав юридичне тлумачення.

У Російській імперії формування системи державних органів допомоги біженцям розпочалося із запізненням, оскільки влада сподівалася на громадськість, створивши для цього Тетянинський комітет, який із самого початку набув ознак центрального державного органу у справах біженців. Проте офіційний статус громадської організації не давав можливості координувати діяльність державних органів влади у справі евакуації та розселення біженців. У зв'язку з цим царський уряд був змушений приступити до створення системи державних органів, яку склали Особлива нарада з улаштування біженців (далі – ОН з УБ), спеціально створена при імперському МВС, два головуповноважені з улаштування біженців на Північно-Західному та Південно-Західному фронтах, 12 уповноважених з улаштування біженців усередині Російської імперії. Місцева вертикаль перебувала під патронатом губернаторів, які очолили й очолювали Губернські наради з улаштування біженців, які й координували усі заходи щодо опікування біженцями.

Літом 1915 р. за умов розгортання процесу масової евакуації цивільного населення виникало чимало проблем, які вимагали миттєвого вирішення. Відтак центральна влада мала визначити керівників, покликаних забезпечити «виселення, рух та влаштування в місцях нових поселень біженців». 24 липня 1915 р. імператор, виходячи з такої ситуації, затвердив «Наказ Головуповноваженим з улаштування біженців Північно-Західного та Південно-Західного фронтів». Слід відзначити, що цим актом «...організацію допомоги біженцям офіційно було перенесено з благодійності до сфери державної опіки» [11, с. 14]. На посаду з присвоєнням звання «Головуповноваженого з улаштування біженців» у зоні дії Північно-Західного фронту був призначений дійсний статський радник С. Зубчанинов.

На Південно-Західному фронті був призначений князь Микола Петрович Урусов (1863 – 1918) – потомственный дворянин із Катеринославської губернії. У 1908 р. обраний предводителем дворянства Катеринославської губернії, присвятив себе сільському господарству та громадській діяльності – був обраний почесним мировим суддею Новомосковського повіту Катеринославської губернії, почесним членом Лубенського і Полтавського відділень опікування дитячих притулків «Відомства установ імператриці Марії», почесним громадянином Кобеляк, Костянтинограда, Лубен, Пирятина Полтавської губернії, головою і почесним членом багатьох освітніх і благодійних установ Полтавської та Катеринославської губерній. У вересні 1912 р. завдяки своїй широкій популярності в губернії був обраний від Катеринославського земства у члени Державної Ради імперії. 11 вересня 1918 р. в Єсентуках був заарештований більшовиками як заручник, а 21 жовтня 1918 р., незважаючи на клопотання консула Української Держави, за наказом ЧК був розстріляний [15].

Діяльність М. Урусова як головуповноваженого поширювалася на Бессарабську, Волинську (за винятком невеликої території губернії на північ від станції Сарни), Київську, Люблінську, Подільську, Таврійську, Херсонську та Холмську губернії. Його штаб-квартира була розташована у місті Бердичеві Київської губернії. При уповноваженому також було створено й спеціальну інституцію «Південно-біженець», яка займалася організацією вивезення населення на схід, опікуванням біженцями, що залишилися у прифронтових районах [5, с. 52]. У її складі працювало 26 уповноважених із числа місцевих діячів (табл. 1) [20].

Таблиця 1
Список уповноважених організації «Південнобіженець» на залізницях, шосе і в тилових губерніях

№ з/п	Напрямок руху чи назва губернії	Уповноважений	Розміщення
На залізницях			
1.	Рівне-Бердичів	Іван Миколайович Масвський	ст. Кривин
2.	Бердичів - Козятин-Фастів	Володимир Васильович Ростовський	ст. Фастів
3.	Вінниця - Жмеринка-Вапнярка	Андрій Андрійович Сіверський	ст. Вінниця, готель «Савой»
4.	Слобідка - Бирзула-Роздільна	Федір Костянтинович Вульфєрт	ст. Бирзула
5.	Єлисаветград - Знам'янка -Користівка	Федір Карпович Єзерський	ст. Знам'янка
6.	Ніжин-Бахмач-Ворожба	Володимир Олександрович Троїцький	ст. Бахмач
На дорогах			
7.	Ходорків - Біла Церква - Канів	Олександр Костянтинович Смоленський	Біла Церква, вул. Росева, 11
8.	Ходорків - Біла Церква-Канів	Яків Федорович Франківський	м. Канів
9.	Хабне - Чорнобиль	Олександр Миколайович Любимов	м. Хабне
10.	Хабне - Чорнобиль	Олександр Олександрович Маслов	м. Чорнобиль
11.	Чоповичі - Київ	Олександр Миколайович Нікотин	м. Київ, кв. д-ра Патокова
12.	Коростишів - Київ	Князь Микола Семенович Цулукидзе	м. Київ, В. Володимирська, готель «Рим»
13.	Коростишів - Київ	Митрофан Іванович Дехтярів	Київ, 1 товарний Київ, канцелярія губернатора
У тилових губерніях			
14.	Чернігівська губернія	Михайло Дмитрович Яковлів	м. Чернігів
15.	Курська губернія	Микола Миколайович Степанов	м. Курськ

Закінчення табл. 1

№ з/п	Напрямок руху чи назва губернії	Уповноважений	Розміщення
16.	Полтавська губернія	Іван Прохорович Логинов	м. Полтава
17.	Кременчуцький повіт Полтавської губ.	Олексій Михайлович Колячівський	м. Кременчук
18.	Катеринославська губернія	Відставн. ген.-майор Костянтин Михайлович Костін	м. Катеринослав
19.	Харківська губернія	Лев Сергійович Офросимов	м. Харків
20.	Таврійська губернія	Князь Борис Миколайович Аргутинський-Долгоруков	Сімферополь, готель «Європейський»
21.	Таврійська губернія	Помічник, Борис Георгійович Карузо	Сімферополь, готель «Європейський»
22.	Область Війська Донського	Вікентій Андрійович Батир	м. Новочеркаськ
23.	Область Війська Донського	П. Рутченко	м. Ростов, «Килим-готель»
24.	Воронізька губернія	Костянтин Дмитрович Глінка	м. Вороніж, сільськогосп. інститут
25.	Саратовська губернія і Уральська обл.	Петро Омелянович Дверницький	м. Саратов
26.	Самарська губернія	Костянтин Владиславович Валицький	м. Самара

30 липня 1915 р. відповідно до наказу генерала О. Мавріна, головного начальника постачання армій Південно-Західного фронту, було призначено трьох особливих уповноважених, які підпорядковувалися М. Урусову. До Волинської губернії був направлений член Державної Ради Беляєв, Подільської – член Державної Ради Ракович, Бессарабської – член Державної Думи М. Дмитрієв. У свою чергу, їм у помічники призначалися спеціальні «комісари» – Кір'янов (Волинська), Логінов (Подільська), Рамм (Бессарабська). У цьому наказі зазначалася важливість завдань, покладених на М. Урусова. «Верховний Головнокомандуючий визнає, що успішність роботи головуповноваженого з улаштування біженців прямо залежить від ступеня надання йому допомоги та підтримки з боку військових властей. У зв'язку із цим Його Імператорська Величність повеліває їм всіляко сприяти шляхмейстеру князю Урусову у проведенні різних заходів із транспортування та улаштування біженців» [18, арк. 16].

М. Урусов призначав спеціальних уповноважених для окремих місцевостей і для виконання певних видів роботи. У серпні 1915 р. для з'ясування ситуації він направив свого представника Л. Офросимова до Бессарабської та Подільської губерній, у місця зустрічі біженців із Галичини [21]. Восени 1915 р. уповноваженим представником у Таврійську губернію був призначений Б. Аргутинський-Довгорукий [10], у Катеринославську – статський радник Кір'янов [4, с. 59]. На початку січня 1916 р. на Волинь прибув Д. Івашинцев [3]. У свою чергу С. Зубчанинов опікувався біженецькими проблемами у 20-ти губерніях [7, с. 228].

До компетенції уповноважених належало визначення порядку виселення; напрямки, способи руху біженців та його узгодження з відповідними властями; проведення заходів щодо забезпечення переселенців продуктами харчування, медичною, ветеринарною допомогою та ін. Головуповноважені мали опікуватися біженцями до часу переходу останніх у розпорядження місцевої влади (ст. 3). У 4-й статті зазначався перелік питань, у яких вони мали сприяти біженцям: «а) у здачі хліба, фуражу, коней, худоби і тому подібне належним установам і особам для потреб армії та для отримання винагороди, що належить, за здані предмети; б) у вивезенні хліба, фуражу, худоби і іншого майна у безпечні місцевості; в) до укриття майна, що залишається, і може бути корисним для ворога, г) до пошуку роботи» [9, с. 246].

Про початок виселення та строки транспортування біженців головуповноважені мали отримувати завчасні розпорядження від Го-

ловнокомандуючих фронтів (ст. 5). Головуповноважені, з метою виконання своїх обов'язків, обирали спеціальних помічників – уповноважених, які всіляко сприяли співпраці їх керівників із місцевою адміністрацією, представниками Товариства Червоного Хреста, земськими самоврядуваннями, громадськими спілками та ін. (ст. 6–7) [9, с. 246]. Для розв'язання біженецьких проблем у межах однієї губернії головуповноважені могли скликати спеціальні наради з числа місцевих діячів та за головування губернаторів. У вирішенні питань, що стосувалися кількох суміжних губерній, передбачалося утворення під керівництвом головуповноважених обласних нарад (ст. 10–11). Фінансування заходів, які перебували в компетенції цих високопосадовців, відбувалося на підставі Правил, встановлених Радою Міністрів Російської імперії 17 січня 1915 р., щодо порядку отримання кредитів з Державного бюджету на потреби воєнного часу. Невідкладні заходи, проведені головуповноваженими у зоні дії фронтів, асигнувалися з фондів головних начальників постачання фронтів (ст. 12). І нарешті – за результатами своєї діяльності їм належало подати звіти на розгляд Ради міністрів (ст. 13) [9, с. 247].

Оцінюючи інститут головуповноважених, слід звернути увагу на слушні думки білоруського дослідника В. Саматій: до позитивного він зараховував сам факт уведення інституту уповноважених і справи врегулювання проблеми біженців, до негативного – запізнільність цього кроку з боку влади. Ці чиновники, зауважив історик, розпочали свою діяльність уже в час неконтрольованого руху біженців [12]. У цьому випадку необхідно обережно висловлюватися, оскільки влада сама пішла на виселення цивільного населення в таких масштабах, а тому пожинала жакливі плоди своєї недалекоглядності. З іншого боку, призначення головуповноважених викликало неоднозначну реакцію діячів Всеросійського земського союзу (далі – ВЗС), які й займалися влаштуванням руху біженців. Так, у звіті відділу допомоги біженцям КПЗФ ВЗС зазначалося: «...офіційно наділені значною владою, офіційно визнані керівниками евакуації насправді Головуповноважені виявилися в значній мірі фіктивною владою: закон, який покликав до життя цей інститут, не дав у їх розпорядження головного – реальної виконавчої влади, власної організації, здатної винести на своїх плечах доручену їм складну справу» [17, арк. 151].

До того ж документ не дав пояснень щодо механізму фінансування, евакуації та соціального захисту біженців, створення відповідних державних структур, залучення до подолання проблем виселенців широкого суспільного загалу, етнічних спілок, духовенства,

визначення місця і ролі у цьому процесі провідних громадських організацій, які займалися проблемами біженців: ВЗС, Всеросійського союзу міст (далі – ВСМ) та Тетянинського комітету [2, с. 239]. Зрештою, недоліки в роботі головуповноважених були спричинені об'єктивними факторами воєнного часу та службовою недобросовісністю чиновників, з якими ті співпрацювали [13].

Восени 1915 р. для «...об'єднання діяльності місцевої влади, урядових і громадських установ, а також приватних спілок та осіб, які допомагають біженцям» [6, с. 2], було введено інститут уповноважених з улаштування біженців у внутрішніх губерніях імперії. Так, 29 вересня 1915 р. міністр внутрішніх справ підписав «Наказ головуповноваженим з улаштування біженців всередині імперії та райони їх діяльності» (табл. 2). Їх ключовим завданням стало «об'єднання діяльності місцевої влади, урядових і громадських установ, а також приватних спілок та осіб, які допомагають біженцям» [6, с. 2]. Крім того, на головуповноважених покладалася посередницькі функції між ОН з УБ та відповідними місцевими структурами [7, с. 183]. Територію Російської імперії було поділено на 12 районів, які охопили 30 губерній, Область війська Донського і безкраї простори Сибіру. Слід зазначити, що у проекті цього документу, оприлюдненого попередньо на одному із засідань ОН з УБ, передбачалося створення 13 особливих районів, до складу яких мали увійти 35 губерній, Москва і Петроград: «1) Архангельська, Вологодська, В'ятська і Пермська. 2) Петроград і Петроградська губернія. 3) Олонецька, Тверська і Новгородська. 4) Ярославська, Костромська і Володимирська. 5) Рязанська, Тамбовська і Пензенська. 6) Воронежська, Ставропольська і Астраханська. 7) Казанська, Симбірська і Нижегородська. 8) Тульська, Калузька, Орловська і Курська. 9) Харківська, Полтавська і Чернігівська. 10) Херсонська, Таврійська і Катеринославська. 12) Місто Москва і Московська губернія. 13) Саратовська і Оренбурзька» [12].

Проте в остаточному варіанті з незрозумілих причин було вилучено обидва столичні міста та губернії, а також три українські – Херсонську, Таврійську і Катеринославську губернії. Тому досить цікавим видається принцип визначення районів, поза якими залишилися губернії, що несли значне навантаження щодо кількості біженців.

Наприклад, станом на 20 грудня 1915 р. за даними Тетянинського комітету у Катеринославській губернії перебувало 227 942 особи, Московській – 172 572, Петроградській – 99 075, тоді як перший район склали Архангельська, Вологодська, В'ятська губернії, де відповідно було розміщено 1180, 3750 та 2896 біженців [1, арк. 73–74 зв.].

До того ж, райони були різними за своєю площею. У восьмому районі, який, можна сказати, компактно охоплював Тульську, Калузьку, Курську та Орловську губернії, проживало понад 200 тис. біженців, тоді як на теренах 12-го району (Оренбурзька губернія і весь Сибір) тимчасовий притулок отримали понад 70 тис. біженців [8, с. 57]. Кураторами вирішення проблем біженців стали «чиновники колишньої адміністрації Королівства Польського» [15, с. 33], евакуйовані з захоплених німцями західних околиць імперії Романових. То були вісім губернаторів, зокрема Варшавської, Люблінської, Ломжинської, Сувальської та інших адміністративних одиниць польських підросійських володінь, два виконавчі обов'язків губернаторів, президент та обер-поліцмейстер Варшави.

Таблиця 2

**Райони діяльності та особовий склад головуповноважених
з увлаштування біженців усередині Російської імперії**

Район	Губернії та області	Звання та прізвище головуповноваженого
I.	Архангельська, Вологодська, В'ятська	Сувальський губернатор Микола Миколайович Купреянов
II.	Олонецька, Тверська, Новгородська	Президент м. Варшави Олександр Олександрович Міллер
III.	Ярославська, Костромська	Варшавський губернатор Петро Петрович Стремоухов
IV.	Володимирська, Рязанська	Ломжинський губернатор Семен Павлович Папудогло
V.	Тамбовська, Пензенська	Люблінський губернатор Ілля Іванович Стерлигов
VI.	Курська, Воронізька, Область Війська Донського	Радомський губернатор Микола Дмитрович Грязев
VII.	Казанська, Симбірська, Нижегородська	Холмський губернатор Борис Дмитрович Кашкаров
VIII.	Тульська, Калузька, Орловська	В. о.Келецького губернатора Валеріан Валеріанович Лигін
IX.	Харківська, Полтавська, Чернігівська	В.о. Калишського губернатора Микола Олександрович Толмачов
X.	Самарська, Уфимська, Пермська	Полоцький губернатор Олександр Іванович Фуллон
XI.	Саратовська, Астраханська	Петроківський губернатор Михайло Едуардович Ячевський
XII.	Оренбурзька, Сибір	Варшавський обер-поліцмейстер Петро Петрович Мейер

При цьому можливо призначення цих осіб на посади уповноважених виходило із сентенції, озвученої ще 30 липня 1915 р. міністром внутрішніх справ на засіданні Ради міністрів: «Утилізація чиновників евакуйованих районів. Бовтаються без діла» [14, с. 207]. Але тільки 29 жовтня 1915 р., фактично за місяць після затвердження цього «Наказу», міністр внутрішніх справ підписав ще один документ, яким вже регулювалися їх права та обов'язки. У першому параграфі зазначалося призначення цих високопосадовців: «Усередині Імперії головуповноважені керують в межах вказаних їм районів пересуванням і облаштуванням біженців, об'єднуючи в цьому аспекті діяльність місцевої влади, урядових і громадських установ, приватних організацій і осіб, що допомагають біженцям» [6, с. 4–5].

Межі районів діяльності головуповноважених та їх зміна перебували у компетенції міністра внутрішніх справ, за поданням якого вони затверджувалися на засіданні ОН з УБ. «§ 3. До обов'язків головуповноважених належать: а) безпосереднє, шляхом об'їзду ввіреного району, ознайомлення зі становищем у справі пересування й облаштування біженців; б) постійна увага до забезпечення біженців продовольчою і медико-санітарною допомогою, а також нагляд за ветеринарно-санітарними заходами; в) найперше, на підставі використання особистих відносин із належними установами і особами, необхідність узгодження усіх заходів, що приймаються у справі полегшення долі біженців місцевою адміністрацією, земськими і міськими самоврядуваннями, а також усіма взагалі працюючими в напрямі зазначеного аспекту громадськими, національними і приватними організаціями; г) підтримка дієвого зв'язку у справі улаштування біженців із Головуповноваженими на фронтах і з іншими головуповноваженими усередині Імперії; д) постійне інформування МВС про хід справ забезпечення потреб біженців у ввіреному головному уповноваженому районі та вжитих заходах; е) донесення до Міністерства своїх висновків щодо вжитих заходів; ж) надання біженцям усілякого законного сприяння» [6, с. 4].

На них також покладалася нагляд за правильним виконанням на місцях усіх наказів і розпоряджень, що стосувалися біженців, і доведення до відома місцевої і центральної влади. Уповноважені мали право скликати губернські та повітові зібрання з різних питань, що стосувалися їх компетенції, запрошуючи до роботи представників губернських і повітових нарад з улаштування біженців, представників місцевої адміністрації, земських і міських самовря-

дувань, громадських і приватних організацій, «... що допомагають біженцям, а також усіх взагалі осіб, що можуть бути корисними для справи» [6, с. 5]. З метою вирішення різних питань уповноважені також могли співпрацювати з усіма центральними і місцевими органами влади, громадськістю, головуповноваженими фронтів. Для організації діяльності у районі кожному уповноваженому дозволялося сформувати власну канцелярію та залучити до роботи чиновників із числа працівників евакуйованих установ. Їх діяльність, що включала й різні витрати на роз'їзди, фінансувалася із фондів МВС, перед якими ті були підзвітні. На разі ухвали звітних документів, уповноважені мали доповідати на засіданнях ОН з УБ [6, с. 5].

Слід зазначити, що до Харкова, який став центром перебування головуповноваженого дев'ятого району, статський радник М. Толмачов прибув лише 17 листопада 1915 р. [22]. Цікаво, що чернігівська преса повідомила про те, що «височайше ухвалення головуповноваженого» 9-го району, куди ввійшла й однойменна губернія, було зроблено 2 листопада 1915 р. [19]. Реальної віддачі від їх роботи, за великим рахунком, не було, але на критику з боку діячів ВЗС цей документ наразився відразу. Висловлювалися зауваження щодо принципового конфлікту влади на рівні губерній, оскільки було не зрозуміло, хто важливіший у питаннях біженецької політики: місцевий губернатор чи уповноважений [7, с. 183].

Таким чином, інститут двох головуповноважених та 12 уповноважених з улаштування біженців у тилі губерніях Російської імперії за ідеєю законотворців мали стати частиною державної системи допомоги біженцям Першої світової війни. Статті прийнятих відповідних наказів якраз демонстрували такі наміри, проте реалії тогочасного життя внесли свої не завжди позитивні корективи. Поряд з тим гостра критика сучасників законодавчих ініціатив уряду свідчила про не завжди адекватну здатність керівників Російської імперії вчасно та дієво реагувати на соціальні виклики в умовах триваючої війни.

Бібліографічні посилання

1. Державний архів Харківської області. – Ф. 18, оп. 21, спр. 36.
2. Жванко Л. Правове регулювання соціального захисту біженців Першої світової війни в Російській імперії. (1914 – 1915 рр.) / Л. Жванко // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – К., 2008. – Вип. XIV. – С. 233–246.
3. Жизнь Волыни. – 1916. – 16 января.

4. Журнал Чрезвычайного Екатеринославского Губернского Земского Собрания 27 июля 1916 года. С приложениями. – Екатеринослав: Тип.губ. земства, 1916. – 149 с.
5. Загребельна Н. Велика війна: українство і благодійність (1914–1917 рр.) / Н. Загребельна, І. Коляда. – К. : Ін-т історії України НАН України, Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова, 2006. – 193 с.
6. Законы и распоряжения о беженцах (По 1-е апреля 1916 г.). Вып. II. – М. : Городская тип., 1916. – 147 с.
7. Известия Всероссийского союза городов. – 1916. – № 27–28.
8. Известия Всероссийского союза городов. – 1916. – № 33.
9. Левин С. М. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени / С. М. Левин. – Пг. : Изд-во юридич. книжного магазина, 1916. – 512 с.
10. Одесский листок. – 1915. – 15 окт.
11. Очерк деятельности ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, со дня основания по 1 января 1916 г. – Пг. : Гос. тип., 1915. – 26 с.
12. Приднепровский край. Вечерний выпуск. – 1915. – 22 окт.
13. Саматя В. Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] / Саматя В. – Режим доступа : <http://www.nlr.ru/8101/exib/war1/p39.htm>. – Название с экрана.
14. Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). – СПб. : Дм. Буланин, 1999. – 560 с.
15. Урусов Николай Петрович [Электронный ресурс] / Урусов Н. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Урусов,_%25. – Название с экрана.
16. Утгофф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914 – 1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Утгофф Валентина Сергеевна. – СПб., 2003. – 183 с.
17. Центральний державний історичний архів, м. Київ (далі – ЦДІАК України). – Ф. 344, оп. 1, спр. 3.
18. ЦДІАК. – Ф. 715, оп. 1, спр. 3343.
19. Черниговское слово. – 1915. – 20 нояб.
20. Югобеженец. – 1915. – № 1. – 1 нояб.
21. Юго-Западный край. – 1915. – 23 авг.
22. Южный край. – 1915. – 19 нояб.

Надійшла до редколегії 02.06.2014

УДК 94 (477)(=112.2) «185/191»

И. А. Задерейчук

*Крымский экономико-правовой институт
Международного гуманитарного университета*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ КРЫМА В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX вв.

Розкрито участь німецького населення Криму в наданні допомоги державі у період різних війн. Розглянуто філантропічну діяльність окремих німецьких родин. На багатьох прикладах доводиться, що етнічні німці після зміцнення власного економічного становища протягом другої половини XIX – початку XX ст. були одні з найактивніших благодійників на потреби поранених та сімей загиблих.

Ключові слова: російські німці, благодійність, Фальц-Фейни, Люстихи, Шнейдери.

Раскрыто участие немецкого населения Крыма в оказании помощи государству в период различных военных действий. Рассмотрена филантропическая деятельность отдельных немецких семей. На многих примерах доказывается, что этнические немцы после укрепления своего экономического положения на протяжении второй половины XIX – начале XX вв. были одними из активных жертвователей на нужды раненых воинов и семей погибших.

Ключевые слова: российские немцы, благотворительность, Фальц-Фейны, Люстихи, Шнейдеры.

Bei der Behandlung des Themas kommt der Verfasser zu dem Schluss, dass die deutsche Bevölkerung auf der Krim den Staat während der Kriegshandlungen finanziell und materiell unterstützt hat. In den Mittelpunkt wird die Wohltätigkeit einzelner deutscher Familienverbände gerückt. Anhand zahlreicher Beispiele wird veranschaulicht, dass die ethnischen Deutschen zu den aktivsten Spendern zur Unterstützung der Kriegsverehrten und der Familien der gefallenen Frontkämpfer zählten.

Schlagwörter: Russlanddeutsche, Wohltätigkeit, Familienverband Falz-Fein, Familienverband Lustich, Familienverband Schneider.

During studying participation of the German population of the Crimea in assistance to the state in the period of various military operations is opened. Activities of Germans for granting food, creation of military infirmaries,

allocation of the monetary help to field army in the years of the Crimean war, the Russian-Turkish and Russian-Japanese wars, and also during World War I is shown.

Philanthropic activity of separate German families is also considered. In particular it is shown a contribution of representatives of the Kesslers, Falts-Feyns, Shneyders, Lyustikhs, Shlees and many other dynasties. Also, the active help to the state and the surrounding population was rendered at a difficult moment by Lutheran and Mennonite communities. Representatives of Karasanskaya, Neyzatskaya, Spatskaya and Tsyurikhtalskaya communities were especially active.

It is proved on many examples that ethnic Germans, after strengthening of their economic situation throughout the second half of the 19th – the beginning of the 20th century were among active donors for needs of wounded soldiers. They gave help to families which lost supporters in the war.

Keywords: Russian Germans, charity, Falz-Feins, Lyustikhs, Shneyders.

Эффективное функционирование любого государства зависит от качественной работы государственной власти, а также участия граждан в его развитии. Одним из проявлений деятельности общества является оказание помощи нуждающимся слоям населения. В современный период развития человечества филантропическая деятельность, особенно в странах СНГ, вновь особо актуальна. Создаются различные благотворительные организации, крупные предприниматели сегодня выделяют значительные средства на социальные учреждения, оказывают адресную помощь, поддерживают одаренную молодежь путем выделения грандов на их обучение.

Немцы Крыма принимали самое активное участие в помощи государству в тяжелые времена. Особенно они проявляли свою гражданскую позицию в годы различных войн, которые Российская империя вела в XIX – начале XX в.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну вызвало небывалый всплеск благотворительной деятельности. В Таврической губернии был образован губернский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. В его распоряжение поступали денежные пожертвования от всех национальностей, в том числе и от немцев. Например, к 20 сентября 1914 г. в комитет были перечислены значительные суммы от крымских немцев: Э. Браун – 300 руб., О. И. Шмидт – 50 руб., Г. Г. Шеленберг – 15 руб., П. П. Шредер – 100 руб. Розентальское сельское общество – 50 руб., а от менонитов Крыма поступило 3600 руб. Кроме того, учителя немецких колоний Перекопского уезда постановили отчислять от сво-

его жалования 4 % в помощь раненым воинам, что ими делалось до закрытия школ и увольнения их с работы. Пожертвования немцев не ограничивались денежными средствами, они отдавали вещи, продукты, помогали и другими способами. Например, в Евпаторию из окрестных селений немцы-землевладельцы свозили продукты, главным образом хлеб, делали денежные взносы. Для ссыпки хлеба гласный Евпаторийской думы Дуван отвел один из своих амбаров [11, с. 65]. Немцы жители Тотанайской волости Перекопского уезда в 1914 г. пожертвовали 200 тыс. пудов пшеничной муки для армии [5, с. 90]. 29 августа 1914 г. Ф. Ф. Шнейдер передал в комитет помощи раненым 40 пудов яблок и 10 пудов груш [12, с. 372–374]. Перечисленные примеры не являются исчерпывающие, а их анализ позволяет сделать вывод, что немецкое население полуострова с началом Первой мировой войны не осталось в стороне от оказания помощи. Немцы вносили жертвования как деньгами, так и различными продуктами сельского хозяйства. При этом их материальное положение также было подорванным экономическими и социальными последствиями начала боевых действий.

Помощь поступала и в виде предоставления различных услуг. Например, меннониты колонии Спат Евпаторийского уезда перемолотили хлеб и засеяли поля семьям, работники которых ушли на войну [11, с. 65]. Представители династии Люстихов, а именно Г. А. Люстих и его сестра А. А. Ротгольц предоставили в распоряжении Перекопского земства 5 тыс. пудов пшеницы для обращения в помощь семьям запасных. Полученное зерно земство использовало в качестве посевного материала озимых для нуждающихся жителей уезда, кормильцы которых ушли на фронт [13, с. 10].

Г. А. Люстих и А. А. Ротгольц заботились и об оказании помощи раненым воинам. Они передали в распоряжение Перекопской управы свой дом в селении Курман-Кемельчи. Это помещение они отдавали для использования под лазарет раненым воинам. Помещение было оборудовано 20 кроватями. Также для обеспечения продовольствием лазарета Люстихи выделили 2 тыс. пудов пшеницы, 10 голов рогатого скота и шесть дойных коров [13, с. 13].

Пожертвования Люстихов не были одиночными проявлениями благотворительности среди немцев Крыма. Также следует упомянуть Г. И. Майера, который передал в Джанкойскую больницу пять оборудованных кроватей [13, с. 179]. В селении Бютень Перекопского уезда, где большинство жителей составляли немцы, был организован лазарет. Он находился на обеспечении жителей одноименной во-

лости [14, с. 20]. Меннониты создали лазарет на 40 кроватей в селе Мунтау, на 35 – в селении Вальдгейм и выделили дополнительно 15 кроватей при Орловской больнице [13, с. 25–26].

Многие представители немецкой этнической группы Крыма проявляли свою гражданскую позицию, не только осуществляя пожертвования, но и входили в состав различных благотворительных обществ. Так, Е. Э. Кесслер с началом Первой мировой войны был включен Таврическим губернским земским собранием в Губернский комитет по сбору пожертвований для раненых воинов. От Перекопского земства в состав Романовского комитета по сбору пожертвований в пользу больных и раненных воинов избрали трех гласных – Муссу М. Тайганского, Г. Г. Гальваса и Г. И. Майера [13, с. 12–25]. Принимая участие в работе указанных комитетов, немцы заботились об увеличении пожертвований для направления на нужды раненых и больных воинов.

В условиях роста сиротства, государство осуществляло попытки взять под контроль ситуацию с воспитанием детей, отцы которых погибли на фронте. 7 июля 1915 г. Правительствующим Сенатом был издан указ об учреждении положения о специальных земледельческих приютах. В них планировалось обучение детей увечных и павших воинов. Организация подобных учреждений на местах имела различные трудности, прежде всего это необходимость наличия специального земельного участка. К примеру, в Перекопском уезде эта проблема была разрешена благодаря благотворительной помощи представителей семьи Люстихов. На заседании Перекопского земства была доведена до сведения гласных информация о передачи земельного участка в размере 200 дес. из дачи дарителя Джангара-Кемельчи для устройства соответствующего приюта. В знак признательности земские гласные предлагали возбудить ходатайство о наименовании земледельческого приюта в честь жертвователей [14, с. 19].

Таким образом, немцы, создав свои компактные поселения на территории Крыма, не только заботились о своем экономическом росте, а принимали активное участие в филантропической деятельности. Первые примеры массовой помощи были в годы Крымской войны. Собственно к этому времени они смогли укрепить свое материальное благополучие после переселения на территорию Крыма. В последующие периоды немцы оказывали значительную материальную помощь в период различных войн, которые вела Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. Даже в годы Первой мировой войны немецкое население полуострова жертвовало на помощь раненым воинам, оказывали помощь семьям погибших или призван-

ных в армию. Указанные в статье факты филантропической деятельности немцев позволяют сделать вывод, что более чем за свое столетнее проживание на территории они смогли интегрироваться в поликонфессиональное и полинациональное общество Крыма. Также на полуострове были сформированы целые династии, которые активно занимались благотворительной деятельностью – это Люстихи, Мартенсы, Фальц-Фейны, Шлее, Шнайдеры, Шредеры и многие другие.

Библиографические ссылки

1. Журналы и постановления Перекопского уездного земского собрания. Чрезвычайных сессий 20 декабря 1913 и 14 августа 1914 г. и очередной сессии 1914 г. – Феодосия : Тип. Б. Е. Липскарева, 1915. – 541 с.
2. Журналы и постановления Перекопского уездного земского собрания 50-й очередной сессии 1915 г. – Феодосия : Тип. Б. Е. Липскарева, 1916. – 595 с.
3. Записки Симферопольского отдела императорского российского общества садоводов. – 1914. – Вып. 146.
4. Лаптев Ю. Н. Положение немцев в Крыму в годы Первой мировой войны / Ю. Н. Лаптев // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю. Н. Лаптев. – Симферополь : Таврия-плюс, 2000. – С. 63–72.
5. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов / Я. Штах. – М., 1916. – 266 с.

Надійшла до редколегії 03.11.2014

УДК 94: 61] (477.63) «1914/1918»

О. В. Дяченко, Л. С. Тутік

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара
Дніпропетровський державний університет внутрішніх справ*

ДІЯЛЬНІСТЬ ЛІКАРЕНЬ НА КАТЕРИНОСЛАВЩИНІ У ПЕРІОД ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Викладено коротку історію діяльності катеринославських лікарень у роки Першої світової війни: організація, умови праці тощо. Проаналізовано їх роль у житті Катеринославщини.

Ключові слова: біженці, земства, лікарні, Перша світова війна.

© О. В. Дяченко, Л. С. Тутік, 2015

Изложена краткая история деятельности екатеринославских больниц в годы Первой мировой войны, а также проанализирована их роль в жизни Екатеринослава.

Ключевые слова: беженцы, земства, больницы, Первая мировая война.

Dargestellt und analysiert werden die Tätigkeit der Krankenhäuser in Ekaterinoslav während des Ersten Weltkrieges sowie deren Rolle im Leben der Stadt.

Schlagwörter: Flüchtlinge, ländliche Verwaltungen (Zemstvo), Krankenhäuser, Erster Weltkrieg.

The World War I began on the 28 of June 1914, 38 countries from 59 existing were involved in it. This war did not avoid our region. Although the area of Katerinoslav region was just a springboard of military events, but thousands of its residents were participants and victims of the war. During these years, the regional economy, as well as economy of other provinces of the Russian Empire, was reconstructed on a war footing, subordinated to military needs. During this difficult time, there was an urgent need to provide assistance in an emergency, which led to a gradual recovery and revitalization of hospitals and charitable movement in the province. We must note that the research of medical affairs and activities of Katerinoslav hospitals during World War I has not yet been the subject of special study, so the relevance of the topic is beyond doubt.

In the war years there were several governors in Katerinoslav V. A. Kolobov (1913–1916) and A. G. Chernyavskiy (1916–1917). Organization of hospitals to treat the wounded lay on their shoulders. Katerinoslav council was also engaged to the organization of hospitals and the intensification of their activities during the war. It was responsible for the maintenance of hospitals, taking care about hygiene and sanitation, it kept doctors, paramedics, midwives.

The author found that during the war Katerinoslav province had about 74 hospitals, 193 physician (99 in cities and 94 in counties), 307 paramedics (203 in counties), 108 midwives, 89 pharmacists, 68 apothecary students, 9 dentists, 16 rural veterinarians, 32 veterinary assistants. In general case 150 thousands rubles were allocated for the treatment of the wounded and sick each year.

Wounded in hostilities were treated in the consolidated military hospitals, infirmaries of Red Cross, Union Bridge, in private and public hospitals.

Thus, during the First World War due to the increased number of wounded, sick refugees, the spread of epidemics among the population of the province, Katerinoslav hospitals intensified their activity, built new housing, increased the number of students at medical assistant schools. Charity organizations were created for help to the wounded at the front. Financial aid to hospitals significantly increased. All this allowed to suggest that residents of Katerinoslav province were not bystanders and did all the requirements that were put before them by the state.

Keywords: refugees, the Zemstvos, hospitals, the First world war.

Перша світова війна почалась 1 серпня 1914 р. як протистояння двох військово-політичних блоків європейських держав – Антанти

(Англія, Франція і Росія) та Австро-німецького блоку. З початком війни українські землі перетворилися на театр жорстоких боїв. Українці змушені були воювати на боці російської та австрійської армій за чужі інтереси і вести братовбивчу війну. У російській армії воювало близько 3,5 млн українців.

З початком війни нагальна необхідність надання допомоги у надзвичайних випадках спонукала поступове відновлення та активізацію діяльності лікарень Катеринославської губернії й благодійного руху. Війна як найбільше лихо людської цивілізації викликала різке збільшення пожертвувань на користь лікарень, армії, на підтримку солдатів та офіцерів, членів їх сімей, постраждалих від бойових дій тощо. Зазначимо, що дослідження медичної справи та діяльності лікарень Катеринославщини у роки Першої світової війни ще не було предметом спеціального дослідження, тому актуальність даної теми не викликає сумнівів.

Мета статті – охарактеризувати діяльність катеринославських лікарень у роки Першої світової війни. Джерельною базою дослідження є преса, яка видавалася земськими установами Катеринославської губернії в зазначений період [4 – 6].

Тогочасні газети й журнали рясніли повідомленнями з місць бойових дій та патріотичними закликами про допомогу військовим. Водночас посадові особи відповідними розпорядженнями зобов'язувалися сприяти піднесенню патріотичного духу і допомозі армії. Так, священики були зобов'язані проводити богослужіння на честь великих перемог та моління за перемогу «російської зброї», шкільні вчителі проводили відповідне інформування своїх учнів, лікарі ж повинні були активізувати свою діяльність в умовах військового часу.

Збільшення кількості поранених та інвалідів, що отримали каліцтва унаслідок війни, вимагало посилення надання їм допомоги. Така діяльність поділялася на негайну (відразу після отримання поранення), що спрямовувалася на забезпечення усім необхідним шпиталів безпосередньо біля лінії фронту та довготривалу – підтримка тилових шпиталів для осіб, що потребували довготривалої допомоги. Довготривала допомога також включала в себе адаптацію ветеранів та інвалідів до мирного життя: надання безкоштовної освіти, опанування цивільних професій.

У період війни губернаторами Катеринославщини були Володимир Арсенійович Колобов (1913–1916) та Чернявський Андрій Гаврилович (1916–1917), на плечі яких і лягла організація діяльності лі-

каренъ для лікування поранених. Серед дворян у налагодженні зазначеної справи осторонь не залишився і предводитель дворянства губернії у 1908–1917 рр. князь Микола Петрович Урусов. У роки війни він очолив багато благодійних товариств, а почесною попечительскою була його дружина Віра Георгіївна. За велику працю на благодійність міста М. П. Урусову було надано звання Почесного громадянина міста.

Організацією лікарень та активізацією їх діяльності під час війни займалося катеринославське земство. У 1870-х рр. уряд дозволив громадам обирати на повітовому й губернському рівнях власних представників. Земства засновували та утримували лікарні, організовували початкові школи, гімназії, ремісничі, професійні й технічні училища, курси для підвищення кваліфікації вчителів, турбувалися про шляхи сполучення, поштовий зв'язок, дбали про запаси їжі на випадок голоду, збирали статистичні дані, влаштовували сільськогосподарські виставки.

Катеринославське земство дбало про гігієну та санітарію, утримувало шпиталі, лікарів, фельдшерів, акушерок. Медична допомога була, за незначним винятком, безкоштовною для всієї людності, незалежно від того, чи пацієнт платив земські податки чи ні. З кожним роком мережа лікарняних закладів, які утримувалися земствами, постійно зростала. У 1870 р. працювало 73 земські лікарні, а в 1910 р. – 576. За час майже 50-літнього існування земства зразково поставили справу медичного обслуговування в українських губерніях.

У роки війни в Катеринославській губернії працювали 193 лікаря (99 у містах і 94 у повітах), 307 фельдшерів (203 у повітах), 108 повитух, 89 фармацевтів, 68 аптекарських учнів, 9 дантистів, 16 земських ветеринарів, 32 ветеринарних фельдшери. Лікарняних земських установ – 39; земських лікарів – 43, фельдшерів – 173, акушерок – 26. Всього у губернії у зазначений період діяли 74 лікарні на 1556 ліжок; земських 38 лікарень на 1050 ліжок, один будинок для душевнохворих, 13 приймальних покоїв та 46 аптек. Загалом на справу лікування поранених і хворих кожного року виділялося до 150 тис. рублів [3, с. 123].

Однак, незважаючи на достатню кількість лікарень, спостерігалася значна нестача ліків. Так, наприклад, у звіті 50-ї сесії Катеринославського губернського земського зібрання за 1915 р. зазначалося, що «разразившаяся мировая война с наглядностью показала в какой громадной зависимости от заграницы была до сих пор Россия в медицинском отношении» [5, с. 420]. Далі вказувалося, що серед пора-

нених була значна кількість заражених стовбняком і лікарі не могли надати кваліфікованої допомоги, оскільки ліки від цієї хвороби надходили з європейських країн. Медики губернії звернулися до катеринославського земства з проханням надати 2 тис. рублів Катеринославському Санітарно-бактеріологічному Інституту, працівники якого, у разі отримання цих коштів, могли б виготовляти ці ліки самостійно [5, с. 420]. Як відомо з наступних донесень та звітів, ці кошти були виділені, також підвищено зарплату двом працівникам цього Інституту з 1200 до 1800 рублів на рік [4; 5].

Виходячи з наявних джерел, можна зробити висновок про різке збільшення активності допомоги у перші роки ведення бойових дій. У подальші роки обсяги допомоги поступово зменшувалися. Цьому було багато об'єктивних причин: негативний вплив війни на матеріальне благополуччя народу, втота населення від війни, безрезультатність військових дій, стрімке збільшення кількості людей, що потребують допомоги, і неможливість надання допомоги їм усім.

У 1915 р. російська армія зазнала поразки і змушена була залишити не лише захоплені українські землі Австро-Угорщини, а й чимало українських земель самої Російської імперії. На територію Катеринославської губернії, як і в інші досить віддалені від фронту українські регіони, хлинув потік біженців – переважно з Польщі та західних територій України. Населення Галичини, Холмщини, Волині, Поділля десятками тисяч прибувало на станції до міст Катеринославської губернії. Крім біженців, постала й проблема військовополонених, які масово були захоплені на початку війни, а тепер також переміщувалися на схід. У нашому краї в 1915 р. було зосереджено 250 тисяч військовополонених і біженців. На 1916 р. у губернії було на постійних засадах розміщено майже 200 тисяч біженців.

Уряд не міг справитися з проблемою і звернувся за допомогою до громадськості. Виникло кілька неурядових організацій, які об'єднували громадські зусилля для вирішення проблем воєнного часу – «Союз міст», «Земський союз», «Товариство допомоги населенню Півдня Росії, що постраждало від військових дій» тощо. Саме ці організації опікувалися біженцями, організовували для них школи та лікарні, мобілізували ресурси для забезпечення потреб населення краю. У Катеринославі в 1915 р. було створено комітети допомоги населенню Галичини та з піклування за біженцями. Комітети у своїй діяльності спиралися не лише на урядові кошти, а й на пожертвування населення краю, які почали збирати з березня 1915 р.

У роки війни продовжувалося видання медичної періодики. Потреба у ній виникла внаслідок централізації медично-санітарної справи, створення мережі медичних установ і спеціалізованих навчальних закладів. У 1898–1917 рр. Губернська земська управа видавала «Врачебно-санитарную хронику Екатеринославской губернии», що подавала спостереження за захворюваннями, повідомлення про діяльність лікарських дільниць, протоколи засідань з'їздів лікарів, програми їх діяльності, огляд медичної преси. Часопис торкався проблем діяльності персоналу медичних закладів, з'ясовував причини епідемій, турбувався про розширення мережі аптек і лікарень, запобігання виробничим травмам, увага зверталася на лікарняні умови, дитячу захворюваність і смертність, алкоголізм, становище медичного персоналу, екологічну безпеку, методи діагностики й лікування. Зазначимо, що у багатьох статтях, звітах, доповідях лікарі наголошували на збільшенні заробітної плати у зв'язку зі збільшенням кількості хворих та поранених [5, с. 405 – 407]. Загалом медична періодика мала основну мету – організацію діяльності медичного персоналу у воєнний період, підвищення рівня кваліфікації, захист їхніх інтересів. Газета «Приднепровский край» повідомляла про регулярне надходження коштів на користь євреїв-біженців, кількість яких у місті досягла 10 тис. У серпні 1915 р. таких жертв надійшло більше 6 тис. рублів, більша частина цих коштів була передана в Катеринославський відділ Організації охорони здоров'я єврейського населення, скарбничим якого був М. А. Зільберман [9, с. 8].

Найбільшим медичним закладом міста була губернська земська лікарня з будинком божевільних. Перед Першою світовою війною лікарня мала «14 домиков и 6 павильонов» [6, с. 9] розрахованих по плану на 470 ліжок. У роки війни тут розмістили 700 хворих. У 1914 р. одночасно проводилося будівництво нових корпусів. Вже у цьому ж році діяло чотири чоловічих і три жіночих відділення, загалом на 450 хворих. Губернська земська лікарня працювала за Статутом, який затверджувало губернське земське зібрання на своїх сесіях і мало право змінювати його у залежності від вимог життя. Статут складався з 19 параграфів, у яких визначався кошторис лікарні, плата за лікування хворих, пожертви, випадкові грошові надходження тощо [6, с. 10]. Загальний нагляд за лікарнею здійснювала земська управа в особі одного із членів – попечителя. Крім нього до управління залучали ще двох головних лікарів (соматичного та психіатричного відділень). Згідно із Статутом, вони повинні були жити на території лікарні. Також діяла лікарняна Рада, що мала право брати на роботу чи звільняти лікарів.

Справа від воріт земської лікарні у двоповерховому будинку діяла фельдшерська школа, яка давала 4-річну середню медичну освіту. Після її закінчення випускники їхали працювати у ті повіті, з яких вони прибули. За отриману безкоштовну освіту вони мали працювати фельдшерами 4 роки у своїх повітах.

Активно працювало, створене ще у 1904 р., товариство «Швидкої медичної допомоги». Експлуатувало його приватне товариство, але за сприяння міського управління, яке давало субсидію і коней. Слово «швидка» було відносним поняттям. Це була карета із червоним хрестом на дверцятах, її тягла одна шкапа; штат швидкої – лікар, помічник лікаря, санітар, конюх.

У 1912 р. на Єкатерининському проспекті відкрито спеціальне приміщення станції «швидкої допомоги» (нині К. Маркса, 53 – будинок з червоними хрестами угорі). Щомісячно карета виїжджала до 90 разів.

Єврейське населення міста отримувало допомогу у єврейській лікарні (нині міська лікарня № 7). Управління цією лікарнею здійснювалося під контролем лікарського комітету, який, згідно зі Статутом, складався з голови (в особі міського голови) чи його заступників і двох лікарів: старшого і молодшого, які змінювалися щороку. У лікарні працювали хірурги С. Л. Фельдман, С. Б. Бенісович, терапевт П. З. Гольдберг, А. І. Фельдман. Завідувачем інфекційного відділення був Й. М. Розенгард, батько видатного вченого-теплоенергетика, доктора технічних наук, професора Ю. Й. Розенгарда, автора більше 500 наукових праць. Він створив свою наукову школу, серед його учнів багато вчених та інженерів [1, с. 38].

Робітники заводів і залізниці лікувалися у фабрично-заводській та залізничній лікарнях. Під час епідемій на холеру і тиф будувалися дерев'яні бараки для хворих на площі Абрамовича (нині територія Придніпровської академії будівництва та архітектури) і вул. Канатний (нині міська інфекційна лікарня).

До послуг заможних мешканців працювали десятки приватно-практикуючих лікарів, оголошеннями яких рясніли місцеві газети.

У місті діяли різні лікарні, як правило, платні. Одним із напрямів покращення життя населення Катеринослава було створення безкоштовної багатопрофільної лікарні. Міська управа виділила земельний наділ на тодішній околиці міста, територія була оточена високою огорожею. Лікарня мала три одноповерхові і одну двоповерхову будівлі. В одному з одноповерхових будинків проводився амбулаторний прийом, в інших двох корпусах знаходилися стаціонарні відді-

лення. На першому поверсі були адміністративні кабінети, а другий поверх здавався під квартиру старшого (головного) лікаря.

Не залишався без діла і медично-поліцейський комітет, прямим обов'язком якого був нагляд за проституцією, що мало запобігти поширенню венеричних захворювань. Для хворих відкривали спеціальні відділення у лікарнях, окрема комісія розробляла заходи, головним з яких було закриття будинків розпусти. Сталося це лише у розпалі Першої світової війни.

Місцеве відділення Товариства Червоного Хреста у 1911 р. відкрило велику лікарню з амбулаторією і аптекою на вул. Первозванівській. Головою Товариства був князь М. П. Урусов.

Справі охорони здоров'я, опіки немічних і слабких допомагали благодійні установи. Існували вони виключно за рахунок пожертвувань багатих мешканців міста. Система накопичення громадських коштів, у тому числі пожертв на потреби міста, у першу чергу благодійних, тривала не одне десятиріччя. Благодійність завжди мала імена і пам'ять.

На 1914 р. список осіб, які жертвували на користь міста свої капітали, налічував 44 особи. Серед них – капітал титулярного радника А. Я. Колесникова, почесних громадян міста – П. А. Белявського, Д. В. Пчолкіна, Г. П. Алексеєва та ін. Кожен іменний капітал мав заповіт на розпорядження. Більшість їх витрачалося на благодійні справи – будівництво й утримання лікарень, притулків, богаділень, на утримання безкоштовних ліжок у міських лікарнях, на стипендії учням гімназій і училищ. З капіталів оплачували масло для лампад у церквах, роздавали милостиню незаможним мешканцям міста на Великдень тощо.

Іменні капітали надавали місту значну матеріальну підтримку у справах благодійності. На початок 1914 р. вони нараховували більше 1 млн крб. Щорічно навесні у приміщенні Міської думи здійснювалися панахиди по благодійниках міста.

Таким чином, можемо зробити висновок, що у роки Першої світової війни в Катеринославській губернії у зв'язку зі збільшенням кількості поранених, хворих біженців, поширенню епідемій серед населення лікарні губернії активізували свою діяльність, збудовано нові корпуси, збільшено кількість студентів фельдшерської школи при земській лікарні. Для інформування про розвиток медичної справи у краї видавалася медична періодика. Для допомоги поранених на фронті та хворих створювалися благодійні організації, значно зросла матеріальна допомога лікарням. Все це дозволяє стверджувати, що жителі Катеринославської губернії у роки війни не залишилися осторонь та виконали усі вимоги, які перед ними ставила держава.

Бібліографічні посилання

1. Бистряков О. Евреи Екатеринослава – Днепропетровска (XVIII – нач. XX вв.) / О. Бистряков. – Д. : АРТ-Пресс, 2001. – 144 с.
2. Дзуреченська О. С. Органи міського самоврядування Катеринослава: формування, структура та напрями діяльності (кінець XVIII – початок XX ст.) / О. С. Дзуреченська. – Д. : НГУ, 2006. – 169 с.
3. Дніпропетровськ: віхи історії / за ред. А. Г. Бolečуха. – Д. : Грані, 2001. – 258 с.
4. Доклады и заключения губернской земской управы по Екатеринославской губернской земской больнице, колонии душевно-больных и санитарно-бактериологическому институту за 1915 г. – Екатеринослав, 1916. – 480 с.
5. Журналы Екатеринославского земского собрания 50-й очередной сессии 1915 г. – Екатеринослав, 1915. – 523 с.
6. История областной клинической больницы имени Мечникова: 1798 – 1967: Рукопись // ДАДО. – Ф. 731. – спр. 6. – 23 арк.
7. Коваль Р. Перша світова війна в долі українського народу / Р. Коваль. – К. : Діокор, 2001. – 58 с.
8. Кулинич И. М. Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914–1918 гг. : автореф. дис. на соискание научн. степени д-ра ист. наук : спец. 07.00.01 «История Украины» / И. М. Кулинич. – К., 1971. – 47 с.
9. Программы лекционных курсов Днепропетровского еврейского народного университета / под ред. Л. М. Черткова и В. М. Лирера – Д. : ДС «Джойнт», 1997. – 50 с.
10. Яворницький Д. И. История города Екатеринослава / Д. И. Яворницький. – Д. : Промінь, 1989. – 196 с.

Надійшла до редколегії 23.06.2014

УДК 94(477)-055.2 «1914/1918»

В. П. Бурмага, К. С. Світич

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

РОЛЬ ЖІНКИ В ОРГАНІЗАЦІЇ ДОПОМОГИ ФРОНТУ В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ (на матеріалах України)

Досліджено та проаналізовано діяльність жінок Російської імперії на театрах воєнних дій та в тылу, роботу Російської організації Червоного Хреста та жіночих комітетів.

Ключові слова: Російська організація Червоного Хреста, жіночі комітети, санітарні поїзди, курси сестер милосердя.

Исследовано и проанализировано деятельность женщин Российской империи на театрах военных действий и в тылу, работу Российского общества Красного Креста и женских комитетов.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста, женские комитеты, санитарные поезда, курсы сестер милосердия.

Erforscht und Analysiert werden die Tätigkeit der Frauen des Russischen Reiches an den Fronten und im Hinterland, die Arbeit der Russischen Gesellschaft des Roten Kreuzes und der Frauenkomitees.

Schlagwörter: Russische Gesellschaft des Roten Kreuzes, Frauenkomitees, Sanitätszüge, Kurse der Barmherzigkeitsschwestern.

In the article activity of women of the Russian empire on the seats of wars and in to the rear, work of Russian society of Red Cross and womanish committees are investigated and analyzed. The Russian Red Cross during the war has become a serious charity office with flexible organization headed by senior center and an extensive network in place, which covered most remote corners of the state. The activities of local (provincial) offices RTCH conducted in accordance with the requirements of the Main Department and based on objective needs of their provinces. With the tightening of fighting on the fronts of society it gradually has become one of the largest charitable organizations. Through participation in its units of members of the imperial family and through quite powerful financial capacity, this organization had broad social influence and importance.

At the start of the war a network of medical institutions with nearly 18-thousand army of nurses who cared for the sick and wounded soldiers was formed. The intensity of the women was not less, and even much more than in all previous wars, that lasted to the present. To conventional medical work such as: ligations, operations, combating epidemics, was added some work with mentally ill soldiers, that were fighting in hard conditions of life forces, and also the impact of new weapons of mass destruction (bombs, gas attacks), that had a negative impact on the psyche of soldiers. Gradually, the sisters begin to assume the duties of nurses.

New to medical activities of women was that not only sisters of medical assistant schools and women surgeons were caring for soldiers, but there were also women professionals of narrow medical focus, such as: drug and alcohol abuse, fluoroscopy, neurology, ophthalmology, otolaryngology and dentistry. There appeared a new category of deserved nurses and sisters-girls (underage girls, who studied nursing in hospitals). This phenomenon was fundamentally new.

Among the major disadvantages of women in the medical field we can list: an abnormal working day, the lack of material support, emotional overload, increase of mortality rates. These aspects are actually discussed in this article.

Keywords: Russian society of Red Cross, womanish committees, hospital-trains, courses of sisters of mercy.

У сучасній історичній науці спостерігається посилення наукового інтересу до «жіночого питання». У поле зору науковців часто потрапляє еволюція соціального статусу жінки та її місце в

суспільстві. Історичний досвід свідчить, що кардинальні зміни в суспільстві напряду пов'язані з різними потрясіннями. У цьому контексті Перша світова війна не стала винятком, коли жінки, подолавши сталі соціальні традиції й уявлення, взялися допомагати фронту. Багато жінок перетворилися на активних учасниць війни, представниці слабкої статі відзначилися на фронті й у тилу, надаючи посильну допомогу військовим, членам їхніх сімей, під їх опіку потрапляли поранені, біженці, діти-сироти.

Вивченням окремих аспектів жіночої проблематики цього періоду займалися Ю. Іванова [5], А. Пастернак [7]. Поряд із цим зазначимо, що висвітлення соціальної ролі жінки, її участі у війні на сьогодні перебуває на низькому науково-історичному рівні. Це пов'язано перш за все з тим, що сучасні дослідники нерідко продовжують дотримуватися переважно традиційного підходу у вивченні воєнного лихоліття, не виправдано мало приділяючи уваги складним, подекуди суперечливим і непередбачуваним соціальним перетворенням. Усунення подібних наукових прогалин цілком виправдано може бути зараховане до актуальних завдань сучасних істориків, успішне вирішення яких суттєво збагатить соціальний досвід нашого суспільства, розкриє окремі закономірності просування жіноцтва соціальними щаблями, зможе до певної міри пояснити підвалини революційних потрясінь 1917 р.

Метою нашої статті є визначення ролі й місця жіночих об'єднань в організації допомоги фронту, дослідження досвіду соціальної адаптації жінки в умовах Першої світової війни, встановлення методів самореалізації жінки через участь у Російській організації Червоного Хреста. Для виявлення загальних особливостей і тенденцій розвитку жіночого соціуму в Російській імперії означеного періоду, а також зміни свідомості жінки доцільно перш за все оцінити темпи формування їх активної громадянської позиції, що спонукало окремих представниць до участі в різних комітетах і товариствах. Для більш ґрунтовних висновків щодо визначення ролі жінки в подіях війни слід проаналізувати їх соціальне походження та визначити соціальну приналежність. Усе це стало певним підґрунтям для проведення представленої наукової розвідки.

Порушуючи тему формування об'єднання сестер милосердя на теренах Російської імперії, слід згадати про події Кримської війни (1853–1856 рр.), в ході якої було створено Хрестовоздвиженське товариство сестер милосердя. Названа організація стала основоположницею жіночої діяльності в цьому напрямі. Під час російсько-

турецької війни 1877–1878 рр. сестри діяли в тилових установах та надавали посильну допомогу в рядах діючої армії [11, арк. 2]. У 1879 р. товариство отримало назву «Російська організація Червоного Хреста», а його діяльність регламентувалася власним статутom і правилами. Це значно посилило позиції організації. За суспільною традицією до її складу обов'язково належали члени імператорського дому й представники вищого духовенства.

Так, від початку Першої світової війни імператриця Олександра Федорівна стала активною учасницею благодійної діяльності, виконувала важливу роль в організації госпіталів і санітарних поїздів. Червоний Хрест перебував під її особистим керівництвом. Структурна схема товариства сестер милосердя являла собою горизонтальну модель і відповідала адміністративно-територіальному устрою країни. Кожна губернія мала функціонуючі підрозділи допомоги, котрі діяли не лише на театрах воєнних дій, а й у тилу. Товариство відкривало патронати, які у свою чергу поділялись на рівні, що відповідали ранговому устрою армії. Патронати могли бути лише для офіцерів або для нижчих чинів. Існували також і заклади змішаного типу [14, арк. 1], які відкривалися як правило поблизу фронту й виконували функції евакуаційних пунктів. Відомо, що до 1915 р. існувало 115 структурних підрозділів, які належали до Товариства Червоного Хреста [7, с. 176].

Для фахової підготовки жінок створювалися тримісячні курси сестер милосердя Червоного Хреста. Поряд із цим органи земського самоврядування та товариства лікарів спільно опікувалися відкриттям шеститижневих курсів за скороченою програмою, на які зараховували усіх бажаних жінок, як правило без належності останніх до будь-якої благодійної організації. Після закінчення навчання відбувався розподіл сестер. Їх призначали в такі відділи: лазаретний, військово-хірургічний, амбулаторний, епідемічний, лабораторний, стоматологічний.

Загальна чисельність сестер милосердя на Південно-західному фронті сягала 4500 осіб [15, арк. 7]. На один тилловий лазарет у середньому припадало по 10 сестер, у той час як для шпиталю в прифронтовій зоні їх чисельний склад збільшувався до 12–15 осіб [13, арк. 100]. Доволі важкі умови праці, коли тривалість чергування сягала як правило 12 годин, спалахи епідемій, труднощі воєнного побуту напряду позначилися на зростанні смертності серед медичних працівниць. Згодом Головне Управління Червоного Хреста було вимушене порушувати питання щодо вдосконалення умов праці ме-

дичних сестер. Так, їм дозволялося брати короткочасну відпустку на відновлення сил, спеціально наймали прислугу для їх обслуговування (з розрахунку 1 прислуга на 10 сестер) [12, арк. 416]. Жінки отримували спеціальну форму з розпізнавальними знаками, а їх статус підтверджувався спеціальним посвідченням, Червоний Хрест пильно стежив за моральним обличчям своїх представниць.

Ще один штрих: мали місце випадки, коли активними учасниками благодійної допомоги, особливо пораненим, ставали малолітні сестри милосердя [6, с. 9], про діяльність яких нерідко згадувалося в періодиці того часу. На перший погляд виникає думка про неправдоподібність подібного явища, але це не так. Списки особового складу лазаретів містять непоодинокі випадки прізвищ дітей, які працювали в шпиталях. Так, у Полтавській лікарні № 5 працювало чотири неповнолітні сестри милосердя [10, арк. 67], а в списках персоналу Євгенієвського шпиталю одна сестра-учениця [1, с. 210]. Тобто можна зробити висновок про відсутність вікових критеріїв для вступу в товариство.

На території українських губерній, які перебували в складі Російської імперії, діяли жіночі комітети [4, арк. 6]. Лікування поранених військових хоч і перебувало в полі зору жіночих комітетів, але вони віддавали перевагу питанням, пов'язаним з організацією допомоги їхнім сім'ям, опікувалися фінансуванням осередків Червоного Хреста, збирали кошти на потреби армії, відкривали лікарні для душевнохворих, проводили збір коштів для подарунків солдатам на різдвяні та великодні свята. Збиральниці пожертв за станом диференціацією належали до дворянської ланки, збір коштів здійснювався на великих залізничних станціях, серед яких Київ, Харків, Катеринослав, Одеса та ін. З цією метою тут проводилися такі заходи, як «День Ромашки», «День квітки», також необхідно зазначити, що комітети залучали до своєї благодійної діяльності не тільки дорослих представників суспільства, а й дітей, які надавали посильну допомогу. Так, наприклад, учениці вищих навчальних закладів шили для фронту теплу одягу, збирали необхідні продукти, відмовлялися від святкового різдвяного обіду, надсилаючи їжу на передову [9, арк. 70].

Необхідно також згадати факти надання допомоги фронту приватними особами. Нерідко жінки займались благодійністю, меценатством, але не належали до складу жодної організації. До таких, наприклад, можна зарахувати артистів, які нерідко проводили благодійні концерти й збирали кошти для військ [2, с. 11]. Представники цьо-

го ремесла виїздили на фронт, давали концерти й у такий спосіб підтримували моральний дух особового складу військових частин.

Мали місце випадки, коли жінки зверталися до військово-промислового комітету з проханням відкрити курси з підготовки фахівців для зброярської справи. Подібні клопотання не залишилися поза увагою чиновників. На підприємства подібного профілю після навчання почали приймати не лише жінок, а й неповнолітніх через відверту дешевизну їхньої праці [5, с. 95]. Є приклади, коли діти отримували більшу платню у порівнянні з жінками (2,34 руб. отримували підлітки, жінки – 2,17 руб.). Розмір оплати праці за добу приблизно складав: чоловіки – 3,64 руб., жінки – 1,78 руб., неповнолітні – 1,75 руб. [3, арк. 66]. Через воєнний стан у країні почали руйнуватися сталі стереотипи, у суспільстві вже не так критично сприймалося твердження щодо «неспроможності жінок працювати на відповідальних роботах, зокрема таких, що стосуються інформаційної діяльності». У 1916 р. начальник Головного управління пошти і телеграфів дозволив приймати освічених жінок на посади листонош нарівні з чоловіками [8, арк. 547]. Працівниці цього відомства відправляли свій місячний заробіток у Петроград для закупівлі необхідних медичних матеріалів та одєжі для солдат.

Отже, переважна більшість активного жіноцтва в період Першої світової війни здійснювала традиційну функцію з огляду на тодішнє сприйняття жінки – медичну допомогу. Зазначимо, існує певна закономірність процесу активізації жінок: із затягуванням війни масштаби залучення представниць слабкої статі до різних форм діяльності для забезпечення потреб фронту й тилу поступово зростали. У ході війни проявилися гострі соціальні проблеми, які напрямую пов'язувалися з низькою організацією медичної допомоги, нерідко вкрай слабким забезпеченням лікарень і лікарів обладнанням. Гостро постало питання фінансової підтримки військових та членів їхніх сімей.

До суттєвих недоліків діяльності жіночих комітетів і Товариств Червоного Хреста належить питання ефективності взаємодії цих організацій між собою та з військовим командуванням. Неузгодженість дій нерідко спричиняла несвоєчасне надання вкрай необхідної допомоги.

Серед тисяч жінок, які брали участь у війні, були представниці різних соціальних верств суспільства, вони нерідко належали до протилежних політичних сил, мали доволі різне фінансове становище та релігійні вподобання. Але це не завадило їм сконсолідуватися навко-

ло патріотичної ідеї й надавати посильну допомогу своїй країні, яка опинилася у вкрай скрутному становищі.

Бібліографічні посилання

1. *Богданов А.* Дети и война / А. Богданов // Нива. – 1915. – № 11. – С. 210 – 211.
2. *Горленко-Долина М.* Война и русские артистки / М. Горленко-Долина // Синий журнал. – 1914. – № 46. – С. 11.
3. Державний архів Дніпропетровської області – Ф. 463. Дніпровський завод Південно-Руського металургійного товариства, с. Кам'янське, Катеринославської губернії. – Оп. 1. – Спр. Постанови Тимчасового Уряду; рапорти, листування з правлінням Південно-Руського Дніпровського металургійного товариства про страйк працівників заводу, списки майстрів і працівників заводської лікарні і аптеки. 10 жовтня – 30 листопада 1917 року, 227 арк.
4. Державний архів Полтавської області – Ф. 998. Полтавський комітет товариства піклування про поранених та хворих воїнів, з 1873 року Полтавський жіночий комітет РТЧХ. – Оп. 1, спр. 50. Відомості про роботу, особовий склад жіночого комітету РТЧХ. 1914 – 1915 роки, 17 арк.
5. *Иванова Ю. Н.* Прекраснейшие из храбрых / Ю. Н. Иванова // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 3. – С. 93–96.
6. *Крючкова Д.* 10-летняя сестра милосердия / Д. Крючкова // Синий журнал. – 1914. – № 46. – С. 9.
7. *Пастернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия / А. В. Пастернак. – М., 2001. – С. 176.
8. Центральний державний історичний архів України (далі ЦДІАК). – Ф. 278. Київське жандармське управління залізничних шляхів. – Оп. 1, спр. 221. Розпорядження по військовому часу. 1914 – 1916 роки, 640 арк.
9. ЦДІАК. – Ф. 310. Справа 1915 – року Харківського жандармського поліцейського управління залізничних шляхів. – Оп. 7, спр. 28. Частина поліцейська з різною перепискою. 10 січня 1915 – 7 січня 1916 років, 186 арк.
10. ЦДІАК. – Ф. 321. Пошуковий пункт при Полтавському ГЖУ. – Оп. 1, спр. 204. Списки викладачів і учнів навчальних закладів, лікарів і сестер військових лазаретів, працівників Полтавської губернії. 29 грудня 1915 – 24 червня 1916 років, 317 арк.
11. ЦДІАК. – Ф. 442. Канцелярія Київського, Подільського, Волинського генерал-губернатора. – Оп. 56, спр. 289. Справа про відрядження Голубцова в м. Ясси для супроводу сестер милосердя. 30 листопада – 1 грудня 1877 року, 3 арк.
12. ЦДІАК. – Ф. 692. КОПС. – Оп. 1, спр. 87. Циркулярні розпорядження і накази по Київському військовому округу. 1917 – 1918 роки, 489 арк.

13. ЦДІАК. – Ф. 715. Комітет Південно-Західного фронту Всеросійського Земського Союзу. – Оп. 1, спр. 268. Протоколи і резолюції нарад лікарів і господарських працівників медичної частини. 1 квітня 1915 – 5 січня 1918 років, 179 арк.

14. ЦДІАК. – Ф. 719. Управління Головноуповноваженого РТЧХ при арміях Південно-Західного фронту. – Оп. 1, спр. 22. Положення про заснування і діяльність патронатів для хворих і поранених воїнів. 1914 рік, 2 арк.

15. ЦДІАК. – Ф. 719. Управління Головноуповноваженого РТЧХ при арміях Південно-Західного фронту. – Оп. 1, спр. 140. Журнал нарад представників Червоного Хреста при арміях Південно-Західного фронту про розподіл лікарняних закладів між арміями, їх комплектацію медичним персоналом і з інших питань. 1914 – 1916 роки, 10 арк.

Надійшла до редколегії 10.06.2014

УДК 94(100)«1914/1919»+661.471.2+001.92(09)

В. С. Савчук

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФАРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ЙОД

Розглянуто досвід організації виробництва йоду у Катеринославі за часів Першої світової війни як відповідь на припинення поставок цього препарату з Німеччини. Виділено й проаналізовано основні складові системи заходів з організації виробництва йоду – від відкриття способу його отримання з морських водоростей до отримання кінцевого продукту на дослідній станції. Вивчено роль урядових та регіональних органів влади в справі організації промислового виробництва йоду у Катеринославі. Обговорено роль катеринославського йоду в загальному процесі розвитку фармації Російської імперії за часів Першої світової війни.

Ключові слова: Російська імперія, Перша світова війна, фармація, йод. Катеринославська дослідна йодна станція, наукова думка і практика промислового виробництва.

Рассмотрен опыт организации производства йода в Екатеринославе в Первую мировую войну как ответ на прекращение поставок этого препарата из Германии. Выделены и проанализированы основные составляющие системы мероприятий по организации производства йода – от открытия способа его получения из морских водорослей до получения конечно-

го продукта на опытной станции. Изучена роль правительственных и региональных органов власти в организации промышленного производства йода в Екатеринославе. Обсуждена роль Екатеринославского йода в общем процессе развития фармации Российской империи во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, фармация, йод, Екатеринославская опытная йодная станция, научная мысль и практика промышленного производства.

Zentraler Punkt des Beitrags ist die Organisation der Herstellung von Jod in Ekaterinoslav während des Ersten Weltkrieges als Antwort auf den Lieferstopp dieses Präparats aus Deutschland. Ausgegliedert und analysiert werden die wichtigsten Bestandteile des Maßnahmenkatalogs zur Organisation der Jodproduktion – von der Erfindung eines Verfahrens zur Jodgewinnung aus Meeresalgen bis zur Herstellung des Endprodukts in Versuchstationen und Laboratorien. Erforscht wird die Rolle der Regierungs- und lokalen Machtorgane zur Organisation einer Industrieproduktion von Jod in Ekaterinoslav. Behandelt wird ferner die Rolle des Jods aus Ekaterinoslav im Gesamtprozess der Pharmazie-Entwicklung im Russischen Reich während des Ersten Weltkrieges.

Schlagwörter: Russisches Reich, Erster Weltkrieg, Pharmazie, Jod, Versuchstation zur Jodgewinnung in Ekaterinoslav, wissenschaftliche Voraussetzungen und Praxis der Industrieproduktion.

It was showed that at the beginning of the First World War the state of the pharmaceutical industry in the Russian Empire did not meet her needs in pharmaceuticals preparations. Dependence on importation of medications from abroad has led to a very difficult situation to provide medicines population and the army. On the example of Yekaterynoslav demonstrated the dynamics of price growth during the First World War to some common medications.

It is noted that one of the strategically important drugs was iodine, which was needed for the application in military medicine as an antiseptic. Is described the experience of the organization of production of iodine in Yekaterynoslav the First World War as a response to the termination of the supply of the drug from Germany Pre-analyzed the state of the study of the problem. Concluded, that there was insufficient of its study. Indicated on a number of inaccurate and controversial moments in the presentation of the topic in the literature.

Were considered attempts to of the Russian government to start supplying of iodine from Norway and were analyzed the reasons for their failure. Has been studied (on the basis of periodical materials) dynamic of organization in Yekaterynoslav get of iodine from seaweed.

Were highlighted the role and priorities in addressing the problem of the production of iodine from seaweed major chemists L. V. Pisarzhevsky and N. D. Averkiev. Considered the visit of Nicholas II in January 1915 Ekaterioslav and its relation to the possibility of domestic production of iodine.

Were been isolated and analyzed the main components of the system events for the production of iodine - from the opening of method of its production of the algae - to obtain the final product.

Studied the research activity of N. D. Averkiev regarding suitability of algae different coasts of Russia (Far East, the White Sea, the Black Sea) for the production of iodine. Were considered the expeditionary activity of ND Averkieva in the Black Sea for search of reserves of algae «Phyllophora», of sending collected at various places along the coast of algae and clarify of the issue of the construction of furnaces of burning algae on the site of their extraction.

Is discussed the role of government and regional authorities in the organization of industrial production of iodine in Yekaterinoslav. Is disclosed a process a process for creating of the Ekaterinoslavskaya experimental station for the production of iodine, her equipping with modern equipment. Presented evidence of support production of iodine in Yekaterinoslav local authorities and participation in the process of local industry.

The role of iodine of Ekaterinoslav in the overall development of pharmacy in the Russian Empire during the First World War is discussed. Were studied capabilities meeting the needs of the Russian Empire in the extraction of iodine from seaweed. Considered indicators of production of iodine from seaweed of other countries. It is noted that for a long time a number of countries (Norway, Japan) meet the needs in iodine due to the industrial production it from algae.

It is concluded that Yekaterinoslav station of iodine has not solved the problem of iodine in the Russian Empire in the First World War. At the same time, the activity of the experimental station in Ekaterinoslav entered the history of the development of domestic chemical and pharmaceutical industry as a positive example of implementation of scientific ideas in the practice of industrial production in wartime.

Keywords: Russian Empire, World War I, Pharmacy, iodine, Yekaterinoslav Experiment Station, scientific thought and practice of industrial production.

Первая мировая война обострила значительное число социально-экономических проблем в Российской империи. В первую очередь, конечно, проблем, связанных непосредственно с театром военных действий и их последствиями. Одной из таких проблем стала лекарственная, смысл которой заключался в неготовности Российской империи ответить на вызовы медицины в сфере обеспечения медицинского сопровождения военных действий фармацевтическими препаратами.

Значительная часть лекарственных препаратов ввозилась в Российскую империю из-за границы. Причем, не единичными были случаи, когда поставки лекарственных препаратов осуществлялись из Германии. Находясь в состоянии войны с Германией, отечественная медицина, естественно, была лишена этих поставок. Последнее крайне негативно отражалось на оказании медицинской помощи раненым солдатам и офицерам. В этом контексте показательна история с таким, крайне необходимым для оказания медицинской помощи в качестве антисептика препаратом, как йод.

В Российской империи производство металлического йода впервые было организовано уже в период Первой мировой войны в Екатеринославе (в 1915 г.) на основе исследований известных отечественных химиков Л. В. Писаржевского и Н. Д. Аверкиева.

Факт получения этими химиками йода из водорослей достаточно известен. И, тем не менее, история получения и промышленного производства екатеринославского йода оставляет много вопросов, выходящих за пределы констатации просто исторического факта. В историко-химическом контексте, да и в истории самого открытия, небезынтересен вопрос о соавторах этого открытия и их вкладе. Важно выяснение и такого вопроса, как организация добычи йода в контексте развития химико-фармацевтической промышленности в Российской империи в период Первой мировой войны в государственном масштабе. В региональном контексте представляет интерес то, как был воспринят этот успех в губернском масштабе, как отнеслись к этому местные власти и местное самоуправление, что было сделано и было ли сделано для поддержки этого проекта. Смог ли решить «Екатеринославский йод» для Российской империи проблему йода в период Первой мировой войны?

Сведения об истории производства йода в Российской империи есть в ряде публикаций, хотя и не очень многочисленных [3; 4; 10; 21; 22; 24]. В основном это публицистические публикации. Из полноценных работ отметим серию статей Н. П. Аржанова, в которых последовательно рассмотрены этапы развития отечественного йодного производства [3]. Это серьезное исследование, опирающееся в целом на хорошую источниковую базу, тем не менее не исчерпывает тему по ряду причин. Среди них и то, что автор практически не рассмотрел историю промышленного производства йода в Екатеринославе, ограничившись по этому вопросу сведениями из более поздней статьи Н. Д. Аверкиева [2]. Кроме того, некоторые утверждения, высказанные Н. П. Аржановым в достаточно категоричной форме, являются дискуссионными, а то и неточными. Проблема отечественного йода в Первой мировой войне, на наш взгляд, должна рассматриваться в контексте тех социально-экономических и политических условий, которые сложились в рассматриваемый период.

Уровень других известных нам исследований по истории отечественного йода менее значителен, по сравнению с исследованием Н. П. Аржанова. Важными для исследования источниками были материалы, касающиеся проблем мировой добычи йода в разных странах, методов получения йода и их развития, а также общей ситуации

с фармацевтическими препаратами Российской империи в канун и в период Первой мировой войны [4; 13; 14; 18; 22].

Все вышесказанное определило как актуальность данного исследования, так и предмет исследования, которым является становление теоретических основ получения отечественного йода и создание его промышленного производства в Екатеринославе в период Первой мировой войны.

Цель, которая преследовалась в данной работе, состоит в выяснении места и роли екатеринославского йода в отечественной фармации как в период Первой мировой войны, так и в целом в развитии отечественной фармацевтической промышленности.

Вопрос о «Екатеринославском йоде» рассмотрен комплексно, с учетом реалий, сложившихся в период Первой мировой войны, как в масштабах всей Российской империи, так и в региональном измерении.

О значении йода в медицинской практике в целом и его роли в военной медицине, в частности, говорить не приходится. Российская империя, вступив в Первую мировую войну, в силу слабой развитости собственной фармацевтической промышленности сразу же начала испытывать затруднения в этой сфере. Много примеров острой нехватки фармацевтических препаратов, вызвавшей резкое повышение цен на медицинские препараты, приведено в исследовании Н. П. Аржанова [3]. Об этом красноречиво свидетельствуют данные аптечной комиссии за август 1915 г., характеризующие динамику цен на медицинские препараты [19].

Таблица

**Динамика цен на медицинские препараты (1914–1915)
в Екатеринославе**

Название медпрепарата	Стоимость, руб		
	1 июля 1914 г.	1 июля 1915 г.	2 сентября 1915 г.
Аспирин	4,0	9,25	85
Атропин	24,50	140,0	380,0
Касторовое масло	14,41	19,78	70,0
Формалин	15,90	20,75	Отсутствует в продаже

С йодом ситуация была не лучше. Свой йод в стране не производили. Основными источниками для производства йода перед началом Первой мировой войны были водоросли и селитра, запасов которой больше всего было в Чили, которая производила йод и значи-

тельное количество которого поступало через Германию в Россию. На селитру отечественная фармация рассчитывать не могла. Как пишет Н. П. Аржанов, «чилийской селитры (она давала 800 т йода в год из 1100 т мирового рынка) в России заведомо не было» [3]. Поэтому в то время оставался только один путь решения проблемы йода: использовать для его получения морские водоросли, содержание йода в которых делало их пригодными для промышленного производства. По разным данным в тонне высушенных морских водорослей разного вида содержится от 4 до 5 килограммов йода.

Ситуация в империи в начале войны сложилась катастрофическая. Поставки йода из Германии прекратились, своего промышленного производства йода в стране нет, какие водоросли наиболее применимы для производства йода неясно, способ производства йода из водорослей неизвестен, а соответственно отсутствует и технология его производства. Предстояло пройти сложный путь, который включал выбор соответствующей водоросли, поиск ее запасов в объемах, необходимых для промышленной добычи йода, определение способа получения йода из водорослей, отработку соответствующей технологии на промышленном уровне и создание промышленного производства.

Проблема получения йода из водорослей была принципиально решена в Екатеринославе Л. В. Писаржевским и Н. Д. Аверкиевым, которые в 1914 г. нашли новый каталитический способ получения йода и в 1915 г. опубликовали об этом материал в Известиях Екатеринославского горного института и в Журнале Русского физико-химического общества. Часть химическая [15; 16]. Кроме того, был опубликован и второй способ извлечения йода – из растворов [17].

Уже в январе 1915 г. во время визита императора Николая II в Екатеринослав ему для нужд госпиталя в Зимнем дворце был подарен флакон йода, полученного из морских водорослей по способу Л. В. Писаржевского и Н. Д. Аверкиева. Князь Урусов, преподнося этот флакон, сообщил, что екатеринославский йод в скором времени может заменить немецкий йод. Эта, говоря современным языком, пиар-акция вызвала ответную реакцию государя, выделившего для строительства йодной станции 50 тысяч рублей из личных средств [5].

Городские власти и губернское земство предполагали пригласить промышленников для устройства завода по производству йода в Екатеринославе. С этой целью в начале августа 1915 г. «по просьбе городского головы И. В. Способного председатель местного биржевого

комитета Л. И. Дмитриев выезжал в Харьков для переговоров с представителем «Всеобщей компании электричества». Речь шла о строительстве этой компанией соответствующего завода в Екатеринославе. Его переговоры, к сожалению, не дали желанных результатов [11].

Оставалось надеяться на развитие производства йода на Опытном заводе (станции) в Екатеринославе. В поисках для него места городская власть остановилась на Феодосийских казармах. Дело в том, что с началом Первой мировой войны воинские части, занимавшие эти казармы, были отправлены на фронт и «преимущественно использовались для размещения учебных и резервных частей» [21]. По данным В. Старостина [21] в 1914 г. одно из строений в восточной части казарменного комплекса было отведено под опытную станцию по производству йода из водорослей. В статье этого же автора говорится о том, что «Городской Думой для ее (опытной станции – В. С.) расширения было передано еще несколько служебных помещений корпусов феодосийских казарм и выделено земельный участок на юг от казарм, на котором сооружена печь для сжигания водорослей» [21, с. 180–181].

Анализ публикаций 1915 г. свидетельствует, что производство йода осуществлялось уже в середине 1915 г. и постепенно наращивалось. Первое получение йода на опытной станции, проходившее с 28 июля по 3 августа 1915 г. «дало весьма благоприятные результаты – 12 фунтов. Так как число аппаратов после того еще прибавилось, то производство будет постепенно увеличиваться», сообщалось в прессе [6].

Основной задачей летних месяцев была добыча водорослей, содержащих значительное количество йода. На опытной станции в Екатеринославе использовалась бурая водоросль филлофора, запасы которой в Черном море позволяли развернуть промышленное производство йода. Заросли этой водоросли еще в 1908 г. были обнаружены в северо-западной части Черного моря.

Параллельно решалась задача анализа химического состава водорослей других морских водоемов на предмет содержания в них йода для их промышленного использования. В Екатеринослав в 1915 г. были доставлены образцы водорослей «с берегов Тихого океана, из бухт Врангеля и Находка, из залива Петра Великого и с Ледовитого океана с Мурманского берега» [6]. Запасы водорослей в этих регионах были значительными, а произведенные Н. Д. Аверкиевым предварительные анализы показали, «что по пригодности для заводской добычи йода на первом месте стоит водоросль *Fucus*, морская капу-

ста: содержание йода в сухой водоросли которого от 0,07 до 0,21 %. Наиболее богатой является водоросль на Мурманском берегу, не менее заслуживающей внимания является и *Laminaria* на Мурманском берегу, содержащая от 0,057 до 0,08 % йода» [6].

Такая «география» исследований была связана с ухудшающимся состоянием снабжения йодом. Правительство пыталось решить проблему, наладив поставки йода из Норвегии. Как сообщали газеты «в июле из России отправилась специальная комиссия для обследования и изучения как водорослей, так и вопроса о добывании йода в Норвегии..., но оказалось, что все дело добычи йода в Норвегии было монополизировано Германией. Пользуясь своим господством на международном рынке, германский трест заставил все небольшие заводы ограничиваться выработкой лишь сырого йода и направлять его исключительно Германии по определенной цене» [6].

Обозреватель газеты «Приднепровский край» делал вывод о том, что еще «... до войны норвежские производители были в полной кабале у Германии и не имели возможности сами вырабатывать чистый йод для лечебных целей. С наступлением войны дело несколько изменилось и норвежские заводчики, получив свободу действий, начали расширять свою деятельность и приступили к изучению добывания чистого йода» [6].

Однако в Норвегии таких заводов было всего три, и они имели незначительные производственные мощности [6]. На сами заводы комиссию, прибывшую из России, не допускали и перспективы производства йода в Норвегии для России были туманными. Потому обозреватель призывает комиссию обратить внимание на то, что «у нас в Екатеринославе могли бы на нашей русской опытной станции научиться добыванию йода по точным научным методам, дающим столь высокие результаты» [6].

Если отбросить публицистичность, свойственную газетным материалам, то в статье присутствовало рациональное зерно. Особенно следует отметить научно достоверные результаты, полученные Л. В. Писаржевским и Н. Д. Аверкиевым и опубликованные в ряде серьезных научных изданий [15; 16]. Кстати, отметим, что нами обнаружена публикация, в которой Л. В. Писаржевским и С. И. Тельным описан еще один способ получения йода, отличный от каталитического [17], так называемый «электролитический».

Дальнейший ход событий свидетельствовал о том, что правительство проявляло интерес к опытной станции по производству йода в Екатеринославе. Хотя остается невыясненной финансовая сторона

этого вопроса. Как сообщали в 1915 г. газеты, «7 августа товарищ министра торговли и промышленности Д. П. Коновалов в сопровождении начальника горного управления южной России С. Н. Сучкова, помощника его П. А. Хоминского и инженера г. Глыбовского посетил и осматривал опытную станцию по добыванию русского йода Н. Д. Аверкиева и Л. В. Писаржевского, интересовался новыми методами получения йода и исследований водорослей различных побережий России, произведенными на станции. Д. П. Коновалов остался очень доволен оборудованием станции и хорошими результатами работ на ней по добыванию йода» [12].

Работники Екатеринославской опытной йодной станции с профессором Л. В. Писаржевским и старшим лаборантом Н. Д. Аверкиевым [25]

Получаемые йод и его тинктура направлялись в лазареты Одесского военного округа, в Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части и другие лечебно-санитарные службы Российской империи.

Продолжалось также исследование водорослей ряда побережий Российской империи. К осени 1915 г. Н. Д. Аверкиев завершил анализ водорослей Тихого океана, Японского и Белого морей, Ледовитого океана. Наиболее богатыми йодом оказались водоросль «морская капуста», содержащая до 0,257 процентов йода, и *Laminaria* – до 0,18 процентов» [7].

Для решения вопроса о добыче йода в промышленных масштабах в августе 1915 г. перед Департаментом земледелия было возбуждено ходатайство о сожжении водорослей на местах и доставке золы в Екатеринослав. Кроме того, по поручению Верховного начальни-

ка санитарной и эвакуационной части 24 августа 1915 г. Н. Д. Аверкиева отправили на Черное море «для выяснения... новых залежей водоросли «филлофоры», отправки собранных на различных местах побережья запасов водорослей и для выяснения вопроса о постройке печей для сжигания их на местах» [7]. В результате экспедиции Н. Д. Аверкиева, вернувшегося 10 сентября 1915 г., в Екатеринослав стало известно, что значительные запасы необходимых водорослей обнаружены в Ак-Мечетской бухте. Они находились в 50 – 100 саженьях от берега. Это позволяло для их добычи не выходить в открытое море. Последнее было важным в условиях военного времени [8]. Сжигание водорослей предполагалось производить на берегу в имении графини Воронцовой-Дашковой.

Следующим шагом в производстве йода на опытной станции стало усовершенствование технологической линии. Город принял активное участие в переоснащении станции новым оборудованием. С сентября 1915 г. работы на опытной станции шли «при помощи установленных новых аппаратов и машин, изготовленных Брянским заводом (металлургический завод, ныне завод имени Петровского – В. С.). Аппараты эти могли перерабатывать значительное количество золы водорослей и в случае наличия большого запаса материалов, добыча йода могла быть значительной» [8].

Таким образом, к октябрю 1915 г. в Екатеринославе производство йода было налажено. Однако производственных мощностей для обеспечения нужд Российской империи в йоде было явно недостаточно. В связи с этим Министерство земледелия, обратилось к устроителям Екатеринославской опытной станции с вопросом о том, «может ли быть уступлено ими право перерабатывать водоросли на побережье у Владивостока, изобретенными ими материалами или способами» [8].

Было ли уступлено ими это право или нет достоверно нам неизвестно, но известно, что «в сентябре 1915 г. Отделом промышленности при Министерстве торговли и промышленности было получено сообщение, что во Владивостоке произведены удачные опыты добычи йода из морской капусты. Одновременно газета «Русский врач» писала, что «во Владивостоке появился в продаже йод, извлеченный инженером Савинским из морской водоросли. Образцы этого йода посланы в Петроград. Предполагается организовать выработку йода в широких размерах» [3; 24]. В конце года йодсодержащие водоросли из Владивостока были выставлены в Петрограде на клинической выставке «Обеспечение независимости России от заграницы в области практической медицины» [24].

В статье Ю. Уфимцева [24] сообщается, что производство йода в 1916–1917 гг. начало расти. Однако, на наш взгляд, количество ежегодно производимого йода указано явно неточно, ибо оно превышает как потребность Российской империи в то время, так и данные по производству йода в СССР в 1930-е годы.

Что касается Екатеринослава, то производство йода в те годы также продолжало расширяться. Так, в 1916 г. город, с целью увеличения производственных мощностей станции на 50 %, выделил еще один земельный участок в 376 саженой, на котором предполагалось построить еще один корпус [21, с. 180–181; 9, с. 982].

Из материалов более поздних статей Н. Д. Аверкиева следует, что мощность опытной станции была рассчитана на переработку в сутки 5 т золы с выходом соответственно 50 кг металлического йода. Извлечение йода из золы проводилось по способу Л. В. Писаржевского и Н. Д. Аверкиева путем обработки золы водным или спиртовым растворами в аппаратах системы Н. Д. Аверкиева. Получаемый на выходе продукт превосходил по содержанию чистого йода (99,5 %) фармакопические требования (99 %). За период с марта 1915 г. по 1918 г. было выработано 1 тыс. кг металлического йода, 2500 кг йодной тинктуры из остатков сублимации йода и 50 кг йодных препаратов – (йодоформа, йодина, йодглидина и других медпрепаратов) [2].

Гражданская война привела к тому, что после 1918 г. производство йода в Екатеринославе прекратилось. А в 1919 г. опытная станция вообще была разрушена. Возврат к проблеме производства отечественного йода состоялся только на рубеже 1920-х – 1930-х гг. [2; 4].

Екатеринославская йодная станция в контексте поиска путей освобождения от «йодной зависимости» Российской империи, привела к открытию двух подобных заводов (на Белом море и на Дальнем Востоке) [3; 24], общая добыча йода на которых значительно превосходила добычу йода в Екатеринославе. В целом, собственная йодная промышленность проблеме йода для военной медицины в Российской империи не сняла, но в определенной степени смягчила ее. Кроме того, пример той же Японии говорит о том, что проект получения йода из водорослей необходимо было осуществлять как четкую государственную программу. На положительный эффект такого подхода указывает и А. Аржанов, анализируя деятельность Архангельской станции [3].

Что же дала отечественной йодной промышленности деятельность Л. В. Писаржевского и Н. Д. Аверкиева в период Первой миро-

вой войны? Вопрос не такой простой, особенно если учесть, что существует точка зрения, согласно которой получение йода из морских водорослей – это удел «профессоров-романтиков». Кстати, Н. П. Аржанов считал Н. Д. Аверкиева ботаником [3], что неверно. Приведём краткие сведения об Н. Д. Аверкиеве и основных направлениях его деятельности. Н. Д. Аверкиев в 1897 г. окончил химическое отделение физико-математического факультета Московского университета. Длительное время работал в Екатеринославском (Днепропетровском) горном институте, неоднократно бывал в научных командировках в Европе. Основными направлениями его научной деятельности были аналитическая химия и проблемы экологического характера: исследование питательных веществ, в том числе их фальсификации; исследование и разработка механических и биологических методов очистки сточных вод; исследование и разработка новых способов получения йода и йодсодержащих веществ; исследование и разработка химических методов борьбы с вредителями хлеба; исследование питьевых (в том числе и минеральных) вод и т. п. [1].

Дискуссионным является утверждение Н. П. Аржанова о «романтизме» сторонников добычи йода из водорослей и ее бесперспективности [3]. Оно сделано без учета существовавшего достаточно длительное время уровня развития йодной промышленности в мировом масштабе в целом и сложившихся социально-экономических условий периода Первой мировой войны.

Например, Большая советская энциклопедия сообщает, что «сырьём для промышленного получения йода в СССР служат нефтяные буровые воды; за рубежом – морские водоросли, а также маточные растворы чилийской (натриевой) селитры, содержащие до 0,4 % йода в виде иодата натрия» [22]. Да и в целом, добыча йода из водорослей была одним из важнейших направлений мировой химико-фармацевтической промышленности. По информации, «хотя получение йода из водорослей менее рентабельно, чем его попутное извлечение при производстве газа, нитратов и нефти, до 1959 г. оно представляло собой крупный источник йода и до настоящего времени вносит заметный вклад в его суммарное мировое производство» [14]. Новые источники йода, новые способы и разработанные на их основе новые технологии получения йода и йодистых соединений, конечно, изменили эту сферу фармацевтической химии [3; 13; 14; 18], значительно расширив возможности получения йода и йодистых соединений, но не отменили использование водорослей в этой сфере. А если рассматривать получение йода в конкретной исторической

ситуации, на определенном историческом этапе, то следует признать, что свою позитивную роль это направление сыграло. Например, «до 30-х годов (прошлого века) в Японии из них (водорослей – *В. С.*) ежегодно добывалось около 100 т йода. В отдельные годы добыча доходила до 250 т» [14]. Ежегодная потребность же царской России в йоде, по данным, приводимым Н. Д. Аржановым, составляла примерно 115 т [3].

И хотя Екатеринославская йодная станция не решила проблему йода для Российской империи, но в отечественную историю в целом, в историю отечественной науки, в развитие химико-фармацевтической отрасли она вошла как положительный пример воплощения научной мысли в практику промышленного производства, пример, который показал, как можно в условиях военного времени от решения проблемы на теоретическом уровне переходить к ее техническому и технологическому осуществлению в промышленном масштабе.

Библиографические ссылки

1. Архив Академии наук СССР (Санкт-Петербург). – Ф. 303. В. И. Липский. 31 января 1908 – 25 февраля 1936. – Оп. 1, д. 393. *Curriculum vitae* профессора Николая Дмитриевича Аверкиева. – 3 л.
2. *Аверкиев Н. Д.* О добыче йода в УССР из водоросли Черного моря «красная филлофора» / Н. Д. Аверкиев // Химико-фармацевтический журнал. – 1928. – № 8. – С. 10–12; № 10. – С. 9–12.
3. *Аржанов Н. П.* Пятьдесят третий элемент / Н. П. Аржанов // Провизор. – 2003. – № 11 – 13, 20, 21; 2004. – № 7–9.
4. *Бычков И.* Йодная проблема в СССР / И. Бычков // Бюллетень Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР. – 1927. – № 12. – С. 19–22.
5. *Весь Екатеринослав 1915.* Справочная книга // Екатеринослав: Л. И. Сатановский, 1915. – 362 с.
6. Добывание йода // Приднепровский край. – 1915. – № 5568, 7 (20 августа). – С. 4.
7. Добывание йода // Приднепровский край. – 1915. – № 5582, 22 августа (4 сентября). – С. 5.
8. Добыча йода // Приднепровский край. – 1915. – № 5600, 12 (25 сентября). – С. 4. (Воронцова-Дашкова)
9. Известия Екатеринославского городского общественного управления. – 1916. – 15 ноября. – 1 декабря. – 15 декабря. – № 21–23.
10. *Иорданский А.* Багряное сокровище / А. Иорданский // Химия и Жизнь 1983. – № 6. – С. 7–11.
11. Местная жизнь // Приднепровский край. – 1915. – 28 июля (10 августа). – С. 5.

12. Местная жизнь // Приднепровский край. – 1915. – № 5572, 11 (24 августа). – С. 4.

13. Мировое производство йода и йодидов (часть I) // Евразийский химический рынок №10(46). – Октябрь 2008. – С. 74–79

14. Мировой и американский рынки йода – 2011 [Электронный ресурс] // Химия Украины и мира. – Режим доступа : <http://ukrchem.dp.ua/2012/05/07/mirovoj-i-amerikanskij-gynki-joda-2011-god.html>.

15. Писаржевский Л. Каталитический метод выделения твердого йода из растворов / Л. Писаржевский, Н. Аверкиев // Журнал русского физико-химического общества. Часть химическая. – 1915. – Т. 47, вып. 9. – С. 2057 – 2060.

16. Писаржевский Л. Электролитический способ получения твердого йода из растворов / Л. Писаржевский, Н. Аверкиев // Журнал русского физико-химического общества. Часть химическая. – 1915. – Т. 47, вып. 9. – С. 2060 – 2064.

17. Писаржевский Л. Каталитический метод выделения твердого йода из раствора / Л. Писаржевский, Н. Аверкиев. – Екатеринослав, 1915. – 6 с.

18. Позин М. Е. Извлечение йода из водорослей / М. Е. Позин. – Технология минеральных солей (удобрений, пестицидов, промышленных солей, окислов и кислот). Ч. 1, изд. 4-е, испр. – Л. : Изд-во «Химия», 1974. – С. 241–242.

19. Рост аптекарских цен: Доклад аптечной комиссии о снабжении губернии медикаментами // Приднепровский край. – 1915. – № 5580, 20 августа (2 сентября). – С. 5.

20. Старостин В. Артиллерийская площадь [Электронный ресурс] / В. Старостин. – Режим доступа : http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=1372.

21. Старостин В. Комплекс Феодосійських казарм у м. Катеринославі / В. Старостин // Спадщина. – 2013. – Вип. 3. – С. 175–184.

22. Стасиневич Д. С. Йод / Д. С. Стасиневич // Большая советская энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1969–1978. – 1973. – Т. 11. – Италия – Кваркуш.

23. Стешко А. Йодом запахло из наших мест / А. Стешко // Наше місто. – 2001. – № 71 (19 мая). – С. 1.

24. Уфимцев Ю. 53-й элемент приморской промышленности / Ю. Уфимцев // Конкурент. – 2011. – № 22. – С. 22.

25. Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга. – Альбом П 312. Опытная станция по исследованию и добычанию русского йода из морских водорослей, устроенная профессором Л. В. Писаржевским и старшим лаборантом Н. Д. Аверкиевым в г. Екатеринославле. – С н. 10. Работники станции [с] профессором Л. В. Писаржевским и старшим лаборантом Н. Д. Аверкиевым [Фотография]. Дата съемки 1915 г. Место съемки Екатеринослав.

Надійшла до редколегії 15.12.2014

Человек и власть

Нелипович С. Г.

Антинемецкая пропаганда в России в первые месяцы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Ходченко Е. Е.

Власть и меннониты в годы Первой мировой войны: Россия • США • Канада

Нам И. В.

Немецкие переселенцы в Сибири и власть в годы Первой мировой войны: неудавшийся опыт создания самоуправления

Mensch und Macht

S. G. Nelipovič

Antideutsche Propaganda in Russland in den ersten Monaten des Ersten Weltkriegs 1914–1918

E. E. Chodčenko

Die Macht und die Mennoniten in den Jahren des Ersten Weltkrieges: Russland • USA • Kanada

I. V. Nam

Die deutschen Umsiedler in Sibirien und die Machtorgane in den Jahren des Ersten Weltkrieges: Gescheiterte Selbstverwaltung

УДК 94(470+571)«1914/1918»

С. Г. Нелипович

*Архивный отдел администрации городского округа Балашиха
Московской области*

АНТИНЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА В РОССИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.

На основі архівних джерел та матеріалів офіційної преси Російської імперії розглянуто питання ідеологічної та пропагандистської підготовки антинімецької кампанії після початку Першої світової війни, розпалювання міжнаціональної ворожнечі з метою мобілізації суспільної свідомості для збройної боротьби проти Німеччини.

Ключові слова: Перша світова війна, міжнаціональні відносини в Росії, антинімецькі кампанії.

На основе архивных источников и материалов официальной прессы Российской империи рассматриваются вопросы об идеологической и пропагандистской подготовке антинемецкой кампании после начала Первой мировой войны, официального разжигания межнациональной розни с целью мобилизации общественного сознания для вооруженной борьбы против Германии.

Ключевые слова: Первая мировая война, межнациональные отношения в России, антинемецкие кампании.

Auf Grund von Archivquellen und Materialien der offiziellen Presse des Russischen Reiches geht der Verfasser des Beitrags der Frage nach ideologischer und propagandistischer Vorbereitung der antideutschen Kampagne nach Beginn des Ersten Weltkrieges nach. Behandelt werden Fragen im Zusammenhang mit dem offiziellen Schüren des Völkerhasses zwecks Mobilisierung der öffentlichen Meinung zum Kampf gegen Deutschland.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, zwischenethnische Beziehungen in Russland, antideutsche Kampagne.

The article is devoted to anti-German propaganda, spread in Russia before and in the first months of World War One. It studies propagandist steps of the military and civil leadership of the Russian empire in general context of «total war», waging not against state, but against nation – characteristic and tragic feature of the conflicts in XX century. The analyses of the documents and publications shows that ideological preparation for war started long before the beginning

of military actions on the 1 of August 1914. Anti-German propaganda in Russia declared the aim of war as fight with «Germanism» and «liberation of Slavs from German stranglehold». The author described how the image of German enemy was formed in mass conscience both inside and outside the country. The article shows the attitude towards German colonists as agents of «Germanism» in Russia, and to their settlements – as to special fortifications for enemy army. These advanced slogans were used as justifications for repressions against German population.

The author analyses the article of H. Verchevskii «The German ring» (1914) which became «program» statement against peasants of German origin. It ideologically validated the need to deprive Germans of land in Poland. The author stated that the politics intending to stir up Poles and Jews against German diaspora failed. Anti-German agitation was not apprehended by masses of village population because of its semi literacy and poor spread of print.

Appendix includes documents from Russian state military archive, confirming the facts of anti-German propaganda, which tried to influence both soldiers and officers of the army and local population.

Keywords: World War One, international relations in Russia, anti-German companies.

Первая мировая война, ставшая трагическим прологом XX столетия, принесла множество коренных изменений в общественную жизнь. Одним из них была тотализация конфликта – война должна была вестись не только на поле боя, но и проникнуть в сознание людей.

На первый взгляд это было новым явлением после так называемых «чистых» конфликтов XIX века. Но стоит вспомнить о наполеоновских войнах, когда английская и русская сторона не жалели средств для пропагандистских кампаний. Во многом и освобождение Германии от французской оккупации в 1813 г. свершилось при основательной идеологической подготовке.

Для Российской империи, имевшей давние дружественные, экономические, культурные и династические связи с Германией, вступление в войну с ней означало серьезный кризис в общественном сознании, в каком бы зачаточном состоянии оно ни было к лету 1914 г. О неприятии войны народными массами было написано много. Однако нельзя не признать, что определенная эйфория, связанная с объявлением войны, имела место в русском обществе, а точнее сказать в привилегированной его части. Были и старания распространить верноподданнические чувства на все слои общества.

Сделавший почти блестящую карьеру во время Первой мировой войны генерал от кавалерии А. А. Брусилов, писал в мемуарах о том, что солдаты не знали «истинных» целей войны, а именно «борьбы с

германизмом», против «немецкого засилья». Он возлагал ответственность за это на правящие круги, которые, по его мнению, недостаточно внушали простому солдату идею великой борьбы славянства против немцев [1] Насколько это соответствовало действительности?

Анализ даже небольшого числа опубликованных и архивных источников рисуют иную картину. Уже в манифесте о войне от 20 июля (2 августа) 1914 г. император Николай II заявил о защите братьев-славян от немцев. В обращении Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича также говорилось об «исторической миссии» освобождения славян, историческими врагами и угнетателями которых выступали, естественно, немцы. Такой же смысл имело и воззвание Великого князя к полякам от 1 (14) августа 1914 г. А уже 29 июля (11 августа) 1914 г. последовала депортация немецкого населения (русских подданных) из окрестностей крепости Новогеоргиевск – на расстояние не менее 25 верст. Причем эта мера постигала поселенцев, получивших земельные наделы по указу от 19 февраля 1864 г. (то есть это были потомки тех, кто сохранил верность режиму во время польского восстания 1863–1864 гг.) [2].

«Идеологическая» подготовка к конфликту началась гораздо раньше. За неделю до объявления войны, 13(26) июля 1914 г., было высочайше утверждено «Положение о подготовительном к войне периоде» (постановление Совета министров). Оно включало изменения в правилах цензуры. Так, под запрет попала вся информация о «действительном положении иностранных выходцев и поселенцев» на территории России, прежде всего о «немцах-колонистах» [3].

1 (14) августа 1914 г. были приняты меры и военным командованием. В приказе № 30 главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от артиллерии Н. И. Иванова, в частности, говорилось: «Разъяснить всем чинам вверенных мне армий, от последнего рядового, основную мысль, ради которой Россия взялась за оружие. Разъяснить, что Россия воюет по дерзкому вызову общих врагов всего славянства – Германии и Австрии». Далее говорилось о необходимости для поляков соблюдать «полную лояльность» [4].

Еще одной стороной пропагандистской подготовки к антинемецкой кампании стало перепечатанное в полковых приказах 16-й пехотной дивизии обращение («рапорт») ломжинского раввина и известного талмудиста Л. М. Гордина от 4 (17) августа 1914 г. В нем раввин сообщал о сделанном им призыве к евреям во всех синагогах: «Каждый еврей, знающий, где немцы прячутся, или знающий кое-что, могущее принести пользу отечеству вообще, а нашим военно-

начальникам и полиции в особенности, обязан непременно сейчас об этом донести Начальству». Кроме этого, он толковал фразу об «амалакитянах» Пятикнижия, которых Бог повелел стереть с лица земли, именно как о немцах – «народе Амалака» [5].

Наконец, 5 (18) августа от Верховного главнокомандующего последовало «Воззвание к русскому народу» (славянскому, по большей части украинскому населению Галиции), где завоевание Галиции преподносилось как освобождение «подъяремной Руси» и «завершение дела великого князя Ивана Калиты» [6].

Таким образом, накануне объявления войны и в первые ее дни, еще до развертывания активных действий (как раз накануне вторжения в Восточную Пруссию и Галицию), в действующей армии уже велась пропаганда, направленная в первую очередь на разъяснение, а по большей части на декларацию цели войны как борьбы с «немцами» и освобождении «славянства». Упор при этом делался на изоляцию Германии от наиболее вероятных «сочувствующих» – поляков и евреев Царства Польского. Последнему способствовал и «Калишский инцидент» (репрессии против населения губернского города Калиш, на улицах которого были обстреляны неизвестными лицами германские войска), раздутый германской пропагандой до размеров чудовищного преступления против человечества и ставший расхожей темой «лубочных картинок». Пропагандистская война дала свои плоды. Даже после окончания войны один из лидеров польского национального движения Е. Оренски отмечал: «Если бы не было погрома в Калише, наверняка он был бы воспринят с большей сдержанностью, которой он целиком заслуживал. Он ведь не давал ничего, кроме общих мест и туманных фраз. Немецкая прокламация, обещавшая полякам «вольность и независимость», после Калишского погрома не воспринималась иначе, как фразерство» [7].

В дальнейшем портрет «германца» стал обрисовываться четче. В официальной газете Военного ведомства «Русский Инвалид» 6 (19) сентября 1914 г. впервые появился термин «немецкое засилье» и «засилье немца». Автор статьи В. А. Алексеев, правда, сравнивал это «явление» с более страшным, по его мнению, засильем водки и вина в России [8]. Но это был один из первых намеков на «внутреннего врага», так как статья описывала колонию гернгутеров в Сарепте. 8 (21) октября в газете появилась статья «Великая война славян за освобождение от немецкого засилья», где уже не скрывалось отношение к «немцам-колонистам» как к агентам «германизма» в России [9].

В начале октября 1914 г. (новый стиль) главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта объезжал войска на Варшавском направлении и выступал с краткими речами, в которых четко конкретизировал образ врага: это немцы, считающие славян скотом, навозом для удобрения «их немецких полей», которым на юге России сейчас принадлежит будто бы 70 % земли. При этом Н. И. Иванов прибавлял: «Среди вас есть много честных обруселых немцев. Не смешивайте их с врагами нашими. Они те же русские, а начальники из них заботятся о солдате» [10]. Так конкретизировался образ врага: германские войска, ведущие боевые действия, и немцы, владеющие землей в России, но не офицеры немецкого происхождения! Остаются поселяне-собственники, именуемые уже тогда официально «немцами-колонистами».

В это же время в Варшаве были получены доносы о якобы имевшей место массовой сдаче в плен саратовских немцев. Не говоря уже о том, что укомплектованные в Казанском военном округе части не воевали под Варшавой, следует отметить здесь «инициативу снизу», которая не могла в тех условиях проявляться без «команды сверху». Речь идет о доносе Б. Сувальда, прибегшего к заведомо ложному «важному» заявлению о сдаче в плен и даже о переходе на сторону противника около ста солдат «из немцев» у фольварка Гонсин. Разбирательство Сувальда, обвиненного в клевете, длилось с середины ноября 1914 г. по 7 января 1915 г., но национальность сдавшихся не была установлена [11]. Для пропаганды эти «частные детали» были уже не важны.

С перенесением боевых действий на территорию Варшавской губернии случайные и стихийные самочинные аресты и задержания «подозрительных» приняли более регулярный характер. Если в августе 1914 г. такие инциденты были редкими, то 25 октября (7 ноября) 1914 г. распоряжением Варшавского генерал-губернатора генерал-лейтенанта А.Ф. Турбина все задержанные подлежали высылке как «подозреваемые в шпионаже» [12].

«Программным» выступлением против крестьян немецкого происхождения стала большая статья Х. Верченьского «Немецкое кольцо» (Perskien Niemecki) в журнале *Tygodnik Ilustrowany* («Иллюстрированный Еженедельник») № 45 за 1914 г. Позднее автор работал в МИДе Польши, готовя «идеологическое» обоснование для лишения немцев земли в Польше. «Теперь мы хорошо осознаем, что эта тихая добровольная колонизация на польских землях и далее – к богатым землям южной России, есть планомерное создание немецких плац-

дармов к востоку и усиление их, с конечной целью вытеснения местного населения и заменой его на немцев-колонистов. И потому борьба с немцами, сдерживание волны, идущей с запада, есть дело, касающееся не только Поляков, но и России. Общая защита наших интересов велит обоим народам – польскому и русскому – воевать с немцами в едином строю» [13].

Автор прямо писал о «направленности и планомерности географии расселения», о «направлении колонизации по утвержденному свыше плану». Колонии (907 и присутствие немцев в 2179 польских деревнях) назывались им не иначе, как «левое крыло армии немцев-колонистов» (о поселениях в Сувальской губернии), «самое сильное крыло немецкой колонны» (Калишская и Петроковская губернии – более 320 тыс. человек), «запасная коммуникационная линия» (Радомская и Люблинская губернии). Он обращал внимание на то, что во всех 27 гминах на левом берегу Вислы и в 18 на правом берегу живут немцы-колонисты – «форпост» германской колонизации (приводится число населения по гминам Плоцкой, Варшавской, Люблинской и Радомской губерний – 66 075 человек, но это чуть более четверти живших там немцев, или 10–11 % немцев Царства Польского) [14].

В «реферате» указывалась и «главная вина» немцев-колонистов. Верченский подчеркивал: «Если бы [немцы-колонисты] были равномерно расселены по всему краю, то давно бы ассимилировались, как их предшественники – голландские буры или немецкие бюргеры Кракова». Особенно досталось школам: «Дети до 7–10 лет не знают другого языка, кроме немецкого. Их густо населенные школы, так называемые кантораты, с исключительно немецким языком, воспитывают не только их общий язык, но и чутье, обязанности, идеалы немецкие. Старшие поддерживают связь с родиной литературой и периодическими изданиями, которые выписываются в большом количестве» [15].

Военные трудности и постепенное осознание длительного, затяжного характера войны усиливали пропагандистские меры, но одновременно и ослабляли их воздействие на население. Поздней осенью 1914 г. русское военное командование должно было признать, что ему не удалось лишить вооруженные силы противника поддержки среди главным образом не немецкого населения Царства Польского, ни завоевать симпатии населения Галиции в качестве «освободителей от немцев». Находившийся на оккупированной территории Галиции член Государственной думы граф В. Бобринский признавал-

ся: «Если ... восточная Галиция и Буковина будут совершенно обукраинены, то тогда вся сила вражеского натиска будет направлена на нашу Малороссию, и украинская пропаганда у нас значительно усилится. Мы спасаем не галичан, не буковинцев, не угрорусских: они тут все ни при чем, а спасаем только самих себя» [16].

Новая публицистическая волна готовила вполне осознанное решение о депортациях и лишении собственности представителей немецкой диаспоры в Российской империи. В ряду грядущих решений стояло и решение Верховного главнокомандующего в отношении частной собственности на территории Германии. Оно было провозглашено в секретной директиве начальника штаба и генералквартирмейстера армий Северо-Западного фронта В. А. Орановского и М. Д. Бонч-Бруевича от 27 сентября 1914 г. (ст. ст.): «Главная задача военных действий есть стратегическое одоление неприятеля, разгром его армии. Наряду с ней нельзя однако забывать – и это в особенности приложимо к Германии, – как стране интенсивного экономического развития и капиталистического строя жизни – о другой задаче: истощении жизненных сил врага, подрыва благосостояния нации как целого... В виду того, что частное имущество является по существу достоянием общенациональным и жизненным нервом общенациональной производительной деятельности, принцип неприкосновенности может иметь лишь относительное применение. В той борьбе, в которую мы вовлечены, было бы непростительно руководствоваться отвлеченными, шаблонно-формальными началами к их истинному современному значению и кругу действия в конкретных случаях» [17].

12 (25) декабря 1914 г. в «Русском Инвалиде» появляется статья Л. В. Евдокимова «Немецкие крепости на русской земле», где поселения немцев-колонистов были объявлены специально укрепленными местами для армии противника [18]. В это же время начинается депортация немцев-колонистов с левого берега Вислы – первое полное выселение без каких-либо определенных законом оснований. Вскоре оно было дополнено выселением с правого берега, по сторонам от железных дорог, и наконец – полной депортацией из Царства Польского, совпавшим с подписанием первого «ликвидационного закона» от 2 (15) февраля 1915 г.

Анализ приведенных документов и публикаций показывает, что «идеологическая подготовка» к войне с Германией и формирование в массах образа врага-немца как извне, так и внутри страны была начата до объявления войны 1 августа 1914 г. Провозглашенные лозунги

«борьбы с германизмом» и «освобождение славянства от немецкого засилья» вскоре получили характер оправдания репрессивных действий против части населения собственной страны, всегда отличавшейся если не полной лояльностью, то аполитичностью. Натравить на немецкую диаспору поляков и евреев, как наиболее массовое население приграничных губерний, вплоть до принятия решений о депортации, не удалось. Более того, и эти народы были также затронуты политикой секвестров собственности и выселения.

Попытки национального стравливания уступили к концу 1914 г. новому направлению – обвинениям в адрес немецкой общины России в привнесении враждебного влияния, в подготовке к вражескому вторжению, наконец – в «мирном завоевании». Это становилось частью подготовки «общественного мнения» к будущей практике депортации и лишения собственности. Эти попытки в целом надо признать неудачными, поскольку масса сельского населения, кому собственно и адресовалась антинемецкая агитация, не могло ее воспринимать по причине малограмотности и слабого распространения печатных изданий вообще.

Тем не менее, следует рассматривать пропагандистские шаги военного и гражданского руководства Российской империи, направленные против немецкой общины страны, в общем контексте ведения «тотальной войны» не против государства, а против народа, ставшего характерной и трагической чертой конфликтов XX века.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от артиллерии Н. И. Иванова от 1 (14) августа 1914 г.

Разъяснить всем чинам вверенных мне армий от последнего рядового основную мысль, ради которой Россия взялась за оружие. Разъяснить, что Россия воюет по дерзкому вызову общих врагов всего славянства – Германии и Австрии, из которых последняя совершила разбойничье нападение на братское нам славянское государство – Сербию.

Развязывая войну, Австрия руководствовалась только материальными расчетами. Постоянная защитница славянства – Россия, вновь решительно выступая в этой роли, как всегда, движима одними нравственными побуждениями. Поэтому живущие в России и за рубежом поляки, доказавшие своим поведением понимание ими идеи борьбы за независимость и величие славянства, а в связи с этим – полную за-

конность отношения к нашим армиям и правительственным постановлениям, будут находиться под особым покровительством тех и других. Личная и имущественная безопасность поляков от каких бы то ни было насилий будет ограждена самыми решительными мерами. Всякие нарушения личных и имущественных прав поляков, не уличенных во враждебных к России действиях, будут караться по всей строгости законов военного времени.

РГВИА. – Ф. 2685, оп. 2, д. 116а, л.126. Цитируется по объявлению в приказе по 71-му пехотному Белевскому полку.

Приложение 2.

Раввин города Ломжи Ломжинского божничного округа Л. М. Гордин – его высокоблагородию господину коменданту г. Ломжи, 4(17) августа 1914 г.

Рапорт

В военное время, в котором мы живем, внушает мне доложить Вашему Благородию, как Господину Коменданту города Ломжи, о следующем.

В местной синагоге и во всех молитвенных домах в городе Ломже я обнародовал: каждый еврей, знающий, где немцы прячутся, или знающий кое-что, могущее принести пользу отечеству вообще, а нашим военно-начальникам и полиции в особенности, обязан непременно сейчас об этом донести Начальству. Слыша сии слова, весь народ с восторгом отвечал: «мы охотно это сделаем».

Также считаю своим долгом присовокупить тут и следующее.

Евреи, по традиции здешнего края, питают чувство сильной ненависти к Германии, и зная хорошо, что она мать юдофобства и антисемитизма (известно всем, что на почве Германии родился выродок – антисемитизм, открывший Пандорин ящик в отношении к живущим по всем частям света евреям), считая немцев амалакитянами, или, вернее, потомками Амалака, о котором Моисеево пятикнижие – Исход 17 ст.14 и 15; Второзаконие 25 ст.19 – гласит: MILCHOMO LAASCHEM BAAMELEK, TYMCHE ZECHER AMALRA, что на отечественном языке значит: «Сам Бог воюет с Амалаком, сотри с лица земли потомков Амалака», пламенно желают погибели немцам и всячески стараются прийти на помощь нашей русской доблестной армии. Все вышеизложенное я хотел словесно доложил (так в оригинале – С. Н.) Вашему высокоблагородию 2-го сего августа, когда желал иметь у Вас аудиенцию и говорить об амалакитах в пос. Новогрод.

С молитвою на устах о ниспослании победы нашему русскому оружию, долженствующему спасти теперь отечество и сынов его от врагов, сиречь, немцев-амалакитян, я кончаю сей рапорт.

Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2628, оп. 2, д. 76, л. 106. Обнародован в приказе по 14-му пехотному Олонецкому полку.

Приложение 3.

Из приказа по Лейб-Гвардии Волынскому полку от 23 сентября (6 октября) 1914 г.

22-го сего сентября на переходе полка из Гарволина в район посада Колбель, в лесу между дер. Михалувка и Липувка, изволил смотреть на походе Главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта Генерал-адъютант Иванов. Обходя полк, собранный побатальонно в резервные колонны, Его Высокопревосходительство изволил обращаться к Волынкам со следующим приветом:

«Желаю вам, братцы, успеха, доброго здоровья, счастья, побед, Вам не привелось еще быть в бою, но я уверен, что вы в нем послужите царю также, как не мало потрудились и теперь. Помните, ребята, что вы сражаетесь с немцами, которые считают нас славян за быдло, рабочий скот, который на них, немцев, должен работать, Один важный немецкий сановник на совещании высказался, что славяне – это навоз для немцев, который им нужен для удобрения их немецких полей. Знайте, что несколько десятков лет тому назад, на юге России было земли в руках немцев и жидов 30 %, а в руках Русских 70 %, ныне наоборот, в руках немцев и жидов 70 %, а в руках Русских 30. Вот так жмет немец. Потихоньку да полегоньку. Жмет по закону по-немецки, а жить русскому человеку все трудней и трудней. Русских в Австрии было 4 миллиона, поляков – 10 миллионов, других славян под немцем до 40 миллионов. Своих славян немец уже задушил, теперь и до нас хочет добраться».

Затем Главнокомандующий изволил добавить: «Среди вас есть много честных обруселых немцев. Не смешивайте их с врагами нашими. Они те же Русские, а Начальники из них заботятся о солдате».

РГВИА. – Ф. 2573, оп. 2, д. 141, л. 66.

Приложение 4.

Приказ командующего 10-й армией генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса от 1 ноября 1914 г. № 123

Согласно повелению Верховного главнокомандующего при действиях вверенных мне войск в пределах Германии предписываю:

1. Ввиду явно враждебного к нам отношения немецкого и еврейского населения удалять всех жителей немцев и евреев мужского пола и рабочего возраста вслед за отступающим неприятелем.

2. Тщательно осматривать госпитали и больницы, поручая это дело офицерам, объявлять военнопленными всех находящихся там здоровых и отправлять немедленно их в тыл.

3. Брать в крупных населенных пунктах заложников из числа наиболее зажиточных и почетных жителей немцев, объявляя им и местному населению, что заложники отвечают жизнью за всякое проявление враждебности к нашим войскам.

4. За малейшее проявление враждебности местных жителей к нашим войскам налагать чувствительные контрибуции властью старших начальников до начальников дивизий включительно.

5. Принимать меры предосторожности в ограждение себя от приходящего германцам вероломства. Такими мерами могут служить обыски, осмотры погребов и печей, воспреещение выхода из домов от наступления темноты до рассвета, недопущение выезда и въезда в населенные пункты и воспреещение работ в поле и в лесу.

6. За выдачу жителями скрытых станций радиотелеграфа, подземных проводов и телефонов, стоянок воздухоплавательных аппаратов немедленно давать крупные денежные награды за счет взыскиваемых контрибуций.

7. В самой широкой мере применять административную и войсковую реквизицию, преследуя мародерство со всею строгостью закона.

8. Излишек собранных или обнаруженных в складах запасов вывозить в Россию, в пункты по выбору главного начальника снабжений.

9. Сбор местных средств производить эксплуатационными командами, образуя их из состава отдельных дружин, приданных начальнику этапно-хозяйственных отделов каждой армии.

10. Имущество частных лиц, проявивших враждебные действия против нас, уничтожать немедленно.

11. Всякое казенное имущество, принадлежащее Германскому государству, если его нельзя вывезти, уничтожать или приводить в полную негодность, а равно уничтожать железные дороги, кроме тех, которые приказано будет сохранить.

12. В видах подрыва обрабатывающей промышленности и подрыва этим благосостояния Германского государства основательно портить машины на казенных и частновладельческих фабриках, поручая это дело саперам.

13. Уничтожать всякого рода оборонительные сооружения, укрепления и блокгаузы.

За уклонение от настоящего приказа или за неточное его исполнение буду налагать самые строжайшие взыскания.

РГВИА. – Ф. 3744, оп. 2, д. 8, л.119, об. Цитата по приказам 68-й артиллерийской бригады.

Библиографические ссылки

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов.. – М., 2004.
 2. Archiwum Panstwowy Miasta Stolecznego Warszawy (APW). Zespól Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 576. L.181. Прошение выселенных крестьян варшавскому военному генерал-губернатору. 13 (26) августа начальник Варшавского уезда разрешил выселенным жить в д. Бялоленка.
 3. Ibid. Jedn. Arch. 575. L.1–3. **Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати.**
 4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2685, оп. 2, д. 116а, л.126. Приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 1 августа 1914 г. № 30.
 5. РГВИА. – Ф. 2628, оп. 2, д. 76, л. 106. Обнародован в приказе по 14-му пехотному Олонечкому полку.
 6. APW. Zbior Korotynskich- X. – L. 31. Воззвание к русскому народу 5 августа 1914 г.
 7. Archiwum Akt Nowych. Zespól Biuro Prac Kongresowych. Jedn. Arch. 206. – S. 4–5.
 8. Русский Инвалид, 6 сентября 1914 г. – № 195. – С. 5. Речь шла о колонии гернгутеров в Сарепте.
 9. Там же. 8 октября 1914 г. – № 223. – С. 4.
 10. РГВИА. – Ф. 2573, оп. 2, д. 141, л. 66. Из приказа по Лейб-Гвардии Волынскому полку от 23 сентября 1914 г. № 28.
 11. APW. Zespól Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 582. L. 2, 3, 6. **Донес Болеслава Сувальда 15 ноября 1914 г., материалы допросов и переписка с начальником Блонского уезда статским советником А. Ланским по 7 января 1915 г.**
 12. APW. Zespól Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 610. L.135. Распоряжение Варшавского генерал-губернатора.
 13. AAN. Z.515 Biuro prac kongresowych przy MSZ w Warszawie. Jedn. arch. 177. S.2–3
 14. Ibidem. Jedn. arch. 177. – S. 8–12.
 15. Ibidem. – S.13.
 16. Цитата по: Заполовський В. Буковина в останній війні Австро-Угорщини 1914–1918. – Чернівці, 2003. – С. 28.
 17. РГВИА. – Ф. 3509, оп.1, д.917, л. 267–268.
 18. Русский Инвалид, 12 декабря 1914 г., № 288. – С. 4.
- Надійшла до редколегії 03.10.2014*

УДК 94:286.12((470+571)+7)

Е. Е. Ходченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВЛАСТЬ И МЕННОНИТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РОССИЯ • США • КАНАДА

Представлено результати дослідження періоду життя і діяльності менонітів та німців у роки Першої світової війни. Окреслено їх правове становище, взаємовідносини і взаємодію з владою та громадянським суспільством Росії, США та Канади.

Розглянуто питання: формування антинімецьких настроїв у суспільстві, обмеження громадянських прав і маркерів культури, звинувачення в шпигунстві, призивне законодавство і служба в армії. Наведено закони та укази місцевих урядів, які регламентували життя та діяльність менонітів і німців у цей період.

Ключові слова: меноніти, німці, Перша світова війна, США, Канада, Росія.

Представлены результаты исследования периода жизни и деятельности меннонитов и немцев в годы Первой мировой войны, их правового положения, взаимоотношений и взаимодействия с властью и гражданским обществом в России, США и Канаде.

Рассмотрены вопросы: формирование антинемецких настроений в обществе, ограничение гражданских прав и маркеров культуры, обвинения в шпионаже, призывное законодательство и служба в армии. Приведены законы и указы местных властей, регламентирующих жизнь и деятельность меннонитов и немцев в этот период.

Ключевые слова: меннониты, немцы, Первая мировая война, США, Канада, Россия.

Vorgestellt werden Forschungsergebnisse über das Leben und die Aktivitäten der Mennoniten und Deutschen während des Ersten Weltkrieges, ihre Rechtslage, die Wechselbeziehungen mit der Macht und der bürgerlichen Gesellschaft in Russland, den USA und in Kanada.

Behandelt wurden folgende Fragen: Entstehung und Entwicklung antideutscher Stimmungen in der Gesellschaft, Einschränkung von Bürgerrechten und kultureller Identitäten, Spionage-Beschuldigungen, Einberufungsgesetze und Kriegsdienst. Eingegangen wird auf Gesetze und Erlasse von Lokalbehörden zur Reglementierung des Lebens von Mennoniten und Deutschen in jener Zeit.

Schlagwörter: Mennoniten, Deutsche, Erster Weltkrieg, Russland, USA, Kanada.

The life and activity of the Germans and the Mennonites during the First World War, their relationships and interaction with the government and civil society in Russia, the US and Canada are researched.

The formation of anti-German moods in society, the restriction of civil rights and the markers of culture, accusations of espionage, recruiting law and military service are studied. The laws and ordinances of the local authorities governing the life and activity of Mennonites and Germans in this period are given.

It was found that during the First World War in societies of all considered states anti-German sentiments were formed and widespread. Mennonites in United States and Canada were not psychologically arranged, unlike the Russian Mennonites, to perceive and assess the situation within the beginning of war.

In all these countries there were introduced restrictions on national German cultural markers, and community members were under police surveillance. The authorities of Russia and Canada were more loyal to Mennonites than to Germans. In Russia and the US the Mennonites were drafted into the army, and served mostly voluntarily in Russia, and forcibly in America. In the army their religious beliefs were taken into account and they did not forced to use the weapon. Only in the United States the degree of public hostility to the Mennonites exceeded antipathy towards ethnic Germans. The reluctance of Mennonites to promote the war effort resulted to large-scale mob-violence. In terms of moral oppression in the United States Mennonites suffered the most significant. However, only in Russia, the government decided to expropriation property, which resulted in the deterioration of the food situation in the country and the plight of thousands ethnic Germans and Mennonites families.

Keywords: the Mennonites, Germans, World War I, the United States, Canada, Russia.

Вопрос восприятия общественностью конфликтных ситуаций, таких как война, остается актуальным для социологов, психологов и историков. Но более всего он затрагивает тех, кто, являясь гражданами воюющего государства, этнически принадлежит к народу второй стороны конфликта. В таких случаях общественность и власть нередко воспринимает их как врагов, ответственных за горечь потерь и невзгод. Так было в России, США и Канаде с немцами и меннонитами в период Первой мировой войны.

В задачу исследования входит анализ и сравнение взаимодействия между властью и сообществами меннонитов в период Первой мировой войны, особенностей внутренней политики этих государств по отношению к рассматриваемой группе и их правовое положение.

Прежде всего необходимо отметить существенные различия расположения рассматриваемых государств относительно театра вооруженного противостояния: на территориях США и Канады, в отличие от России, военных действий не велось. Не было и угрозы переноса

конфликта на территорию Америки, что отразилось и на ограничениях в правах вводимых против немцев и меннонитов. Кроме того, в России «немецкий вопрос» возник еще в 80-е гг. XIX ст. Со временем он становился острее и уже к концу столетия некоторая часть русского общества представляла его как помеху развития русской национальной идеи и страны в целом [2, с. 7]. Причинами этого являлось увеличение численности немцев, конкуренция на рынке земли¹, а к 1910 г. и в промышленности. К началу войны экономические противоречия стали главной причиной того, что антинемецкая тема приобрела широкий резонанс в обществе [4, с. 418]. Однако именно наличие антинемецких настроений психологически подготовило российских немцев и меннонитов к ограничениям в правах с началом военных действий, в отличие от американских и канадских соплеменников. К тому же российские меннониты уже более тридцати лет были военнообязанными и определенно знали, что служба в армии не противоречит устоям их веры, так как не связана с необходимостью брать в руки оружие и убивать. Американские же меннониты, полагая, что призыв им не грозит, ничего об обязанностях службы не знали и подготовлены к ней не были. Поэтому внезапно возникавшая перспектива стать солдатом – действующим лицом и пособником войны, стала трагедией для многих призываемых.

Начало войны. Восприятие ситуации.

Когда 13 августа 1914 г. Совет министров России объявил о привлечении меннонитов на военную службу в действующую армию, это было воспринято ими спокойно. В сложившихся условиях меннониты понимали и необходимость своей активной публичной поддержки военных усилий. Повсеместно были предприняты публичные молитвы о преданности царю, во славу русского оружия, происходил сбор пожертвований, демонстрирующий материальную поддержку меннонитами государства. Уже в августе 1914 г. Гальбштадской и Гнаденфельдской волостями на военные нужды были переданы 164 тыс. рублей [24, с. 1]. Сообщество проявило инициативу и в вопросе конкретного содействия армии. Было предложено привлекать призывников не только к лесным и дорожным работам, но и в качестве санитаров на фронте. В связи с этим в сентябре 1914 г. представитель меннонитов член Государственной думы Г. А. Бергман обратился с данной просьбой напрямую к Николаю II [3, с. 2]. Был со-

¹ В Канаде в виду наличия свободных земель земельный вопрос остро не стоял. В США дефицит земли имел место, но решался за счет миграции в Канаду.

ставлен четкий план, предусматривавший направление 3 тыс. призывников меннонитов в военное ведомство, а 2 тыс. на выполнение работ по охране, заготовке леса и на дорожные работы [7].

Канада в начале войны переживала период социальных волнений из-за роста безработицы. Этнические немцы в стране были представлены сельскохозяйственными общинами в прериях, рабочими, интеллигенцией и предпринимателями в городах. Меннониты, в основном, жили на фермах (в провинциях Манитоба, Саскачеван, Альберта и Онтарио). Начало войны не отразилось на их повседневной жизни. Обнародованная в августе 1914 г. декларация премьер-министра Р. Бордена о том, что граждане Канады и иммигранты немецкого происхождения могут продолжать мирно жить, работать и не будут преследоваться, если они лояльны к законам страны и не будут оказывать помощь враждебным державам, обеспечивала спокойствие в колониях. Свою пацифистскую позицию на войну сообщество официально не высказывало. Только несколько голосов прозвучало «против» в 1914–1915 гг. [50, с. 22].

Для сообщества меннонитов в США в 1914–1915 гг. войны как бы не существовало. Ее ощущали лишь по повышению уровня цен на зерно [50, с. 6, 22]. Согласно анализу публикаций издания «Меннонит» первая статья на тему войны вышла только 16 марта 1916 г.

Меннониты в США, наравне с гуттеритами и квакерами, в случае военного конфликта считали себя огражденными от призыва в армию, ибо глава 134 Закона Конгресса от 3 июня 1916 г. гласила: «граждане, которые считают, что из-за религиозной веры не могут служить в армии должны требовать освобождения» [45].

Национальная политика

В каждом из рассматриваемых государств власти в период войны видели в немцах и меннонитах обособленную национальную группу, связанную с Германией по крови, культуре и языку. По отношению к ним формировалась особая политика, которая соответствующим образом координировалась союзными правительствами России, Франции, Англии [20] и, естественно, была воспринята Канадой как британским Доминионом. Внутриполитический курс Конгресса США также корреспондировался в этом вопросе с политикой Антанты. Поэтому многие действия властей по отношению к немцам, меннонитам и выходцам из Австро-Венгрии были схожими – создавалась атмосфера подозрительности и недоверия, осуществлялся надзор полиции и вводились ограничения маркеров культуры. Однако были и свои особенности. В США главным тестом на лояльность предста-

вителей указанных групп стала их финансовая поддержка военных усилий государства. Тех, кто не делал этого добровольно, любыми методами вынуждали приобретать облигации военного займа (ОВЗ). В случаях отказа, неприязнь и терпимость превращались в ненависть и насилие. Это не было официальной политикой федерального правительства, осуществлялось силами общественных активистов из народа и больше являлось проявлением антинемецкой позиции широкой общественности, однако координировалось, направлялось или поощрялось властями штатов.

В Канаде акцент был сделан на разъяснение преимуществ английского образа жизни и подъем патриотизма, которые внушались молодым меннонитам и немцам в общественных школах; притеснялись частные немецкоязычные школы; затруднялось распространение языка как одной из основ немецкой идентичности.

В России антигерманские настроения, поддерживаемые и направляемые государством под лозунгом «борьбы с немецким засильем», наиболее ярко проявились в «ликвидационном законодательстве». При этом удивителен факт, что многие ключевые посты в государстве, в том числе в действующей армии, продолжали занимать немцы и австрийцы².

Отчуждение собственности

Уже 3 августа 1914 г. министр Внутренних дел России Н. А. Макаков затронул вопрос об изъятии у немцев частной собственности. А в октябре по инициативе члена Госсовета Ф. Ф. Трепова делу был дан ход, воплотившийся в первые ликвидационные законы от 2 февраля 1915 г. [33]. Закон «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских и германских выходцев в приграничных областях», по которому подлежало очистить 100–150 - верстовую зону вдоль границ и стратегических объектов, был инициирован военным ведомством и являлся логичным с точки зрения без-

² Премьер-министр, министр внутренних дел Б. В. Штюрмер, командующий Черноморским флотом Эбергард, главнокомандующий Северным фронтом Плеве, начальник штаба Кавказского военного округа фон Рубенау, Главноуполномоченный Красного Креста при Верховном главнокомандующим Кауфман, Особоуполномоченный по закупке скота для Военного ведомства гофмейстер Гербер, управляющий министерства Земледелия Риттих, вице-председатель Государственного Совета Дейдрихт, большинство Совета по делам по принудительному отчуждению недвижимого имущества: тайные советники Шлеман, фон Гильдебрандт, Нейгарт и многие другие.

опасности государства в военное время. На практике это означало принудительное выселение лиц немецкого происхождения. По данным Э. Лора только с Волыни было вывезено около 116 тыс. немцев [2, с. 27]. Первые Ликвидационные законы не затрагивали конкретно меннонитов, но в общероссийском масштабе заложили начало двух проблем: появления в городах беженцев-немцев без средств существования, что усилило антигерманские настроения; дало толчок идее захвата земель крестьянством, так как освобожденные от немцев хозяйства захватывались беженцами из Галиции. 13 декабря 1915 г. был принят указ, расширяющий действия закона от 2 февраля. В нем речь шла о принудительной продаже немецкой собственности по цене, определяемой Крестьянским Банком (всегда существенно заниженной), с выдачей именных свидетельств со сроком выплаты в 25 лет. По сути это была экспроприация. К тому же, если раньше неприязнь к немцам, подогреваемая печатью, распространялась преимущественно в кругах городской интеллигенции, то теперь к ним добавлялись помещики, а главное – крестьянство, побуждаемое пробудившимся желанием воспользоваться чужой собственностью. По закону от 13 декабря ликвидации подлежали не только немецкие, но и меннонитские хозяйства. Указ вызвал шок, после которого у многих «опустились руки», в результате чего посевные площади в 1916 г. существенно сократились³. Практическая реализация ликвидационных законов в разных регионах имела свою специфику и определялась остротой «немецкого вопроса». Особенно антинемецкие настроения проявились в Закавказском крае, Таганрогском округе, Терской и Кубанской областях [4, с. 422–423]. В Новороссии реализация ликвидационных законов шла неспешно, в том числе в Екатеринославской губернии [11, с. 6; 15, с. 3]. Уже в марте 1916 г. в резолюции Госдумы констатировалось, что «борьба с немецким засильем привела пока лишь к сокращению площади посевов» [8].

Рост продовольственного дефицита, особенно в тылу, произвел к смягчению репрессивных мер. 10 июля 1916 г. Совет министров принял решение отсрочить на год отчуждение собственности тем бывшим владельцам, которые соберут урожай и засеют озимые [14, с. 4]. По правительственному указу от 15 июля 1916 г. переселенные получили статус беженцев и право возвратиться. Указ также оставлял право землевладения тем семьям, у которых один из членов принимал участие в боевых действиях. Это спасло многие меннонитские

³ В меннонитских хозяйствах Юга России примерно на 20 % [26, с. 49].

хозяйства, так как в российской армии служило около 12 тыс. меннонитов. Например, никто из Молочанских колоний своей собственностью не утратил. Не пострадали и промышленные предприятия меннонитов, работавшие на оборону⁴ [26, с. 46–48].

В Соединенных Штатах и Канаде центральные правительства не делали попыток отчуждения частной собственности не только своих граждан, но и подданных вражеских держав. Это не означало однако ее полную неприкосновенность. Потери были. Например, у лиц, находящихся в лагерях интернирования, возникали затруднения в управлении собственным имуществом в результате чего его стоимость снижалась [67, с. 100–101]. Были случаи и прямой экспроприации по инициативе местных общественных комитетов и попустительстве провинциальных властей [70]. Но это были частные издержки, а не законодательно организованные санкции против германоязычных сообществ.

Ограничения в области культуры

Политика военного времени по отношению к немцам и меннонитам не могла обойти вниманием германокультурную составляющую идентичности этих групп. Центральные или провинциальные правительства законами или указами старались приглушить главный раздражитель для граждан своих стран – язык врага.

В России указами Николая II от 24 декабря 1914 г. [32] и 12 июля 1916 г. [34, с. 2342] было запрещено преподавание на немецком языке. В Соединенных Штатах уже в марте 1918 г. (до вступления в конфликт) в 149 национальных школах было отменено изучение немецкого [54]. Особенно жесткие ограничения прессы и свободы слова были введены после принятия указа «О мятеже» [73]: запрет на общение по-немецки в общественных местах в Канзасе, Айове и Южной Дакоте (кроме проповедей в церкви⁵); немецкие книги были изъяты из библиотек, в Оклахоме – сожжены, в Южной Дакоте – сброшены в Миссури [76, с. 66–67; 54; 50, с. 4]. Стало небезопасным исполнение произведений немецких композиторов – Вагнера, Бетхове-

⁴ Выпускали снаряды разных образцов, гидравлические насосы для шестидюймовых бомб, двуколки и повозки, бомбометы и др. [4, с. 639–640]. Позиция американских и канадских меннонитских религиозных лидеров в отношении изготовления продукции военного назначения была твердо негативной [43].

⁵ Позже даже проповеди на немецком и занятия в воскресных школах были запрещены [76, с. 67–68].

на⁶. Университеты отменяли ученые степени, ранее присужденные немцам [54]. Похожие действия имели место и в российских регионах. На территории Одесского военного округа генералом М. Эбеловым были запрещены скопления людей (более 5 человек), говорящих на немецком, а также вывески, книги, газеты, письма на немецком [29]. Такие же запретительные меры одобрили Екатеринославский губернатор Колобов [28] и генерал Н. Сухомлинов на территории Сибирского казачьего войска [30; 5, с. 196–197]. Согласно циркуляра министра внутренних дел Маклакова от 15.10.1914 г. переименовывались сотни немецких и меннонитских поселений [37]. Только после февральской революции в марте 1917 г. все антинемецкие культурные ограничения в России были отменены [21, с. 3].

В Канаде ассимиляционная политика государства, проводимая путем начатой еще в 1890 г. школьной реформы, с началом войны по отношению к немцам и меннонитам ужесточилась. В марте 1916 г. был принят «Школьный Акт», который отменял существовавшую двуязычную систему обучения в общественных школах, при которой иноязычные могли изучать родной язык. Одновременно закон ставил под суровый контроль частные школы, в том числе немецкоязычные, в которых, несмотря на двойное бремя налогообложения, училось большинство детей меннонитов. Уже к 1918 г. главный школьный инспектор Дж. Гринвей под предлогом несоответствия меннонитских школ государственным стандартам реквизировал все школьное имущество в пользу общественных школ. В Манитобе частные школы были закрыты к 1919 г.⁷ Ограничения коснулись и меннонитской прессы. Издания «Der Mitarbeiter», «Der Zionsbote», «Post Steinbach» на основании заключения цензуры как «публикации на языке врага» были запрещены, также как и ввоз немецкоязычной прессы из-за рубежа, а, особенно, материалы меннонитских конференций с антивоенными резолюциями. Владельцу таких материалов грозил штраф в 5 тыс. долларов или заключение в тюрьму [42, р. 42].

Обвинения в шпионаже

С началом войны во всех рассматриваемых государствах в умы граждан настойчиво внедрялась мысль об активном немецком шпионаже. Формируемые в обществе представления базировались на слухах, сообщениях, большей частью ложных, в том числе официаль-

⁶ В России произведения немецких композиторов были также запрещены.

⁷ В Саскачеване частные немецкие школы сохранились до 1930 г. [47, с. 39, 58, 103].

ных лиц⁸ и домыслах. Выезд из страны многих немецких граждан, в том числе военнообязанных, якобы подтверждал их нелояльность и готовность служить Германии [67, с. 41]. Несмотря на отсутствие доказательств против немецких и меннонитских колонистов в обществах всех трех стран бытовала уверенность, что шпионаж в пользу Германии имеет место. В каждой из стран немецкоязычные граждане пребывали под пристальным надзором полиции [67, с. 38; 69; 18, с. 3].

В США борьба со шпионами была регламентирована принятым в 1917 г. законом «О шпионаже» [48], дополненным в 1918 г., под действие которого подпадала агитация против службы в армии и покупки облигаций военного займа⁹. На этом основании в 1918 г. были обвинены 197 священников-делегатов Общей Конференции Меннонитов, которая проходила в августе 1917 г. Суду удалось доказать виновность лишь двух человек. При этом в их выступлениях не было найдено умысла ослабления государства. Другим случаем было осуждение редактора С. Миллера (наказание – штраф 500 долларов) [57, с. 226].

Единственным публичным премецки настроенным меннонитом являлся редактор «Vorwärts» А. Шелленберг, но его публикации имели место до вступления США в войну и под действие закона «О шпионаже» не подпали [57, с. 211].

В Канаде и России случаев шпионской или подрывной деятельности со стороны меннонитов зафиксировано не было. Даже Министерство внутренних дел России, тщательно рассматривая переписку меннонитов, вынуждено было признать, что высказывания «...сочувствия военным успехам Германии очень редки»¹⁰ [19, с. 3]. Канадское законодательство в этом вопросе коснулось только граждан вражеских стран. 28 октября 1914 г. был принят закон об их регистрации. Иностранец, взявший на себя обязательство лояльности, не терял свободы передвижения [67, с. 46]. Позже, однако, для успокоения общественности некоторые граждане вражеских держав были изолированы в лагерь для интернированных.

⁸ 28 августа Британский консул в Сан-Франциско телеграфировал о том, что четырнадцать немецких шпионов направляются в Ванкувер. Вскоре это и другие сообщения были опровергнуты [67, с. 42].

⁹ По этим пунктам предусматривалось наказание в виде заключения на двадцать лет или штраф до 10 тыс. долларов.

¹⁰ Подобные неосторожные высказывания – «...стремление умалить в глазах населения достоинство России и наших воинских сил» случались и среди немцев, например, пастора Генриха Григориуса, за что он был арестован на 3 месяца [17, с. 4].

Призывное законодательство и служба в армии

Призыв меннонитов в армию Российской империи осуществлялся согласно Правил от 25 мая 1882 г. [31, с. 254–256] и Лесного устава 1905 г. В сентябре 1914 г. сфера обязанностей призывников была расширена. Впредь им разрешалось служить в военно-санитарных и медицинских учреждениях. 24 декабря 1914 г. Николай II утвердил решение Совета министров «О призыве ратников-ополченцев из меннонитов срока призыва 1900–1914 гг.». Все они были направлены в медицинское ведомство в качестве санитаров. К началу 1915 г. в таких учреждениях служило уже 2116 меннонитов [25, с. 86]. Вскоре, несмотря на множество заявок на младший медперсонал, привлечение меннонитов в санитарную службу было приостановлено. Основанием стала жалоба члена Военного совета генерала П. С. Саввича, о том, что меннониты-санитары ведут антивоенную пропаганду среди раненых в госпитале им. Наследника Цесаревича [25, с. 88]. Этот случай совпал с кампанией шпионмании, широко развернувшейся в прессе и массовым выселением немцев с прифронтовых территорий. Факт насторожил военных и общественность и, несмотря на то, что сам генерал П. С. Саввич уже в апреле 1915 г. признал этот случай несущественным, было признано нежелательным направлять меннонитов на передовую, а призывников призыва 1915 г. вместо санитарной службы направили в лесную. В России большинство меннонитов не пытались уклониться во время войны от службы и считали помощь раненым христианским долгом. Поэтому многие, не дожидаясь призыва, добровольцами шли в санитары¹¹. Впрочем нужда в младшем медперсонале заставила военное ведомство уже в мае 1915 г. направить меннонитский призыв 1916 г. в медицинское ведомство [10, с. 3; 11, с. 1; 12, с. 1; 16, с. 1]. К середине 1915 г. в санитарных учреждениях служило 2747 меннонитов [25, с. 91].

По свидетельству очевидцев меннониты были безотказны и добросовестны, и своей самоотдачей заслужили уважение и доверие раненых и работающих с ними врачей. Даже в плену они были верны России и продолжали добросовестно выполнять свои обязанности [25, с. 91].

В дальнейшем, в зависимости от потребности, меннонитов направляли и на строительство, и в лесное ведомство.

После революции зазвучали призывы об отмене для меннонитов льгот по службе и об отправке их на фронт с оружием в действу-

¹¹ Из 2357 меннонитов, призванных с территории Молочанских колоний, 362 являлись добровольцами [26, с. 46].

ющую армию на общих основаниях. И в этих условиях меннониты проявили сдержанность, однако на съезде в Екатеринославе 20 мая 1917 г. еще раз подтвердили неизменность своей позиции в том, что сообщество и впредь готово выполнять свой христианский долг спасать раненных и больных на передовой, но брать в руки оружие несовместимо с нормами вероучения. Этот документ был вручен Керенскому 2 июня 1917 г. Вплоть до окончания войны порядок службы для меннонитов изменен не был [25, с. 99].

Всего на военную службу было призвано около 12 300 меннонитов, что составило 45 % трудоспособного мужского населения. Из них санитарями служило около 7 тыс. Такое отвлечение рабочей силы ввело меннонитские общины в колоссальное напряжение, особенно в условиях нависшей угрозы утраты хозяйств от применения ликвидационных законов. Потери военнослужащих меннонитов на фронте и от болезней составили более ста человек [78].

В Канаде позиция меннонитов в вопросе службы в вооруженных силах резко отличалась от позиции российских единомышленников. Именно перспектива службы в армии являлась в свое время одной из важнейших в решении иммигрировать из России. В Канаде в 1873 г. правительство законодательно гарантировало меннонитам из России уважать их религиозно-пацифистские взгляды [64]. Другая часть меннонитов, переселившаяся в Новый Свет из Европы в конце XVII в. и проживающая к 1917 г. преимущественно в провинции Онтарио, также имела подобные привилегии от Британского правительства. Этот вопрос был тревожным и для тех, кто прибыл в Канаду в период 1880–1913 гг. из Германии, США, Швейцарии и других стран. Однако и они получили письменное заверение о том, что служба в армии им не грозит [58]. Поэтому меннониты в Канаде перед войной были твердо уверены, что надежно ограждены от службы в армии.

Вступление Канады в войну в августе 1914 г. и ее продолжение вплоть до конца 1916 г. казалось подтверждали эту уверенность. В этот период канадская армия формировалась из добровольцев, недостатка в которых на подъеме всеобщего военного патриотизма, не наблюдалось¹². Меннонитов среди добровольцев не было¹³.

Для меннонитов Канады в вопросе военной службы было всего два волнительных периода. Первый, в декабре 1916 г., когда мужчинам в

¹² В армию охотно вступали и канадские граждане немецкого и австрийского происхождения, особенно безработные. В дальнейшем они всё-таки были признаны ненадежными и возвращены в Канаду [67, с. 49].

¹³ Меннонитов также пытались вербовать [59].

возрасте от 16 до 65 лет было предложено заполнить учетные карточки регистрации, что было воспринято ими как подготовка к призыву. Но уже в январе 1917 г. цель регистрации была прояснена, с подтверждением правительством гарантий 1873 г. [79]. Второй период был более продолжительным. Он начался с принятия Закона о всеобщей воинской обязанности в октябре 1917 г. [72], когда потребность в солдатах для Европы достигла 30 тыс. в месяц [67, с. 95], а поток добровольцев сократился. По положению этого закона лишь меннониты российского происхождения не подлежали призыву, а все другие призывались (для обслуживания воинских частей). Призыв вызвал волнения и протесты. Но благодаря настойчивости и убедительности лидеров общин вопрос достаточно быстро разрешился. Государство полностью отказалось от призыва меннонитов, однако в провинциях местные чиновники, поставленные в условия произвести набор солдат, стали искать лазейки для призыва, требуя от меннонитов документального подтверждения принадлежности к церкви. Были немногочисленные случаи, когда молодых меннонитов задерживали и направляли в казармы [47, с. 381]. Потребовалась еще одна встреча лидеров общин с представителями правительства для окончательного решения, исключающего привлечения меннонитов в качестве призывников. Нужно отметить, что некоторые меннониты во время войны, заботясь о раненных, работали в госпиталях и на машинах скорой помощи в качестве гражданских добровольцев [42].

В Соединенных Штатах закон о призыве [66], предусматривающий мобилизацию до миллиона человек к концу года [9, с. 4] был подписан в мае 1917 г. При этом все мужчины в возрасте от 21 до 31 года обязывались стать на учет до 5 июня 1917 г. [66]. Внезапно возникшая перед каждым молодым меннонитом перспектива стать солдатом и последующий принудительный призыв, взволновали целые общины [68; 73]. Зарегистрированные меннониты должны были проследовать в лагерь для обучения, где они, по заверению правительства, «не будут принуждаться к службе против их совести» [55]. Так как меннониты США были административно децентрализованы и разобщены и к тому же принадлежали к разным конгрегациям¹⁴, то договориться между собой и сформулировать призванным четкие инструкции как далеко они могут отойти от принятых поведенческих норм в условиях лагерей, их лидеры не смогли. Молодые меннониты, оказавшись в абсолютно новых для них условиях, должны были

¹⁴ В США насчитывалось около четырех десятков конгрегаций меннонитов [62, с. 101].

самостоятельно решать как им поступать в тех или иных ситуациях. В результате некоторые отказывались обучаться, другие – одевать униформу, сбривать бороду, проходить медкомиссию, иные – выполнять поручения офицеров и т. д. А офицеры с самого начала дали понять, что призванные являются солдатами, а не религиозными льготниками. Проклятья и насмешки в их адрес стали частью их быта¹⁵ [62, с. 103]. Были случаи неповиновения, что приводило к дисциплинарным наказаниям и отправке в спецлагеря. К июню 1919 г. 504 меннонита были осуждены военным судом [57, с. 237, 56], заключены в форты Ливенворт (где шестеро умерли) [50, с. 27] и Алькатрас (двое умерли) [62, с. 113–114.]. Необходимо отметить, что не во всех лагерях к меннонитам относились одинаково жестоко. Были исключения, например, лагерь Тейлор [52, с. 64.], лагерь Мид [41, с. 64]. Но общий фон был жесткий и унижающий достоинство. Только 20 марта 1918 г. президент В. Вильсон разрешил регистрацию призывников в статусе «невоюющих», т.е. не подлежащих отправке в боевые части [62, с. 123–131]. Это дало право на альтернативную службу – на фермах и заводах.

Таким образом, в течение десяти месяцев все меннониты являлись военнообязанными на общих основаниях. Такая задержка решения меннонитского вопроса президентом объясняется по крайней мере тремя причинами: во-первых, негативным отношением широкой общественности к немцам и меннонитам, во-вторых, необходимостью выполнения плана мобилизации и в-третьих, недостаточной сплоченностью самих меннонитов, которые не смогли консолидировано отстаивать свою религиозную позицию. Наиболее настойчивыми среди них были амиши и гуттериты [61; 51, с. 64], но и они подавали прошения Конгрессу только от своих церквей. Остальные конгрегации были не столь решительны в своем протесте.

По оценке Г. Хомана [51, с. 104] только около 4 из 14 тысяч призванных в США меннонитов придерживались твердых убеждений, отрицающих службу в любой форме [78, с. 1]¹⁶. Остальные, прой-

¹⁵ В наказание входило: избиение, в том числе шлангами, запугивание, в том числе имитация повешенья, холодный душ, им урезали паек или вообще не кормили [57, с. 235].

¹⁶ Такими были гуттериты, амиши, Крымские братья, пенсильванские группы. Из меннонитов, входящих в Общую конференцию, только 33 % твердо придерживались убеждений, отрицающих службу в любой форме, 63 % согласились выполнять обслуживание армии и 6 % служить в боевых частях; из Братских меннонитов 50 % служили в обслуживании и 50 % твердо придерживались пацифистских взглядов [75, с. 65].

для тренировки, были направлены в Европу. Большинство были зачислены не в боевые части. Они служили вдалеке от фронта: в медучреждениях, в инженерных войсках, на строительстве мостов, дорог, фортификационных сооружений, в тыловом обслуживании – квартирмейстерами, в радиослужбе [50, с. 62; 62, р. 158–164, р. 50–52]. Только несколько меннонитов (также как и в российской армии [25, с. 93]) служили в боевых подразделениях. По имеющимся данным всего один меннонит был убит в бою, второй умер от ран в госпитале [50, с. 60] и еще несколько умерло во время военной кампании [76, с. 94].

Антинемецкие настроения в гражданском обществе

Накал антинемецких настроений во всех странах был изменчив и зависел от акцентов правительственной политики, положения на фронте и в экономике, публикаций в прессе, настроения местных властей, степени публичной лояльности самих немцев и меннонитов, а в Канаде и США – и от приобретённой в окопах и довольно активно демонстрируемой враждебности со стороны вернувшихся фронтовиков. Антинемецкие настроения, переходящие порой в истерию, обострялись, как правило, при неудачах на фронте [28; 67, с. 62–63]. В некоторых штатах США это проявилось особенно радикально¹⁷. Более всего от ярости толпы страдали меннониты с их общинной обособленностью и молчаливым осуждением войны. Некоторые конгрегации в полном составе и многие отдельные члены сообщества сочли, что покупка ОВЗ – это прямая поддержка милитаризма, несовместимая с постулатами веры. Такие подвергались различным мерам воздействия. Самым безобидным предупредительным публичным актом осуждения являлось обрисовывание домов меннонитов желтой краской – клеймом позора. Под угрозой социального ostracism меннонитов вынуждали вывешивать на фасадах домов национальный флаг [57, с. 218]. «Комитет по общественной информации» содействовал нагнетанию ненависти ко всему немецкому [78, с. 2]. Тотальная слежка и оценка проявлений патриотизма проводилась всем обществом [71, с. 5]. Издевательства, террор и самосуд над теми, кто не выказывал достаточной лояльности и патриотизма, воплощались в угрозы, физическое насилие, обливание смолой и обсыпание перьями (суд Линча), поджоги, грабежи и акты вынуждения публичного поцелуя американского флага [57, с. 218; 56; 62, р. 158–164, р. 108; 54]. Случались целенаправленные провокации, чтобы на

¹⁷ Канзас, Огайо, Южные штаты [57, с. 240].

основании «фактов» обвинить общины во вредительстве, например, «найденное» в муке битое стекло [76, с. 119]. Часто полиция вынуждена была ограждать меннонитов от ярости толпы и самосуда. Иногда страсти «гасились» тем, что их публично препровождали в тюрьму [57, с. 225].

Продолжительное молчание президента Вильсона (в условиях широко распространяемого насилия в 1918 г.) было равноценно одобрению развития событий. Местные власти также поощряли настроения общества. Например, для колонии гуттеритов в округе Джанктон была установлена сумма в 10 тыс. долларов, которую колония должна была перевести на нужды обороны. Когда община отказалась, местные активисты отобрали у них скот стоимостью 40 тыс. долларов [70; 76, с. 119–120].

Несмотря на то, что меннониты в вопросе финансовой поддержки власти в периоды военных конфликтов имели продолжительную историю компромиссов с ней во всех государствах, где они жили, вопрос покупки ОВЗ в Соединенных Штатах долго был открытым. На представительной Общей Конференции конгрегаций в августе 1917 г. звучали призывы «не помогать войне в любой форме», «не вносить денег в фонды, используемые для войны» [62, р. 158–164]. В возникших дискуссиях многие высказывали мнение «искать иные формы сближения позиций». Так меннониты предложили построить госпиталь в г. Ньютон и использовать собственные больницы для раненых. Но такая форма содействия правительство не заинтересовала [57, 229].

Вопрос о приобретении ОВЗ вызвал споры и в Канаде. После продолжительных консультаций между представителями конгрегаций было принято решение в пользу необходимости финансовых пожертвований с условием, что средства пойдут не на военные усилия, а на помощь сиротам и вдовам (1918 г.). Правительство устроила такая формулировка [42, р. 22–23]. В том же году колонии Саскачевана передали правительству 16 тыс. долларов, Восточная колония – 12,8 тыс. Кроме того, решился и вопрос о покупке ОВЗ с целевым назначением – приобрести пшеницу для Англии. Были и другие целевые перечисления. Ориентировочно сумма переданная правительству меннонитами западных областей Канады за время войны составила 700 тыс. долларов [42, р. 24–25].

В России финансовые поступления от меннонитов были постоянными и без заметного давления со стороны общественности и правительства. Чувствуя неловкость от своей «немецкости» в сложившихся

ся условиях сообщество старалось публично проявлять помощь и милосердие: в качестве пожертвований направляли для фронта продовольствие и одежду, безвозмездно помогали в работе на полях семьям, работники которых были призваны на войну, оказывали помощь больным и раненым в тылу [22, с. 65; 6, д. 3702; 1, с. 86] и в совокупности, по разнообразию, массовости и результатам проявили в своих действиях гораздо больше доброй воли в помощи государству, чем их американские соплеменники. Несмотря на это, антинемецкие настроения в России, разжигаемые рядом националистических организаций¹⁸ при попустительстве правительства, также как и в США порой выливались в конкретные враждебные акции. 27 мая 1915 г. в Москве произошел антинемецкий погром. Было уничтожено или повреждено более 750 торговых заведений и квартир, при этом были жертвы: трое немцев убито и сорок ранено [28]¹⁹. Погромы происходили в Петербурге, Нижнем Новгороде, Одессе, Екатеринославе, Астрахани. Эскалации насилия однако не произошло. Правительство, допуская подобные акции и указывая на немцев как на сообщество, которое возможно сочувствует врагу, имело целью, по-видимому, лишь сплочение нации в условиях войны, но не хотело кровавых крайностей. Министр внутренних дел Н. Маклаков запретил прессе после этих событий травлю российских немцев [28]. Таким образом, правительство пыталось держать ситуацию под контролем.

В отличие от России и США федеральное правительство Канады во время военных действий не поддерживало антинемецкие настроения в обществе. Наоборот, пыталось сдерживать их проявления. Но многие провинциальные правительства испытывали временами серьезное давление со стороны народных масс. Первым испытанием стали события мая 1915 г. после торпедирования пассажирского корабля «Лузитания». В мае также было обнародовано, что произошло первое крупное сражение с 6 тысячами погибших, раненых и пропавших без вести канадцев, а также то, что немцы на фронте используют отравляющий газ. Волна негодования подняла сотни протестующих. Достаточно было малейшего повода, например, вечеринок в немецком клубе или семье, чтобы соседи сочли происходящее весельем в честь немецкого оружия. Любые повреждения в городе, пожар, могли быть увязаны с немецким саботажем и приводили к насилию. На-

¹⁸ «За Россию», «Общество экономического возрождения России», «Самодетельная Россия», «Общество 1914 г.» и др.

¹⁹ По другим данным было убито 5 человек [35, с. 3].

пример, в Ванкувере более 500 человек громили и грабили магазины, предприятия, принадлежащие немцам, гостиницу «Кайзерхоф» с таким озлоблением, что полиция была неспособна препятствовать толпе. Чтобы успокоить город, муниципальные власти должны были временно установить комендантский час с предупреждением, что активисты будут привлечены к ответственности по суду. Была распространена инициатива бойкотировать немецкий бизнес, увольнять, подвергнуть остракизму всех немцев, не являющихся гражданами Канады [67, с. 66–67, 72]. Повсюду немцы должны были доказывать свое канадское гражданство. Звучали призывы запретить занимать любые государственные должности выходцам из Германии. В мае была инициирована петиция об интернировании всех подданных вражеских держав с целью предотвратить эскалацию насилия. В июне 1915 г. федеральное правительство одобрило этот проект²⁰. Это решение диктовалось прагматизмом и позволило снизить напряжение в государстве, в том числе частично решило трудности трудовой занятости в городах²¹. Немцы и меннониты, которые проживали в сельских регионах, где рабочих рук не хватало, неприязнь общества ощущали в меньшей степени и насилия не испытывали, хотя их закрытые общины и нежелание расставаться с немецкими обычаями вызывали домыслы и подозрения. Антинемецкие настроения в обществе, как и в России, имели свою специфику и местные особенности. Например, в провинции Альберта, где к 1914 г. проживало около 18 % немецкоязычных [39, р. 80], такие настроения были выражены достаточно ярко. Это привело в частности к переименованию некоторых населенных пунктов²². Вся скрытая враждебность к ним вырвалась на свободу только в 1918–1919 гг. с иммиграцией в Канаду меннонитов и гуттеритов из США. Тогда ситуация в провинции Альберта была на грани бунта и кровопролития [44; 77]. Звучали призы-

²⁰ В течение войны было интернировано 8579 человек, включая хорватов, украинцев, чехов, словаков, в том числе 2009 немцев [67, с. 89].

²¹ В середине 1917 г., когда ситуация с трудовыми ресурсами изменилась и появился дефицит рабочей силы правительство распорядилось выпустить интернированных выходцев из Австро-Венгрии из лагерей [67, с. 100].

²² В Альберте: Грисбах в Карселенд в 1914 г., Карстадт в Андерсон в 1915 г., Бинген в Немискам в 1916 г., Виттенбург в Лидейл в 1917 г., Дюсельдорф в Фридом в 1919. В Саскачеване города и поселения Кобленц, Бремен, Пруссия и Кайзер также были переименованы [80, р. 6]. Наиболее значимым для Канады было переименование города Берлин (провинция Онтарио), решением местного городского совета в г. Китченер (1917 г.) [65].

вы о репатриации. Ситуация накалилась в связи с тем, что вновь прибывшие (гуттериты) отказались покупать ОВЗ [42, с. 1, 28]. Ассоциация ветеранов войны, насчитывавшая 250 тыс. человек, передала соответствующую петицию в парламент. Однако, несмотря на многотысячные демонстрации фронтовиков перед стенами Парламента, правительство не уступило и ограничилось принятием закона о запрете в дальнейшем иммиграцию меннонитов и гуттеритов в страну [53, с. 3].

Антинемецкие настроения и действия в рассматриваемых государствах привели к тому, что немало немцев и меннонитов в течение некоторого времени после окончания войны маскировали свою национальность [40]. В 1921 г. доля граждан Канады, идентифицирующих себя немцами и меннонитами, сократилась на 25 % по сравнению с 1911 г. В то же время выросла доля «голландского» и «русского» населения [40, с. 1–2]. Такой же процесс наблюдался и в России [1, с. 87]. Эти же действия вынуждали к эмиграции. Около 2 тысяч меннонитов и гуттеритов из США во время войны пересекли канадскую границу. После войны 7 тысяч канадских меннонитов мигрировали в страны Центральной и Южной Америки. В России, после февральской революции, когда казалось бы жизнь и быт стали налаживаться, произошла Октябрьская революция, затем гражданская война, голод. Только в 1923 г. меннониты получили возможность эмигрировать. С 1923 по 1930 гг. в Канаду иммигрировало 21 тыс. меннонитов.

Таким образом, в течение Первой мировой войны в обществах всех рассматриваемых государств формировались и широко распространились антинемецкие настроения, затронувшие жизненные интересы собственных граждан немецкого и меннонитского происхождения. Были введены ограничения относительно национальных культурных маркеров, а члены сообществ поставлены под надзор полиции. При этом, с учетом оценки лояльности, властями России и Канады меннонитам оказывалось некоторое предпочтение перед немцами. В России это проявилось в большем доверии к ним на фронте и в тылу, но не оградило от действия ликвидационных законов. В Канаде, несмотря на компактное проживание, они не рассматривались государством как анклав-симпатик врагу, их повседневная жизнь практически не изменилась, в том числе, правительство выполнило обязательство о не привлечении членов сообщества к военной службе. Только в Соединенных Штатах градус неприязни к меннонитам превысил степень антипатии к этническим немцам, что

выразилось во всенародном негодовании и насилии из-за их стойкого нежелания содействовать военным усилиям. В плане морально-го угнетения в Соединенных Штатах меннониты пострадали наиболее существенно. Однако, только в России, несмотря на проявления доброй воли и патриотизма, правительством было принято, как показывает история, неоправданное решение отчуждения собственности, что способствовало ухудшению продовольственной ситуации в стране и бедственному положению тысяч семей этнических немцев и меннонитов.

Библиографические ссылки

1. Алишина Г. Н. Вопрос об идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны / Г. Н. Алишина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 86.
2. Бахтурина А. Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «Германской» войны / А. Ю. Бахтурина // Новый исторический вестник. – 2013. – № 35. – С. 7.
3. Ваше императорское величество Всемилоостевый государь Августейший монарх. Представителя меннонитов Екатеринославской губернии... – Державний архів Одеської області (далее – ДАОО). – Ф. 89, оп. 1, д. 35–73, л. 2.
4. Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920) : моногр. / Н. В. Венгер. – Д., 2009. – с. 418.
5. Вибе П. П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны / П. П. Вибе // «Известия ОГИК музея». – 2003. – № 10. – С. 196–197.
6. Госархив Томской области (далее – ГАТО). – Ф. 3, оп. 44, д. 3702.
7. Его Высокопревосходительству Господину Главноуправляющему Землеустройством и Земледелием. Прошение представителей меннонитских общин и Духовных старейшин. – ДАОО. – Ф. 89, оп. 1. Отношение меннонитов к войне, д. 3573, л. 10–11.
8. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 21.
9. Екатеринославская земская газета. – 1917. – № 52. – С. 4.
10. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 10. – С. 3.
11. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 23. – С. 1.
12. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 53. – С. 1.
13. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 23. – С. 6.
14. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 50. – С. 4.
15. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 65. – С. 3.
16. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 75. – С. 1.
17. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 4. – С. 4.
18. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 58. – С. 3.

19. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 71. – С. 3.
20. Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 47.
21. Екатеринославская земская газета. – 1917. – № 27. – С. 3.
22. *Лаптев Ю. Н.* Положение немцев в Крыму в годы Первой мировой войны / Ю. Н. Лаптев // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю. Н. Лаптев. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 65.
23. Министерство внутренних дел о меннонитах // Екатеринославская земская газета. – 1916. – № 71. – С. 3.
24. Министерство внутренних дел. Таврический губернатор по канцелярии 20 августа 1914. № 9417. г. Симферополь. – ДАОО. – Ф. 89, оп. 1, д. 3573, л. 1.
25. *Нелипович С. Г.* Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне / С. Г. Нелипович // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути»: материалы XII междунар. науч. конф., Москва, 18–20 сентября 2008 г. – М.: «МСНК-пресс», 2009. – 632 с.
26. *Осташева Н. В.* На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. / Н. В. Осташева. – М.: «Готика», 1998. – С. 49.
27. Отношение меннонитов к войне. 1914 г. – ДАОО. – Ф. 89, оп. 1, д. 3573, л. 10–11, л. 3–4.
28. Первая мировая война и немцы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=32&hmenu0=5>.
29. Постановление генерала М. И. Эбелова о запрещении собраний немцев и использования немецкого языка // Фонд Александра Н. Яковлева. Документ № 165 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65553>; Генерал М. И. Эбелов – генералу Н. Н. Янушкевичу о запретительных мерах в отношении немцев № 1402. – РГВИА. – Ф. 2005, оп. 1., д. 28, л. 5-8 об.
30. Приказ войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска об ограничении прав немцев-колонистов от 04.09.1916 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=32&hmenu0=5>
31. ПСЗРИ. – Т. 2. – Закон № 914 от 25 мая 1882 г. – С. 254–256.
32. Решение совета министров о языке преподавания в немецких начальных школах, утвержденное Николаем II // Фонд Александра Н. Яковлева. Документ № 170 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65558>.
33. Решение совета министров об ограничении землевладения и землепользования неприятельских поданных, утвержденное Николаем II // Фонд Александра Н. Яковлева. Документ № 171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65559>.
34. Положение Совета Министров о воспрещении преподавания на немецком языке // Собрание узаконений и распоряжений правительства 1916 г., отдел 1, Петроград, 1916 г. – С. 2342.
35. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. В контексте боев на внешнем и внутреннем фронте / Айрапетов О. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/307--1915-.html>.

36. Телеграмма генерала А. Эверта главнокомандующему армии Юго-Западного фронта Н. Иванову от 13 января 1915 г. – РГВИА. – Ф. 2005, оп. 1, д. 49, л. 3.
37. Циркуляр Министерства Внутренних дел о переименовании селений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=5&hmenu01=32&hmenu02=112>.
38. Шайдуров В. Н. Меннониты Сибири и военная служба в годы Первой мировой войны / В. Н. Шайдуров // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. – Барнаул : «Аз Бука», 2005.
39. Bassler G. P. The German Canadian Mosaic Today and Yesterday: Identities, Roots, and Heritage / G. P. Bassler. – 1991.
40. Becker A. The Germans in Western Canada, A Vanishing People [Электронный ресурс] / A. Becker – Режим доступа: <http://www.cchahistory.ca/journal/CCHA1975/Becker.html>.
41. «Editorial». A visit to Camp Meade». – The Mennonite. – 1918. – 18 October. – P. 4–5 // Hiebert B. A crisis of masculinity: North American Mennonites and World War I / B. A. Hiebert. – A thesis of PhD, Simon Fraser University, 2008. – P. 64.
42. Canadian Mennonites and World War I (WWI) / George H. Reimer. – 1972 // The Mennonite Heritage Center // William Janzen collection. – Vol. 5109.
43. Canadian Mennonite World War I Resolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://replica.palni.edu/cdm/compoundobject/collection/gopplow/id/2218/rec/15>.
44. Critical situation in West over influx of Hutterites // Ottawa “Citizen”. – 1919. – April 16th.
45. Department of Justice Office of United States Attorney Southern District of Alabama // Record Group № 85. – Records of the Bureau of Immigration. – Immigration Correspondence Files. – Files 54623/130. – April 21, 1919 – November 10, 1931.
46. Department of Justice Office of United States. Attorney Southern District of Alabama. Scan 3340. – Microfilm 64. – XXVG // The Mennonite Heritage Center.
47. Epp F. H. Mennonites in Canada / F. H. Epp: in 3 vols. – Toronto: Macmillan of Canada, 1974. – Vol. 1 : Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. – P. 381.
48. Espionage Act of U.S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/source/espionageact.htm>.
49. Hague-Osler Mennonite Reserve 1895–1995. – Saskatoon, Saskatchewan: Hague-Osler Reserve Book Committee, 1995. – 728 p.
50. Hiebert B. A crisis of masculinity: North American Mennonites and World War I / B. Hiebert. – A thesis of PhD, Simon Fraser University, 2008.
51. Homan G. American Mennonites and the Grate War: 1914-1918 / G. Homan. – Scottdale, 1994. – P. 104.

52. Sommer I. A. «Correspondence» / I. A. Sommer // The Mennonite. – 1917. – 29 November. – P. 2–3 // Hiebert B. A crisis of masculinity: North American Mennonites and World War I / B. Hiebert. – A thesis of PhD, Simon Fraser University, 2008. – P. 64.

53. Inter-Mennonite Cooperation and Promises to Government in the Repeal of the Ban on Mennonite Immigration to Canada 1919–1922 / P. H. Rempel // Mennonite historian. – Vol. XIX. – №1. – March. – 1993. – P. 3.

54. Iseminger D. G. «Are we Germans, or Russians, or Americans?» / D. G. Iseminger. – North Dakota History. – №59. – 1992. – P. 2–16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.ndsu.edu/grhc/history_culture/history/iseminger.html.

55. Juhnke J. C. World War (1914–1918) / J. C. Juhnke // *Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online*. 1989. Retrieved 13 October 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/W6766.html>.

56. Juhnke J. C. Mob Violence and Kansas Mennonites in 1918 [Электронный ресурс] / J. C. Juhnke. – Режим доступа: http://www.kancoll.org/khq/1977/77_3_juhnke.htm.

57. Juhnke J. C. Vision, Doctrine, War: Mennonite Identity and Organization in America, 1890–1930 (Mennonite Experience in America) / J. C. Juhnke. – 1985.

58. Letter from D. B. Harkness, May 27th, 1908 / The Mennonite Heritage Center // William Janzen collection. – Vol. 5109. – File 14.

59. Letter from Deputy Minister of Justice E. Newcomb, May 8th 1916 // The Mennonite Heritage Center // William Janzen collection. – Vol. 5109. – File 14.

60. Mennonites Cause More Trouble // New Ulm Review. – 1918. – April 03. – P. 2.

61. Mennonites face charge. Bishop may be indicted for Anti-War Declaration // The New York Times. – 1918. – August 20.

62. Mennonites in the World War: Non-Resistance Under Test (1922) / by Jonas Smucker Hartzler [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Mennonites_in_the_World_War.

63. Mennonites make peace in Canada // The Bismarck tribune. (Bismarck, N.D.) 1916-current – 1918. – November 20. – P. 1.

64. Excerpts from Government of Canada Orders in Council regarding Mennonites, Hutterites and Doukhobors – 1873–1898. / William Janzen collection. – Vol. 5109 // The Mennonite Heritage Centre, Winnipeg, Manitoba. – Order in Council № 957, 13.08.1873.

65. Overview of the immigration history of Alberta's German-speaking communities (Part 1: 1880s to 1914) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ualberta.ca/~german/AlbertaHistory/immhistory1.htm>.

66. President Woodrow Wilson's Proclamation Establishing Conscription 1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.firstworldwar.com/source/usconscription_wilson.htm.

67. *Raynolds T.* A case study in attitudes towards enemy aliens in British Columbia 1914-1919 / T. Raynolds. – A Thesis for the degree of Master of Arts. The University of British Columbia, 1973. – P. 100–101.

68. Refuse to serve in army // Meade County news. 1917. – October 04.

69. Registration of German Alien Enemies 1918. Newton, Kansas. Harvey County, Kansas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bethelks.edu/mla/holdings/indexes/alien_reg.html

70. Seize livestock for loan. South Dakota Committeemen Force Mennonites to Contribute // The New York Times. – 1918. – 6 May.

71. Similar Surroundings: A Comparison of Anti-German Russia, and the Anti-German Environment of the United States during WWI and its Relation to the German-Russians / by Justin K. Carter. – P. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grhs.org/research/historyculture/heritage/comparison_j-carter.pdf

72. The Military Service Act of Canada, 1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cefreserch.com/.../Acts/msa/htm>.

73. The Sedition Act of 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legisworks.org/congress/65/publaw-150.pdf>

74. To Federal Prison // Meade County news. – 1917. – September 20.

75. *Unruh A. J.* The Helpless Poles / A. J. Unruh. – Pine Hill Press, 1991. – P. 65.

76. *Unruh John D.* A century of Mennonites in Dakota. A segment of the German Russians / J. D. Unruh. – South Dakota, 1972.

77. Veterans would ask U.S. if it will object to Dominion placing ban on Hutterites; British Embassy, № 289, April 16, 1919 // Department of Justice Office of United States. Attorney Southern District of Alabama. Scan 3340. – Microfilm 64. – XXV G // The Mennonite Heritage Center.

78. World War (1914–1918) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gameo.org/index.php?title=World_War_\(1914-1918\)](http://gameo.org/index.php?title=World_War_(1914-1918)).

79. Written Reply from the Government at Ottawa Re- Interview of the Mennonite Delegation in regard to Military Service. Ottawa, 8th January 1917 // Official Documents from the Canadian Government. Regarding Exemption of Mennonites from Military Service in Canada. Reprinted 1918, Gretna, Manitoba // The Mennonite Heritage Center // William Janzen collection. – Vol. 5109. – File 16.

80. *Wagner J.* Brothers beyond the Sea: National Socialism in Canada / J. Wagner. – 1981. – P. 6.

Надійшла до редколегії 25.11.2014

УДК 94 (571.1/5) (=112.2) «1914–1918»

И. В. Нам

Национальный исследовательский Томский государственный университет

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИБИРИ И ВЛАСТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НЕУДАВШИЙСЯ ОПЫТ СОЗДАНИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

(Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ
(П 220 № 14.В25.31.0009))

Розглянуто маловідомий досвід формування німецького самоврядування в Західному Сибіру в умовах Першої світової війни і революції. Зроблено висновок, що створюване сибірськими німцями самоврядування відповідало основним ознакам національно-культурної автономії: персоналізму, екстериторіальності і визнання його колективним суб'єктом права.

Ключові слова: німецькі переселенці, Сибір, влада, війна, самоврядування, національно-культурна автономія.

Рассматривается малоизвестный опыт формирования немецкого самоуправления в Западной Сибири в условиях Первой мировой войны и революции. Делается вывод, что создаваемое сибирскими немцами самоуправление соответствовало основным признакам национально-культурной автономии: персонализму, экстерриториальности и признанию его коллективным субъектом права.

Ключевые слова: немецкие переселенцы, Сибирь, власть, война, самоуправление, национально-культурная автономия.

Der Beitrag handelt von der in der Forschung bislang wenig beachteten Erfahrung des Aufbaus deutscher Selbstverwaltungseinrichtungen während des Ersten Weltkrieges und der Revolution. Die Autorin kommt zu dem Schluss, dass die von den Deutschen Sibiriens im Aufbau begriffene Selbstverwaltung den Hauptkriterien einer nationalen Kulturautonomie entsprach: Personengebundenheit, externes Territorium und Anerkennung als kollektives Rechtssubjekt.

Schlagwörter: deutsche Umsiedler, Sibirien, Macht(organe), Krieg, Selbstverwaltung, nationale Kulturautonomie.

At the beginning of World War One in migrant settlements of Siberia nearly 35 thousands Germans lived. Their successful adaptation in new conditions with-

out lose of identity depended upon possibility to reconstruct traditional social institutions in the form of religious commune. Tsarist officials, permitting Germans to settle to Siberia, at the same time tried to restrict their desire to create independent settlements. By the beginning of World War One watchful attitude of Russian authorities was replaced by discriminatory steps – prohibitions, introduced in some concrete regions. German colonists were allowed to settle only on lots with especially complex climatic and economic conditions. The anti-German company resulted in raise of mutual distrust between German colonists and Russian population.

Right up till February 1917 there were no attempts to create national German organizations in Siberia. From the first days of revolution the creation of All-Russian union of Germans and Mennonites started. The model of German self-government, which was formed, in fact reproduced the structure, close to the concept of national and cultural autonomy.

Siberian colonists actively joined those processes, and in Slavgorod and Omsk two centers of self-organization were formed. During the period of the «first Soviet rule» political situation in Siberia was not favorable for German self-government activity, because the Bolsheviks considered it to be a bourgeoisie institution. But exactly in this time its basics in Siberia were developed. But when Siberian oblast Duma was abolished in November 1918 and admiral A.V. Kolchak came to power, hopes for national self-government once and for all vanished.

Keywords: German migrants, Siberia, authority, war, self-government, national and cultural autonomy.

К началу Первой мировой войны в переселенческих поселках Сибири проживало около 35 тыс. немцев, бывших по вероисповеданию лютеран, меннонитов и католиков. Полуторавековой опыт проживания диаспоры в Европейской части России немецкие колонисты перенесли и в Сибирь, сохраняя свойственные им стереотипы поведения, регламентацию жизненного уклада, отличную от других культуру труда и быта, конфессиональную специфику, национальную школу, – все те черты диаспоральности, которые сложились у них еще в местах выхода. Залогом успешной адаптации в новых условиях проживания без утраты идентичности было воссоздание традиционных социальных институтов в форме религиозной общины, которая стимулировала деятельность благотворительных, образовательных, культурно-просветительных институтов. В условиях сословного общества, где конфессиональность была одним из формирующих оснований, самоорганизация в форме общины признавалась вполне легитимной.

Разрешая переселение немцев в Сибирь, власть в то же время стремилась ограничить их стремление создавать самостоятельные поселки, селиться и арендовать земли на сибирских территориях.

Непоследовательность правительственной администрации была вызвана стремлением, с одной стороны, привлечь на окраины крепкий, стабильный в экономическом плане элемент, с другой, – нежеланием создавать изолированные нерусские колонии.

К началу Первой мировой войны настороженное отношение властей сменилось дискриминационными мерами – запрещениями, которые водворились на определенных территориях (Петропавловский, Омский, Кокчетавский уезды Акмолинской области, Семипалатинская область), куда стремились русские и украинские переселенцы, способные «обрусить» казахские земли. Открытыми для немецких колонистов оставались лишь участки с особо сложными климатическими и экономическими условиями (например, южные районы Акмолинской области, таежные урманы Тарского уезда и др.)

Усиленно насаждавшаяся и ранее шовинистическими кругами теория «немецкого засилья», в годы войны была подкреплена государственными мерами, действие которых было распространено и на Сибирь. Антинемецкая кампания имела своим результатом возбуждение обоюдного недоверия между немецкими колонистами и русским населением. Жители переселенческих немецких поселков в Сибири высказывались, что им «теперь здесь не жить, нужно уезжать» [1]. И хотя в форму явного недовольства эти настроения не выливались, они являлись тревожным для власти симптомом, свидетельствуя об утрате доверия к государству лояльных прежде немецких колонистов [2, с. 137–149].

Многочисленные факты дискриминации: переименование названий немецких поселков, перевод преподавания в школах на русский язык, ограничение немецкого землевладения, шпиономания и призывы развернуть борьбу с «внутренним врагом» и т.п. – все эти меры диктовали необходимость групповой солидарности и самоорганизации с целью создания механизмов, способных противостоять возникшей в период войны враждебности во внешней среде.

Но вплоть до февраля 1917 г. каких-либо попыток создания в Сибири немецких национальных организаций не было. Ситуация радикально изменилась с падением самодержавия и отменой ликвидационных законов. С первых дней революции под лозунгом «*Bürger Deutsche – organisiert Euch!*» началось создание Всероссийского союза немцев и меннонитов с разветвленной сетью органов самоуправления, которое должно было обеспечить защиту культурных и национальных интересов немцев. Формирующаяся модель немецкого самоуправления фактически воспроизводила структуру, которая пре-

дусматривалась концептом национально-культурной автономии (синонимы: экстерриториальная, национально-персональная).

В эти процессы активно включились и сибирские колонисты, где образовалось два центра самоорганизации – в Славгороде и в Омске. В мае–июне 1917 г. в г. Славгороде Барнаульского уезда Томской (с июня – Алтайской) губернии был создан Комитет российских граждан немецкой национальности Западной Сибири, в который вошли на паритетных началах представители католиков, лютеран и меннонитов. Комитет создавался как центральный орган немецкого самоуправления в Западной Сибири (позднее он так и будет называться – ЦК российских граждан немецкой национальности Западной Сибири). Его компетенция распространялась на все немецкое население Западной Сибири без различия вероисповеданий, а в задачи входил контроль над деятельностью сельских, волостных комитетов и распространение «правильных» сведений по политическим и экономическим вопросам. Особо оговаривалось, что вопросы конфессионального характера, за исключением церковно-политических дел, компетенции комитета не подлежат и разрешаются каждой конфессией самостоятельно [3, с. 135–136, 143–153]. 17 июня 1917 г. в Омске была создана организация под названием «Омская группа объединенных российских граждан немецкой национальности» [4; 5].

В период «первой советской власти» политическая ситуация, сложившаяся в Сибири, не благоприятствовала деятельности немецкого самоуправления, которое рассматривалось большевиками как буржуазное. Так, 31 декабря 1917 г. была закрыта «как шпионажный орган» издававшаяся в Омске газета «Der Sibirische Bote» («Сибирский вестник») [6; 7]. 15 февраля 1918 г. в Омске было разогнано созданное Немецким комитетом собрание немцев [8, с. 126]. 10 апреля были арестованы и преданы суду революционного трибунала «по подозрению в контрреволюционной деятельности» члены Змеиногорского немецкого районного комитета [9]. От полного уничтожения формирующееся немецкое самоуправление в Сибири в этот период спасла лишь кратковременность пребывания большевиков у власти.

Но именно в это время были разработаны основы немецкого самоуправления в Сибири: «Конституция» сибирских немцев – документ для представления во Всероссийское Учредительное собрание. В основу Конституции были положены классические принципы культурно-национальной автономии: персонализм (п. 1, 4), признание национальных сообществ субъектами права (п. 3) и экстерриториальность (п. 7). Я. Штах писал в своих воспоминаниях, что речь

шла не о республике, **а именно** об экстерриториальной автономии, т.е. самоуправлении или «лично-культурной автономии» [8, с. 138].

Период Временного Сибирского правительства (ВСП), которое существовало в Сибири с июня по ноябрь 1918 г., также не принес признания немецкому самоуправлению. В июле 1918 г. в Омске, оказавшемся центром политических событий в Сибири, обсуждалась идея Всесибирского союза сибирских граждан немецкой национальности как органа немецкого самоуправления. Однако, ему было отказано в регистрации. Лидеры немецкого движения пытались также получить поддержку сибирского областничества, участвуя в работе Сибирской областной думы в январе и в августе–сентябре 1918 г. С ее упразднением в ноябре 1918 г. и приходом к власти адмирала А. В. Колчака надежды на создание национального самоуправления развезались окончательно.

Создаваемое в Сибири немецкое самоуправление строилось на принципах экстерриториализма и добровольного вхождения в структуру самоуправления как целых селений, так и отдельных граждан. Идея национально-культурной автономии, пользовавшаяся широкой популярностью в немецком движении, была, пожалуй, наиболее оптимальной формой автономного самоуправления в условиях дисперсного расселения сибирских немцев.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Томской области. – Ф. 3, оп. 12, д. 4201, л. 167, 175.
2. Нам И. В. Немцы-переселенцы глазами сибирского чиновника: проблема адаптации в инокультурной среде (на материалах Томской губернии) / И. В. Нам // Российские немцы в иномациональном окружении: проблемы адаптации, взаимопонимания, толерантности. – М., 2005.
3. Нам И. В. Сибирские немцы в условиях войны и революции / И. В. Нам // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск, 1997.
4. Омский вестник. – 1917. – 25 июня (8 июля).
5. Известия Омского коалиционного комитета. – 1917. – 23 июня (6 июля), 11 (24) июля.
6. Государственный архив Омской области. – Ф. Р-662, оп. 1, д. 15, л. 31.
7. Революционная мысль (Омск). – 1918. – 5 (18) янв.
8. Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und den Fernen Osten / J. Stach. – Stuttgart, 1938.
9. Знамя революции (Томск). – 1918. – 27 (14) апр.

Надійшла до редколегії 19.06.2014

Культура и духовная жизнь

Дик И.

Серед разворотом в безмолвие: факторы идентичности меннонитов России и Первая мировая война

Werner H.

An Array of Contradictions: Mennonite Expressions of Nationalism in Imperial Russia during World War I

*Бойко О. В.,
Снида Е. О.*

Реакция православного духовенства Екатеринославской епархии на начало Первой мировой войны

*Дятлов В. А.,
Кеда М. К.*

Западноевропейские страны в церковной публицистике Российской империи накануне и во время Первой мировой войны. Региональный аспект

*Цымлякова Т. Н.,
Архипова Т. А.*

Реликвии Первой мировой войны в собрании Днепропетровского национального исторического музея

Петренко О. Н.

Культура города Николаева в период австро-немецкого военного присутствия: 17.03.1918–14.03.1919 гг.

Наривская В. Д.

Тема Первой мировой войны в «Дневниках» В. Винниченко: осмысление и реализация травматического опыта

Голубь Д. А.

От войны до войны: лейтмотив Первой мировой войны в «штирлицане» Ю. Семенова

Герасимова И. Ф.

Казачество в русской поэзии периода Первой мировой войны

Гусева Е. А.

Первая мировая война в «Записках кавалериста» Николая Гумилёва

Газизова А. А.

Неизвестные солдаты в рассказах И. С. Шмелёва 1914–1918 гг.

Галкина Я. В.

Мотив судьбы в рассказах А. Грина о Первой мировой войне

Kultur und geistliche Leben

I. Dyck

✧ Vor der Umkehr ins Schweigen: Identitätsfaktoren bei den Mennoniten Russlands und der Erste Weltkrieg

H. Werner

✧ Eine (ganze) Reihe von Widersprüchen: Äußerungen des Nationalismus bei den Mennoniten während des Ersten Weltkrieges

*O. V. Bojko,
E. O. Snida*

✧ Die Reaktion der orthodoxen Geistlichkeit der Ekaterinoslaver Euparchie auf den Beginn des Ersten Weltkrieges

*B. A. Djatlov,
M. K. Keda*

✧ Die westeuropäischen Länder in der kirchlichen Publizistik des Russischen Reiches vor und während des Ersten Weltkrieges. Regionaler Aspekt

*T. N. Cymljakova,
T. A. Archipova*

✧ Relics des Ersten Weltkrieges in den Sammlungen des Nationalen Historischen Museums von Dnepropetrovsk

O. N. Petrenko

✧ Kultur der Stadt Nikolaev während der österreichisch-deutschen Militärpräsenz: 17.03.1918–14.03.1919

V. D. Narievskaja

✧ Das Thema des Ersten Weltkrieges in den «Tagebüchern» von V. Vinničenko: gedankliche Verarbeitung und Umsetzung einer traumatischen Erfahrung

D. A. Golub'

✧ Von Krieg zu Krieg: Das Leitmotiv des Ersten Weltkrieges in den «Stierlitz-Romanen» von Julian Semjonov

I. F. Gerasimova

✧ Das Kosakentum in der russischen Dichtung des Ersten Weltkrieges

E. A. Guseva

✧ Der Erste Weltkrieg in Nikolaj Gumiljovs «Notizen eines Kavalleriesoldaten»

A. A. Gazizova

✧ Unbekannte Soldaten in den Erzählungen von I. S. Smeljov aus den Jahren 1914–1918

Ja. V. Galkina

✧ Das Schicksalsmotiv in A. Grins Erzählungen über den Ersten Weltkrieg

94:286.12](470+571)-054.62«1914/1918»

И. Дик

Боннская библейская семинария и Свободный университет Амстердама

ПЕРЕД РАЗВОРОТОМ В БЕЗМОЛВИЕ: ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТОВ РОССИИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Описано вплив Першої світової війни на ідентичність менонітів у Росії в конфесійному та етнічному плані, а також процеси консолідації ідентифікаційного поля.

Ключові слова: меноніти, ідентичність, Перша світова війна.

Описывается влияние Первой мировой войны на идентичность меннонитов в России в конфессиональном и этническом плане, а также процессы консолидации идентификационного поля.

Ключевые слова: меннониты, идентичность, Первая мировая война.

Beschrieben werden der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf die Mennoniten Russlands in konfessioneller und ethnischer Hinsicht sowie Konsolidierungsprozesse in der Identifikationssphäre.

Schlagwörter: Mennoniten, Identität, Erster Weltkrieg.

Mennonites from their very beginnings were known as *Die Stillen im Lande* – the quiet in the country. In pre-war Russia, their voice was loud enough but after the war Mennonites became quiet again. The war served as an accelerator of identity changes. The first big change resulted from secularization processes and became evident after Russia declared freedom of conscience in 1905. Those who took distance from faith nevertheless regarded themselves part of the Mennonite ethno-confessional community and became *Kulturmennoniten* – Mennonites by culture. With this, the identity boundaries became even more wide. One more identity process, alongside with secularization, was further diversification of the confessional realm that came into influence of inter-confessional movements like Evangelical Alliance. Only the traditional non-resistance remained the common point of all different kinds of Mennonitism. As result of these processes, even this fundamental aspect of confessional identity was rejected during Civil War by those who joined the *Selbstschutz*. The national component of Mennonite identity also underwent significant changes. Before the war, the Mennonite community was well integrated into the Russian society having been represented even in the Duma. Mennonite identity had a strong patriotic dimension. This was supported by a new wave of historical self-consciousness that arose shortly before the war and was marked by the monumental historical work of P.M. Friesen.

The war marked a crucial change in Mennonite identity. Within a few years, Mennonites completely lost their patriotic feelings and tried to develop a new national identity of Dutch descendants. From the other side, the war promoted a consolidation of Mennonites. Their identity boundaries now were wide enough to integrate all kinds of Mennonites, even former members of *Selbstschutz*. This development made possible creation of country-wide non-confessional organizations like Association of Citizens of Dutch Extraction and All-Russian Mennonite Agricultural Union. This extended identity, strengthened by historical self-consciousness, was transferred to Americas by the emigration of 1920-ies and was destroyed in the Soviet Union during the repression times.

Keywords: mennonites, identity, WorldWarI.

В историографии анабаптистов и меннонитов сложился устойчивый стереотип «*StilleimLande*» – «безмолвные в стране», восходящий к Псалму 34, 20 в переводе Мартина Лютера. Он нашел применение прежде всего к возникшим в XVI столетии оттесненным на периферию общества анабаптистским и меннонитским группам, искавшим толерантного отношения к себе в обмен на отказ от активного участия в общественно-политической жизни и наступательного распространения своей конфессии. Голос меннонитов звучал достаточно громко в публичном пространстве России в последнее десятилетие перед Первой мировой войной; в послевоенное десятилетие, напротив, их голос угас. Перелом произошел в военные годы. Собственный голос, как выражение идентичности, претерпел существенные изменения.

Настоящая работа посвящена условиям, оказавшим влияние на идентичность этноконфессиональной общности меннонитов в переломный период.

Война как акселератор процессов на конфессиональном поле

Принципиальным событием последнего бурного предвоенного десятилетия явился Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (апрель 1905 г.), дополненный в октябре 1905 г. манифестом о свободе совести, слова и собраний. Перед гражданами России, которые до этого момента не имели права мыслить себя вне церкви или иного конфессионального сообщества, вдруг открылся простор выбора, включавший в себя среди прочих и безрелигиозный путь.

Свобода к отрицанию религии получила в меннонитском сообществе специфически российскую окраску: возникновение меннонитов по культуре (нем. *Kulturmennoniten*). Пожалуй, самым естественным объяснением этому является процесс секуляризации, который существовал в этой среде и ранее, но благодаря изменившимся внеш-

ним условиям теперь пробился на поверхность. Специфика меннонитской секуляризации состояла в том, что меннониты по культуре не спешили покидать пределы меннонитского сообщества, соглашаясь с его специфической субкультурой и отрицая его религию.

Беньямин Унру называет этот процесс переходом от культового к культурному сообществу и считает в качестве необходимых для этого факторов успешное хозяйственное развитие в сочетании со стабильной системой народного образования [11, с. 55]. Насколько экономика и образование потеснили конфессиональную основу, и какова была динамика этого процесса, говорить трудно. Некоторый материал для оценок дает Адольф Эрт, который недоумевает по поводу расхождения численности меннонитского населения в РСФСР по данным Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества и церковной статистики. Количеству в 44 304 меннонитов по статистике ВМСХ на 1.2.1926 противостоит 34 958 членов общин 1.9.1925 [2, с. 152]. Судя по этим данным, 20,1 % членов меннонитского сообщества РСФСР уже не состояли в церковных общинах. В Украине это соотношение могло быть сходным. В европейском измерении меннониты России повторяли путь своих собратьев северо-западной части Германии, которые столетием ранее, в эпоху наполеоновских войн, под воздействием национального патриотизма настолько интегрировались в общество, что отошли от важнейшего до тех пор меннонитского принципа отказа от оружия [7, с. 177–179].

Меннонитство по культуре еще более осложнило задачу создания некоего эталонного образа, по которому можно было бы выверять маркеры принадлежности по типу «свой-чужой», и который был бы безоговорочно принят всеми, кто считал себя меннонитами.

Предвоенное десятилетие вывело на поверхность также и процессы дальнейшей диверсификации меннонитского конфессионального поля. Полстолетия ранее, в 1860-х гг., братские меннониты отстояли для себя право считаться такими же полноправными меннонитами, как и основной поток. Конечно, попытки сконструировать меннонитский эталон по лекалам численного большинства не прекращались вплоть до 1910 г. [6, с. 541–543], однако само это большинство, обычно именуемое церковными меннонитами, также претерпело значительные изменения. Тот же самый пиетизм, который в 1860 г. привел к обособлению меннонитской братской общины, значительно упрочил свои позиции и в среде большинства. Кроме того, с начала 1880-х гг. и братские, и церковные меннони-

ты оказались в зоне влияния бланкенбургской ветви европейского Евангельского Альянса, которое совмещало пиетизм с движением освящения. Под влиянием идей Альянса небольшое по своим размерам меннонитское конфессиональное поле еще раз было перемешано, в результате чего возник ряд евангельских меннонитских общин, а братские меннониты внезапно сами оказались под угрозой раскола [10, с. 227–228]. Нет нужды объяснять, что каждая из фракций имела собственный образ меннонитского эталона. Объединяющим их элементом было традиционное непротивление.

До Первой мировой войны процессы секуляризации и диверсификации протекали каждый в своем естественном ритме, зачастую определявшимся сменой поколений. Война этот ритм неимоверно ускорила, попутно обнажив самый нерв российской меннонитской конфессиональной идентичности – то самое непротивление, по которому меннонитское сообщество оказалось кардинально разделенным на поборников отказа от оружия, с одной стороны, и участников военного сопротивления, с другой стороны.

Конфессионально ориентированные меннониты российского происхождения в Советском Союзе и за его пределами на протяжении последующих десятилетий очень болезненно воспринимали участие в отрядах самообороны, совершенно не принимая во внимание процессов секуляризации и диверсификации. Удивительно, как отказ от насилия смог удержаться среди атрибутов меннонитской идентичности в атеистическое советское время.

В стране, не знавшей свободы вероисповедания вплоть до начала XX в., религия была неотъемлемой частью культуры. Частью той же культурной идентичности была и этническая принадлежность.

Война и национальная компонента меннонитской идентичности

Упомянутая выше религиозная секуляризация обычно сопровождает процессы интеграции конфессиональных групп в общество большинства. Принимая во внимание меннонитскую вовлеченность в управление вплоть до государственного уровня, включая Государственную Думу, следует сделать вывод, что степень их политической интеграции была достаточно высокой.

Другим фактором, способствовавшим интеграции, был российский патриотизм меннонитов. Его духом дышал известный историк П. М. Фризен и созданная им тысячестраничная «История старо-евангельского меннонитского братства в России», где он пишет:

«Пусть наша жизнь будет свидетельством, что мы любим Бога и Его Церковь и Его человечество, нашего Государя, нашу Родину и наших сограждан горячей, благодарной и действенной любовью!» [6, с. 492]. Канадский исследователь Гарри Лоунк этому добавляет, что «в то время как германский патриотизм практически отсутствовал у меннонитов Пруссии, русский патриотизм среди меннонитской интеллигенции был широко распространен» [8, с. 142]. Формирование российского патриотизма у молодого поколения как неотъемлемой составляющей идентичности имела давнюю традицию [8, с. 142], которая работала и накануне войны.

В предвоенное пятилетие с новой силой заработали механизмы формирования идентичности за счет исторического самосознания. Важной вехой в этом плане был упомянутый выше монументальный труд П.М. Фризена, вышедший в 1911 г. Несколько ранее Давид Эпп опубликовал биографию Корниса [3], за которой последовала история колонии Мемрик [4]. Тот же Эпп в 1911 г. начал дискуссию о преподавании истории в меннонитских школах [5, с. 30]. На волне подъема исторического самосознания Всеобщая конференция меннонитских общин в Нейгальбштаде 6–8 июня 1917 г. приняла предложение Петра Брауна о создании меннонитского архива и учреждении соответствующей комиссии в составе 6 человек [5, с. 31; 9, с. 398]. Первая волна осознанной исторической самоидентификации, поднявшаяся непосредственно перед Первой мировой войной, дала меннонитскому миру целый ряд историков, таких как Давида Ремпеля (1899–1992) и Гергарда Лоренца (1899–1986). Более того, она же определила особое почтительное отношение к собственной истории российской меннонитской диаспоры в Канаде.

Усилившийся интерес к собственной истории дал меннонитам новый аргумент в споре о их роли в начавшейся войне с Германией. Говорившие по-немецки, связанные множеством нитей прежде всего с немецкой культурой, они внезапно обнаружили в себе голландские корни. Абрахам Фризен, который тщательно исследует вопросы войны и меннонитской этнической идентичности [5, с. 271–302], относит первое упоминание голландского аргумента к 29.9.1914, когда его использовали добровольцы, направлявшиеся по линии Красного Креста из Гальбштадта в Москву [5, с. 215]. Он же называет Гальбштадт местом вероятного возникновения этого аргумента, а его автором – Генриха и/или Петра Брауна [5, с. 215].

Голландский аргумент имел долгую жизнь. В годы Первой мировой войны его использовали меннониты при попытках выйти из-под сферы действия ликвидационных законов (напомним, что их первый вариант был внесен в Думу 9.10.1914 и введен в действие, будучи подписан императором Николаем II 2.2.1915 [5, с. 217]). В 1922 г. он убедил комиссара внутренних дел Украины Скрыпника дать разрешение на легализацию Союза граждан голландского происхождения [9, с. 104]. Наконец, после окончания Второй мировой войны все тот же аргумент открыл двери меннонитским беженцам, скопившимся на германо-нидерландской границе, в Нидерланды [13]. Полвека спустя он нашел отражение даже в советском религиозоведении, где, впрочем, был оспорен [1, с. 14–21].

Аргумент голландского происхождения не смог восполнить для меннонитов того, что они потеряли во время военного времени, включившего в себя и Гражданскую войну – положительную самоидентификацию с Россией и затем с Советским Союзом. Антинемецкие настроения, ликвидационные законы, экспроприация собственности и земли в революцию, человеческие потери от бандитизма, непринятие коммунистической идеологии, и, в довершение ко всему, государственный атеизм окончательно подорвали российские патриотические чувства меннонитов. Атрибутом их идентичности стало неприятие сообщества, в котором они жили. Итогом стала эмиграция, начавшаяся в 1920-е и завершившаяся в 1990-е гг.

Война и консолидация в пределах меннонитской идентичности

Провозглашение свободы вероисповедания в 1905 г. естественным образом повлекло за собой изменения в религиозном законодательстве империи. Для сектантов типа русских баптистов, которые во многом были продуктом миссионерской деятельности братских меннонитов, оно принесло значительные облегчения. С другой стороны, законопроект МВД определял тот же статус сектантов и для меннонитов [6, с. 528]. Последние, видевшие в российских реформах всех времен элементы сокращения первоначальных меннонитских привилегий [6, с. 527], почувствовали опасность для своих общин.

Внешняя угроза на конфессиональном поле послужила началом консолидации меннонитов. Впервые после многих десятилетий 7.2.1908 представители всех молочанских меннонитских общин, включая братские и евангельские, собрались вместе, чтобы обсу-

дить упомянутый законопроект. За этим последовали дальнейшие консультации и сотрудничество.

В ходе начавшейся консолидации 27–28.10.2910 в Шензее Бердянского уезда состоялась Всеобщая меннонитская конференция. Две трети ее участников были делегированы меннонитскими общинами. Оставшаяся треть были делегатами от братских меннонитов, получивших официальный мандат своих общин. Их участие в совместной конференции было большим новшеством. Присутствовали на конференции и представители МВД; оно же и выдало разрешение на ее проведение. Конференция приняла целый ряд совместных документов, касавшихся положения меннонитской конфессии в стране [6, с. 540–547]. Доверие между отдельными частями диверсифицированной конфессиональной общности начало расти.

Бедствия Первой мировой войны послужили катализатором меннонитской консолидации. Если до войны, в 1910 г., она распространялась только на вопросы конфессионального плана, то Всеобщая конференция меннонитских общин России 6–8.6.1917 в Нейгальбштадте оказалась готовой обсуждать вопросы, выходявшие далеко за пределы конфессионального круга. В частности, она рекомендовала создание гражданской организации меннонитов России [9, с. 396–404].

Дальнейшая послевоенная консолидация меннонитского сообщества происходила в намеченном в 1917 г. направлении. Меннонитская идентичность смогла вместить в себя и отошедших от веры в виде секуляризации, и отступивших от веры и взявших в руки оружие участников отрядов самообороны и других военных формирований, и общение с немменонитскими конфессиями.

Только поставленная на расширенную основу меннонитская идентичность смогла стать базой для таких крупных организаций как Союз граждан голландского происхождения и Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество. Первое представляло в 1922–1926 гг. интересы до 60 тыс. меннонитов Украины и занималось не только экономическими вопросами, но и политическими, в т.ч. организацией эмиграции из СССР [14]. Второе также было массовой организацией, выражавшей потребности 44 тыс. человек [12]. Таким образом, членом меннонитского сообщества мог считать себя каждый меннонит страны как член меннонитской общины, так и меннонит по культуре.

Процессы в сфере меннонитской идентичности, начавшиеся в период общественных преобразований в Российской Империи в на-

чале XIX в. и ставших объектом акселерации в период Первой мировой войны, оказали существенное влияние на меннонитское общество и объясняют усиление этноконфессиональности меннонитства.

Библиографические ссылки

1. *Ипатов А. Н.* Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности / А. Н. Ипатов. – М. Изд-во : Мысль, 1978.
2. *Ehrt Adolf.* Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart / A. Ehrt. – Langensalza: JuliusBeltz, 1932.
3. *Epp, David H.* Johann Cornies : Züge aus seinem Leben und Wirken / Epp, David H. – Berdjansk : Der Botschafter, 1909.
4. *Epp, David H.* Die Memriker Ansiedlung: Zum 25-jährigen Bestehen derselben im Herbst 1910 / Epp, David H. – Berdjansk : Ediger & Co., 1910.
5. *Friesen Abraham.* In Defence of Privilege : Russian Mennonites and the State Before and During World War I / Friesen Abraham. – Winnipeg: Kindred, 2006.
6. *Friesen P. M.* Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte/ P. M. Friesen. – Halbstadt : Raduga, 1911.
7. *Lichdi Dieter Götz.* Die Mennoniten in Geschichte und Gegenwart : Von der Täuferbewegung zur weltweiten Freikirche.2. Aufl. (Agape, 2004).
8. *Loewen Harry.* «The German-Russian Tensions among the Mennonites in Russia (1789-1917)» in: P.M. Friesen & his History : Understanding Mennonite Brethren Beginnings. Abraham Friesen, ed. (Winnipeg: Christian Press, 1979), 133–152.
9. Selected Documents : The Mennonites in Russia from 1917 to 1930. John B. Toews, ed. (Winnipeg: Christian Press, 1975).
10. *Unruh A. P.* Die Geschichte der Mennoniten-Bruedergemeinde 1860 – 1954 / A. P. Unruh. – Hillsboro KS : Fürsorgekomitee der Generalkonferenz von Nord-Amerika, 1955.
11. *Unruh Heinrich B.* Fügungen und Führungen : Benjamin Heinrich Unruh (1881 – 1959) : Ein Leben im Geiste christlicher Humanität und im Dienste der Nächstenliebe (Detmold: Verein zur Erforschung und Pflege des Russlanddeutschen Mennonitentums, 2009).
12. http://gameo.org/index.php?title=Allrussischer_Mennonitischer_Landwirtschaftlicher_Verein (access 03.06.2014)
13. <http://gameo.org/index.php?title=Refugees> (access 03.06.2014)
14. http://gameo.org/index.php?title=Verband_der_B%C3%BCrger_holl%C3%A4ndischer_Herkunft (access 03.06.2014)

Надійшла до редколегії 04.06.2014

УДК [94:286.12](71)-054.62 «1914/1918»

H. Werner

University of Winnipeg

AN ARRAY OF CONTRADICTIONS: MENNONITE EXPRESSIONS OF NATIONALISM IN IMPERIAL RUSSIA DURING WORLD WAR I

Висвітлено протиріччя етнонаціональної ідентичності менонітів у контексті підданих чи громадян, етнічних паріїв (знедолених) і привілейованих «братів і сестер». Завдяки детальному вивченню даних національних газет, конференцій, щоденників та спогадів було доведено, що меноніти були не в змозі адаптувати свої етнорелігійні почуття ідеалам самовизначення і націоналізму. Намагання менонітів знайти «своє місце» (свій шлях) в умовах розвалу імперії, ліберальної демократії, що зароджувалася, анархії, окупації і революції виявились нездійсненими.

Ключові слова: меноніти, націоналізм, Перша світова війна, Росія, німецькі колоністи.

Освещены противоречия этнонациональной идентичности меннонитов в контексте подданных или граждан, этнических париев (обездоленных) и привилегированных «братьев и сестер». Благодаря детальному изучению данных национальных газет, конференций, дневников и воспоминаний было доказано, что меннониты были не в состоянии адаптировать свои этнорелигиозные чувства идеалам самоопределения и национализма. Попытки меннонитов найти «свое место» (свой путь) в условиях развала империи, либеральной демократии, что зарождалась, анархии, оккупации и революции оказались невыполнимыми.

Ключевые слова: меннониты, национализм, Первая мировая война, Россия, немецкие колонисты.

Beleuchtet werden die Widersprüche der ethno-sozialen Identität der Mennoniten im Untertanen-Bürger- Kontext bzw. aus ethnischen Gründen Ausgegrenzter oder privilegierter «Brüder und Schwestern». Durch detailliertes Studium der nationalen Presse, aussagekräftiger Konferenzen, Tagebücher und Erinnerungen kommt der Verfasser zu der Erkenntnis, dass die Mennoniten außerstande gewesen waren, ihre ethnischen und religiösen Gefühle den Idealen der Selbstbestimmung und des Nationalismus anzupassen. Die Versuche der Mennoniten, ihren eigenen Weg unter den Bedingungen des Zerfalls des Imperiums, der noch unterentwickelten liberalen Demokratie, der Anarchie und der Revolution zu definieren, mussten fehlschlagen.

Schlagwörter: Mennoniten, Nationalismus, Erster Weltkrieg, Russland, deutsche Kolonisten.

Until 1990 at least, World War I and the peace discussions that followed it represent the apogee of the idea of political self-determination and its somewhat unrealistic corollary that every ethnic group should have its own nation-state, or at least autonomy. While as a small ethno-religious group, Mennonites could not aspire to nationhood, they were tossed about in the swirl of what constituted self-determination for the peoples of Eastern Europe. One commentator suggests, the pain of World War I «helped propel the Russian Mennonites towards their finest hours» [1]. Another notes it was also a time of «moral failure» that produced an «uneasy conscience...in the minds of Russian Mennonites» [2]. In the space of a few short years between 1914 and 1918, Mennonites confronted and displayed what one participant in these events calls an ‘array of contradictions’ [3]. The paper will explore these contradictions in Mennonite ethnic and national identity in the context of being subjects or citizens, ethnic pariahs and privileged ‘brothers and sisters’. Through a careful reading of Mennonite contributions to ethnic newspapers, documents from conferences, diaries and memoirs, this paper will argue that Mennonites were unable to adapt their ethno-religious sensibilities to the reality of the ideals of self-determination and nationalism. Mennonite attempts to navigate a place in the contexts of a fractured empire, a nascent liberal democracy, anarchy, occupation and revolution proved to be unattainable.

Keywords: Mennonites, Nationalism, World War I, Russia, German colonists.

The Anabaptists of the 16th century were challenged on all sides by secular rulers who remained avowedly Catholic, or became Reformed or Lutheran believers bent on aligning their subjects with their own religious persuasions. Even if the heretical beliefs of Anabaptist-Mennonites were tolerated in exchange for the economic gain they might bring, a pledge of allegiance to an earthly ruler was inimical to a people that avoided the swearing of oaths altogether. The Mennonite aversion to connecting their identity to membership either as subjects or citizens of an earthly realm ran counter to a historically engrained sense of their belief that their only citizenship belonged to a heavenly realm. It was, however, not that simple. Living in the world necessarily resulted in constant tension between benefitting from an ethnic identity and eschewing it as part of the enticements of the ‘world’.

When forced or motivated to, Mennonites could legitimately claim Dutch ancestry since most their forbears who had migrated to Polish Prussia and Danzig in the 16th century had come from Dutch areas. They could also claim German ancestry since some of them had origins in Germany and their high language of church had become German by the time the emigrated to the steppes of Ukraine. They had also lived at least some years under Prussian rule. On the other hand, a Mennonite ethno-religious identity that had developed over many centuries also spawned a

sense of being a separate people, not Dutch or German in the nationalist sense of the 19th and 20th centuries.

Regardless of their own sense of becoming a people unto themselves, in the Tsar's empire, Mennonites were clearly *Nemetzky*, Germans. In the context of Russia's involvement in World War I as an enemy of Germany, such an identity was problematic. In response, Mennonite intellectuals and community leaders began emphasizing their Dutch ancestry when faced with the loss of their land. During the period of the Provisional government a brief notion of creating a Russian-German political identity seems to appear, only to be displaced by a German national identity when Mennonite areas were occupied by German forces in the spring of 1918. When German forces left Mennonite areas in November 1918 Mennonites were seriously compromised in how they would fit in to the nascent communist state that they found themselves in.

In the story of Russia's Germans, the events related to World War I has often played the role of being the final chapter in a history that began with Catherine the Great's invitation for Mennonites and other Germans to settle the steppes of the Black Sea region. Historians of the Mennonite experience have tended to focus on the trauma experienced as the waves of war, revolution and anarchy swept over Mennonite life and ultimately destroyed what had been built up over 150 years. Respecting their identity, historians have concluded that Mennonites were generally unaware of their history until well after the pressures of Russification descended on them in the late 1880s. John B. Toews suggests that as late as 1910 «the Russian Mennonites knew who they were, but, ironically, they did not know where they had come from or what they had become» [4]. Abraham Friesen is more categorical, suggesting a 1911 call by Mennonite teacher and leader David Epp for historical education arose from his dismay about the «pervasive historical ignorance of his students, an ignorance that extended even to their own past and was encouraged by a nearly universal indifference to history in the Russian Mennonite public» [5].

The most extensive analysis of the vacillation of Mennonite identity in the years leading up to and including World War I is that by Abraham Friesen in his *Defense of Privilege: Russian Mennonites and the State Before and During World War I*. Friesen's work is primarily that of intellectual history focusing primarily on the writings of Mennonite intellectuals and their grasping for a national origin that would allow Mennonites to sustain the privileges granted to them by the Tsars and used by them to create an «identity as an ethnic linguistic, religious, and cultural minority» [7]. My aim here is to seek to understand the problem of

identity from the point of view of a broader cross section of Mennonites of the period. Using diaries, memoirs and the articles read by Mennonites in German newspapers, this paper will examine the path of changes in self-identification along which Mennonites travelled between the declaration of war in August 1914 and the withdrawal of the German army in the fall of 1918. Much like their German colonist counterparts, Mennonites progressed from a primarily ethnic identity towards a form of German-Russian nationalism. When threatened with the liquidation of their land in 1915, their intellectual elite recovered their Dutch ancestry to escape being German. During the German occupation they flirted with a German national identity, but seemed to struggle with the implications of that identity and appeared to be on a path back to a Russian-German ethnic identity when the German armies left and anarchy and civil war overtook them.

As all over Russia, the declaration of war against Germany in August 1914 brought an outburst of patriotic emotion among Mennonites and the rest of Russia's German colonists. Certainly the declaration of war against Germany brought mixed feelings and foreboding; however colonists were unrestrained in encouraging sacrifice for the fatherland. The *Odessaer Zeitung*, a widely read German language newspaper, called all the sons of colonists to follow the call of the Tsar and «shoulder to shoulder with all true sons of the fatherland go into battle, preoccupied with one thought: either to be victorious or to die for the dear fatherland» [7]. The Mennonite newspaper, *Friedenstimme*, had already suggested appropriate responses for its pacifist readers before Russia declared war. The editor, Abraham Kroeker, suggested that Mennonites should show that «they wanted to participate in the interests and the suffering of the fatherland». Kroeker proposed that Mennonites collect funds for the Red Cross or establish hospitals in their colonies for the wounded. His second suggestion was that young Mennonite men be organized into medical corps units to be sent to the front to care for the wounded [8]. The outbursts of loyalty to the Tsar came in the context of longstanding pressure on German-speaking colonists to be assimilated into Russian society. The reign of Alexander III was noted for its Russification of borderland regions and while Germans did not suffer as much as Jews, Poles, Finns, or Baltic peoples, they too were subjected to various restrictions of their cultural and linguistic freedoms [9]. In spite of some restrictions on their ethnic freedoms, the average Mennonite was largely oblivious to the anti-German sentiments of some Russian intellectuals. Most of Russia's German colonists lived in their own world of church, village and family. They spoke Russian poorly and often held a low opinion of their Russian and Ukrainian neighbours

[10]. Although they clearly remained separated from their neighbours and Russian society, German colonists in general, and Mennonites in particular had no particular separatist political aspirations – no sense of nationalism.

The outbreak of the war was considered an opportunity to show Russian society and the Tsar the devotion and dedication of his ethnic German subjects. Ludwig Lutz, a German colonist from Odessa and an Octobrist Duma representative, argued that the outbreak of war was reason to set aside the memories of anti-German sentiments. He reminded German-speaking readers of the *Odessaer Zeitung* that the coming events would provide the answers to any remaining questions of colonist loyalties and left no doubt that Russia's German colonists would not be found wanting [11]. German colonist members of the Duma also tried to reassure their fellow Duma members of the loyalty of the empire's German speaking citizens and other influential colonists repeated the assurances of Russian-German loyalty [12]. The reaction of colonists, be they Mennonite, Volga German or Black Sea Lutherans and Catholics, was very similar. Their language was patriotic with a strong sense that the war would prove that they rightfully belonged in Russia and they argued that their ethnicity should not be confused with their national allegiance. The editor of the *Odessaer Zeitung* maintained that

Our love for our heritage does not apply to the German Reich, but rather to the German nation, to German intellectual life, German distinctive customs and traditions. This love does not hinder us from being true to Tsar and country and giving our possessions and lives for our Russian fatherland [13].

Gerhard Schroeder's memoir echoes this patriotic fervor. He writes: «when the news of the outbreak of hostilities reached our villages there was a great outpouring among our people of a genuine feeling of loyalty to Russia», but also «a great feeling of uneasiness and apprehension among them, especially among a number of leading men of the laity and the church» [14].

While the initial German colonist reaction to the outbreak of war was very similar to that of other Russians, the tone of the articles in the German language newspapers soon changed. This change was due primarily to attacks on the colonists in the Russian press. The conservative *Novoe Vremia* was the leader in the «campaign to liberate Russia from the 'German Yoke'» [15]. By late summer of 1914 the German press was responding to regular diatribes against German colonists in Russian newspapers. As early as mid-August the readers of the *Odessaer Zeitung* responded

to accusations of disloyalty levelled at a colonist medical organization in Odessa. A letter to the editor was quick to point out that the executive of the organization included a father with five sons in the army, a father who had already lost a son, and others who had sons in the officer corps and other areas of service [16]. **Another writer from the Volga German colonies** reported that rumours about colonist treason were rampant. These rumours included a report that a German pastor had prayed for a German victory in his church, reports of villages where no one had volunteered, and reports that a prominent Volga German merchant had sent flour to Germany. The writer assured the readership of the *Odessaer Zeitung* that these rumours are untrue and that Volga German colonists were at the forefront of efforts to support the Russian war effort [17].

By October 1914 the attacks on the German colonists were no longer restricted to questions of their loyalty but began to suggest actions that should be taken against them. In the October 1, 1914, issue, the Mennonite *Friedenstimme* reported that the *Novoe Vremia* had proposed the «liquidation» of Russia's German colonists [18]. In the next few weeks the campaign to expropriate the land of Germans in Russia gathered momentum and on October 14, 1914, the Tsar's Council of Ministers «raised the issue of foreign property and endorsed the opinion of the minister of foreign affairs that the state should liquidate German landholdings along the western frontier» [19]. **The initial discussions of the liquidation of colonist landholdings** resulted in a change in the tone of the German press. The Mennonite *Friedenstimme*, in an article that betrayed the knowledge of defeat at the front, expressed hope for an early «peace with honour», and outlined the political and cultural position of Germans in Russia. The language was not as enthusiastically patriotic as before but focused on the cultural mission of the German colonists. Although the editor allowed that Russian reaction to Germans was understandable, he maintained that Germans «were called to Russia to cultivate the steppe» and also to «be of benefit to Russians and other nationalities. This cultural mission, which must be apparent to all, could be extended considerably to benefit everyone» [20]. **In the last few weeks of their existence the German press** devoted all its attention to news of how the expropriation law was to be applied and what way colonists would be affected.

By November 1914 the German colonists were severely restricted in expressing themselves in the German language. In November both the *Friedenstimme* and the *Odessaer Zeitung* ceased publication as did all other German papers in Russia. In 1915 these restrictions were expanded to ban all speaking of German in public or in correspondence with soldiers at

the front. In July 1915 teachers of German origin were replaced with Russians and in most areas the conduct of worship services in German was forbidden [21].

If the early months of the war can be characterized as period where German colonists thought of themselves primarily in ethnic terms the period of the debate on the expropriation of their lands up to the February Revolution must be considered as a time of rapid transition in their view of themselves. Although a certain quiet descended on the land in German colonist regions due to restrictions on the public use of German in the fall of 1916, the following two years witnessed increasing politicization of colonist activities.

The main issue that preoccupied German colonists in 1915 and 1916 was the spectre of the loss of their land. In February 1915 Tsar Nicholas II bent to the agitation of the anti-colonist lobby and issued a decree under the emergency powers of the Fundamental Laws of 1905. The decree restricted acquisition of land by German colonists all over Russia with expropriation to be applied to border areas. In December of the same year the decree was extended to much larger areas of Russia and was to apply to land originally received by colonists from Catherine the Great. The December laws also provided for the Peasant Land Bank to carry out the expropriation at a compensation price to be decided by the Bank. In August 1916 and in the spring of 1917 these provisions were extended to cover almost the entire empire [22].

The prospect of losing their land resulted in numerous petitions to various government bodies requesting the decrees to be repealed or modified. Moscow Professor Karl Lindeman, a supporter of the Octobrists, immediately published a critique of the new decree in March 1915 [23]. In spite of his efforts and the efforts of Duma representatives Ludwig Lutz and Heinrich Bergman – both colonists and fellow Octobrists – the law was not repealed but rather expanded. Mennonites were also active in making petitions to the various government authorities with one source crediting them with over 5000 separate petitions [24].

Alongside the drafting of petitions to preserve their right to own land there was also increasing evidence that the continuing pressure on their existence was driving the various German colonist groups towards a more political orientation. Among Protestant pastors and school teachers the restrictions on the use of German encouraged strident nationalist opinions. Some colonist pastors refused to obey the decrees forbidding German sermons and were exiled to Siberia [25]. In January 1917, Mennonites petitioned the government for numerous concessions respecting their service

in the medical corps and included a request to be exempted from the land expropriation decree. The submission, allegedly prepared by a Russian lawyer and signed by unauthorized representatives, claimed that Mennonites were of Dutch origin and had «not a drop of German blood in their veins» [26]. The suggestion of Dutch heritage did not first appear with the above mentioned submission to the authorities in early 1917. Abraham Friesen argues that the pamphlet *Kto takie Mennonity*, which advanced the ‘Dutch’ argument, was circulating as early as September, 1914 [27]. Certainly by the time Mennonites were working to escape the land expropriation laws in 1915 the ‘Dutch’ argument had been discussed publicly. At that time the Ministry of the Interior responded with a ruling that regardless of their ancestral origin Mennonite culture was German and for the purposes of the law they would be considered German [28].

Peter Dyck expressed dismay at the prospect of signing his name to one of the many Mennonite petitions submitted to the government. In his March 28, 1916 entry he notes: we are to state that we are actually not German, but Dutch, and that the Boers in Africa are our *Rodneje Bratja* (true brothers). There is a fair amount of self praise in the petition. It also seems problematical to have each Mennonite present his own petition. We really seem to lack faith in God, as Pastor Kuegelgen is to have said in Petrograd. The other Germans, who also wish to remain German, and are not suddenly turning into Dutchmen, are, I believe not working nearly as hard as the Mennonites. Nor are they spending as much money. Nothing more will happen to them than will happen to us Mennonites [29].

By October he had become quite pessimistic. With the dismissal of all the Germans on the Board of the bank where he worked and a run on its funds, Dyck worries that “the situation for us Germans is becoming more and more serious” [30]. For the younger Anna Baerg the deteriorating situation had evaporated any sense of Russian nationalism. «For whom should I show great patriotism?» she asks her diary, «for Russia, who would prefer to leave us homeless and without rights because we are German?» [31]. For John Nickel a visit to an acquaintance triggered both the realization and guilt associated with being a privileged Mennonite. Mennonites were «the objects of national hatred, since we had not shown sufficient love toward the Russian people» [32].

The pressure of the various restrictions on colonists directly attacked their ethnic awareness and their economic and physical presence in Russia. During the period beginning with the first defeats of the Russian army in the fall of 1914 to the February Revolution they became increasingly aware of the need to be organized politically. The progression to nationalism

was not universal nor was it a drift to a nationalism that identified with the German state with which Russia was locked in mortal combat. The budding German colonist nationalism would, however, blossom with the fall of Tsarist autocracy in February 1917.

The fall of the Tsar and the establishment of the Provisional government brought «joyous demonstrations and efforts to offer assistance to the new government» in the German colonies [33]. Much of this joy and optimism stemmed from the favourable position taken towards non-Russian nationalities in the first statements of the Provisional Government. On March 16, 1917, the Provisional Government outlined an eight point statement of principles that included the «abolition of all social, religious and national restrictions» and «the calling of a Constituent Assembly, elected by universal and secret vote, which shall determine the form of government and draw up the Constitution for the country» [34].

The renewed optimism, tempered with the lessons learned from the previous two years, resulted in a flurry of activity in the colonist community. Numerous conferences were held in the spring of 1917 beginning with a «Congress of Russian Citizens of German Nationality» convened by Karl Lindeman in Moscow April 20 to 23rd and attended by 86 delegates. This conference was followed by a meeting in Saratow in the Volga colonies three days later with 300 delegates and a meeting in Odessa May 14–16 with 2000 delegates. In May there were also conferences of German colonists in Siberia as well as in the Caucasus. Later in summer a major conference of Mennonites took place in the Mennonite centre of Ohrloff in Taurida [35]. **Along with the conferences the freedoms initiated** by the Provisional Government also brought back to life the German press. The *Wochenblatt* began publishing in mid-April and the *Friedenstimme* reappeared as *Nachrichten des "Volksfreund"*, and later the *Molotschna Flugblatt* [36].

A common theme of the conferences and the early issues of the reborn German press was the need to strengthen German colonist cooperation and improve the education among the German speaking community. The conferences were also a forum for the debate of new nationalist sentiments and reflected the heightened awareness of political options in the new environment. The Moscow Conference, organized by the nationalist oriented Karl Lindeman, was called to «work towards an all-encompassing German national unification movement». The Mennonite delegate to the conference, Benjamin Unruh, conveyed the much less «German» national orientation of his constituency to the meeting. Unruh, a Swiss trained Professor of Theology, reflected the increasing attempts by Mennonites to

distance themselves from German nationalism and their attempts to find their own political position in the Russian context. With respect to Mennonite involvement with other German colonists, Unruh argued that:

- 1) The bulk of Russian Mennonites came from the Netherlands.
- 2) For hundreds of years Mennonites have been under the influence of German culture and have been Germanized--this to be understood as a cultural and not a political influence.
- 3) Mennonites must cooperate with other colonists but with due regard for their autonomy [37].

The Moscow meeting dutifully amended its name to mention Mennonites particularly and went on to advocate a strong centralized organization to coordinate the political activities of all colonists and to mitigate the differences between them. Other than the dissenting voice of the Mennonites the congress adopted an aggressive nationalist stance particularly on cultural and linguistic issues.

The largest meeting of German colonists took place in Odessa in May 1917. This meeting reflected a marked shift in political allegiance of the Black Sea area colonists. With the liberal and socialist parties defending the colonists in the Duma, the position of the Octobrists had become tenuous. The ethnic issues dominated the discussion and like other colonists the Black Sea Germans displayed a marked progression towards a political, nationalist position. **V. G. Reissig spoke of the need to form organizations to assure the survival of the German presence in Russia.** He spoke of the earlier apathy of German colonists but, he said «then came the war, and we all began to feel our heritage» and **«deep-seated national feelings or instincts»**. He spoke in glowing ethnic-nationalist terms of a future where German colonists «would only have to have the desire, and they would find an interest in their past and a source of strength for their future». He also reinforced the German colonists strong sense of their right to live in Russia.

This earth is as dear to us as to the native peoples. We love this little piece of land without bounds. We have quenched its thirst with the dew of our blood. Our children are born on it. Our grand-parents got their last embalming on it, and we hope, that this earth will accept our dying remains. We love this land. No one can take our rights to it [38].

The support of the liberal and socialist-leaning parties in the Duma on the question of land expropriation swayed the German colonists of the Black Sea area towards a more socialist outlook than their traditional conservative outlook would have predicted. The Octobrist Duma representative Ludwig Lutz appeared before the delegates and renounced his Octo-

brist party affiliation to become a Kadet and many of the resolutions of the conference bore the mark of Kadet policy [39].

The large Mennonite Congress at Ohrloff in August, 1917 mirrored the shift to the left that characterized the earlier Odessa conference. At the opening of the conference a request to have the delegates register their occupation, age, and level of education was hotly debated. In the opinion of some of the participants it was «not desirable to underline class differences» because the conference was convened “to discuss general issues, not specific class interests» [40].

In spite of the emergence of class consciousness in the language of delegates, the conference passed resolutions indicative of the increasing national consciousness of Mennonites. The conference deliberations included the acceptance of a proposal for the establishment of an all Mennonite Congress that would promote «rights of national self-determination» and the «special interests of Mennonites with the appropriate jurisdictions» [41]. The expressions of loyalty characteristic of the newspapers before being closed down reappeared in a resolution proposed at the conference by the editor of the *Friedenstimme*. Delegates now found such expressions of loyalty «out of place» in the context of their demands to be treated equally with other citizens [42]. In spite of the objection to the editor’s language the congress strongly supported the return of the German press.

The renamed *Friedenstimme*, now called the *Nachrichten des «Volksfreund»*, in its opening issue responded to questions about the language of the new paper. In keeping with the Dutch origin that Mennonites had been advocating, someone had suggested that the paper be printed in the Low German vernacular of everyday Mennonite speech. The editor argued that this was impractical since it was no longer a written language. In response to a suggestion that it be printed in Russian he argued that language was not to blame for the politics of the war [43].

The pressures of war and the resulting chauvinism of their Russian neighbours contributed to a progression from an ethnic to a national identity among various German colonist groups in Russia. In spite of the differences between Russia’s Germans, they all progressed towards a more politically active nationalism from an earlier more neutral ethnic identity. The progression towards thinking of themselves not only in ethnic but also nationalist terms would make them vulnerable when German armies occupied their region.

The arrival of German troops in Mennonite areas in April 1918 changed everything for Mennonites. Peter J. Dyck’s entry for April

19th reports that «about 5:00 o'clock a long train of Prussians arrived in Halbstadt. They were greeted joyfully by the populace». But the release from the pressure of being the enemy was not shared universally or unequivocally. His entry five days later suggests: «The mood is varied. Some people fear a reaction, which could be terrible. Others believe that because of the presence of the Germans all danger is past» [44]. Anna Baerg also conveyed a sense of confidence in her German identity while at the same time some ambivalence about the extent to which it was shared with the occupying army.

They say that the Prussians were surprised that we Germans in Russia had remained so German. I was happy about this observation, even if the idea seems a little offensive to me. That one should think otherwise! What are we but Germans! Naturally there are sorry exceptions; but the real Germans, the ones who feel it from the heart, have never been able to adapt themselves to the Russian way of life [45].

Others were immediately willing and desirous of German citizenship. John P. Nickel assured his diary readers that «Germany has not forgotten us. All Mennonites in the Old Colony as well as in Jazykovo will accept German citizenship». A few weeks later when he reported to his diary the outcome of a conference of Russian-Germans in Prischib where they decided to accept German citizenship Nickel reasserts that they “agreed with this position completely» [46].

The interaction with the German troops during the summer of 1918 conveyed both a sense of relief to be away from the earlier ethnic conflict, but also a growing tension that identification with a German national identity was in conflict with their sense of being Mennonite Russian-Germans. The summer featured festivals honouring German soldiers organized by Mennonites and then later ‘Ludendorff’ festivals, organized by the occupying army and named after a German General. Peter J. Dyck reported on one of the former held in Ohrloff in May, “arranged by several villages. There must have been 2000 people present. A thirty piece military band played....Beer, sausage sandwiches, ice-cream, raspberries and cherries were sold”. In July he comments on one of the Ludendorff festivals where beer was important and «German patriotic speeches were held». By now he is critical, concluding the «whole affair demoralized our society. It got in touch with the outside world and out of our isolation, much to our detriment» [47]. Anna Baerg complains to her diary about «the conduct of our girls with the German officers» at one festival and considers their participation «a disgrace» [48].

The dismay at the conduct of some Mennonites seems to have been reflected in a gradual reaction and a shift away from German nationalism to the Russian-German identity Mennonites had begun to claim before the German occupation. John Nickel confided to his diary that one of the presentations made at a June conference in the village of Lichtenau «stated that Mennonites actually possessed no fatherland which they could love or show loyalty to» [49]. From the fall assembly in Ohrloff he confided to his diary: «As to our citizenship, one concludes the following: we are Ukrainian, since we live or were born here. We will still be able to become German citizens after the eleventh of October. Nothing specific is known about this question either. If only we could put our confidence in the Lord... instead of on Germany and the Germans [50].

The cooperation and welcome extended to German troops was a contradiction of earlier Mennonite professions of loyalty, but was not entirely surprising. It was a small step from connecting their recently developed sense of German colonist nationalism to attaching this identity to the occupying German state. German colonists experienced for the first time a sense of nationality that was out of step with their Russian homeland. The arrival of a German state, with its language and customs, suited this rising nationalism. The glow of basking in the seeming alignment of ethnic and national identities seems to have been short lived. At least in the diaries examined here doubts about membership in the German nation begin to emerge in midsummer 1918. Little is said during these months about their watching Slavic neighbours. The result was disastrous when the German armies left. The Civil War and period of anarchy was particularly brutal in German colonist areas and the compromised national allegiance was an important element in the treatment of German colonists by their neighbours.

Jacob H. Janzen, writing his memoirs from the safety of Canada in 1929, exclaims: «What an array of contradictions pressed together in such a short time! We no longer knew where we stood» [51]. Certainly in the space of a few short years between 1914 and 1918, Mennonites had confronted very different circumstances that forced them on a path of having to choose uncomfortable nationalist identities. Mennonites tried to escape the German aspect of their identity when it became untenable almost immediately after the declaration of war. They were able to reach back to a Dutch identity, which while historically true, seems to not have been coherent for many Mennonites even though it was convenient. After the fall of the Tsar and the relaxation of anti-German pressure, Mennonites

and other German colonists experience a brief window where they see an opportunity to create a much more political Russian-German identity. During the German occupation attaching their ethnic German identity to a national German identity held tremendous appeal for Mennonites, although by midsummer 1918, the diarists examined here seem to be trying to reassert a Russian-German ethnic identity. It would be too late. During the civil war and period of anarchy that followed the departure of German troops in the fall of 1918, their Russian and Ukrainian neighbors remember their search for identity to be a convenient way to attempt to maintain privilege. The dream of colonist nationhood would die along with the violent deaths of many of its prospective citizens.

Bibliographical references

1. John B. Toews, *Czars, Soviets, and Mennonites* (Newton, KS: Faith and Life Press, 1982). – P. 46.
2. Al Reimer, «Sanitätsdienst and Selbstschutz: Russian Mennonite Non-Resistance in World War I and its Aftermath», *Journal of Mennonite Studies*, 11 (1993). – P. 135–136.
3. H. J. Janzen, *Lifting the Veil: Mennonite Life in Russia before the Revolution* (Kitchener, Ont.: Pandora Press, 1998). – P. 83.
4. John B. Toews, *Czars, Soviets, Mennonites*, (Newton, KS, Faith and Life Press, 1982). – P. 35.
5. Abraham Friesen, *In Defense of Privilege Russian Mennonites and the State Before and During the First World War*, (Winnipeg: Kindred Press, 2005), p. 31.
6. Friesen, p. 10.
7. «In Ernster Stunde» *Odessaer Zeitung*, 166 (22 July/4 August, 1914), p. 2–3. Mennonite Heritage Centre Archives, (hereafter MHC Archives). Adam Giesinger indicates that the paper was established in 1863 and was widely circulated. Adam Giesinger, *From Catherine to Khrushchev: The Story of Russia's Germans*, (Lincoln, NB: American Historical Society of Germans from Russia, 1974), p. 243.
8. «Europäischer Krieg» *Friedenstimme*, 56 (July 19, 1914), MHC Archives. The periodicals published and read by Mennonites are discussed in Al Reimer, «The Print Culture of the Mennonites 1870–1930» in *Mennonites in Russia: Essays in Honour of Gerhard Lohrenz*, John Friesen, ed., (Winnipeg: CMBC Publications, 1989), p. 221–237.
9. For a discussion of the effects of Russification on Volga Germans see James Long, *From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860 to 1917*, (Lincoln, NB: University of Nebraska Press, 1988), p. 54–62.
10. James Urry, «Prolegomena to the Study of Mennonite Society in Russia, 1880-1914» *Journal of Mennonite Studies*, 8 (1990), p. 67–68.

11. Ludwig Lutz, «An die Deutschen Ansiedler Russlands» *Odessaer Zeitung*, 166 (22 July/4 August, 1914), p. 3.
12. Ingeborg Fleischhauer, *Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft*, (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986), p. 449–450.
13. «Der Krieg und die fremdstämmige Bevölkerung Russlands» *Odessaer Zeitung*, 185 (August 14/27, 1914), p. 3.
14. Gerhard P. Schroeder, *Miracles of Grace and Judgement*, (Lodi, CA, the author: 1974), p. 16, 17.
15. Long, p. 228–229.
16. L. Fl., «Die Verleumdungen der ‘Russkaja Rjetsch’» *Odessaer Zeitung*, 187 (August 17/30, 1914), p. 3.
17. «Die Wolgakolonisten und der Krieg» *Odessaer Zeitung*, 205 (September 7/20, 1914), p. 2.
18. “Der Kampf gegen die deutschen Untertanen,” *Friedenstimme*, 77, October 1, 1914.
19. Long, p. 228.
20. «Ein Damoklesschwert über unserm Haupte» *Friedenstimme*, 85, October 29, 1914.
21. Giesinger, 249. See also Long, 226, and Karl Lindeman, *Von den Deutschen Kolonisten in Russland: Ergebnisse eine Studienreise 1919–1921*, (Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1924), p. 113.
22. For a discussion of the land expropriation laws see D.G. Rempel, «The Expropriation of the German Colonists In South Russia During the Great War» *Journal of Modern History*, 4 (1) (March 1932): 49–67. The legal aspects are discussed in Boris E. Nolde, *Russia in the Economic War*, (New Haven: Yale University Press, 1928), p. 103–115. For analysis of the overall campaign against enemy aliens see Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*, (Cambridge: Harvard University Press, 2003).
23. Lindeman, p. 7.
24. Fleischhauer, p. 521. Fleischhauer indicates no source for this rather startling statistic.
25. Fleischhauer, p. 452, 460.
26. Lindeman, 41–42.
27. Friesen, 220.
28. See Lindeman, 39 and Rempel, 61.
29. John P. Dyck, ed., *Troubles and Triumphs, 1914–1924: Excerpts from the Diary of Peter J. Dyck, Ladekopp, Molotschna Colony, Ukraine*, (Springstein, MB: the editor, 1981), 22, March 28, 1916. (hereafter Peter J. Dyck, *Diary*). Peter J. Dyck farmed and owned a brickyard after receiving an education in Mennonite secondary schools and teacher for a few years. During the war years he was a bookkeeper for the Molotschna Mennonite Credit Union in Molochansk (Halbstadt). Dyck emigrated to Canada in 1924.
30. Peter J. Dyck *Diary*, 28, October 27, 1916.

31. Gerald Peters, ed. and trans., *Diary of Anna Baerg, 1916–1924*, (Winnipeg: CMBC Publications, 1985), 6, November 14, 1916. (hereafter *Anna Baerg, Diary*) Anna Baerg, was a «seemingly ordinary young Mennonite woman» whose father was a supervisor on a large estate owned by a wealthy Mennonite family. She suffered a physical disability, which meant she was unable to work at the level of other young women of her age. She was nineteen when she began her diary in 1917. From the Foreward.

32. John P. Nickel, trans. and ed., *Thy Kingdom Come: The Diary of Johann J. Nickel of Rosenhof: 1918–1919: A Record of Violence and Faith During the Russian Civil War*, (Saskatoon, SK, by the editor, 1978). February 4, 1918, p. 12. (hereafter *John P. Nickel, Diary*).

33. Long, p. 232.

34. *Izvestiia*, No. 4, March 16, 1917 as quoted in Frank A. Golder, ed., *Emanuel Aronsberg, trans., Documents of Russian History 1914–1917*. (New York: Century Co., 1927. Rpt. Ann Arbor: University Microfilms, 1960), p. 309.

35. Giesinger, p. 253.

36. Fleischhauer, p. 530; Reimer, p. 229

37. Lindeman, p. 43.

38. V.G. Reissig as quoted in Fleischhauer, p. 540, 542.

39. Fleischhauer, p. 545.

40. «Protokoll des Allgemeinen Mennonitischen Kongresses in Ohrloff, Taurien, vom 14–18. August 1917», in John B. Toews, ed., *Selected Documents: The Mennonites in Russia from 1917 to 1930*, Winnipeg, Mb: Christian Press, 1975, p. 449–450.

41. Protokoll..., p. 456.

42. Protokoll..., p. 467.

43. «Notwendige redaktionelle Mitteilungen und Erklärungen», *Nachrichten des «Volksfreund»* 13 Mai, 1917.

44. Peter J. Dyck, *Diary*, 46, April 19, 1918 and 48, April 24, 1918.

45. Anna Baerg, *Diary*, 21, May 20, 1918.

46. John P. Nickel, *Diary*, 44, May 2, 1918 and 47, May 31, 1918.

47. Peter J. Dyck, *Diary*, 50, May 25, 1918 and 51, July 4, 1918.

48. Anna Baerg, *Diary*, 27, July 23, 1918.

49. John P. Nickel, *Diary*, 55, June 30, 1918.

50. Peter J. Dyck, *Diary*, 54, September 18–21, 1918.

51. H.J. Janzen, *Lifting the Veil: Mennonite Life in Russia before the Revolution* (Kitchener, Ont.: Pandora Press, 1998), p. 83.

Надійшла до редколегії 08.09.2014

УДК 94 (477.63) : 271.222 – 754 «1914/1918»

О. В. Бойко, Е. О. Снида

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РЕАКЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ НА НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Розглянуто реакцію православного духовенства Катеринославської єпархії на початок Першої світової війни. Аналізується благодійницька та патріотична діяльність місцевих православних служителів культу.

Ключові слова: православне духовенство, Перша світова війна, благодійництво, єпархія, Св. Синод.

Рассмотрено реакцию православного духовенства Екатеринославской епархии на начало Первой мировой войны. Анализируется благотворительная и патриотическая деятельность местных православных служителей культа.

Ключевые слова: православное духовенство, Первая мировая война, благотворительность, епархия, Св. Синод.

Im Mittelpunkt des Beitrags steht die Reaktion der orthodoxen Geistlichkeit der Ekaterinoslaver Euparchie auf den Beginn des Ersten Weltkrieges. Analysiert werden die Wohltätigkeit und die patriotischen Aktivitäten der lokalen orthodoxen Kirchendiener.

Schlagwörter: orthodoxe Geistlichkeit, Erster Weltkrieg, Wohltätigkeit, Euparchie, Hl. Synod.

The headline of the article is response of the orthodox clergy of Katerinoslav Diocese to start the First World War. The outbreak of war clergy became active assistant state at the front. Orthodox Church announces the mobilization of all its resources to the army. Remained on the sidelines and the clergy of Katerinoslav Diocese, as we learn from the pages of printed church. Priests inspired the masses, raising moral and morale of the Russian army. Local clergy to collects donations for the army, leaving the front to bless the soldiers. With the help of church state created an enemy aggressor among the masses. Also persecution of the Church exercised Stundists Germans, struggled with the sound of the war, with her disagreeable sects. The Orthodox Fathers often went to the front to their example inspire the masses. Russian Church exercised custody of families whose men went to the front. The active and financial was support to the church of the imperial army. There were plenty of organized military hospitals and hospital

items for wounded soldiers and refugees in Katerinoslav. Thus, the reaction of the Orthodox clergy manifested in charitable and patriotic activities.

Keywords: Orthodox clergy, the First World War, charity, diocese, St. Synod.

Первая мировая война кардинально изменила жизнь русского общества. В стороне от событий не могла находиться и Российская православная церковь (РПЦ). Даже не потому, что долгое время была надежным оплотом самодержавия, а так как традиционно выступала в качестве духовного защитника русского народа. С первых дней войны Российская церковь приняла активное участие в организации помощи армии и флоту. С воззванием к народу обратился Святейший Синод, призывая духовенство и паству к мобилизации, пожертвованиям, организации госпиталей и помощи семьям воинов. Инициатива незамедлительно была поддержана на местах, что нашло отражение в церковной епархиальной печати. Безусловно, роль РПЦ в борьбе с врагом трудно оценить, но остается очевидным: именно она поднимала моральный и боевой дух офицеров и солдат российской армии.

Цель данной статьи заключается в изучении и анализе реакции православного духовенства Екатеринославской епархии на начало Первой мировой войны.

С самого начала войны духовенство Екатеринославской епархии неуклонно следовало официальной позиции и предписаниям руководства РПЦ, способствуя воодушевлению масс. Со страниц «Екатеринославских епархиальных ведомостей» пастырям неоднократно напоминалась их первоочередная задача – ободрять и поддерживать патриотические настроения в массах. Будучи зависимой от императора институцией и, соответственно, защищая государственные интересы, РПЦ должна была максимально доступно объяснять населению идеологические мотивы вступления России в войну. Со страниц авторитетных церковных изданий Екатеринославщины читатели узнавали якобы настоящие её причины – «защита христианской цивилизации и культуры» [11, с. 668].

Подобные объяснения, подогревая патриотический запал масс, неоднократно звучали с уст архиереев Екатеринославской епархии в ходе публичных молебнов. Например, во время одного из таких молебний 11 августа 1914 г., проходящего в самом г. Екатеринославе, в обращении к мирянам было сказано о том, что «Россия не хотела войны и все сделала для сохранения мира, и никого нельзя осуждать в недостатке миролюбия – ни государя, ни правительство, ни народ. От Вислы и до Владивостока, от Северного до Черного моря встала вся

Россия, забыв все внутренние партийные и сословные деления», на нее была возложена миссионерская участь, которая заключалась в спасении всего человечества от тевтонов [11, с. 667, 668].

Для воодушевления православного народа в популярных газетах и еженедельных церковных изданиях печатались различные исторические материалы патриотического характера, где акцентировалось внимание на закономерной победе русского оружия над врагами, начиная со времен Дмитрия Донского. Отмечалось, что русский народ в начале XX в. прошел серьезные испытания и потрясения (ходынская трагедия, русско-японская война, революция 1905–1907 гг.), вышедши из них окрепшим, единодушным, во многом, благодаря мудрости императора. В статье «Подъем духа», опубликованной в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» 1 сентября, мировая война сравнивалась с Отечественной войной 1812 г., что придавало ей отечественный, всенародный характер. А посему впервые за всю историю России звучал призыв к всеобщей мобилизации, в т. ч. и духовенства. Еще летом 1914 г. в губернском центре развернулась призывная кампания. Для придания уверенности населению пресса констатировала готовность идти на войну простолюдинов, мещан, купцов, чиновников, дворян и даже священников. Среди народных масс наблюдался небывалый ранее подъем духа, уверенности в том, что они сражаются с немцами, людьми без веры, которые совершили немало зверств, несовместимых с христианством и общечеловеческой культурой [9, с. 698, 700].

Несмотря на то, что основной упор государственной пропаганды в первые дни войны был направлен на мобилизационные мероприятия, все-таки немалое значение уделялось обеспечению побед русского оружия в тылу. С призывами к рабочим и крестьянам поддерживать фронтовиков бесперебойными поставками продуктов и боеприпасов неоднократно обращалась и РПЦ. Печатный орган Екатеринославской епархии РПЦ также настоятельно рекомендовал подчеркивать во время пастырских проповедей духовное и трудовое единение всех слоев общества. Прежде всего, это относилось к помещикам и крестьянам, которые должны были вместе заботиться о производстве хлеба, ощущая себя причастными к зримой в недалеком будущем победе. Как отмечалось, крестьянин лучше поймет такой довод: «не армия, а деревня, не пуля, а рожь должны победить врага». В свою очередь к самоотверженному труду во благо победы звучали призывы к рабочим. К тому же приводился убедительный пример рабочих Путиловского завода, которые выполнили военный заказ не за

30 дней, как полагалось по плану, а всего за 12 [12, с. 716]. Духовенство акцентировало внимание на том, что эти рабочие осознали свой гражданский долг и честно его исполнили, а их поступок – это всего лишь один пример из множества других незримых подвигов сограждан.

Был даже разработан некоторый порядок изложения событий с фронта для «простолюдинов». В определенной степени их ознакомление с событиями было достаточно упрощенным, уничижительным по отношению к врагу, что соответственно искажало действительность и вызывало даже критические замечания. Неспроста князь А. М. Волконский в «Речи» от 21 августа 1914 г. акцентировал внимание на том, что в листовках, предназначенных для простых людей, подмечены некоторые черты легкомысленного отношения к противнику. Такой тон преуменьшения качеств противника, по его мнению, всегда опасен и ничего не имеет общего со здоровым оптимизмом. Князь настаивал, чтобы «...пишущие для народа честно указывали ему на необычайное значение настоящей войны, на исключительную ее трудность и на несомненность победы, при условии, что народный дух выдержит испытание до конца» [8, с. 678]. При этом упор делался на то, что побеждает не армия, а народ, который должен готовиться на годы борьбы.

Служители церкви справедливо подметили, что подъем патриотического настроения наблюдался от центра к периферии: чем больше удалена та или иная местность от центра событий, тем слабее подъем духа, и наоборот. В значительной степени это во многом объясняется компактным проживанием немцев и пропагандой сектантства.

При непосредственном участии православного духовенства государство создавало стереотип врага-агрессора. По отношению к представителям немецкой нации постоянно звучали резко негативные высказывания со стороны духовенства РПЦ. Для южных регионов империи, в т. ч. Екатеринославской губернии, где немцы проживали колониями, отношение к ним было скорее позитивным, поскольку сложился образ немца как умного, справедливого и ответственного хозяйственника. Поэтому следовало стереть в сознании населения подобный стереотип, чему должна была поспособствовать православная церковь. Справедливости ради отметим, что за реализацию этой задачи РПЦ взялась с особым усердием, чему способствовал тот факт, что с конца XIX в. на Юге России она вела борьбу с сектантами-протестантами за влияние на паству. Соответственно выпады православной церкви против немцев преследовали двойную

цель – одолеть сектантов («штундистов и лютеран») и создать у народа образ врага. Для этого церковная печать использовала различные средства: поливала критикой религиозные основы колонистов, провозглашала штундистов сатанистами, а лютеран – корыстолюбцами; повсеместно распространялось мнение о том, что земли у немцев намного больше, нежели у русских крестьян. Вот один из примеров подобных высказываний в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» за 1 сентября 1914 г.: «Врагом нашим является немец, который отъелся и разжирел на русских землях и хлебах, заняв необозримые пространства плодороднейшего Юга России; тот самый немец, который пытался подорвать корни, устои нашей веры, насаждая и распространяя сектантство» [9, с. 700].

Среди функций православных пастырей также было осведомление паствы о положении дел на фронтах. Ключевой фигурой в этом деле должен был стать сельский священник, в обязанность которого входил рассказ неграмотным крестьянам о военных успехах. Например, в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» за 11 сентября был напечатан материал о радостной вести с фронта – сербская армия в ходе битвы при Цере (август 1914 г.) разгромила австрийскую армию, значительно превышающую ее количеством [7, с. 673; 12, с. 714–715]. В то же время мы не находим в прессе сообщений о неудачах на начальном этапе войны, что говорит об исключительно пропагандистском характере публикаций.

Уже с первых дней войны Св. Синод стал вырабатывать целый комплекс мер, обращенных на нужды страны. Заслуги церкви отражены в отчете обер-прокурора Св. Синода 1914 г.: «С самого начала во все продолжение войны с Германией и Австрией, а затем и с Турцией Отечественная Церковь оказывала не только нравственное содействие государству, укрепляя в народе веру в правоту защищаемого русским оружием святого дела, усиливая в нем молитвенное настроение и возгревая пламень любви и милосердия, но и посильную материальную помощь» [2, с. 13]. Уже к концу 1914 г. в Синод поступили крупные пожертвования на сумму 137 300 руб., а ежедневно государство тратило на военные нужды до 30 млн. руб. [5, с. 93].

Подобная задача ставилась Святейшим Синодом перед духовенством и мирянами Екатеринославской епархии, которые организовывали сбор пожертвований на нужды армии. К этому побуждали сообщения в прессе с призывами, в частности, жертвовать деньги и вещи в Скобелевский комитет (Петербург) [14, с. 670]. В храмах епархии собирали денежные средства в пользу голодающих Буковины и Га-

лиции, Сербии, а с 1 февраля 1915 г. – Сербии и Черногории, однако, по распоряжению Синода от 21 августа 1914 г. сбор прекратился, а полученные суммы поступили в Консисторию. Едва не каждая церковная служба завершалась обращением духовенства пожертвовать средства для фронта, госпиталей, после чего члены приходского комитета обносили среди молящихся кружку с красным крестом, куда паства могла вносить посильную лепту. Интересный факт – в дни памяти, печали и скорби об умерших духовенство призывало верующих к воздержанию и посту. Истинная причина обращения состояла в том, что «всякое воздержание сопровождается сбережениями, которые следует направлять в те семьи, которые лишились кормильцев» [12, с. 714].

Для помощи солдатским семьям Синодом предусматривалось создание приходских попечительных советов, которые должны были позаботиться об организации труда по обработке односельчанами земли, принадлежащей ушедшим на войну. Руководство РПЦ полагало, что это должно поспособствовать выполнению военного долга воинами, вселить в них геройский дух. Первенство в этом благородном деле должно принадлежать приходскому духовенству, которое благодаря своему авторитету смогло бы мобилизовать население на активное содействие нуждающимся [7, с. 673].

Для военных нужд использовались бюджетные церковные средства. Во время знаменательного для Екатеринослава визита императора Николая II, который состоялся 31 января 1915 г., после молебствия в кафедральном соборе архиепископ Агапит преподнес 25 тыс. руб. в распоряжение императрицы на обустройство госпиталей. К тому же достаточно большие денежные подношения она получила по прибытию на вокзал от депутации города. Во время пребывания в губернском центре император посетил Свято-Николаевский (Брянский) храм, который был на завершающей стадии постройки и был посвящен 300-летию воцарения Романовых [13, с. 410–411].

По отчетам Св. Синода наиболее значительные единовременные пожертвования в 1914 г. поступили с Тульской епархии – 12 тыс. руб., после Екатеринославской – 25 тыс. руб. [15, с. 208].

Духовенство Екатеринославской епархии, следуя предписаниям церковных властей, осуществляло требы для призывников. Подтверждение тому – описанный в прессе случай, когда священник отслужил для призванного на фронт сторожа молебен, благословив нагрудным крестиком. По распоряжению архиепископа Агапита до окончания войны священнослужители должны были ежеднев-

но проводить заупокойные моления о павших воинах после вечерних служб. Владыка собственным примером вдохновлял духовенство на выполнение этого распоряжения. Например, 17 августа он провел божественную литургию в Крестовоздвиженской церкви при Архиерейском доме, после чего совершил молебен о даровании победы русским воинам [6, с. 677; 14, с. 670].

Особое внимание было обращено к православному духовенству, призванному духовно окормлять армию, служить в госпиталях, помогать военнопленным. Подобной работой в войсках занимались священники ведомства протопресвитера русской армии и флота во главе с Григорием Шавельским, численность которых в 1914 г. составляла более 1 тыс. чел., а в 1917 г. превысила 5 тыс. чел. В екатеринославской прессе появились призывы к духовенству личным примером доказать, что «слова и дело не расходятся», т. е. идти добровольцами на войну. Например, будущий (в 1924 г.) викарий Екатеринославской епархии Антоний (Панкеев) служил в походной церкви передового санитарно-питательного отряда, за что был награжден орденом Святой Анны III степени, а в 2000 г. прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских как священномученик [16].

Епархиальные церковные власти повсеместно обращались к пастве с призывами придерживаться своих функций как православных христиан в столь трагическое время. Были четко определены обязанности верующих: «а) не малодушествовать, провожая на войну близких, зная, что они или возвратятся с поля брани как герои, увенчанные ореолом славы, или же получают венцы в царствии небесном; б) должно за павших творить моления и благословения; в) должно вести борьбу с внутренним врагом – пьянством». 11 сентября отдельно было напечатано обращение духовенства Екатеринославской епархии к русским женщинам послужить Красному Кресту [1, с. 675; 4, с. 713; 10, с. 696].

Православное духовенство призывало показать, как для народа дороги Царь, вера православная и Русь святая. Для этого каждый должен был оказать посильную помощь родине в борьбе с ее врагами. Отмечалось, что если у кого-то есть богатство и достаток – отдайте свою лепту или на военное дело, или на обеспечение семейств, призванных на войну. Воззвание адресовалось даже нищим, которые живут подаяниями «Ради Христа», с призывом отдавать хоть одну копейку в день из того, что получите, и это облегчит страдания и мучения воинов, изнемогающих от ран [3, с. 717].

Таким образом, православная церковь была главным духовным оплотом русского народа и армии, подпитывая их патриотическими лозунгами, способствующими укреплению духа, морали и веры в победу. Позиция РПЦ Екатеринославской епархии на события Первой мировой войны четко прослеживается в печатных церковных изданиях. Духовенство действовало в заявленных официальным руководством церкви границах по двум главным направлениям. Во-первых, на священников возлагались духовно-просветительская миссия и патриотическая работа в массах. Служители церкви зачастую своим личным примером воодушевляли русского солдата на фронте, вели проповедническую работу в обществе о преданности своему Отечеству, способствуя мобилизации сил и ресурсов для победного окончания войны. Во-вторых, епархиальными властями оказывалась сильная помощь семьям воинов, призванных на фронт, а также организовывались сборы пожертвований на нужды армии, военнопленных, обустройство госпиталей.

Подобная реакция РПЦ епархии на начальные события Первой мировой войны была закономерной в силу, с одной стороны, длительного периода существования зависимости церкви от государства, с другой – жизненной необходимостью поддержать духовно и материально народ во время трудных испытаний для Российской империи.

Библиографические ссылки

1. В начале войны // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24 (неоф. отд.). – С. 675–676.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. – 1914.
3. Из поучения по поводу современных событий // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 26 (неоф. отд.). – С. 717–719.
4. К русским женщинам // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 26 (неоф. отд.). – С. 713–714.
5. Лисицына О. Л. К вопросу об организации благотворительной и патриотической деятельности Тульского духовенства в годы Первой мировой войны / О. Л. Лисицына // Известия Тульского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 3. – С. 93–101.
6. На войну // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24 (неоф. отд.). – С. 676–677.
7. Обращение Святейшего Синода // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24 (неоф. отд.). – С. 673–674.
8. По поводу войны // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24 (неоф. отд.). – С. 678–679.

9. Подъем духа // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 25 (неоф. отд.). – С. 698–700.

10. Поучение на XII-ю неделю по Пятидесятнице // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 25 (неоф. отд.). – С. 695–698.

11. Речь перед общественным молебном в п. Юзовке о здравии и благоденствии Государя Императора и о даровании славной победы Российскому воинству // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23 (неоф. отд.). – С. Речь, сказанная перед молебном по поводу одержания победы Русскими и Сербскими войсками над Немцами и Австрийцами // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 26 (неоф. отд.). – С. 714–716.

12. Скалозуб Ю. Г. История Екатеринославской епархии. 1775–1917 гг. / Ю. Г. Скалозуб. – Д. : Січ, 2001. – 428 с.

13. Состоящий под высочайшим покровительством Его императорского Величества Государя Императора Скобелевский Комитет // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23 (неоф. отд.).

14. Тульские епархиальные ведомости. – 1916. – № 15 – 16 (неоф. отд.).

15. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, 2010. – 496 с.

Надійшла до редколегії 19.09.2014

УДК 930 (4-15) «1914»

В. А. Дятлов, М. К. Кеда

*Черниговский национальный педагогический университет
имени Т. Г. Шевченко*

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В ЦЕРКОВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Розглянуто регіональний аспект ставлення Православної церкви до західноєвропейських країн напередодні та на початку Першої світової війни. На основі аналізу публіцистики журналу Чернігівської єпархії «Вера и жизнь» простежено зміни у ставленні суспільства до таких країн, як Франція, Англія Німеччина, визначено основні засоби формування їх образів.

Ключові слова: образ Європи, Перша світова війна, Франція, Англія, Німеччина.

Рассмотрен региональный аспект отношения Православной церкви к западноевропейским странам накануне и в начале Первой мировой войны. На основе анализа публицистики журнала Черниговской епархии «Вера и жизнь» прослежены изменения в отношении общества к таким странам, как Франция, Англия Германия, определены основные средства формирования их образов.

Ключевые слова: образ Европы, Первая мировая война, Франция, Англия, Германия.

Beleuchtet wird der regionale Aspekt der Haltung der Orthodoxen Kirche gegenüber den westeuropäischen Ländern vor und zu Beginn des Ersten Weltkrieges. Anhand der Analyse publizistischer Beiträge in der Zeitschrift der Černigover Euparchie «Vera i Žizn'» (Glaube und Leben) werden die Veränderungen in der gesellschaftlichen Haltung zu Ländern wie Frankreich, England und Deutschland sowie die wichtigsten Mittel für die Zeichnung ihres des Bildes festgehalten.

Schlagwörter: das Bild Europas, Erster Weltkrieg, Frankreich, England, Deutschland.

The authors of the articles and treatises, published in the magazine consider Western European history within the context of the most important issues of pre-revolutionary Russia society: the relationship between church and state, the growth of opposition moods and movements of the church, the spread of atheistic ideas, «modern» philosophical, ethical, aesthetic theories and literary trends, contrary to the canons and dogmas of the Christian faith.

Most of the magazine publications are devoted to the history and the current state of religious, social and political life of France and Germany. The authors focus their attention on this issues because considered them «a hotbed» of atheism, secular outlook and various socio-political movements hostile to church. Causes and roots of their emergence and spread of the clergy saw in a long historical process of emancipation of the mind from the authority of faith and the church, the development of rationalism, skepticism and individualism.

Such assertions are to some extent shaped the idea that the Russian Empire is fighting for the preservation of the true Christian ideals. Journalism laid the elements of the mass sermon to arouse patriotic feelings in the wider community.

Images of the West European countries were created on the basis of church-religious, ideological and political principles and interests. In the church journalism only England with her conservatism in religious and political life «deserved» a complete appreciation. Other associate, France ecclesiastical authors could not forgive dissent. The image of Germany turned out to be the most controversial. Before the war numerous positive assessments of this country were given. Since the beginning of the war quite opportunistic aspect brings out, the desire to show the deep roots of German militarism, his longtime hostility to the Slavs. Germany serves as the country which cultivates various kinds of socialism, the main threat to the social structure of the Russian Empire.

All this was aimed to fulfill the propaganda task of drawing up a hostile attitude toward the enemy and claim the patriotic sentiments of the faithful. At

the same time, such a propagandistic patriotic campaign was based on a broader basis, which had been developing for a long time. We are talking about the formation of a hostile attitude towards the West and the approval of the special historical path of Russia. Magazine's criticism of the West, its moral and ethical degradation with the outbreak of World War II becomes the basis of the thesis that this process caused the conflict. All said above gives reasons to conclude that the diocesan journalism at that time was used as an important and powerful tool of information war.

Keywords: image of Europe, World War I, France, England, Germany.

Вопрос о том, каким образом Первая мировая война повлияла на интеллектуальную жизнь провинции, какую роль играло епархиальное православное духовенство в формировании настроений общества длительное время остается на периферии исследовательских интересов историков. Данная проблематика является довольно разнообразной и предполагает изучение различных сегментов общественно-политической мысли того времени. Такой подход, в конечном итоге, открывает возможности для выяснения особенностей регионально-го восприятия войны в обществе того времени. Важную роль в формировании общественного мнения на региональном уровне играла епархиальная пресса и публицистика. В этой связи значительный интерес представляет вопрос о том, каким образом церковными авторами создавались образы стран союзников и врагов Российской империи и какую роль они играли в формировании настроений различных слоев общества? В данной статье предпринята попытка поиска ответов на эти вопросы на основании анализа публицистического наследия журнала Черниговской епархии Православной церкви «Вера и жизнь».

Журнал был основан в 1912 г. Черниговским братством св. Михаила, князя Черниговского, заменив издававшиеся ранее «Черниговские епархиальные известия». Новому изданию суждена была недолгая жизнь – в 1917 г. увидели свет его последние номера. Редакция журнала ставила целью «углубление и расширение в сознании верующих высокого христианского учения» и освещение через призму этого учения «главнейших современных событий и явлений». Содержание его номеров, наряду с официальной частью, составляли религиозно-философские трактаты, статьи и заметки по отечественной и зарубежной истории, церковной археологии, археографии. Значительное место здесь занимали также критические материалы по истории западноевропейской общественно-политической мысли эпохи Средневековья и Нового времени. Следует отметить, что в

Православной церкви на епархиальном уровне сформировалась довольно активная и высокообразованная элита, главным образом преподаватели местной духовной семинарии, многие из которых выступали в качестве публицистов, авторов статей на богословские и актуальные общественно-политические темы.

Читательскую аудиторию журнала составлял «средний класс»: чиновники, купцы, образованные рабочие, учителя, офицеры [1]. Учитывая численность этих социальных категорий, и тот факт, что черниговскую периодику читали не только на территории губернии, но и на Кавказе, в Казани, Петербурге, Польше и других уголках империи [2], **можно говорить о значительном прагматическом потенциале дискурса этого издания.**

Западноевропейская история рассматривается авторами статей и трактатов, опубликованных в журнале, в контексте важнейших вопросов жизни общества предреволюционной России: взаимоотношения церкви и государства, рост оппозиционных настроений и движений церкви, распространение атеистических учений, «модерных» философских, этических, эстетических теорий и литературных течений, противоречивших канонам и догматам христианского вероучения.

Большинство публикаций журнала посвящено истории и современному состоянию религиозной и общественно-политической жизни Франции и Германии. Сосредоточение внимание на этой проблематике объяснялось тем, что авторы считали их «рассадником» атеизма, светского мировоззрения и различных враждебных церкви общественно-политических движений. Причины и корни их возникновения и распространения служители клира усматривали в длительном историческом процессе эмансипации мысли от авторитета веры и церкви, развитии рационализма, скептицизма и индивидуализма. Начало негативного отношения к христианству они связывают с эпохой Возрождения, когда, по словам одного из авторов, «началось изучение языческих древностей и увлечение языческим творчеством, идеями, науками и искусствами в ущерб христианству». Дальнейшее развитие антирелигиозные тенденции получили у энциклопедистов, рационалистов и материалистов XVIII в., а также во время Великой французской революции этого столетия. Взгляды черниговских церковнослужителей на эти периоды истории восходят в определенной мере к известной консервативно-романтической традиции в историографии XIX в. Кроме того, для аргументации своих доводов авторы обильно цитируют известных российских философов и религиозных мыслителей того времени, Н. Бердяева, С. Булгакова.

Развитие антирелигиозных и антицерковных настроений, по мнению публицистов журнала, в конечном итоге, привело к религиозно-нравственному кризису в конце XIX – начале XX вв. Главным очагом антиклерикальных настроений они изображают Францию – страну, в которой длительная борьба против церкви и духовенства привела в 1905 г. к отделению церкви от государства. Особенно резкой критике авторы подвергали «абсолютный религиозно-нравственный скептицизм» Эрнеста Ренана, «антирелигиозные принципы» Эмиля Золя, Гюстава Флобера, Альфонса Доде, Ги де Мопассана, «декадентов» Шарля Бодлера и Поля Верлена.

Эпохам Возрождения, Просвещения и «современного позитивизма и материализма» на страницах журнала всячески противопоставляются Средние века, когда «наука и искусство были проникнуты религией». В этот период Франция и Германия выступали одним из оплотов христианства и благочестия, высшим проявлением которого выступало монашество. В пространной статье Н. Тер-Навского средневековая Европа представлена как очаг нравственно-религиозного аскетизма, идеалы которого заметно влияли на повседневную жизнь общества. Автор решительно выступает против представлений о Средневековье, как о «темной», «мрачной» эпохе. Напротив, «Средние века не менее красноречиво свидетельствуют о благородстве человеческой природы» [3, с. 22]. По его словам, аскетическая идея царства Божия «была основой всей средневековой культуры, она пронизывала всю жизнь средневекового человечества» [3, с. 27]. Эту гармонию обеспечивало единство церкви и государства». Такое противопоставление Средневековья Новому времени выступало как проявление церковного консерватизма и ставило целью показать моральную испорченность современной Европы в частности.

Подобные противопоставления в известной мере формировали представления о том, что Российская империя ведет войну за сохранение истинных христианских идеалов. В публицистике закладывались элементы массовой проповеди, призванной пробудить патриотические чувства у широких слоев общества.

В этом контексте ставился вопрос о характере и возможном исходе войны. По словам, известного церковного публициста и историка профессора Н. Боголюбова: в этой войне «решается вопрос, какой же характер должна принять европейская культура, должна ли она стать позитивной, аморфной и безрелигиозной или снова возвратится к своему первоначальному христианству» [3, с. 25]. С помощью подобных многочисленных высказываний формировался образ «свя-

щенной» войны против Запада, который утратил христианский, религиозный вектор развития. С другой стороны, утверждался тезис о праведности войны за подлинные христианские идеалы и ценности, носителем которых выступает Православная церковь.

В предвоенной публицистике главным очагом «безбожия и нравственной деградации» выступала Франция. С началом войны образ этой страны как идеологического врага отступает на второй план. Казалось бы, редакция должна была позаботиться о создании позитивного имиджа страны-союзницы. Действительно, частота негативного маркирования концепта страны резко сокращается (хотя и не исчезает полностью). Однако, вопреки ожиданиям, полной перезагрузки ее образа новым позитивным смыслом так и не произошло. Лишь изредка мелькают похвальные отзывы о смелости французского духовенства на войне, тут же подробнейшим образом освещается героизм русских воинов и при этом автор не может удержаться от ремарки, что «подобные подвиги не мыслимы у французов». Таким образом, по отношению к Франции создается атмосфера скорее терпимости, нежели теплого отношения к ней как к союзнице.

Напротив, и в довоенное, и особенно в военное время церковные публицисты старались создать положительный образ другого военно-политического союзника – Англии.

Эта страна в дискурсе журнала позиционируется заметно обособленно и очень тепло маркирована семантически. В целом образы ведущих европейских стран на страницах периодического издания отражали внешнеполитический курс Российской империи. Такая заметная симпатия к Англии была обусловлена рядом факторов. В политическом аспекте это было связано с недавним завершением ее вековой «великой игры» с Российской империей, отходом под угрозой немецкого милитаризма от длительной политики «блестящей изоляции» и окончательным оформлением Антанты. Жена Николая II Александра Федоровна была любимой внучкой и воспитанницей английской королевы Виктории. Но более всего эта позиция была обусловлена отношениями между англиканством и православием, поскольку именно на 1912 г., **первый год выхода издания, приходится** рассвет отношений между двумя церквями. В этом году в Петербурге было основано Общество содействия единству Православной и Англиканской церквей, деятельность которого получила благословение Святейшего Синода [4]. **В журнале неоднократно акцентируется** внимание на переговорах о сближении восточной (православной) и англиканской церквей, которые должны привести к «более

тесному сплочению русских и англичан» [5]. В дискурсе издания Англия выступает как духовная союзница: И. Галахов называет Лондон «первым из городов Европы» [6], В. Магницкий считает ее «наикультурнейшей современной страной», объясняя этот феномен тем, что основой их культуры является христианство: «слово Божие создало величие Англии» [7].

Рубежным историческим событием, повлиявшим на подбор редакцией журнала содержательного наполнения публикаций, стала Первая мировая война. Если в довоенное время (1912 – июль 1914 гг.) обращение к образу европейских стран было связано с противопоставлением православия католицизму, духовности материализму, то с началом войны культурологическая наполненность образов уступает место идеологической составляющей: сюжеты из истории Европы стали использоваться как аргументы в обосновании военного противостояния.

С началом войны и без того позитивный образ Англии становится еще теплее, страна позиционируется как друг империи. Постоянно подчеркивается, что характер культуры англичан другой, не такой как французов или немцев. Для усиления эффекта привлекаются различные детали, например, эпизод о чудовищном убийстве английской медсестры должен был вызвать сочувствие именно к Англии, хотя были и другие погибшие. Употребляются явно психологические прилагательные вроде «беззащитная сестра милосердия», в связи с чем «английский народ с особенной твердостью дал себе слово покончить с гнездом разбойников и злодеев».

С началом Первой мировой войны огонь критики смещается на Германию. Грозой общеевропейской культуре позиционируются Германия и Австро-Венгрия, воюющие «во имя господства одного сильнейшего и якобы умнейшего народа», несут «смерть и разрушения всему пред силою железного кулака», разрушают на этом пути «плоды наук и искусств, свободы и жизнь народов, требования международного права» [8].

Если Франция представлялась страной атеизма и морально-нравственной деградации, то Германию авторы представляли в качестве главного очага теории и практики социализма. Эта тема является доминирующей на всем протяжении деятельности журнала. Большинство авторов исходило из того, что социализм – это «господствующее течение человеческой жизни», «фокус всех современных технологий человеческой жизни и мысли». Отталкиваясь от этих утверждений, авторы претендуют на всестороннюю и дифференци-

рованную критику различных течений социализма. Наряду с этим обильным потоком критики у отдельных авторов есть немало объективных признаний и наблюдений. Прежде всего, в ряде статей возникновение социализма связывается с социально-экономическими противоречиями и научными открытиями XIX в., бурным развитием промышленности, эксплуатацией капиталистами рабочих. Авторы этих публикаций выражают свое согласие с критикой основ буржуазного общества, которая дана в трудах Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Августа Бебеля, Карла Каутского. «Великая моральная и христианская правда и сила социализма», по признанию одного из церковных публицистов П. Галахова, заключается также в том, что он «твердо установил труд в качестве источника и права на жизнь» и «справедливо осуждает классовое устройство общества, классовый антагонизм и классовое учение». Он признает также верным учение социализма «о будущем правильном разделении труда». Отдавая должное социализму, церковнослужители, очевидно, стремились таким образом избежать лобовой и прямолинейной критики этого популярного и широко распространенного в то время учения. В то же время, все они решительно отвергали социалистическую идею, указывая, что она главный носитель атеизма, материализма, безверия, что в конечном итоге делает ее, «враждебной христианству».

Давая негативную характеристику социализма, авторы формировали негативное отношение к стране, которая способствовала развитию и распространению этого учения. Так, В. Сокольский в критическом разборе социализма подчеркивал, что «все вожди западного социализма проникнуты фанатичной ненавистью к России». При этом он ссылается на то, что в свое время «Либкнехт заявлял торжественно в рейхстаге, что его партия с радостью примет участие в войне против России» [9]. Если в довоенный период в отношении этой страны в дискурсе журнала преобладали темы, связанные с развитием наук, техническим прогрессом, «некоторой особенной нравственной чистотой», то с началом войны авторы всячески стараются реабилитироваться и прибегают к выпячиванию двуличия, притворства, обманчивости Германии. При этом вводятся лексемы «маска благопристойности», «столь образованный народ, казавшийся таким умным, осторожным и умеренным» «якобы умнейший народ», равно и об Австро-Венгрии, «скинувшей с себя личину» и т. д. Многочисленные метафоры («немецкий волк», «бронированный кулак», «железный кулак», «враг добра и правды», «иностранный шелуха», «злокачественная болячка», «гнездо разбойников и злодеев») высту-

пают мощным прагматическим инструментарием для формирования образа вражеской страны. Рефреном из страницы в страницу звучат лексемы: «зверства», «страдания», «попирание законами чести и совести», «вероломство и низкий цинизм», «игнорирование законов чести и совести», «неуважение к ценности чужой жизни».

Хроника войны излагается кратко в специальном разделе. При этом в каждом номере с особенными подробностями описываются страшные условия содержания немцами военнопленных, ужасы их лагерной жизни. Часто фигурируют описания тифа, холеры, голода, которые вместе со словами «лагерь», «заключенные», «зверства» формируют стойкий ассоциативный ряд: Германия – неволя, ужасы, страдания. Германская раса (австро-германцы) характеризуется исключительно через негативные атрибуты: гнусность, подлость, низость, вероломство, коварство, преступная страсть, бессовестность, жестокость, дикая ненависть, жадность, крайняя бессердечность, грубость, насилие «и другие низкие свойства натуры».

Известный политолог Г. Ласвель, одним из первых заговоривший о манипулировании властью общественным сознанием на примере Первой мировой войны, признавал пропаганду не менее действенным оружием, чем военное и экономическое давление и основными ее целями считал возбуждение ненависти к неприятелю, поддержание добрых отношений с союзниками, деморализацию противника [10]. **Активную пропаганду образа врага на страницах журнала, акцентуацию агрессивности и бесчеловечности противников можно также объяснить необходимостью власти вызывать патриотическое чувство моральной готовности населения к мобилизации.**

Интересно отметить, что в довоенный период в отношении Германии в дискурсе журнала нередко звучали темы, связанные с развитием наук, техническим прогрессом, даже подчеркивались общие черты в национальных характерах и религии славян и немцев: «... германские народы, среди которых главным образом утвердилось протестантство, изначально отличались индивидуализмом, свободоловием, самоуверенностью личного ума и некоторою особенною нравственною чистотою» [11], «...светлый и здравый взгляд на жизнь, нравственно-простые и строгие чувства доблести и мужества отразились в более патриархальных и простых религиях славян и германцев» [12].

С началом войны авторы всячески стараются превзойти один другого в резком изменении оценок Германии и публикуют аналитиче-

ские и критические статьи, связанные с критикой германизма. Противопоставление «безнравственного» немецкого общества и его новейшей истории православному славянскому миру находит свое продолжение в истории военно-политического противостояния. Появляется новая цель – «показать исконную ненависть и варварство немцев по отношению к славянам» [13], доказать, что Германия еще со времен средневековья ведет ожесточенную борьбу против Руси. Ключевой темой из европейского средневековья становится история «*Drang nach Osten*». Теперь уже славяне и германцы позиционируются как «противоположные по своим национальным и церковно-политическим устоям» [14]. Н. Боголюбов акцентирует внимание на угрозе колониальной экспансии Германии, ее претензиях на гегемонию в Европе [15].

Борьба немцев и славян стала предметом обширной публикации П. Богуславского. Негативное семантическое поле создается в оценках германских исторических деятелей. Так, Габсбурги «за немногими исключениями» характеризуются как «семья узких фанатиков и царственных эгоистов, ... католиков до мозга костей». Избрание в 1526 г. чешским сеймом Фердинанда Габсбурга королем Чехии оценивается как «величайшее политическое неразумие, предательство родины, политическое самоубийство». С особыми ледящими душу подробностями излагаются события, связанные с продвижением немцев на восток: «народ убивали тысячами, вешали, рубили головы, колесовали, обрезывали руки, носы, уши», убивали женщин и стариков, детей отдавали в рабство» [16]. При изложении разгрома Чехии в ходе Тридцатилетней войны особенно подчеркивается уничтожение всего некаатолического населения, рисуется страшная картина: «тысячи сел сожжены, десятки городов в грудах развалин. Непогребенные трупы жителей валялись по дорогам. Голод и болезни доканчивали истребление народа» [17].

На фоне усиления в империи центробежных тенденций, автор вводит еще одну тему – необходимости единства страны, целостности государства. Так, освещая вековую борьбу двух миров, славянского и германского, автор называет и главную причину неуспеха славян в этой борьбе: «славяне ... не объединились в одно государство... взаимная рознь и постоянная вражда отдельных племен ослабляла славян и передавала их в руки врагов – немцев» [18]. У немцев же еще в средние века возникло «сплоченное государство с сильной монархической властью». Причем создание этого государства свя-

зывалось не с Оттоном I, а с Карлом Великим, впервые объединившим в Европе германский элемент в Священную Римскую империю. В контексте анализа программы **Drang nach Osten** автор аргументирует свое предположение, что настоящая война – это только начало борьбы славян против немцев [19].

Все сказанное выше дает основания утверждать, что образы западноевропейских стран создавались на основе церковно-религиозных, идеологических и политических принципов и интересов. В церковной публицистике только Англия с ее консерватизмом в религиозной и политической жизни «заслужила» целостную положительную оценку. Другому союзнику, Франции, церковные авторы не могли простить вольнодумства. Наиболее противоречивым оказался образ Германии. В довоенное время давались многочисленные положительные оценки этой страны. С началом войны на передний план выступал вполне конъюнктурный аспект, стремление показать глубокие корни немецкого милитаризма, его давнего враждебного отношения к славянству. Германия выступает в качестве страны, в которой культивируются различные виды социализма, главной угрозы социальному устройству Российской империи. Все это было направлено на выполнение пропагандистской задачи: формировать враждебное отношение к противнику и утверждать патриотические настроения среди верующих. В то же время такая пропагандистско-патриотическая кампания опиралась на более широкую основу, которая складывалась в течение длительного времени. Речь идет о формировании враждебного отношения к Западу и утверждению об особом историческом пути России. Характерная для журнала критика Запада, его морально-нравственной деградации с началом Первой мировой войны становится основой тезиса о том, что именно этот процесс и стал причиной военного конфликта. Все сказанное выше дает основания говорить о том, что епархиальная публицистика в то время использовалась в качестве важного и влиятельного инструмента информационной войны.

Библиографические ссылки

1. *Бойко А. А.* Преса православної церкви України кінця XIX – початку XX століття: тематика і проблематика : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філолог. наук : спец. 10.01.08 «Журналістика» / А. А. Бойко. – К., 2002. – 31 с.

2. *Руденок В. Я.* З історії Чернігівської періодичної преси / В. Я. Руденок // Чернігів – подорож на сто років назад. – Чернігів : Ахалар, 2009. – С. 36–38.

3. *Тер-Навский [б.и.]* Религиозно-аскетический идеализм средних веков и его влияние на средневековую жизнь / Тер-Навский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 4.
4. *Супрун Т. Н.* Православная и Англиканская церкви на рубеже XIX–XX веков: попытка сближения / Т. Н. Супрун // Виноград. – 2007. – № 2. – С. 75.
5. *Английский епископ о Русской церкви : Обзор церковной и общественной жизни в России и за границей* // Вера и Жизнь. – 1916. – № 11–12. – С. 134.
6. *Галахов И.* Социализм и христианство / И. Галахов // Вера и Жизнь. – 1912. – № 17. – С. 26.
7. *Магнитский В.* Христианство и культура / В. Магнитский // Вера и Жизнь. – 1913. – № 24. – С. 23.
8. *Ельчуков А.* Русские славянофилы 40–60-х гг. / А. Ельчуков // Вера и Жизнь. – 1915. – № 8. – С. 44.
9. *Сокольский В.* Изложение и разбор учения социализма / В. Сокольский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 10. – С. 31–45.
10. *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель. – М.; Л. : Госиздат, отдел военной л-ры, 1929. – С. 18.
11. *Н-ский Н.* Национальность и религия в их взаимоотношении / Н. Н-ский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 5. – С. 44.
12. *Н-ский Н.* Национальность и религия в их взаимоотношении / Н. Н-ский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 4. – С. 52.
13. *Богуславский П.* Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 21. – С. 27.
14. *Смирнов В.* Краткая история «Восточного вопроса» / В. Смирнов // Вера и Жизнь. – 1917. – № 1. – С. 76.
15. *Боголюбов Н.* Битва народов / Н. Боголюбов // Вера и Жизнь. – 1914. – № 20. – С. 17.
16. *Богуславский П.* Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 22. – С. 48.
17. *Богуславский П.* Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 22. – С. 47.
18. *Богуславский П.* Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 21. – С. 35.
19. *Богуславский П.* Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 24. – С. 35.

Надійшла до редколегії 12.09.2014

УДК 94:069.51](477.63)«1914/1918»

Т. Н. Цымлякова, Т. А. Архипова

*Днепропетровский национальный исторический музей
им. Д. И. Яворницкого*

РЕЛИКВИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОБРАНИИ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

За допомогою пам'яток Першої світової війни музейного зібрання висвітлено деякі аспекти військових дій російської армії, участь наших земляків у військових кампаніях, робота промислових підприємств краю на оборону, створення та облаштування військових шпиталів краю.

Ключові слова: Перша світова війна, заводи, озброєння, шпиталь, лазарет.

Посредством памятников Первой мировой войны из музейного собрания освещаются некоторые аспекты военных действий русской армии, участие наших земляков в военных кампаниях, работа промышленных предприятий края на оборону, создание и деятельность военных госпиталей края.

Ключевые слова: Первая мировая война, заводы, вооружение, госпиталь, лазарет.

Anhand von Reliquien des Ersten Weltkrieges aus den Museumssammlungen werden einige Aspekte der Kriegshandlungen der russischen Armee, der Teilnahme unserer Landsleute an den Kämpfen des Weltkrieges, der Arbeit der Industriebetriebe zu Gunsten der Landesverteidigung, der Einrichtung und Tätigkeit von Militärspitälern in der Region beleuchtet.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, Betriebe, Rüstung, Spital, Lazarett.

The article introduces some groups of exhibits from the Dnipropetrovsk National Historical Museum exhibition «The World War I in the regional dimension: unique museum objects» covering this subject by different types of the museum sources.

Museum artifacts chronologically refer to events of the World War I. They are divided into complexes, which build up a picture of wartime life: mobilization in the region, participation of the Yekaterinoslav residents in military campaigns, reorganizing the work of enterprises and putting it to a war footing. The exhibition traces the strategic importance of the Yekaterinoslav province in implementation of defence tasks.

Percentage of mobilized population in the province was less compared to other provinces in Ukraine – 34,2 %, because thousands of people worked at

munitions factories. Number of people working for defence in the Yekaterinoslav province was more than in other provinces of the country. This fact indicates an important role of the province as the industrial region of defensive value. Study of resources enabled to ascertain a range of types of defence output produced by local enterprises and that ones which were evacuated to Yekaterinoslav province from frontline area due to favorable location and unique industrial potential of the region.

Exactly in Yekaterinoslav the professor L.V. Pisarzhevsky and his assistant N. D. Averkiyev received the first samples of the Russian iodine at the beginning of the World War I. These samples were produced at the Experimental station for research and extraction of the Russian iodine from seaweed and its production for the war needs was organized at the local factory.

During World War I this region becomes one of the rear hospital centers. Construction and maintenance of military hospitals was carried out with the participation of government funds, public and private donations. But its activities were controlled by the Red Cross, Zemstvo and Cities unions. Hospitals' functioning was accomplished at the expanses of enterprises, public institutions and private persons. Numerous original photos and documentary sources demonstrate hospitals housed in different buildings equipped in accordance with the medical requirements. They also show its number during different period of war.

Thus, museum sources testify to the great importance of the Katerinoslav region in logistical and sanitary-medical support of the front.

Keywords: World War I, industrial enterprises, arms, military hospital.

Современники называли эту войну «Великой мировой» или просто «Великой войной». Скобелевский патриотический комитет в августе 1914 г. дал название – «вторая Отечественная война». Оно нашло отражение в документальных источниках музейного собрания [28]. В народе войну прозвали «германской». Еще одно из определений – «европейская война», приводится в отдельных документальных источниках периода Первой мировой [4]. «Это европейская война!» – впервые это обозначение прозвучало от министра иностранных дел России С. Д. Сазонова в связи с предъявлением Австро-Венгрией ультиматума Сербии.

В начале XXI столетия эту войну стали называть «забытой» и «мало изученной». Однако, к своему столетнему юбилею это событие обратило на себя пристальное внимание историков, музейщиков, архивистов, краеведов, любителей-знатоков военной истории, коллекционеров.

Авторский коллектив в составе старших научных сотрудников Т. А. Архиповой, Л. П. Лебедевой, заведомом В. И. Лазебник, во главе с Т. Н. Цымляковой, при подготовке выставки «Первая мировая

война в региональном измерении: уникальные предметы из фондов музея», выявили редкие предметы периода Первой мировой, раскрывающие тему войны во всех ее проявлениях, многие памятники экспонируются впервые.

Представлен настольный календарь, изготовленный в 1913 г. к празднованию 300-летнего юбилея династии Романовых с выставленной в нем датой «19 /июля /суббота /1914» [18]. Благодаря встроенному механизму, позволяющему корректировать дату, подобные календари в народе называли «вечными». Именно в это день, в 7 часов вечера, германский посол Ф. Пурталес вручил официальную ноту министру иностранных дел России С. Д. Сазонову «О состоянии войны с Россией».

Начальный период войны – австро-сербский конфликт – находит отражение в патриотических агитационных и сатирических почтовых открытках изданий А. Ф. Постнова 1914 г.: «Что ж, теперь узнаешь вкус...», «Раз увидел Кайзер сон...». В жанре карикатуры выполнена открытка издания Вадимова «Тройственный союз», где изображены главы государств Германии, Австро-Венгрии, Турции. Сюжетами открыток периода мировой войны становятся темы военных подвигов и доблести русских воинов, позже – военных бедствий и тягот. По рисунку Н. Самокиша в 1914 г. отпечатана открытка благотворительного тиража Императорского Скобелевского комитета в помощь раненым и больным воинам «Сербский национальный гимн». Нужды войны вызвали появление благотворительных открыток, печатавшиеся Общиной Св. Евгении, издательством «Три флага согласия» Скобелевского комитета попечения о раненых, Марфо-Мариинской обители, товариществом Левенсона и многими другими. Доходы от продаж направлялись в помощь раненым, инвалидам, беженцам, вдовам, сиротам, семьям мобилизованных, лазаретам, на изготовление респираторов для защиты воинов на передовой от отравляющих газов.

Заинтересованная сторона конфликта представлена документальной портретной открыткой с изображением германского кайзера Вильгельма II (изготовлена в Берлине, 1914), который подталкивал Австрию к решительным действиям, используя любой повод для нанесения удара по Сербии. Заслуживает внимания официальная фотография Верховного главнокомандующего русскими войсками, великого князя Николая Николаевича и парадный фотопортрет Императора Николая II, сменившего князя на этом посту 23 августа 1915 г.

Ряд изобразительных и вещевых источников показывают образцы форменной одежды стран-участниц Первой мировой. Постоянным

спросом у коллекционеров пользуются открытки Эмиля Дюпюи, на которых репродуцированы рисунки – портреты представителей разных родов войск разных стран. В экспозиции помещены отдельные экземпляры открыток из первых трех серий: инфантерия России, английский улан, английский моряк, инфантерия Сербии, итальянский драгун, инфантерия Италии, инфантерия Австрии, улан Бельгии, инфантерия Бельгии, французский солдат [5]. Для их показа была проведена дополнительная исследовательская работа по аннотированию. В первых трех сериях представлены репродукции рисунков с изображением солдат – участников войны. В серии «*Nos Poilus*» запечатлены французские солдаты, в «*Nos Allies*» – представители лучших войск союзников, серия «*Leurs Caboches*» отражает противоположную сторону участников мирового конфликта. В четвертой серии художник в сатирической форме выразил свое отношение к нейтральным странам. Три серии выполнены в одной художественной манере, четвертая – в плакатном стиле [27].

Дополняют образный ряд предметы форменной одежды, снаряжения и вооружения. Выставлены головные уборы: пикельхаубе пехотное образца 1895 г., (Германия); шако пехотное образца 1891 г. (Австро-Венгрия); каска пехотная образца 1915 г. (Франция); шлем для мотоциклетных экипажей и броневтомобильных объединений (Европа); шинель П. П. Марченко, сундук И. Сасина, фляга солдата 125 Курского пехотного полка П. О. Киричко, саперная лопатка 1914 г., изготовленная на Екатеринославском заводе «Шодуар – С». К редким коллекционным предметам вооружения относятся металлические стрелы, которые применялись на театре военных действий немецкими летчиками для сбрасывания с аэропланов на кавалерию и пехоту.

Из выставленных образцов вооружения наиболее распространенной в период Первой мировой, несомненно, является трехлинейная винтовка системы Мосина образца 1891 г., конструкция которой была настолько совершенна, что продолжала оставаться на вооружении русской и советской армий в течение 60 лет. Винтовка Мосина в Первую мировую войну была взята на вооружение на немецком флоте и в запасных частях [33, с. 270]. Привлекают внимание казачьи шашки нижних чинов образца 1881 и 1904 гг. Именно шашка образца 1881 г. была принята на вооружение всех кавалерийских (в т.ч. казачьих) частей и широко использовалась в период Первой мировой. Выставлена сигнальная ракетница (№984, Западная Европа), образцы которых использовались в ходе военных кампаний воюющих стран [6].

Проведение мобилизационных мероприятий на территории Екатеринославской губернии воспроизводят ряд фотодокументов: «Едут на призывной пункт, Екатеринослав», «Приемная комиссия, волостные старшины и писари 4 призывного участка Новомосковского уезда. Котовское волостное правление» и редкие архивные материалы: корешки послужных листов разных лиц о призыве в армию и корешки об освобождении от мобилизации, свидетельство о призыве по мобилизации, призывной лист на службу в ополчение. Разнообразны фотографии добровольцев, ополченцев – уроженцев Екатеринославской губернии, запечатленных в портретной и групповой съемке с родными перед отправлением на боевые позиции: фото В. И. Васюты, сын швейцара Английского клуба в Екатеринославе с супругой; доброволец-фельдшер А. В. Лубенец, уроженец с. Романково; солдаты – уроженцы с. Дмухайловки Новомосковского уезда. Согласно данным, процент мобилизованных в Екатеринославской губернии, по сравнению с другими губерниями на территории Украины, был существенно меньше – 34,2 %, т.к. десятки тысяч рабочих работали на оборону на военных заводах [23, с. 22].

В экспозиции выставки представлены три знамени зеленого репаса, в центре полотнища золоченные изображение креста и надпись «За веру, царя и Отечество». Одно из них принадлежит 78 Екатеринославской ополченческой дружине. Аналогичные знамена 69 и 70 Екатеринославских ополченческих дружин имеются в музейной экспозиции (зал №4), что подтверждают мемориальные металлические пластины, прикрепленные к древкам. Эти знамена, как и 71 и 665 Екатеринославских ополченческих дружин, были изготовлены по образцу ополченческих знамен периода Крымской войны на средства Губернского земства (на изготовление двух знамен была выделена сумма 500 рублей). Другие знамена – 473, 474, 475 дружинам, стоящим в Бахчисарае, Севастополе, Ялте, – переданы екатеринославским местным самоуправлением ополчению с напутственными словами: «Держите же знамя Ваше высоко и да поведает оно потомству о подвигах Екатеринославской Дружины в защиту Святой Руси», «...на гордость родному городу» [20].

Ход военных действий прослеживается на ряде источников, отражающих военные кампании 1914–1917 гг.

Битву на Марне («чудо на Марне») 5–12.09.1914 иллюстрирует художественная открытка «Пуанкаре награждает генералиссимуса Жоффра медалью» [7], который учел уроки предыдущих неудач августовских сражений, провел своевременные соответствующие ка-

дровые перестановки в составе французского генералитета, что способствовало победе англо-французских войск, ставшей поворотным моментом, отступление французских войск было остановлено.

События Восточно-Прусской операции находят отражение в представленной открытке издания Марфо-Мариинской обители «Чудо явления Богоматери на войско». На обратной стороне открытки приводится цитата из «Московских ведомостей», в которой сообщается о действительно произошедшем 18 сентября 1914 г. накануне битвы под Августовым Чуде явления Божией Матери с Богомладенцем, которая благословила на победу русские войска перед битвой. Участником кампании 1914 г. стал представитель известного рода Синельниковых – Иван Алексеевич, прапорщик, затем в звании корнета воевал в разведывательном эскадроне 12 гусарского Ахтырского полка 12 кавалерийской дивизии. Имеется описание его подвига у с. Поляны (у м. Добромиль) с ходатайством о представлении его к награждению. 19 января 1915 г. героически погиб в ходе боев на Карпатских перевалах [22, с. 8, 29]. И. А. Синельников был захоронен в склепе в ограде архиерейской Крестовоздвиженской церкви Екатеринослава, спустя полгода прах был перенесен в ограду кафедрального Преображенского собора [32].

О Галицийской битве 5 августа – 26 сентября 1914 г. рассказывают документальные открытки издания Грузинцева: «Русская пехота на улицах Львова», «В цепи», «На сторожевой заставе». Исследователи все чаще стали обращаться к документальным открыткам, как к историческим источникам, в основе которых лежит фотография. Почтовые открытки издания поручика Грузинцева свидетельствуют о внимании автора фотосюжетов к армейской жизни и замечательны тем, что воспроизводят наиболее типичные сюжеты для разных родов войск, но, прежде всего, большинство снимков посвящено артиллерии. Служил Г. В. Грузинцев на 2 батарее 24 артиллерийской бригады в Луге. В декабре 1914 г. ему присвоено звание штабс-капитана. Период Первой мировой преимущественно отражают открытки Грузинцева разных годов выпусков. «Миноносцы в походе» (1915 г.), «Гаубичная батарея на позиции №39» (1915 г.), «Артиллерия на биваке №35» (1915 г.), «Пехота в походе» (1916 г.). Было выпущено более 200 сюжетов, многие открытки были перепечатаны другими издательствами. Пока не установлено, все ли открытки изготовлены по собственным фотографиям Г. В. Грузинцева, или при печати привлекались фотоснимки и других фотокорреспондентов [24].

В связи с проведением в октябре – ноябре немцами Варшавско-Иваногородской и Лодзинской операций участники битвы несли огромные потери – до 50 % личного состава. Альбом «Кровавая эпопея 1914–1915 гг. в Польше. На полях боев», выпуск 1, под редакцией С. Дзиковского воспроизводит в фоторепродукциях последствия сражений [8]. Участником боевых действий на территории Польши 1914–1915 гг. был Иван Алексеевич Сасин, уроженец Екатеринослава. Представлены портретная фотография Сасина в форменной одежде зимнего образца (Польша, фольварк Ротов) и отправленное родным с фронта открытое письмо.

О ходе позиционных боев Карпатской битвы январь – апрель 1915 г. повествует ряд экспонатов: фото В. Д. Машукова, подполковника, командира 1 батальона 133 Симферопольского полка, получившего ранение 16 января у с. Соколики; статья В. Д. Машукова, посвященная памяти однополчанина «На свежую могилу Штабс-Капитана А. И. Жилина, убитого в бою 22 февраля 1915 г.» возле местечка Яблонька Нижняя.

В этом сражении, на Ужоцком и Верецком перевалах, украинцы участвовали в составе армий с обеих сторон – представлены иллюстрации «Січовик на варті», «УСС в похідному строю».

Одним из участников этой битвы был Н. В. Метельский, мобилизованный в первые дни войны и погибший 19 января в Карпатах. Из писем его жены А. П. Метельской к Д. И. Яворницкому мы узнаем о представлении Николая Владимировича к наградам за участие в битвах 1914 г. и присвоении ему нового чина. В последнем письме сообщается о поездке вдовы на фронт за телом погибшего мужа, чтобы похоронить его в родных местах, но из-за продолжающихся боевых действий на Карпатских перевалах ей это не удалось осуществить [10].

В действующей армии на различных фронтах с первых дней войны работал хирургом-консультантом и хирургом фронта В. А. Оппель [25]. Личный опыт лечения раненых находил отражение в опубликованных работах по военно-полевой хирургии, где освещались вопросы лечения раненых и организации хирургической помощи в войсках и в тылу. Экспонируется редкая книга 1915 г. – «Краткие сведения о подаче помощи раненым в передовых лечебных заведениях театра военных действий. Наставление для лечебных заведений, эвакуационных пунктов, санитарных поездов, района, подведомственного Главнокомандующему армии Юго-Западного фронта». В. А. Оппелем был сформулирован основополагающий принцип военно-полевой хирургии XX в. – принцип этапного лечения.

Отдельную группу источников по теме войны представляют письма и почтовые открытки из действующей армии. Этих бесценных реликвий немного. В них содержится информация о буднях фронтовой жизни: сражениях, представлении к наградам и чинам, о трудностях – «едем хлеб с мякиной напополам, курим одну папиросу на пятерых», о проблемах с вооружением – «нехватке снарядов, которые немцы не жалеют скидывать на наши позиции» [11], о применении немцами химического оружия – «новых газов без цвета и запаха, разъедающих кожу и портящих глаза» [12], об изменении настроений от патриотических до усталости и апатии, «нежелания воевать», «в ожидании мира как манны с небес», «о затишье на фронте в связи с проведением переговоров о мире» [13].

Письма проникнуты любовью к родным и близким, заботами о бытовых, будничных проблемах семей. Типично в этом отношении письмо И. Гадяцкого, бывшего сотрудника музея, к Д. И. Яворницкому с просьбой о содействии в устройстве сына в учебное заведение за казенный счет [14]. Привлекает внимание стандартный бланк фронтового письма «Привет со службы» (типография Упикат) с художественным оформлением и набранным типографским текстом: «Дорогая, возлюбленная сердца моего... Если бы ты только знала, как подчас тоскует сердце мое по тебе, и если-бы, кажется, я имел крылья, то прилетел бы я к тебе и прижал бы тебя к сердцу и расцеловал бы от души.... Каждый день молюсь я Господу Богу за тебя и прошу Его, чтобы Он, Милосердный привел опять нам встретиться...» [15].

Екатеринославщина имела большое стратегическое значение в реализации военных задач, тыловые промышленные предприятия края работали на нужды войны. Промышленные гиганты Екатеринославской губернии были перепрофилированы на выпуск военной продукции [34, с. 215–217]. На фотографиях Южно-Российский завод Брянского АО, поставлявший снаряды, судостроительную сталь для военного флота, зажигательные стаканы и железнодорожные костыли. Поставщиками продукции для фронта были машиностроительный и чугунолитейный завод Рудзского и К^о – снаряды, артиллерийские двуколки; Гуляй-Польский чугунолитейный механический завод «Богатырь» – бомбы, парные двуколки; завод «Металл» Комбье – колючая проволока; гвоздильный завод Гантке – ручные гранаты, ножницы для резки колючей проволоки, детали для снарядов; трубопрокатные заводы АО «Шодуар» - «А» и «В» – зажигательные стаканы, снаряды, саперные лопатки; Днепровский завод в Каменском – шрапнельная сталь, пушечные стволы; Товарищество А. Копа

в Александровске – бомбометы; Штеровский динамитный завод химической продукции; АО «Сириус» – промышленное оборудование; Никополь-Мариупольский и Макеевский заводы – баллоны для газов и снаряды; Софиевский завод «Нейтфельда» – гранаты; Юзовский завод – снаряды [35, с. 87–88].

Из района военных действий были эвакуированы в Екатеринослав Рижский завод машиностроительного АО Р. Г. Мантель, Виленское депо военных принадлежностей и другие, продукцией которых были патроны, прицелы, свинцовые пули Тарасова и Янковского, смазочные вещества для чистки стволов.

Следует выделить ряд материалов, показывающих визит Императора Николая II в Екатеринослав 31 января 1915 г.: посещение городских госпиталей и ведущего оборонного предприятия края – Александровского Южно-Российского завода, представление Императору первых образцов русского йода, полученных в Екатеринославе Л. В. Писаржевским. В комплексе фотографий отражена картина добычи черноморских водорослей, их транспортировки и полный технологический процесс производства. «Честь открытия совершенно нового русского дела и освобождения от германской зависимости принадлежит в России гор. Екатеринославу» [21].

В период мировой войны Екатеринослав становится одной из госпитальных тыловых баз России. В большом комплексе, освещающем работы по созданию и деятельности военных госпиталей в крае, Екатеринославского эвакуационного распределительного пункта, особое место занимает «Альбом фотографических снимков больных и раненых воинов Второй Отечественной войны 1914, 15 и 16 г.» фотографа В. Леухина, с авторскими названиями, закупленный музеем в 1932 г. у фотографа [3]. Альбом содержит фотодокументальную съемку госпиталей, действовавших в городе: дворянский в помещении Потемкинского дворца, Красного Креста, Земской больницы, госпиталь при Английском клубе, лазареты при Коммерческом собрании (№4), Доме трудолюбия (№10), мужской классической гимназии, управлении Екатерининской железной дороги, трубопрокатном заводе (Шодуар), 102 Сводный госпиталь в доме Мессарош на проспекте. В Екатеринославской губернии: Никополе – при городской больнице, уездного земства и Красного Креста; Каменском – Днепровского завода, Красного Креста на средства учащихся мужской гимназии. Из госпиталей, входивших в ведение Екатеринославского округа в городах: Бердянск, Таврической губернии; Кременчуг Полтавской губернии; Кривой Рог Херсонской губернии [9]. В альбоме представле-

ны госпитали и лазареты, деятельность которых осуществлялась под управлением и на средства РОКК (Российское Общество Красного Креста), ВСГ (Всероссийского Союза Городов), ВЗС (Всероссийского Земского Союза), общественных организаций, при предприятиях и учреждениях, на средства частных лиц. Запечатлены медперсонал и раненые в лечебных интерьерах, операционные, перевязочные, доставка раненых автомашинами автомобильного клуба, отправка домой на поправку, прием пищи, прогулки в госпитальных дворах, деятельность хозяйственных служб. В комплексе лазарета при Екатеринославском Коммерческом собрании имеется портретная фотография и в составе группы раненых Алексея Макухи, уроженца Верхнеднепровского уезда, полного Георгиевского кавалера, бывшего военнопленного, жертвы австрийских пыток [2].

К настоящему времени в альбоме сохранилось 136 фотографий из общего числа в 150 фото (из 137 поступивших в 1932 г.). Судя по нумерации фотографий, некоторые фото из комплексов по объектам, были изъяты из альбома еще до его поступления в музейную коллекцию. Дополняют фотодокументальные материалы альбома разнообразные источники. Создание и работу курсов сестер милосердия представляют личные фонды Марии и Лидии Антиповых, А. Ф. Середы, К. М. Трофимовой, П. Е. Бохвалова, А. Я. Приволоцкой, нагрудный знак сестры милосердия З. Л. Носковой, медаль «За храбрость» («Георгиевская») сестры милосердия М. С. Антиповой. С начала войны Екатеринославская меннонитская община предложила услуги добровольцев-санитаров. На 1 января 1915 г. в местных госпиталях и лазаретах работали 96 человек [26, с. 261].

При исполнении обязанностей погибли врач подвижного госпиталя населения Екатеринославской губернии Марков и сестра милосердия Дьяченко [29].

Дополняют изобразительный ряд учреждений, при которых действовали лазареты, виды Екатеринослава на открытках и фотографиях. Интересен комплекс госпиталя им. Цесаревича Алексея, организованный на пожертвования, собранные в Екатеринославской губернии в начале войны супругой Екатеринославского губернатора Е. В. Колобовой, – в интерьерной съемке фотографа Р. Бика из личных архивов сестер милосердия А. Г. Николаевой, Е. В. Лонгиновой.

Создана реконструкция интерьера больничной палаты. Госпитальная мебель изготавливалась местной столярной мастерской. Кровати приобретались через центральные склады, но большая часть была заказана для изготовления местным металлургическим заво-

дам – Александровскому Южно-Российскому и Эстампажному Донецкого Metallургического Общества в Нижнеднепровске, которые, кроме заказов по военному ведомству, выполнили нестандартные работы для военных госпиталей и лазаретов Екатеринослава.

В интересе швейного кружка Екатеринославского Дамского комитета под председательством княгини В. Г. Урусовой представлен вещевой комплекс со швейной машиной «Зингер». Для заготовки белья с целью пополнения складских запасов в начале войны в помещении городской Управы открыли швейную мастерскую, для которой швейные машины (20 штук) были бесплатно предоставлены местным отделением фирмы Зингер и К^о [26, с. 260]. Обличие всего немецкого стало первым проявлением внутренней розни во время войны. Правление акционерного общества компании Зингер, учрежденное на американские и английские капиталы, вынуждено было обратиться к населению с разъяснением, что в составе правления компании и владельцами акций не являются лица, находящиеся в подданстве воюющих с Россией держав, компания «всегда и везде вытесняла торговлю швейными машинами германского производства» [31].

Активную работу в Дамском комитете проводили заместители попечительницы местной общины Красного Креста В. Г. Урусовой: З. Н. Малютина – заведующая Екатеринославским складом Красного Креста, М. И. Харченко, супруга вице-губернатора Д. Ф. Татищева.

Документальные источники отражают работу Екатеринославского отделения Красного Креста, которое в начале войны вошло в состав 7 действующей армии, особоуполномоченным района был назначен председатель местного управления Красного Креста, шталмейстер Двора Его Величества, предводитель Екатеринославского дворянства, сенатор, князь Н. П. Урусов. Район охватывал Бессарабскую губернию с соседним Балтским уездом Подольской губернии, Херсонскую и Таврическую губернии, пять западных уездов Екатеринославской губернии – Верхнеднепровский, Екатеринославский, Новомосковский, Павлоградский, Александровский и Кременчугский уезд Полтавской губернии; общая площадь – 200 тыс. кв. верст [29, с. 7]. В сферу полномочий Урусова входило попечительство о беженцах Юго-Западного фронта. В период войны Н. П. Урусову, который продолжил пополнение коллекции своего тестя Г. П. Алексева, было преподнесено блюдо с изображением короля Бельгии Альберта и флагов воюющих стран [17].

Местное управление общины Красного Креста отозвалось на желание близких погибших героев – создать памятник жертвам вой-

ны [29, с. 7]. По инициативе Н. П. Урусова при больнице Красного Креста было решено построить домовую церковь в честь Воскресения Христова, с указанием имен павших земляков – героев войны. Были организованы строительная и художественная комиссии. Художественную возглавил Н. П. Урусов. Освятил в июле 1915 г. закладку последнего екатеринославского храма преосвященнейший Агапит (Вишневецкий), епископ Екатеринославский и Мариупольский [30]. Уникальный экспонат, рассказывающий о строительных работах, – штамп «строительство храма-памятника павшим героям при Екатеринославской общине Красного Креста» [16]. На фотографии, запечатлевшей общий вид Севастопольского кладбища, военные захоронения Первой мировой. **Городской Управой в ходатайствах перед Губернским Земством на протяжении 1914 – 1916 гг. ставился вопрос об асигновании средств на устройство братского кладбища «павшим воинам второй Отечественной войны, которое могло бы служить достойным памятником защитникам Отечества»** [19, с. 166–167].

«Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца» – писал в тексте отречения последний русский Император [1, с. 305]. Обращение в 100-летнюю годовщину памяти к одному из самых трагических периодов русской истории снова укрепляет нас в необходимости крепости веры, верности Отечеству во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой Родины [1, с. 302].

Библиографические ссылки

1. *Боханов А. Н.* Николай II / А. Н. Боханов. – М. : Вече, 2008. – 528 с.
2. В плену у немцев. – Петроград. : Мин-во внутренних дел, 1915. – С. 35.
3. Днепропетровский национальный исторический музей им. Д. И. Яворницкого (Далее – ДНИМ). – Делопроизводственный архив. – Оп. 1, ед.хр. 78, л. 4.
4. ДНИМ. – КП-154688, АРХ-52053. Программа концерта 21 ноября 1914 г. в Екатеринославе в пользу пострадавших от Европейской войны жителей Бельгии и населения западного края России.
5. ДНИМ. – КП-8556, Ф-8234.
6. ДНИМ. – КП-39427, О-93.
7. ДНИМ. – КП-19734, Ф-11950.
8. ДНИМ. – КП-56284, Ф-3831.
9. ДНИМ. – КП-56286, Ф-3833.
10. ДНИМ. – КП-83391, Арх-19126.
11. ДНИМ. – КП-177869, АФС-3970 Письмо И. Ямпольского Н. Тылкачу, из действующей армии в Екатеринослав. 1917 год.

12. ДНИМ. – КП-177870, АФС-3971. Письмо И. Ямпольского Н. Тылкачу, из действующей армии в Екатеринослав. 1917 год.
13. ДНИМ. – КП-177867, АФС-3968. Письмо И. Ямпольского Н. Тылкачу, из действующей армии в Екатеринослав. 1917 год.
14. ДНИМ. – КП-70310, АРХ-12895.
15. ДНИМ. – КП-66002, АРХ-10997.
16. ДНИМ. – КП-61742, И-3465.
17. ДНИМ. – КП-40050, Э-310.
18. ДНИМ. – КП- 95793, ЭТ-1195.
19. Журналы Екатеринославского Губернского Земского собрания 50 очередной сессии за 1915 год. – Екатеринослав, 1916. – 1220 с.
20. Известия Екатеринославского городского общественного управления. – Екатеринослав, 1915. – № 7–8. – С. 517–518.
21. Известия Екатеринославского городского общественного управления. – Екатеринослав, 1915. – № 11. – С. 964–965.
22. Листи потомків Івана Максимовича Синельникова – першого губернатора Єкатеринослава. Випуск четвертий / упоряд. : С. В. Абросимова, В. В. Синельников. – О. : Астропринт, 2003. – 80 с.
23. Литвин В. М. Україна: доба війн і революцій (1914-1920) / В. М. Литвин. – К. : Альтернатива, 2003. – 488 с.
24. Носков Александр. Издатель открыток военный фотограф Г. В. Грузинцев [Электронный ресурс] / А. Носков. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/04/01/1274>.
25. Оппель Владимир Андреевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Оппель,_Владимир_Андреевич&oldid=59003010.
26. Организация госпиталей // Врачебно-Санитарная Хроника Екатеринославской губернии. № I – X. – Январь – октябрь. 1916. – Екатеринослав : Типография Губернского Земства, 1916. – 332 с.
27. Первая мировая война в открытках Emile Dupuis – Свои [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blog.trud.ru/users/rodich/2007/post/105025036/>
28. Положение о фонде для оказания в Екатеринославских учебных заведениях помощи детям и потомкам воинов павших и покалеченных в боях второй Отечественной войны. – Екатеринослав : Типография Губернского правления, 1916. – 8 с.
29. Приднепровский край. – №5549. – 19.07 (01.08).15. – С. 7.
30. Приднепровский край. – № 5535. – 5(18).07.15. – С. 5.
31. Приднепровский край. – № 5591. – 1.09.1915. – С. 1.
32. Приднепровский край. – № 5583. – 23.08.1915. – С. 1.
33. Революция и гражданская война в России 1917–1923 гг. : Энцикл. в 4 т. / Большая энциклопедия. – М. : Терра, 2008. – Т. 1. – 558 с.
34. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – М. : Наука, 1973. – 654 с.

35. Турченко Ф. Г. Південна Україна: модернізація. Світова війна, революція (кінець XIX ст. – 1921 р.): Історичні нариси / Ф. Г. Турченко, Г. Ф. Турченко. – К. : Генеза, 2003. – 304 с.

Надійшла до редколегії 25.08.2014

УДК 908

О. Н. Петренко

Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского

КУЛЬТУРА ГОРОДА НИКОЛАЕВА В ПЕРИОД АВСТРО-НЕМЕЦКОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ: 17.03.1918–14.03.1919 гг.

Розглянуто умови роботи закладів культури даного часу: театрів, ілюзіонів, цирків, навчальних закладів, благодійних товариств, бібліотек тощо.

Ключові слова: культура міста Миколаєва, австро-німецька військова присутність, заклади культури, «театральний податок», криза культурної комунікації.

Рассмотрены условия работы учреждений культуры данного времени: театров, иллюзионов, цирков, учебных заведений, благотворительных обществ, библиотек и др.

Ключевые слова: культура города Николаева, австро-немецкое военное присутствие, учреждения культуры, «театральный налог», кризис культурной коммуникации.

Der Beitrag widmet sich den Arbeitsbedingungen für die Kultureinrichtungen jener Zeit – Theater, Kino, Zirkus, Lehranstalten, Wohltätigkeitsvereine, Bibliotheken u.a.

Schlagwörter: Kultur der Stadt Nikolaev, österreichisch-deutsche Militärpräsenz, Kultureinrichtungen, «Theatersteuer», Krise der kulturellen Kommunikation.

In the conditions of the established dual power (Major General von Sakk-Gillhausen was appointed as commandant of the town from the side of Austrian and German troops, and self-government was performed by the municipal дума), there used to operate five theatres, five clubs, four movie theatres, three concert halls, two circuses, sports halls, the yacht club, non-government organizations during the first four months, and four newspapers were published. Renowned artists visited the town and gave their recitals performing their contracts, namely

Yekaterina Geltzer (ballerina), Isabella Kremer (singer), Vera Kholodnaya (film actress) and others. Troupes of Russian drama theatres (directed by A. Sibiryakov, N. A. Sokolov and N. N. Voronin, L. I. Baturin) and Ukrainian drama theatres (directed by N. A. Kucherenko, A. I. Yeliseyev) were performing on tour. Because of crisis developments in economics, the local authorities increase the «theatre tax» (ticket fee) on all cultural and leisure events, including charitable events. The attempts to decrease this tax following the example of the local government of Odessa did not produce the desired results. The fiscal and financial policy in relation to culture led to the crisis of cultural communication. This contributed to closing-up of music and theatre, concert, enlightening activity in Nikolayev by the early 1919.

Keywords: culture of Nikolayev, the Austrian and German military presence, cultural institutions, «theatre tax», crisis of cultural communication.

Рассмотрение некоторых тенденций культурной жизни небольшого исторического периода, связанного с австро-немецкой оккупацией города Николаева в 1918–1919 гг., составило цель данного сообщения. Обозначенная проблема пока не нашла освещения в литературе историко-культурологического характера. Предлагаемый нами материал опирается на данные государственного архива Николаевской области [4–6], а также на материалы исторических изданий современных николаевских авторов [1; 2; 3].

Период с 17.03.1918 – по 14.03.1919 гг. в советской историографии называли временем первой иноземной оккупации Николаева, что не совсем точно. Ввод в город австро-немецких войск был вызван обращением (12.02.1918 г.) правительства Центральной Рады (Киев) к германской стороне за помощью, что на сегодня можно объяснить как просьбу украинских властей в оказании молодому государству миротворческой помощи. В городе установилось фактическое двоевластие, когда им стали управлять немецкие военные и местные гражданские лица через городское самоуправление – Думу. Ее состав несколько раз менялся вследствие внутривластных событий, которые происходили в Украине и были вызваны сменами власти в Киеве. Однако все местные управленческие структуры действовали в согласии с оккупационным режимом. Николаев был занят 17.03.1918 г. отрядом 52 германского корпуса, которым командовал генерал-майор фон Закк-Гильгаузен, он же стал и комендантом города. Вооруженное восстание, организованное большевиками и длившееся четыре дня (с 22.03 по 25.03 1918 г.), было подавлено, и в городе установилась относительно спокойная обстановка. Продолжали функционировать многие учреждения культуры – театры, иллюзионы, цирк, учебные заведения, благотворительные общества,

библиотеки. В перечне увеселительных заведений и учреждений культуры значатся: театр Я. Шеффера, иллюзионы – «Кино-Театр», «Эрмитаж», «Бомонд», «Мираж», клубы – железнодорожный, «Земля и воля», Союза служащих Николаевского городского управления, Яхт-клуб, «Казино», Летний театр и Сад Эрмитаж, зал музыкального училища, Зал-Литературка, Городские сады №1, 2, цирковые антрепризы Стрепетова и Кожанского, товарищество «Просвита», еврейская труппа, детский театр «Игрушка», Велодром, Поле спортивного клуба, Зал фельдшерской школы [4, лл. 15, 159]. В течение данного времени выходили городские газеты разной политической ориентации: «Путь социал-демократа» (орган Николаевского комитета РСДРП), «Южное слово» (ежедневная политическая, экономическая и общественно-литературная газета, редактор Юрицын В. П.), «Трудовая газета», «Николаевский вестник» («Anzeiger der Nikolajef» орган немецких властей) [1, с. 78].

Выполняя заранее подписанные контракты, город с концертами посетили известные артисты. С сольными концертами выступили Екатерина Гельцер – балерина, солистка Московского Большого театра, яркая представительница национальной школы классического танца; Изабелла Кремер – известная исполнительница песен, романсов, оперетт, впоследствии получившая мировую славу и как киноактриса; Вера Холодная, прославленная актриса немого кино (выступила в Николаеве два раза). Дали концерты известные артисты разных жанров: Платон Цесевич (артист оперетты, камерный певец); Эльза Крюгер (танцовщица камерного театра Мамонтова, признанная «королева танго»); Пеппи Литман (известная актриса еврейского народного театра); Михаил Эрденко (скрипач), Два концерта дал Петроградский струнный квартет (в его состав входил известный впоследствии музыкант Берлин Анисим Александрович). В помещении главной театральной сцены Николаева – театра Шеффера гастролировали антрепризы русских драматических театров под управлением А. Сибирякова, Н. А. Соколова и Н. Н. Воронина, Л. И. Батурина, товарищества артистов украинско-малороссийских трупп под управлением Н. А. Кучеренко, А. И. Елисеева. Третьего ноября 1918 г. в зале Николаевского музыкального училища состоялся концерт, посвященный 25-летию со дня кончины П. И. Чайковского. В нем приняли участие Вениамин Борисович Пожежинский, Иосиф Иосифович Карбулька, Пожежинская, Зиссерман, а в 1919 г. в зале училища была даже поставлена опера «Евгений Онегин» в концертном исполнении.

Приведенный перечень событий и работающих учреждений не может дать полного представления о реальном положении дел в куль-

туре, которая функционировала, испытывая силу инерции прошлых традиций и связей. Сказывались серьезные трудности, обусловленные общественно-политической нестабильностью, депрессивными процессами в экономике, финансах, промышленном производстве. Достаточно сказать, что по данным Гетманского Министерства труда в Николаеве к лету 1918 г. насчитывалось 24 тыс. безработных, в то же время на постое находилось 20 тыс. немецко-австрийских солдат, не считая командного состава. Рабочие заводов «Наваль» и «Руссуд» (акции заводов перешли в собственность немцев) получали в день 12 рублей, в то время как кВт/час электричества стоил 9 рублей. Кроме того, имели место и частные моменты. Так, накануне ввода оккупационных войск представителями РСДП(б) был ограблен Николаевский банк, и городская казна оказалась полностью опустошенной [3, с. 78]. «Летом 1918 г. ухудшилось обеспечение населения Николаева хлебом. Продовольственный отдел Управы ввел контроль с 18.06.1918 г. за выпеканием хлеба. С целью обеспечения наибольшего количества жителей города хлебом было введено административное ограничение: не больше 4 фунтов хлеба в одни руки. В городе закрывались заводы, росла безработица» [3, с. 27]. **Круговорот политических событий** не способствовал развитию культуры и искусства. В это время происходили смены власти и политические перевороты в Киеве, ввод в Николаев военных кораблей Антанты, взятие города отрядами атамана Никифора Григорьева (20.12.1918 г.), который вынудил войска Центральной Рады и немецкие части временно отступить к Одессе, повторный вход в город войск атамана Григорьева (27.02.1919 г.), после ультиматума которого войска Антанты покинули город [7], а «с немецким командованием было заключено мирное соглашение о бескровной передаче учреждений» [8]. **За короткий период** в Николаеве должности Городского головы занимали Костенко Владимир Полиевктович (ведущий инженер завода «Наваль»), Матвеев Хрисанф Михайлович (инженер-техник), Кокизов Давид Маркелович (журналист, эссер) [1, с. 54], атаман Де-Бонди (генерал, Николаевский градоначальник), Иванов – представитель Рады объединенных украинских организаций. При фактическом симбиозе местного многовластия и германским контролем над **промышленностью, портами, стратегическими объектами, порядка в социально-культурной сфере** было мало. Об этом свидетельствует такой документ как письменное обращение военного коменданта города генерал-майора фон Закк-Гилльгаузена к городскому голове Х. М. Матвееву [6, л.1. перевод с нем. автора – О. П.]. В частности, в документе говорится: «По

имеющимся у меня сведениям депутаты Городской думы слабо посещают заседания. Этот факт воспринимается как глубоко досадный. Именно сейчас для вас накопилось много работы, чтобы в скорейшем времени и полностью преодолеть последствия тяжелых потрясений, которым подверглись город и страна. Подчеркиваю, что плохое участие членов Думы в работе этого органа оказывает весьма неблагоприятное впечатление на население, а отсюда напрашивается вывод, что происходящее не в интересах членов органа городской власти. В это сложное время в Думе непростительно не иметь кворума. Долг каждого настоящего патриота использовать все свои силы для благополучия государства, для скорейшего достижения покоя, порядка, безопасности. Я испытываю полное доверие к назначенной Думе и прошу это доверие оправдать».

Не только перечисленные факторы отрицательно влияли на развитие культуры и досуга жителей Николаева, но и налоговая система. Еще 9 декабря 1917 г. Постановлением городской Думы было решено ввести т. н. «театральный налог» на билеты для входа посетителей на публичные увеселения и зрелища. Протокол от 3 января 1918 г. заседания Комиссии по выработке условий взимания городского сбора с билетов на увеселения и зрелища оговаривал, вместе с тем, что «налоговые ставки для серьезного театра необходимо понизить» [4, л. 23]. Однако пожелания остались лишь на бумаге. В течение года в финансовый налоговый отдел Думы приходили сообщения о разорении театров и антреприз. Известный «Интимный театр» Мирона Львовича Плама прекратил существование. Бедственное положение испытывали украинские антрепризы и русские труппы. Владельцы обращались в налоговую комиссию с просьбами отсрочки платежей. По закону их необходимо было вносить ежедневно, сразу на следующий день после спектакля или концерта, а несвоевременный расчет влек за собой штраф – уплату суммы в двойном размере и расценивался как уголовное преступление. Билеты должны были состоять из трех частей – корешка, билета и контрольного талона, печататься по установленной законом форме, с обозначением на каждом из них цены билета и суммы сборов в доход казны и местного городского управления. Налоговые требования постепенно становились все жестче: «Владельцы зрелищ и увеселений обязаны представить участковому податному инспектору для шнурования и приложения печати на конце шнура билетной тетради и сдавать их ему для проверки правильности уплаты налога не позже, чем в недельный срок со дня их продажи. Податные инспекторы обязаны вести

реестры по прилагаемой форме. Налог с публичных зрелищ и увеселений подлежит взимать также с посетителей особого рода заведений трактирного промысла, как-то: кафе-штантанов, кабаре и прочих ресторанов 1-го и 2-го разрядов, в коих устраивают какие-либо развлечения в виде музыкальных номеров с пением, с декламацией, танцами, небольших комедий, водевилей и т. п. Налог с сих лиц взимается в размере 5 % суммы» [4, л. 110–111]. В то же время в Одессе Отделом Окружного суда было установлено взимать «театральный налог» размере не выше государственного («Одесский вестник» №246 от 17.10.1918 г.), однако в Николаеве это решение было решительно отклонено городской Думой. Не обошлось и без афер. Новый заведующий городским театральным сбором Владимир Андреевич Редделин сообщил о недобросовестных действиях служащего Управы по сбору билетов с театров Л. И. Френкеля, который манипулировал билетами, суммами, указанными в них, и в итоге скрылся. Жесткий налоговый режим распространялся на вечера для учащихся и студентов, на благотворительные мероприятия в фонд помощи безработных, военнопленных, «недостаточных учащихся», в пользу семейств моряков, погибших от большевизма, нуждающихся слушателей учительского института, голодающих и пр. На всех прошениях (за единичными исключениями) об уменьшении или снятии налога наложена резолюция – «отказать». На основании изложенного можно сделать вывод, что в рассматриваемый период на фоне всеобщего общественно-политического хаоса в городе началось разрушение устойчивых форм досуга, искоренение благотворительности, кризис общества провоцировал кризис культуры как художественной коммуникации, фискальная финансово-денежная политика по отношению к культуре вела к уничтожению ее духовных доминант и устойчивых традиций. Культура и искусство как всегда оказались слабым звеном в обществе кризисного типа. Печать глубокой депрессии лежит на данном историческом этапе развития региональной культуры в Николаеве.

Библиографические ссылки

1. Ковалева О. Ф. Очерки истории культуры Южного Прибужья / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов. – Кн. III – Николаев, 2002. – 127 с.
2. Пискурев С. Е. Иностранное военное присутствие на Юге Украины в 1918 – 1919 гг. / С. Е. Пискурев, И. Н. Пискурева // Краєзнавчий альманах. Історія. Етнографія. Культура. – Миколаїв, 2010. – С. 101–105.
3. Соболев П. І. Нариси історії Миколаєва ХХ століття : навч. посіб. / П. І. Соболев. – Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2005. – 156 с.
4. ГАНУ. – Ф. 216, д. 3807, оп. 1.

5. ГАНО. – Ф. 216, д. 3812, оп.1, л.110–111.
6. ГАНО. – Ф. 222, д. 1828, оп. 1, от 3.07.1918 г.
7. <http://novosti-n.mk.ua/analytic/read/638.html>
8. <http://www.vn.mk.ua/stories.php?id=7150>

Надійшла до редколегії 23.06.2014

УДК 94(100)«1914/1918»(093.3)

В. Д. Наривская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТЕМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В «ДНЕВНИКАХ» В. ВИННИЧЕНКО: ОСМЫСЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Проаналізовано щоденникові записи відомого українського письменника, художника, політичного діяча Володимира Винниченка (1880, Україна, Єлисаветград (нині Кіровоград) – 1951, Франція, Мужен), що висвітлюють початок Першої світової війни. Предметом дослідження є специфіка щоденникового осмислення масового травматичного досвіду перших днів війни, пережитих письменником у Катеринославі (нині Дніпропетровськ). Розкрито вплив травми війни як на масову свідомість, що проявилось у радикальній зміні моделі людської поведінки, так і на творчу, реалізовану у формуванні основ нового художньо-естетичного і щоденникового мислення.

Ключові слова: щоденникові записи, Перша світова війна, травма війни, травматичний досвід масової свідомості, перебудова творчої свідомості, екфрастичне сприйняття світу.

Анализируются дневниковые записи известного украинского писателя, художника, политического деятеля Владимира Винниченко (1880, Украина, Елисаветград (ныне Кировоград) – 1951, Франция, Мужен), освещающих начало Первой мировой войны. Предметом исследования является специфика дневникового осмысления массового травматического опыта первых дней войны, пережитых писателем в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Раскрывается влияние травмы войны как на массовое сознание, проявившееся в радикальном изменении модели человеческого поведения, так и на творческое, реализовавшееся в формировании основ нового художественно-эстетического и дневникового мышления.

Ключевые слова: дневниковые записи, Первая мировая война, травма войны, травматический опыт массового сознания, изменение творческого сознания, экфрастическое восприятие мира.

Im Beitrag werden die Tagebuchnotizen des namhaften ukrainischen Schriftstellers, Malers und Politikers Vladimir Vinnichenko (1880, Ukraine, Elisavetgrad (heute Kirovograd) – 1951, Frankreich, Mougins) analysiert, die dem Beginn des Ersten Weltkrieges gewidmet sind. Gegenstand der Studie ist die Spezifik der im Tagebuch festgehaltenen gedanklichen Verarbeitung der massenhaften traumatischen Erfahrungen der ersten Kriegstage, mit denen sich der Schriftsteller in Ekaterinoslav (heute Dnepropetrovsk) konfrontiert sah. Gezeigt wird sowohl die Wechselwirkung zwischen Kriegstrauma und Massenbewusstsein, die in der radikalen Veränderung des Modells des menschlichen Verhaltens zum Ausdruck kam, als auch der Einfluss der traumatischen Erlebnisse auf die kreative künstlerische Gestaltungskraft, die ihren Ausdruck in der Schaffung von Grundlagen einer neuen künstlerisch-ästhetischen Wahrnehmung und einer für den Bedarf eines Tagebuchs weitestgehend angepassten Denkweise fand.

Schlagwörter: Tagebuchnotizen, Erster Weltkrieg, Kriegstrauma, traumatische Erfahrung des Massenbewusstseins, Veränderung im künstlerischen Denken, ekphrastische Wahrnehmung der Welt.

The article analyses the diary entries of the famous Ukrainian writer, artist and politician Vladimir Vynnychenko (1880, Ukraine, Elisavetgrad (now Kirovograd) – 1951, France, Mougins) that cover the events of the beginning of World War I. The research subject is the specifics of diary conceptualization of the mass traumatic experience during the first days of war having been overcome by the writer in Yekaterinoslav (now Dnepropetrovsk). The influence of war-time trauma on each of mass consciousness manifested in radical changes in human behaviour pattern and creativity being implemented in setting the stage for new artistic and aesthetic, and dairy thinking.

Keywords: diary entries, World War I, war-time trauma, mass traumatic experience, change of creative consciousness, ekphrastic world perception.

Художественное осмысление событий Первой мировой войны занимает довольно скромное место в мировом литературном процессе (в особенности в сравнении с литературным, кино- и теле-изображением баталлий Второй мировой). До недавнего времени даже сам факт обращения к теме выдающихся мастеров поэзии и прозы (Гийом Аполлинер, Анри Барбюс, Александр Грин, Марсель Громер, Александр Гумилёв, Жорж Дюамель, Франц Кафка, Осип Мандельштам, Осип Маковой, Марсель Пруст, Жан Ренуар, Эрих Ремарк, Алексей Толстой, Карел Чапек, Иван Шмелев и др.) рассматривался не столько как самодостаточное явление, сколько в контексте художественно-эстетических исканий писателей в целом. Как отмечал Вальтер Беньямин, «поток книг о войне, хлынувший на нас через десять лет», т. е. лишь к концу 1920-х гг., засвидетельствовавший «онемение людей, пришедших с фронта», тем не менее оста-

вил после себя не только непревзойденные художественные образцы переживаний тотальной проницаемости Первой мировой (Э. Ремарк, С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, И. Шоу), но и сформированную милитаризованным XX веком проблему взаимодействия войны и творчества, как бы кощунственно это ни звучало. «Разрушительно-созидательные» смыслы войны, отрефлексированные во множестве зарубежных и отечественных исследованиях авангарда, экспрессионизма, футуризма эстетизировали ее образ, создаваемый в литературе и искусстве от античности до современности. Но лишь в преддверии даты начала войны, гуманитарная мысль активизировалась в попытках рассмотреть Первую мировую войну в общей цепи событий XX века¹ и как величайшую трагедию в мировой истории, и как «бродильное начало культуры» [16, с. 7], отчасти опираясь (в подтексте) как на оправдательный историко-литературный факт, открывшиеся возможности возвращения ко многим проблемам литературы «советской цивилизации», к упущенным литературоведческим возможностям, прежде всего в осмыслении мемуарных, дневниковых источников, находившихся ранее, большей частью, под строжайшим запретом. С позиций обновлённых методологических подходов – исторических и литературоведческих – сформировалось современное видение темы Первой мировой, ее идеизации, в постижении ее сущности как идеи, следовательно, как зрительного образа (в собственном смысле понятия), с акцентом на писательские документальные свидетельства. Среди имеющих читательскую известность, общекуль-

¹ См.: Гаспаров Б. М. Смерть в воздухе (к интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») / Б. М. Гаспаров // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М.: Наука, 1994. – С. 213-241; Литература и война : век двадцатый : сб. ст. к 90-летию Л. Г. Андреева. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 332 с., в котором опубликованы: Белобратов А. В. Где находился очаг мировой войны? Роберт Музиль о Первой мировой и ее истоках; Потехина И. Г. «В стальных грозах» Эрнста Юнгера: Первая мировая война и проблема консервативного модерна в немецкой литературе; Зусман В. Г. Кафка и Первая мировая война; Анцыферова О. Ю. От войны до войны. Творческий путь Генри Джеймса; Таганов А. Н. Война как эстетический феномен в творчестве Марселя Пруста; Гирич Ю. Н. Образ Первой мировой войны в поэтике авангарда; Зиновьева Л. Ю. Битвы прошедшие и грядущие в поэзии Осипа Мандельштама и Готфрида Бена («Стихи о неизвестном солдате» и «Потерянное “Я”»; а также: Герасимова И. Ф. Героизация казачества в русской батальной лирике периода Первой мировой войны / И. Ф. Герасимова // Вісник Дніпропетр. ун-ту ім. Альфреда Нобеля. – 2014. – № 1 (7). – С. 162–167.

турную значимость на первом плане переписки Марселя Пруста, Эрнеста Хемингуэя, интервью Генри Джеймса, статьи и в особенности дневники Роберта Музиля, Франца Кафки, а также украинского писателя и политического деятеля Владимира Винниченко, для которого записи о войне были сродни с тем, о чем говорил Борис Пастернак – «записной тетрадью человечества», всего «вековечного» [13, с. 252].

Первые дневниковые записи В. Винниченко относятся к 1911 г., с большими временными перерывами, что несколько не соответствовало определению дневника как ежедневника, пока не имеющего веского тому объяснения². Но логика развития дневникового мышления писателя свидетельствует о длительном его созревании и внезапном творческом озарении, выраженном в принятии важного для себя решения. Лишь в мае 1914 г. В. Винниченко восстанавливает ведение дневника и после продолжительной паузы в ноябре пишет: «Я рішив, як не щодня, то якомога частіше вести щоденник. Це сприяє самоаналізі й самоорганізації, примушує зупинятись над собою і перевіряти. Крім того це є та увага, те зупинення над життям, якого так треба для щастя. Розум здатний зупиняти себе й усю істоту над моментами життя, прислухатись до них, вслухуватись, освітлювати їх, як з ручного електричного ліхтаря, пучком світла – такий розум є великий помічник щастя» [3, с. 200]. Эта запись воспринимается не как частный момент творческого бытия, но как новаторская концепция дневникового мышления с мощным философским обоснованием, что было в духе эпохи и что задавало тональность записок, освобождая от суетности, продуцируя поиски своей дневниковой и художественной удовлетворенности (хотя «блаженная гавань» философии с годами для него становилась все привлекательней). Именно философской потребностью обусловлена интенция В. Винниченко всегда дистанцироваться от людей и событий, даже если он максимально к ним приближен. Смысл такой дистанции – освобождающий, позволяющий сфокусировать взгляд на *ens* и тем самым пребывать, отчасти, в состоянии некой отрешенности от мира, позволяющей оставаться наедине с Я.

² Составитель дневников, диаспорный критик Г. Костюк высказал предположение об отсутствии таковых. По его мнению, «возможно, за ці емігрантські, дуже насажені літературною і політичною діяльністю роки Винниченко нотатників не провадив. А можливо, що, вибираючись весною 1914 року нелегально в Україну, він свої записники залишив комусь із своїх добрих друзів. Коли він не повернувся незабаром, як було плановано, ці записники пропали» [10, с. 12].

В записи-решении вести дневник как своему инновационному запросу – антропологическому и творческому, писатель избрал ключевым словом «внимание» («увага», выделенного в тексте курсивом самим автором), философский концепт т. е. направленность и сосредоточенность психической деятельности на ведении дневника как деятельности, что соответствовало научным разработкам конца XIX – начала XX века, в которых самые различные проявления психики объяснялись с помощью внимания. Но главное, открылась возможность дифференцировать «новое» в соответствии с состоянием сознания. Для этого нужна была и новая форма творческой деятельности – дневник, который позволял произвольно чередовать «новое», возвращаться к нему с позиции временной дистанции, углублять, развивать или отказываться от некоторых своих положений. Этим можно объяснить продолжительные паузы – «остановки перед жизнью» – и рассматривать их как специфику ведения дневника. Независимо от специфики обобщаемого материала, временное расстояние от события, воспринимаемое уже как феномен памяти, подвергается эстетизации, выраженной в эстетическом структурировании материала не столько как следствия того, что дневник велся писателем, сколько особенностью памяти эстетизировать прошлое, т. е. спецификой исторического мышления как эстетического [5, с. 6–7]. В этом контексте очевиден смысл введенного в концепцию дневникового сознания понятия «пучок света», не только в качестве знания законов оптики, формирующих оптику самосознания, но «эстетики зрения» в целом – слагаемого мировоззрения Винниченко-художника (безусловно, этот вопрос может быть предметом детального изучения искусствоведами). Мы лишь укажем на то очевидное, что просматривается и в концепции Винниченко, и в записях, касающихся начала Первой мировой войны, в особенности «цветовых» ее изображений.

Принятие решения вести дневник у В. Винниченко соотносимо в определенной степени с понятием «философии поступка» (термин М. Бахтина), с более пристальным вниманием не только к своей «Другости», но и к травматически меняющемуся миру. Первая мировая война была тем «моментом» большой жизни В. Винниченко, который предполагал необходимость «участного переживания» – в бахтинском концептуальном смысле, реализованного в дневниковых записях. Их значимость несомненна, поскольку охватывает весь период войны с переходами к революциям, новым войнам. Тем не менее, по ним невозможно представить объемную картину военных действий, баталей, определивших ход войны, событий на фронтах, су-

деб солдатских и военной элиты и т. п. В. Винниченко осознавал масштабность развернувшегося перед ним «потока жизни», осмысление которого в своей цельности пока не представлялось возможным, поэтому ему импонировал принцип «раздробляющего анализа»³ – политика, писателя, художника, но только внешне «непроницаемых друг для друга», но по сути своей взаимодействующих между собой, взаимодополняющих друг друга, но более всего обладающих эквипотенциальностью, способностью образовывать из моментов бытия самодостаточную, целостную картину мира.

Интерес к дневникам В. Винниченко вызван прежде всего тем, что в них нашли отражение события, связанные именно с началом войны. Если в литературе этот период художественно осмыслен в романах А. Толстого «Хождение по мукам», М. Шолохова «Тихий Дон», панорамно развернут как в жизни тыла, так и в батальных сценах, то в дневниках это представлено весьма скупой, но более полной и выразительно в вербально-визуальной его явленности, в особенной дневниковой констелляции антропного принципа восприятия войны как мировой трагедии, и эстетического, как нарушения мировой гармонии. Да и сам В. Винниченко в дневнике не отмечает того, как к нему пришло известие о начале войны, что обусловлено, вероятно, стечением многих неблагоприятных обстоятельств – активной политической деятельностью⁴, преследованием царской охранки, частой сменой мест жительства и, по сути, жизнью нелегальной. Но более вероятно, с пониманием невозможности объяснения происходящего с традиционных позиций, в том числе и обыденных, что требо-

³ Дневниковые записи Винниченко сопровождаются «выписками из прочитанных книг и мыслями автора». Так они обозначены в издании, как бы подводя итог по определенному периоду записей. Начало систематических записей завершается цитированием работы Н. Лосского о А. Бергсоне, которым В. Винниченко был увлечен, а именно: «Взаимопроникновение состояний сознания, благодаря которому в настоящем сохраняется прошлое и предназначается будущее, придает потоку жизни такой неделимости и цельности, что описание его становится невозможным, и потому ради целей практической жизни рассудок прибегает к раздробленному анализу, создает понятия о душевных состояниях, будто бы находящихся вне друг друга и непроницаемых друг для друга и превращает Я в связку таких состояний, на подобие связки прутьев веника, вместе с этим теряется представление о текучести душевной жизни и отвергается цельное Я» [12, с. 29]. Источник цитаты не указан ни в тексте дневника, ни в комментариях составителя.

⁴ В. Винниченко был одним из основателей Украинской социал-демократической рабочей партии (декабрь 1905 г.).

вало формирования новых принципов онтологической когерентности. Известие о войне было пережито как крушение, с осознанием того, что мир рушится, ниспровергаются привычные ценности, но при этом возникает необходимость «обрести путь к бытию», а духовный взгляд на него становится свободным. Как известно, преследования заставили писателя-революционера выехать в Варшаву, а затем в канун войны приехать в Екатеринослав с целью принять участие в работе съезда, несмотря на угрозы ареста, но по причине предательства, доноса на него вынужден был стремительно покинуть город. И хотя пребывание в Екатеринославе было весьма краткосрочным, но напряженным, насыщенным событиями, потрясающими сознание, потому представляет собой важный момент жизни В. Винниченко, разделивший жизнь на «до и после», о чем свидетельствует запись от 23.X, сделанная в вагоне поезда: «Справді, ніби втраченим раєм здаються мені часи нашого життя до Катеринослава» [3, с. 96]. Фактором, определившим членение событий жизни и, следовательно, форму, организующую описываемый/изображаемый мир, была война.

Стратегия пролегомен дневникового мышления обусловила направленность на осознание состояния человека, общества в период войны, «способность остановить себя» перед потоком жизни, хаотичной заполненностью пространства и «многообразием смутных образов», и безымянных, но «значительных лиц» (по Гоголю), из которых взгляд писателя/художника выделяет новые для себя типы, запечатлевая их и вербально, и визуально, в «портретных зарисовках». Автор дневника в описании событий войны обретает статус «совокупного лица» (по терминологии Макса Шелера), в соответствии с которым он предстает как отдельная личность на фоне «сообщества лиц», находясь как бы на втором плане, но вместе со всеми несет ответственность за происходящее. Поэтому совокупность лиц – это и связь переживаний, к тому же в определенной временной последовательности, а значит – история.

Значительность момента «до войны» соотносима с ощущением рая, вызванного созерцанием природы Приднепровья, красот Днепра с парохода на подъезде к Екатеринославу. Созерцание Днепра, его берегов, множества островов дало ощущение писателю/художнику единства духа и природы, расширения увиденного до размеров мира: «Далечінь безмірна, безмежна, і далеко-далеко в сіро-синявій млі забуті давні могили... Якась велика, передісторична, первісна мудрість і спокій у цій зеленій ширині, в цих вербах, похилих над зеленкуватими затоками. Мудрим спокоєм і певністю віє від віковичної лінії об-

рію, круглої, рівної, без хибно проведеної законами більшими ніж ті, що їх видають люди» [3, с. 58]. Жизнь в Варшаве оставила впечатление «чогось недокінченого, начорно накиданого» [3, с. 51]. Поэтому Винниченко вновь открывал для себя необъятные украинские просторы – «обрії» «далекий обрій», «далечинь» – представление о «безмерности» и «безграничности» мира, жизнь которого определяется течением Днепра и его неизменными стражами – ветряными мельницами, представляющими собой вербальные картины, «картины в раме» с живописными идиллическими мотивами без каких-либо предпосылок надвигающейся беды. Своеобразным подведением итогов «пароходного» бытия представляется признание писателя/философа/художника: «Я сиджу і ловлю все в душу, як у великий невід, і благословляю все, що попадає в нього» [3, с. 59].

Непосредственная встреча с Екатеринославом начинается с рабочих окраин мощного промышленного города. Отъезд из Варшавы, поездка на пароходе по Днепру, встреча с украинским рабочим урбанистическим пространством обозначено не столько непосредственными переходами, сколько моментами-контрастами: от пасторально-идиллического восприятия мира писателя/художника к натуралистически-реалистическому, смысл которого у Винниченко состоит в том, чтобы осознать, как представлена реальность, как она понимается. Таким образом легитимизируется идеологический взгляд политика на бытие и настроение рабочего класса, но со смыслом «как будто», по отношению к «взгляду» Винниченко имеющим философский оттенок фикции как приема, поскольку политическое видение обретало свою остроту лишь в литературно-живописном аспекте. Среди вербальных зарисовок рабочих лиц выделяется запись: «Робочий клас увесь п'яний, чиновники сидять сібе чистенькі у формочках» (Базікуватий парубок робітник) [3, с. 63]. Это наиболее ощутимо и в прописанных реалиях повседневной жизни рабочих. От них берет начало обусловленная спецификой художественного мышления Винниченко направленность к осмыслению психологии масс, проявлений психологической травмы. Тем и объясняется специфичность взгляда писателя/художника, выхватывающего из толпы натуралистически обезображенные лица – не на фоне задымленного города, а словно пребывающие в «чреве Екатеринослава», всепоглощающей силы (ассоциации с «Чревом Парижа» Золя здесь очевидны): «Над містом висять хмари, подібні до великанських шматків закоптілого з-під низу олова. Ці груди зложені одна на одну, і страшно стає, що от-от обірвуться й упадуть на ті дрібненькі біленькі хатки перед-

містя, похажі на малесеньку купку лушпиння від насіння, розкидану в зелені трави» [3, с. 63]. Ключевое слово «страшно» определяет бытие в мире, провоцирующем обособленность существования, выполняющую защитную функцию, а потому стремительно усвоенную автором и не менее стремительно переданную в собственных глубоких переживаниях «города-картины» – «у хмарах диму, який зміястими чорними гущами впливає з димарів» [3, с. 64], среди которого теряет величие даже река – «синя, широка, пощерблена пасмуга Дніпра» [3, с. 64]. Мгновенно обезображенная днепровская идиллия накладывает отпечаток на все мировосприятие, создавая в стиле записей почти физическое ощущение ограничения притока жизненной энергии, подавленности духовной деятельности, создавая предпосылки к душевной травме. Тем самым в тексте дневника создается предчувствие приближающихся событий, которые изменят мир, поскольку дневник вел известный политический деятель, революционер, осведомленный о ситуации не только в России, но и в Европе. Но не обострение революционной ситуации потрясает, а начало войны, переживание которой в тексте дневника реализуется как стремительное обретение травматического опыта на фоне социально-экономических потрясений, снижающих возможность человеческого сопротивления мировым катаклизмам, феномену исторической травмы.

3. Фрейд в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия», уточняя причины возникновения «травматического невроза», особенно отметил: «Ужасная, только недавно пережитая война подала повод к органическому поражению нервной системы вследствие влияния механического воздействия. Картина состояния при травматическом неврозе приближается к истерии по богатству сходных моторных симптомов, но, как правило, превосходит ее сильно выраженными признаками субъективных страданий, близких к ипохондрии и меланхолии, и симптомами широко размытой общей слабости и нарушения психических функций» [19]. Всемирно известный психолог уже тогда указал на то, что «полного понимания как военных неврозов, так и травматических неврозов мирного времени мы еще не достигли. В военных неврозах, с одной стороны, проясняет дело, но вместе с тем и запутывает то, что та же картина болезни возникала и без участия грубого механического повреждения» [19]. Со «времен Фрейда» заметного продвижения в вопросе об освоении военного травматизма не наблюдалось. Лишь в последние десятилетия современное литературоведение, базирующееся на взаимодей-

ствии с культурой, историей, философией, психологией плотно обживает травматическую специфику – от истолкования этимологического смысла понятия (от греч. *trauma* – рана) до осмысления темных мест, на которые указал Фрейд⁵, сосредоточившись, преимущественно, на понимании «истории как сцены. От интенсивности такого рода процессов зависит и исход драматической встречи человека с историей» [6, с. 18].

Дневниковые записи о событиях начала Первой мировой у Винниченко⁶ подчинены осмыслению их как феномена травмы, тому, как они врываются в жизнь, нарушая ее привычный уклад, становясь неотъемлемой частью сознания. Одна из первых записей о войне в дневнике об этом: «Коли життя добре збовтати, вивести з спокійної норми, воно може показати деякі такі явища, які в інший час угадуються теоретично» [3, с. 79], соотносима с современным толкованием причин возникновения травматических состояний в социуме: «Коренится ли травма в реальных травматических событиях или нет, состояние травмы имеет общую характеристику – нарушение нормальности. Вероятно, в природе человека есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма появляется тогда, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире» [20, с. 9–10]. В этом контексте, наверное, смещение в дневниковых запи-

⁵ Имеем в виду работы З. Фрейда «Исследования истории», «Психопатология обыденной жизни», «Тотем и табу», «Неудовлетворенность культурой», «Скорбь и меланхолия» и др.

⁶ В связи с тем, что Винниченко довольно часто предпочитал обобщать записи за определенный период, выделяя важные для себя моменты бытия, необходимо уточнить их хронологическое расположение. Все записи между 24.V и 10.VI были сделаны во время переезда из Варшавы в Екатеринослав и частично в первые дни пребывания в городе. Но особенно уточнение касается записей, обозначенных с 22.VII. Г. Костюк предполагает, что она «вероятно ошибочна». По его мнению, «Не може бути 22.VII, бо перед цим була вже нотатка за 23.VII і наступні дні. Не може бути 22.VII ще й тому, що далі маємо нормальне датування: 12.VIII 13.VIII і т. д. Припускаємо, що це механічна помилка Винниченка і що цей запис зробив він між 23.VII і 12.VIII. Правдоподібно, цей запис за 2 серпня 1914 року. Це підтверджує зміст нотатки: перші вибухи патріотичних маніфестацій, загальна мобілізація, перші ешелони мобілізованих, різні сцени прощання. Все це відбувалося тільки після оголошення війни, тобто після 1 серпня 1914 року» [10, с. 123–124].

сях В. Винниченко было ошибкой далеко не механической, а вызванное обостренностью чувственного созерцания и восприятия событий в городе с началом войны. Скорее, это связано с процессом *aufheben*, обоснованным Гегелем, нашедшем выражение в дневнике В. Винниченко в том, что город даже за столь короткое время стремительно осваивался им через обострение социально-экономической, революционной ситуации, намечающихся протестов, ожидания социального взрыва. Но на все это напластовывается известие мощного травматического содержания – начало войны. Тем не менее Винниченко-политик не ставит точку на взрывоопасном положении «низов» не только в Екатеринославе, но и в России в целом. На основе собственных наблюдений он прописывает целостность, в которой лидерство социально-экономических проблем как будто *снимается*, но на фоне войны, в контексте милитаризации сознания сохраняется, обретая более выразительные формы – травматические. При этом сохраняется и стиль подачи нового материала – сочетание выражения общественно значимых событий (авторский комментарий событий, голоса из толпы, разногласия стихийных митингов, «подслушанные» разговоры и т. п.) и эстетического их оформления (портреты, «выхваченные» из взбудораженной толпы, зарисовки типов, характеров, производящие шокирующий эффект, и пейзажи, не перебивающие травматическое состояние мира, а входящие в него как «со-мир» [по Хайдеггеру]), придавая всему эстетическую выразительность травматического разрыва уклада жизни. В таком «хаосом мире» хронологическая путаница ведения дневника воспринимается как своеобразный прием, используя который Винниченко как бы уклоняется от воспроизведения того, как он узнал о начале войны, как воспринял это известие, словно изолируя себя от травматического события, нанизывая в записях коллективные примеры исторической травмы.

Первая запись о войне представляет собой как бы продолжение разговора с Другим, а, скорее, размышление о происходящем, но с предыдущей записью не связана, поскольку она – о другой жизни, «до войны» – «каруселі», «палатки з цукерками, рибою, ковбасою, паляницями», «дзвінки театрів...» [3, с. 70–71]. Винниченко не столько резко обозначает разрыв с мирной линией жизни, в особенности с днепровской идиллией, сколько сталкивает два образа мира, один из которых стал довоенной историей, а другой – динамично обретал черты военной жизни. Такое столкновение становится устойчивым дневниковым приемом В. Винниченко, использованным из-

начально в анализе и обобщении того, что писали газеты о войне, а именно: «Підтверджують своїм поведженням неможливість заповіді “Не бреші”. У них друга заповідь: “Роби все, що ти сам уважаєш за краще, аби було добре тим, кому ти робиш”. І вони вважають, що краще – це ховати правду, або переробляти її так, щоб ніхто не впізнав її. Вони з неї роблять те, що, на їх думку, може дати добро країні в цей момент, себто підняти дух її, запалити ентузіазмом, зміцнити сили й напружити їх до потрібного ступеня. І це робиться з першого ж дня оповіщення мобілізації» [3, с. 71]. Винниченко-политик часто будет прибегать к комментированию публикаций в прессе, но более всего, как писатель и художник, ощущает необходимость осмыслить состояние общества, чувства частного человека, формируемого у него опыта от воздействия травмы войны. Это важно потому, что «чувства несут на себе особую печать интимности по сравнению с тем, что можно назвать публицистичностью мысли» (по Коллингвуду) [8, с. 149], к тому же, по мнению английского философа и теоретика искусства, современника писателя/художника Винниченко, «мысли могут противоречить друг другу или подтверждать друг друга, в то время как ощущения это не дано... Никто не может объявить о согласии или несогласии с моими ощущениями» [8, с. 150]. Но пока это дискурсивный шок, тогда как война была тем травматическим историческим событием, описание которого возможно через познание, т. е. как чувственное осознание выпавших на человеческие судьбы испытаний. Тем вызвана его полная решимости запись: «У цей день я поїхав у город» (вероятно, сделанная 2 августа 1914 г. – В. Н.) [3, с. 71]. Его «пучок оптики», направленный на город, охваченный паникой, подчеркнута произвольный. Это взгляд Другого, но в этот миг неотделим от Я самого, что придает особенную достоверность увиденному/описанному, поскольку «втягивает» Я как Другого в процесс психологической репрезентации событий через настроение толпы: «Я помітив купки людей, які тривожно говорили про щось»; «скрізь стояли люди й гомоніли між собою» [3, с. 71]. По мере приближения к центру города «купки були частіші, нервовіші»; «екіпажі чомусь їздили швидко, з грохотом, неначе тікаючи звідкись» [3, с. 72]. Несмотря на то, что Винниченко как будто четко обозначает свое передвижение от предместья или окраины (где, вероятно, проживал, скрываясь от преследований полиции) к улицам города, к центру, отбросив всякие опасения, его путь подчинен закономерностям причинной достоверности процессов, «волнам вероятности». При всей реальности передвижения просматривается его иная смысловая

нагрузка – глубинного, «внутреннего типа движения» (по В. Топорову). В ситуации, описанной В. Винниченко о себе, он как «агент движения» хотя и очевиден, но как бы вытеснен в маргиналии. При таком позиционировании время и пространство предстает иным в сравнении с «механическим» внешним движением; это «”движение без движения”», поскольку представлено в тексте экспрессионистически изломанным и запутанным, даже разорванным, тем не менее прочно связано с целью, поэтому продвижение по городу у В. Винниченко обладает способностью «институироваться в определенные образы и понятия» [17, с. 12] экспрессионистического характера, не заимствованного, но именно им формируемого. В. Винниченко наслаивает свои впечатления, мастерски балансируя на грани описания/изображения, демонстрируя погружение города в водоворот всеобщей паники, вызванной удвоенной травматичностью, – дьявольским сочетанием событий начала войны и черносотенного разгула. Именно в этот момент бытия пришло понимание того, что ни строго научный, ни публицистический подходы не раскроют всю реальность происходящего, в особенности, глубину травмы войны. Поэтому Винниченко предпочитает демонстрировать картины жизни города и через «литературоподобие», и с помощью экфрасисности: «На вулиці раптом знялася, як буря, паніка. Всі кудись бігли з круглими очима, з роззявленими ротами, обганяючи одне одного, хапаючись за плечі, за руки, як утопаючі, і щось кричали. По бруку летіли звощики, широко з жахом розмахуючи батогами й перехилившись усім тулубом до коней» [3, с. 72], что соотносимо и с другим текстом: «Плач, рыдания, вопли обезумевших людей разносятся по улицам» – описанием М. Кольцовым погибающей испанской Герники [9], и со знаменитой картиной Пабло Пикассо «Герника», засвидетельствовавшей «распад материального мира» [4, с. 222]. Но есть одно, объединяющее три взгляда – понятие «философии войны» с торжеством хаоса, изначально экфрасично запечатлено В. Винниченко, словно подтверждая и развивая слова Н. Бердяева о том, что «нужны великие потрясения, катастрофа, личная и мировая, чтобы пробудить все силы человека» [2, с. 81], развернулось в образе Герники М. Кольцова и П. Пикассо.

Дневниковый текст Винниченко примечателен тем, что формирует новый художественный синтез слова и телесности, естественно пересекающихся в осмыслении феномена травмы. Упор на эмоционально-аффектную мощь слова, но не литературного, а обычного, заимствованного из «подслушанной» писателем разгово-

ной речи, уплотняется в тексте смыслами «изуродованных слов» (по В. Шкловскому) под действием травмы толпы, переходящей в панику, искажающую лица: «...індивід з товстою, якоюсь погнутою як залізо пикою, з здоровенним ротом, в якомусь драному картузі, бо-сий і брудний надзвичайно... Він одповів мені... коротко, злісно і рішуче... Убили чотирьох запасних, сукини сини! Арештантюги!» [3, с. 71]. Но большую выразительность в воспроизведении происходящего придает акцент на телесности как языке описания реальности с привнесенностью состояния аффекта. Толпа в панике утрачивает ощущение пространства, убегая неизвестно от кого и в никуда: «...хвилювання було зовсім безпричинне: нічого ніде не сталося такого, що треба було тікати. Мабуть десь хтось голосно крикнув, або побіг чого-небудь, і тривожний, нервовий, насичений уже зарані паникою настроїв всіх, хто чув той крик, вибухнув моментально, передаючись як електрика, від одного до одного. І який повинен був бути той настроїв, щоб погнати без усякої причини цілу юрбу народу по вулицях» [3, с. 73]. У бегущих не различается «внутреннее» и «внешнее», нет признаков чувственности и, следовательно, утрачивается связь с миром. Состояние аффекта, страха, шока, паники от еще не до конца осознанной травмы, искажает лица, размывает очертания человеческой целостности, воссоздавая лишь телесные формообразования – плечи, руки, глаза, рты – бесплотные, лишённые качеств, интерпретирующих человеческую натуру. И все же, происходящее в тексте Винниченко поддается определению в контексте современных истолкований феномена травмы, а именно: «Травма – это не просто патология, но способ или попытка выражения истины» [7, с. 561]. Ее постижение в качестве коллективного опыта стремительное, ограниченное событиями одного, второго дня Первой мировой. Винниченко представил его вертикальный срез: от зарисовок волнений, фиксирующих первые сегменты травматического опыта, до воссоздания шока, аффекта, паники толпы как коллективных эмоциональных состояний. Обозначено и пространство – урбанистическое, – в котором травма войны воспринимается как совместно переживаемая. Я как Другой невольно захвачен этим ритмом города, который продуцирует необходимость динамично постичь смысл событий, иметь о них правильное понятие. Для этого необходимо было «остановить» время событий, чтобы пережить их как прошедшее, как «историческое время». В связи с этим возникает хронологическая загадка относительно записей. Если стиль записей о событиях дня предположительно 2 августа свидетельствует, что они сделаны в тот же день,

то записи о вечерних событиях, вероятно, были сделаны в последующие дни и представлены как глубоко пережитые и воспринятые Я/Другим как травма, которая структурирует все последующие записи: «І весь той день аж до вечора настрій той не зникав. Скрізь збирались купки народу й неголосно, з таємничо-тривожними виразами говорили про *вбивство, бунт, мобілізацію, війну*. І скрізь на ці купки налітали околородні та поліцаї, теж нервові, напружені й насичені від штиблетів до своїх формених картузів тою самою панікою, тільки з другого полюса. І очі їх були витріщені, повної напруженої рішучості й готовності битися до кінця» [3, с. 73] (выделено нами – В. Н.). Незначительная по объему, но весомая по смыслу запись о втором дне войны имеет важное значение в дневнике, поскольку в ней Винниченко выстроил по возрастающей причины «исторической травмы». В последующих записях черносотенные погромы, бунты вытеснены из текста авторским переживанием коллективной исторической травмы, запечатленной в сценах мобилизации в Екатеринославе. Тому предшествует запись Винниченко-политика: «...була знов маніфестація і молебень. Молилися за те, щоб Бог поміг добре вбивати. І знов заповідь “Не убий” **одсувається перед тим, що вважається більш потрібним у даний момент**. А хай хтось спробує возстати проти святості й абсолютності цієї заповіді, – на нього накинуться, як на злочинця» [3, с. 74]. Это далеко не обычная дневниковая запись. Это – иронический пассаж, рассчитанный на интеллигентного читателя. В нем сопряжены смыслы сократовской иронии, выразившейся в позиции Я «как будто» непонимания того, что искажается смысл христианской заповеди и кьеркегоровской экзистенциальной, из которой следует потребность и необходимость мыслить, основываясь на подлинном существовании, жить согласно абсолюту, следовательно, быть преданным христианской истине. При этом Кьеркегор указывал на то, что такая позиция всегда приводит к мученической смерти [11]. Вероятно, студирова мысль философа, Винниченко преломляет ее к событиям начала войны, выводя один из важнейших сегментов этического содержания исторической травмы, – попрание христианских заповедей. Отчаянные попытки тому сопротивляться свидетельствуют о том, как травма становится новым опытом жизни.

Следующая за этими философскими размышлениями запись развивает высказанное, но начало ее провокативно публицистическое, изменяющее ракурс видения событий – через оптику натурализма. Это тщательно документированное, детальное описание событий – «молебні й маніфестації... з флагами и портретом царя...»,

«еврейського общества» [3, с. 74], еще одной толпы, травматическое состояние которой выразилось уже не в панике, но все-таки истерическом желании показать свой патриотизм: «Жалько, тяжко і боляче було дивитись на нервову, запальну старанність, з якою одні люди виявляли свій патріотизм» [3, с. 74]. Особенную значимость в описании обретают элементы натуралистической поэтики – пространственно-временной герметизм в сочетании с физиологизмом: «Я бачив їх аж увечері; вони нізащо не хотіли розійтися і випустити з рук дорогих флагів; вони всі похрипли; їх крик **“ура” був похожий на крик чоловіка, якого душать за горло і який у цей час кричить: “Караул!”** Вони обійшли всі церкви й вулиці, вони всьому городові показали вже, які з них патріоти; вони не присіли ні на годину і на лицях їхніх зашкарубла змішана з потом пілюка. Але вони все ж таки бігли по найвидніших місцях, кричали **“Геть Австрію і Германію!”** І хитались, як ранені, під вагою дорогих флагів» [3, с. 74].

Следующая за «патриотической» с подтекстом травмы как животного крика екатеринославская запись не датирована, что можно рассматривать как прием создания травмированного мира, подчиненного не столько хронологическому воспроизведению как таковому, сколько этапам травмирования общества: от отдельных его сегментов, функционирующих на уровне коллективного бессознательного, до тотального охвата сознания, чувств, меняющих нормы и модели человеческого поведения. Этот момент обозначен в тексте дневника весьма своеобразно: «Я іду далі. Але скрізь такі самі групи, скрізь те саме. Я ніде не бачу ні одного натхненного, піднятого високим чуттям одваги й патріотизму обличчя. Найбільше це байдужі, стомлені лица» [3, с. 77]. Запись имеет как реальную основу – очередной приезд в город, – так и символический смысл – завершение патриотически-травматического взрыва сознания. Аффект, шок уступают место подавленности, усталости, безразличию, безнадежному отчаянию, боли и муке как формам проявления травматического состояния. Чтобы ощутить и пережить такой объем травматичности в одночасье и вместе с тем увидеть различие между травмированными субъектами, автору необходимо было увидеть эпицентр травмы, т. е. вокзал, с которого отправлялись составы с мобилизованными, в их телесной нерасчлененности с родными – женами, детьми, их провожающими. Для этого Винниченко активизирует новый ракурс видения художника, в том числе и портретиста начала XX века с приоритетностью «воображаемых переживаний», маркирующих «всецелую или единую деятельность» [8, с. 141], т. е. и массы, и творческой личности, что ха-

рактально для экфрастического описания восприятия событий на вокзале на основе эстетического воображения/переживания В. Винниченко. Его присутствие на вокзале, пристальный взгляд отмечает: «Все обліплєно людьми; на двох мостах через залізничні путі *кишать тісно зліплєні тіла, як якась темносіра маса*. Вітер сильно тріпає хустки, шарфи й подоли спідниць. Публіку на перон не пускають і щільно забивають всякі проходи, але вона, як вода, просочується, хто його знає звідки і бурлить на пероні» [3, с. 74–75] (выделено нами – В. Н.). По сути, это «воображаемая картина», созданная на основе импрессионистической эстетики – «видеть, чувствовать, выражать». В ней нет явных примет войны. Автор ограничивает в ней (картине) свое присутствие – не комментирует и не анализирует, он только делится своими впечатлениями, не обозначая себя. Тем не менее представленная картина контрастна, поскольку в ней есть мотив ветра как элемент композиции, характеризующий своеобразие ее движения, как бы задающий ее ритм и претендующий быть «руководящим мотивом». Но в контексте всей «воображаемой картины» «вокзальной» записи в целом ему отведена роль лишь вводного мотива со значением второстепенности, словно подтверждающей закономерность не только эстетики импрессионизма как двуединства («единство внешнего и внутреннего, объективного и субъективного»), в котором «субъективное занимает позиции предпочтительные – отсюда и сам принцип “впечатления”». Но не менее значимым является закономерность прорыва его (импрессионизма) в синтез художественно-эстетических поисков писателя/художника. Есть убедительное доказательство, подтверждающее то, что «впечатление всегда направлено, всегда исходит от чего-то, извне». А поскольку «точной дозировки составных частей двуединства нет...», то «равновесие может быть нарушено» [1, с. 67]. При всей реальности происходящего наложение травматических и культурно-исторических страт настолько плотное, что не поддается обыденному осмыслению, что его предпочтительнее было обозначить и осмыслить художественно зашифрованным, следовательно, более узнаваемой действительности (по К. Ясперсу). Только в «воображаемой картине» вокзала Винниченко раскрываются одновременно причины и следствия травмы войны. Impressionne нарушается естественным вторжением в него натуралистической поэтики, как бы изменяющей витальный ритм, заданный порывом-мотивом ветра, созданием портретных зарисовок «физиологического» человека, который под давлением травмы войны оборвал свое бытие в статусе человеческой личности. До-

минирующий физиологизм вытолкнул его за пределы социальной сферы в биосферу, которая, как известно, управляет толпой (но уже не народом!). Увиденные вокзальные сцены, их воссоздание в записях/зарисовках предполагали необходимость формирования особенного топоэксфрасисного синтеза на основе эстетики импрессионизма и натурализма, что в записях/«картинных зарисовках» Винниченко обрело черты «импрессионистического натурализма» (отчетливо проявившего себя в австро-немецкой литературе этого периода). С этих позиций Винниченко создает вербально-визуальную многофигурную композицию с сюжетом «Екатеринослав и война», дифференцируя екатеринославский мир от силы травмированности: «По пероні бігають кондуктори, залізно дорожня адміністрація, перескакують через рейли запасні і дряпаються у свої вагони; гудки, свистки, безперестанний шаркіт ніг на пероні, часом вибух гіркого плачу» [3, с. 75]. Пространство вокзала, казалось бы, плотное, непроницаемое, но «публіка» «просочується» «як вода», а отсюда восприятие его (вокзала) как феномена «все – жизнь», по Шелеру – универсальной жизненной движущей силы, сохраненной даже травмированным сознанием инстинктивно, в хрупкой форме, к тому же, зыбко балансирующей с акцентами на биологичности существования и мобилизованных на фронт, и покинутых семей. Пока это «публика», еще не толпа, в которой выделяются лица с разными проявлениями травмы, прежде всего подавленности. Сужение мира до пространства перрона подавляет малейшие признаки проявления состояния «все – жизнь», активизируя биологические функции в зарисовке этапной роты: «Вона навіть не одягнена в солдатську одіж і через те враження від набитих у клітку людей ще тяжче. Обличчя серйозні і майже не видно посмішок» [3, с. 75]. Одним из наиболее примечательных аспектов воссоздания вокзального хаоса является то, что писатель/живописец видит в нем лица, создавая портреты с психологическим изображением, интерпретируемых сквозь призму и своих переживаний, лиц с печатью травмы: «У дверях вагона стоїть бородатий, рум'яний, череватий чоловік у хороших чоботях... Борода гарно розчесана, широке лице свіже, одгодоване, очі закриті товстими жоками – це, мабуть, якийсь підрядчик або трактирщик. Він чогось дуже червоний. Невеличкі очі його неодривно дивляться на перон..., на групу жінок, ... він навіть здається байдужим до всього. Але от поїзд рушає... Закрившись рукою, він плаче» [3, с. 75]. Привлекает внимание и «молодий парубок. Він голови не схиляє, тільки одвертається од перону і дуже притуляє одну руку до очей» [3, с. 75], портрет «по-

мічника начальника станції» – «худорлявий, високий чиновник з гострою борідкою», по велению злых сил вынужден был покинуть свой уютный кабинет, который *как бы*⁷ ограждал от возможных травм войны. Нет упоминания и о его мундире, свидетельствующем о социальной принадлежности, всегда защищавшем гоголевских и чеховских чиновников. Его портретная характеристика изначально воспринимается как бы случайно, как и многие из предыдущих «портретов» героев, выхваченных взглядом из вокзальной толпы, остается приметами прошлой жизни, довоенной. Казалось бы, именно эта грань разъединяет социум – одни едут на войну, другие – сохраняют свой прежний статус. Но общее переживание травмы не только нивелирует размежевание, но придает особенную остроту травматическим ощущениям: «Він стоїть непорушно і дивиться в одну точку перед собою, ніби його тут поставили для розстрілу і він понуро, весь завмерши, жде кінця» [3, с. 75]. Такое проявление оголенности травмы притягивает взгляд писателя/художника, визуализируя/вербализируя образ ощущения боли, но не физической, а как общего социального аффекта, той, которая, по справедливому замечанию Е. Петровской, «не подлежит символизации. Все, что она способна оставить, – это трудноразличимый косвенный след в текстах-свидетельствах, присутствие которого можно ощутить, но невозможно удостоверить. Боль – последний антропологический рубеж человеческого» [14].

В плотности хаоса вокзального мира Автор дневника находит для себя место: «Я спираюсь об залізний стовп і стою». В незначительной по объему фразе, в изображении Я как Другого выразимо ощущима отрешенность от живописно-портретного изображения с очевидным переходом к скульптурному: словно бы только что это была объемная масса, превращенная в оформленный материал, отсылающая к античности, когда изваяние имело опору из дерева, тем самым подчеркивая природность его происхождения. Скульптурное состояние Я/Другого индивидуализируется личностью художника, тонко чувствующего стиль эпохи *military*. Отсюда дантовское и вместе с тем экспрессионистически-экфрасисное наложение «железных» образов, мотивов – столб, рельсы, поезд, воспринимающихся, как и весь перрон, словно врата в ад. В этом контексте историческая травма обретает физиологические формы: «Повз мене хисткою ходою ідуть жін-

⁷ В представленном анализе дневникового текста «*как бы*» употребляет не с обыденным смыслом, а как философское понятие, предполагающее значение фикции.

ки, дівчата і діти. У всіх повіки червоні, як вивернуті, і чогось переважно закривають хустками роти, мабуть, для того, щоб сховати гримасу одчаю й муки, та все ж таки дивитись у слід червоній тупій стіні останнього вагона, що помалу котиться від станції кудись» [3, с. 75]. Ключевыми словами, определяющими для этого «момента жизни» является не только «гримаса одчаю й муки», но и вагон как «червона тупа стіна», разделяющая травмированный мир на тех, кто отправляется на верную смерть и остающихся с болью и страданием. Воплощение страстей, убивающих душу и тело от полученной травмы войны, впечатляет силой экфрастического взгляда, живописующие смыслы которого решены на основе сегментов экспрессионистической эстетики, сочетающихся с натурализмом. На такой синтез указывал В. Топоров, отмечая то, что натурализм, как и другие течения, «вобрал в себя экспрессионизм..., создал новый тип художественного мышления» (господствующий с 1911 по 1921 г.), мастера искусств которого «в целом» (а не только поэты) «предугадывали, свидетельствовали и оплакивали время ломки, сдвига, взрыва, время роковых, кровавых и необратимых перемен» [18, с. 6–7], т. е. качества, которые, по сути, олицетворяли и историческую травму как следствие Первой мировой. В. Винниченко впитывал новые тенденции, адекватные его умонастроениям и эстетическим воззрениям. В дневниковой записи ситуация на перроне прописана с экспрессионистической позиции – деформированного восприятия мира, где «вагон» воспринимается как «стена» – символ хаоса и войны, травмирующая разум и душу, а ее безумие обозначено агрессивной насыщенностью красного цвета вагона-стены и того же красного цвета женских век («повіки червоні»), но с натуралистической наполненностью, поскольку у него иная смысловая нагрузка – выражение душевной травмы. Поэтому в тексте В. Винниченко они контрастируют.

Эстетическая организация сцены прощания на вокзале подчинена идее раскрытия предельной грани травматичности. Некоторая пассивность импрессионистического «впечатления» в записи Винниченко не столько вытесняется, сколько противопоставляется мощи экспрессионистического чувствования, активизированности взгляда, обнажающего глубины травмы, поскольку «ни один “изм” XX в. не был так тесно переплетен с личными и общественными конфликтами своего времени, как экспрессионизм, ни один из них не пытался углубиться в самую суть противоречий, с тем чтобы их преодолеть» [15, с. 24]. Апогей травматического состояния не только описан, живописно изображен, но в большей степени «озвучен»: «На пероні спо-

чатку *тихо чується виття*, далі воно стає дужчим, голоснішим і *переривається зойком*. Це ніби знак для всіх жінок; вони, немов *обнявшись плачем, зливаються в один хор ридання і зойків*» [3, с. 75]; «... тут не личить виявляти свого горя; воно виривається саме, не слухаючись не криків “ура”, ні героїства, яке повинно в такий мент у громадян. Тут *виють і плачуть* так широко, як широко *плачуть і виють звірі*» [3, с. 76]. Пределом человеческого выражения травмы мира есть «вой», изначально тихий, переходящий в плач, рыдания и в конечном итоге – звериный вой (выделено нами – В.Н.). В мастерски «озвученной» вербальной картине В. Винниченко очевидна соотнесенность с известной картиной Эдварда Мунка «Крик» (1893) с изображением фигуры мужчины с блуждающим взглядом, сжимающего голову руками, из открытого рта которого вырывается крик. Он воображаемый, поэтому обозначен концентрическими кругами, заполняющими мир, озаренный языками пламени. Безусловно, «крик Мунка», которому, по определению самого художника, «нет конца», во многом предвосхитил экспрессионистические поиски Винниченко, реализованные в августе 1914 г. в создании воображаемой единой сюжетной линии – от образа крика, страха и отчаяния горожан до образного воплощения уже не человеческого, а зооморфного воя, не только олицетворяющего, но и озвучивающего силу коллективной травмы войны в образе толпы, представленной «обнявшейся плачем».

Все последующие екатеринославские записи в чем-то повторяют, а в основном, дополняют, развивают травматическую картину мира на основе сформированных дневниково-эстетических подходов. В записи от 22 августа отмечено: «Одно з характеристичних явищ війни – страх. Не тільки страх смерті від куль, штиків і т. п., а взагалі страх людей, друзів, знайомих, навіть родичів» [3, с. 88]. В состоянии страха состоялась встреча с городом, пережит миг идиллии от созерцания картины Днепра – все осталось в памяти, разделяя мир на «до» и «после», что было тоже одним из проявлений травмы, пережитой писателем. В дальнейшем в травматический водоворот втягиваются его наполненные драматизмом размышления о будущем Украины, судьбах мира. В. Винниченко был одним из тех писателей, кто осознал, что травматическое состояние общества не завершится с Первой мировой и будет иметь трагическое развитие. Тем не менее, феномен травмы осмысливался и раскрывался политиком/писателем/художником не как патологическое состояние человека и общества, а закономерная, естественная на нее реакция, в которой всегда есть зазор для активизации витальных сил.

Библиографические ссылки

1. *Андреев Л. Г.* Импрессионизм = Impressionnisme : Видеть. Чувствовать. Выражать / Л. Г. Андреев. – М. : Гелеос, 2005. – 320 с.
2. *Бердяев Н.* О дремлющих силах человека (к психологии войны) / Н. Бердяев // Футуризм на войне. – М. : Канон, 2004. – 384 с.
3. *Винниченко В.* Щоденник. Том перший. 1911–1920 / В. Винниченко. – Едмонтон – Нью-Йорк : Вид. Канад. ін.-ту Укр. студій і Комісії УВАН у США для вивчення і публікації спадщини Володимира Винниченка, 1980. – 500 с.
4. *Волкова П.* Мост через бездну. Кн. 2 / П. Волкова. – М. : ЗебраЕ, 2014. – 224 с.
5. *Исупов К. Г.* Русская эстетика истории / К. Г. Исупов. – СПб. : Рус. Христиан. гуманит. ин-т, 1992. – 155 с.
6. *Калинин И.* Историчность травматического опыта: рутина, революция, репрезентация / И. Калинин // Новое литературное обозрение. – № 124 (6). – 2013. – С. 18–34.
7. *Карут К.* Травма, время и история / К. Карут // Травма: пункты. – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – С. 561–581.
8. *Коллингвуд Р. Дж.* Принципы искусства / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 328 с.
9. *Кольцов М.* Испанский дневник / М. Кольцов // Избранные произведения. – Т. 3. – М. : Гос. изд-во худ. л-ры, 1957. – 568 с.
10. *Костюк Г.* Записники Володимира Винниченка / Г. Костюк // Винниченко В. Щоденник. Том перший. 1911–1920. – Едмонтон – Нью-Йорк : Видання Канад. ін.-ту Укр. студій і Комісії УВАН у США для вивчення і публікації спадщини Володимира Винниченка, 1980. – С. 5–23.
11. *Кьеркегор С.* О понятии иронии [Электронный ресурс] / С. О. Кьеркегор. – Режим доступа: http://www.histphil.ru/biblio/docs/kerkegor-o_poniatii_ironii.pdf.
12. *Лосский Н. О.* Интуитивная философия Бергсона / Н. О. Лосский. – М. : Книга по требованию, 2013. – 120 с.
13. *Пастернак Б. Л.* Охранная грамота / Б. Л. Пастернак // Воздушные пути: проза разных лет. – М. : Советский писатель, 1982. – 493 с.
14. *Петровская Е.* Боль повседневности [Электронный ресурс] / Е. Петровская – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3197>.
15. *Ришар Л.* Экспрессионизм как художественное направление / Лионель Ришар // Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. – М. : Республика, 2003. – С. 5–24.
16. *Толмачев В. М.* Война и культура, культура войны? / В. М. Толмачев // Литература и война: век двадцатый. Сборник статей к 90-летию Л. Г. Андреева. – М. : МАКС Пресс, 2013. – С. 5–7.
17. *Топоров В.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять» преимущественно в специа-

лизированных текстах / В. Н. Топоров // Концепт движения в языке и культуре. – М. : Индрик, 1996. – С. 7–88.

18. Топоров В. Н. Поэзия эпохи перемен / В. Н. Топоров // Сумерки человечества. Лирика немецкого экспрессионизма. – М. : Московский рабочий, 1990. – С. 5–16.

19. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия [Электронный ресурс] / З. Фрейд. – Режим доступа: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/sigmund-freud-bpp-1.php>.

20. Штомпка П. Социальное изменение как травма / Петр Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

Надійшла до редколегії 20.10.2014

УДК 821.161 – Семенов. 09

Д. А. Голубь

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ: ЛЕЙТМОТИВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В «ШТИРЛИЦИАНЕ» Ю. СЕМЕНОВА

Проаналізовано романи «штірліціани» («Іспанський варіант», «Альтернатива», «Сімнадцять миттєвостей весни»), у яких представлена конспірологічна проблематика: змови, що поєднують причини Першої та Другої світових війн, що осмислюється як ключовий лейтмотив, у основі якого, імовірно, закладена думка М. Бердяєва про «духовне продовження» Першої світової. Особлива увага зосереджена на аналізі конспірологічного, поетологічного прийомів Ю. Семенова – «інформація для роздумів», белетризація документів і фактів. Лейтмотив від війни до війни розглядається у зв'язку з роллю Гітлера, Герінга, Канаріса, образи яких створені в аспекті кіноекспресіоністичної поетики.

Ключові слова: «штірліціана», Перша світова війна, Друга світова війна, лейтмотив, змова, белетризація документів, художній прийом «інформація для роздумів», поетологія німецького експресіонізму.

Анализируются романы «штирлицяны» («Испанский вариант», «Альтернатива», «Семнадцать мгновений весны»), в которых представлена конспирологическая проблематика: заговора, объединяющего причины Первой и Второй мировых войн, что осмысливается как ключевой лейтмотив, в основе которого, предположительно, заложена мысль Н. Бердяева о «ду-

ховном продолжении» Первой мировой. Особое внимание сосредоточено на анализе конспирологического, поэтологического приемов Ю. Семенова – «информации к размышлению», беллетризации документов и фактов. Leitmotiv от войны до войны рассматривается в связи с ролью Гитлера, Геринга, Канариса, образы которых созданы в аспекте киноэкспрессионистической поэтики.

Ключевые слова: «штирлицiana», Первая мировая война, Вторая мировая война, лейтмотив, заговор, беллетризация документов, художественный прием «информация к размышлению», поэтология немецкого экспрессионизма.

Analysiert werden die Romane des Stierlitz-Zyklus («Spanische Variante», «Die Alternative», Siebzehn Augenblicke des Frühlings»), die eine konspirologische Problematik enthalten: Vor allem ist es die Verschwörung als Ursache des Ersten und des Zweiten Weltkrieges, die zugleich als Schlüsselwort und Leitmotiv begriffen wird und mutmaßlich auf N. Berdjajevs Gedanken von der «geistlichen Fortführung» des Ersten Weltkrieges aufbaut. Besonderes Augenmerk des Autors gilt der Analyse der konspirologischen und poetologischen Handgriffe Ju. Semjonovs wie etwa «Information zum Nachdenken» und belletristischen Verarbeitung von Dokumenten und Fakten. Das Leitmotiv von Krieg zu Krieg wird im Zusammenhang mit der Rolle von Hitler, Göring, Canaris behandelt, deren Charaktere in der Tradition der expressionistischen filmischen Darstellungspoetik gestaltet worden sind.

Schlüsselwörter: Romane des Stierlitz-Zyklus, Erster Weltkrieg, Zweiter Weltkrieg, Leitmotiv, Verschwörung, belletristische Verarbeitung von Dokumenten, künstlerischer Handgriff.

The article represents the analysis of Yu. Semyonov's novels from the cycle «Political chronicles» («schtirlitziana») such as «Spanish variant», «Alternative», «Seventeen moments of spring» in the aspect of their key leitmotif formation, i.e. World War I instigating the beginning of World War II on the basis of philosophical interpretation of the essence of the bygone aftermath having its «spiritual continuation» (N. Berdyaev). The diversity of philosopher's thought unfolds in the system of novel motives united by the fate of the main hero Isaev-Schtirlitz whose activities are aimed at uncovering the chain of conspiracy tracing back to World War I. The novel «Spanish variant» reveals the conspiratorial essence of the war in Spain as a theatre where the strategies of World War II were developed with their retrospect and historical figures from the previous war. The writer produces a certain image of complot and its key figures in the person of Hitler, Herring being introduced through their soldierly lance-corporal past, and Kanaris as a Chief of Intelligence and Investigation during World War I. The Versailles Treaty motif is regarded in the analysis of starting point aspect in the formation of Nazi ideology, development and formulation of the old/new complot against the world.

Materials about the complot are artistically implemented through the kind of poetological device as «thought-provoking information» and also its novelization in the text of novels. The image of Hitler and his encirclement (Kanaris, Herring)

are presented in «schtiriltiziana» on the wave of the rapidly developing idea of revenge for German defeat. They are introduced in «Spanish variant» with the help of the motif including the content vision of German expressionism applying to the concept of «Weltanschauung» («state of the world»). The conspirators are not depicted as portraits but defined associatively while applying an expressionist cinema device called «revived image», more specifically portrait photographs of World War I and 1930s. As envisioned by the writer they are presented immaterially gaining the artistic existence only by their verbal behavior in the sense of «the universal evil».

The motif of moving from war to war is implemented with the expressionistic pumping of different tints of brown on the imaginary map of Europe (novel «Alternetive»), cultivating an image of military transformation of the European area which includes the traumatic aftermath of World War I.

The depth and consistency of the motif of complot synchronism is achieved with the help of «vocalization» emerging as a result of association with the genuine musical expressionism manifested in anthem representations, march rhythm with the recreation of associative atmosphere of a total scream and extreme exertion, echoed by the sounding of Hitler and his encirclement's «voices».

The analysis of «schtiriltiziana» denotes the fact that the genre teetering on the brink of political chronicle and conspiracy detective novel appears as a total semi-novelized information field associative links of which appear as a synthesis of historical and cultural memory keeping one of the most ominous enigma, i.e. conspiratorial connection between World War I and World War II implemented by the same key figures (from Hitler, Herring, Kanaris to Dulles), creating thereby a deep and protensive image of complot “from war to war”.

Keywords: «schtiriltiziana», World War I, World War II, leitmotif, complot, novelization of documents, artistic device «thought-provoking information», poeology of German expressionism.

Столетие со дня начала Первой мировой войны активизировало научную мысль вокруг вопросов глубокого осмысления ее причин, истоков, очагов преступлений и жертв, последствий, ощущаемых вплоть до начала Второй мировой. В обновившемся научном контексте особую значимость обретают размышления Н. Бердяева о войне, которую он воспринимал амбивалентно: «страшное зло, но не только зло, она двойственна, как и многое на свете» [3, с. 11]. Русский философ объясняет это тем, что «война вызывает чувства столь противоречивые, что почти невозможно привести их к согласию. Мучительное переживание ужасов войны, подавленность смертью, страданием и разрушением, которые она несет в мир, сменяется гордым сознанием беспредельности сил человека, героизма человеческой природы, лишь прикрытого толстым пластом слишком мирной жизни, но никогда не умирающего. Ленив человек, и огромные духовные силы его дремлют. Нужны великие потрясения, катастрофа, личная и

мировая, чтобы пробудить все силы человека» [3, с. 40]. Именно поэтому Н. Бердяев рассматривал Первую мировую не только как катастрофу. По его убеждению, «война есть духовное событие, духовная борьба, прежде всего духовная, а потом уже материальная» [3, с. 81]. В этом утверждении исходным представляется толкование духа в аспекте немецкой философской мысли как такого, имеющего свои закономерности, которые нельзя ни объяснить, ни понять с позиции психологии; дух автономен и не имеет познавательных границ, а трансинтеллигибельная граница лишь «оставляет каждому личному духу другую сферу для его развития» [7, с. 146]. Предположительно, именно эти философские предпосылки продуцировали мысль Н. Бердяева не только о духовном подъеме человеческой общности как о явлении «всемирно-историческом», визуализирующем духовный смысл войны, но обладающим казуальностью, с акцентом на содержании «rost hos» («после этого»), но не как временного явления: «человека ждет не спокойная и мирная жизнь, а какое-то иное, духовное продолжение мировой войны» [3, с. 44]. И хотя некоторые исследователи, комментируя это высказывание Н. Бердяева, отмечают: «Все это звучит страшно ...», соотнося его с некими «утопистскими идеями» [5, с. 91], необходимо учитывать, что эта мысль является слагаемым философского обоснования футуризма и только в этом контексте обретает истинный смысл, в особенности в вопросе о переходе футуризма как искусства в жизнь, дающего «более грандиозные результаты, чем в искусстве» [2, с. 22]. Именно такой ракурс открывает возможность для эстетического вчувствования, т. е. перенесении мыслей и чувств на само явление, как будто это его внутренняя особенность. **Война стала травматическим опытом для европейцев**, предполагающего необходимость более глубокого осмысления в художественно-эстетическом аспекте. «Как ни смотреть на XX век как на культурный феномен, как ни трактовать его границы, идейное и артистическое содержание, везде война будет напоминать в нем о себе», – отметил известный литературовед В. Толмачев [14, с. 5]. Участники той войны, получившие определение «потерянного поколения», смогли раскрыть талантливо и впечатляюще именно этот травматический результат Первой мировой, который стал лейтмотивом прозы Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка, Р. Олдингтона, Ф. С. Фитцджеральда, И. Шоу, О. Мандельштама, Ш. Андерсона, Дж. Дос Пассоса. Русская и украинская литература в сравнении с мировым опытом весьма ограничена в предоставлении произведений, затрагивающих тему Первой мировой (лишь в последнее время исследовате-

ли восполнили эти упущенности литературоведения). Поэтому так ценны и значимы художественные наработки современных писателей, в том числе и Ю. Семенова, писателя и ученого, непревзойденного мастера и популяризатора политического детектива, литературного отца легендарного разведчика Исаева-Штирлица в романах из цикла «Политические хроники», получивших название «штирлицяна», заслуживают особенного внимания и читателей, и критиков. По изначальному замыслу писателя литературная биография его героя исключала его принадлежность к «потерянному поколению», (хотя и предполагался быть его ровесником), поскольку «его»/автора «выбор» – служение Отечеству в широком историко-культурном понимании, без ограничения советскими смыслами. Это «выбор» унаследованный от отца – представителя русской интеллигенции, ее стиля жизни, предполагающей высокую, прежде всего, внутреннюю образованность, в меру корректно скрытую интеллектуальность носителей и хранителей высокой культуры. Это те качества, которые должны были способствовать революционному преобразованию мира, но, как известно, именно интеллигентность стала причиной того, что революция, по известной традиции, «пожирала своих детей», особенно в 1930-е г., что и сказалось на судьбах детей революционеров-интеллигентов, что Штирлиц всегда удерживал в памяти «укрытой такими большими снегами». Вопреки всему «базисные понятия» «интеллигентского дискурса» – «Духовность, Революционность, Космополитизм» [11] – были усвоены как традиция мировоззрения героем-разведчиком Ю. Семенова, воспринимаемая читателем как часть его духовной биографии. Автором и героем «штирлицяны» интеллигентность понималась еще и в исконном своем значении, т. е. как познавательная сила, посредством которой душа познает окружающий мир, его вещный смысл, то, что жило в сознании поколений со времен Цицерона. Эти интеллигентские контексты и стали художественным обоснованием судьбы Исаева-Штирлица – разведчика нового типа, интеллигента, интеллектуала, что давало возможность реализовать ему свои человеческие и профессиональные качества, разобраться в хитросплетениях мировой политики. Выполнение очередного задания Исаева-Штирлица активизировало его аналитическое мышление, способность с особой тщательностью анализировать происходящее, соединять исторический опыт с существующим положением вещей, пытаясь наиболее точно предугадать возможные линии развития тех или иных событий. Каждый роман цикла – «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «Пароль не ну-

жен», повесть «Нежность», «Испанский вариант», «Альтернатива», «Третья карта», «Майор Вихрь», «Семнадцать мгновений весны», «Приказано выжить», «Экспансия – I», «Экспансия – II», «Экспансия – III», «Отчаяние», «Бомба для председателя», характеризуется культурно-исторической наполненностью – событиями, документами, фактами, судьбами политических деятелей и т. д. Их присутствие в романах, обозначенное преимущественно своеобразным художественным приемом «информация к размышлению», представленной как открытия и находки автора, «отданные» своему герою, реализовались писателем в мотивах сюжета, в аналитических с оттенком обыденности раздумьях разведчика, по-своему привлекающих приемом о самом таинственном говорить тихо, про себя, иногда с ворчанием в адрес Центра, (становясь «брюзгой»), а то и с нотками сочувствия к своей судьбе быть убитым своими же за миг до окончания войны; а в легендарном телефильме «Семнадцать мгновений весны» многие тайны открывал «Голос» актера Е. Копеляна, не пафосный, а разговорный (более характерный для документалистики 1970-х), а потому вызывающий доверие, поскольку давал ощущение приближения к истине.

К таким экскурсам относятся и события Первой мировой войны, не как таковые (фронты, сражения, победы, поражения, кровопролития, страдания фронта, тыла и т.д.), а как документы, в которых представлена «закрытая» для массового сознания информация о тайных договоренностях, граничащих с заговором, скрытых пружинах военной политики, личностных взаимоотношениях между лидерами стран-союзников и противников, дипломатические игры и пр. Строго дозированная публикация таких документов не только подтверждала наличие сил и в наше время, заинтересованных в сохранении тайн, но и поисков их адекватного истолкования. Ни один из романов «Политических хроник» Ю. Семенова не посвящен непосредственно теме Первой мировой войны, но художественно-проблемное ее осмысление выстраивается в определенном порядке, связывая их воедино не только судьбой разведчика/шпиона, но и линией войны. При этом Ю. Семенов один из немногих писателей, кто сосредоточился на внутреннем смысле движения *от войны до войны*.

Весьма интересным представляется аспект ее художественно-воплощения – детективного. Как интеллектуал, свободно ориентирующихся в мировых тенденциях развития детективной прозы, Ю. Семенов тонко ощущал формирование новых эстетических запросов массового читателя, постепенно теряющего интерес к сугубо

шпионскому детективу, герой которого, «являясь продолжателем линии черного детектива, проявляет физическую силу, являясь отрицательным персонажем для той социополитической группы, для которой работает» [1, с. 73]. Ко времени была востребованность конспирологического детектива как «репрезентации идеи заговора в контексте детектива» [1, с. 31]. Литературное обживание мировых детективных новаций реализовалось у Ю. Семенова в текстообразование, в котором сопряжены жанровые особенности как шпионского, так и конспирологического детектива, обозначенных писателем «Политические хроники». От романа к роману писатель словно идет «по следу» публикуемых документов или, как отмечал в своих записях сам писатель, «просто шел по канве исторических событий» [11, с. 159]. И хотя эта запись касалась непосредственно создания сюжета романа «Пароль не нужен», который по признанию автора он «не выдумывал», но, по сути, беллетризировал исторические документы, что с течением времени обрело статус выразительного художественного приема в поэтологии Ю. Семенова. По его признанию, «когда детектив базируется на факте, на скрупулезном изучении эпохи, предмета, конкретики, именно тогда появляются «Тихий американец», «Наш человек в Гаване», «В одном немецком городке», «Сожженная карта». Я убежден, что чем дальше, тем больше детективов будет переходить в жанр документальной прозы, – этим прочно утвердит свое место в «серьезной» литературе» [11, с. 159]. Значительный вклад в этот процесс внес Ю. Семенов, качественно обновив жанровую детективную специфику, что дало основания говорить о его романистике как о «высокой» массовой литературе, дополним, конспирологической [11, с. 186]. Она отличается в детективной среде своей сюжетной увлекательностью в единстве с оригинальностью образных решений¹. Тем интересней проследить беллетризацию фактов, исторических документов в сопряженности с общей тенденцией семеновской художественности как весьма сложного сочетания качеств, продуцирующих направленность к «созданию произведения как органического единства (соответствия, гармонии) формы и содержания» [10, с. 1178]. При этом Ю. Семенов, вводя в романы факты и

¹ Прим.: В романе «Семнадцать мгновений весны» конспирологический сюжет вытесняет шпионский – ни зрителя, ни читателя изначально не интересуют ни связи Штирлица с Центром, ни судьбы его радистов. Даже сюжетная линия радистки Кэт (Кати Козловой), спасение ее и детей обретает особый смысл в контексте раскрытого Штирлицем заговора – в сопряженности судеб детей – русских разведчиков и немецкого солдата.

документы, склонен к гегелевскому приему сохранения «видимости случайности» исторического характера, обозначенного «непринужденным, непредвзятым сочленением элементов» [10, с. 1179]. Факты, документы представлены через детективный прием, именуемый «информацией к размышлению», создающий ретроспективный план романов, который в новых исторических условиях вызывает к жизни и новые смысловые оттенки события. Эти информации как бы теряют свою самодостаточность и воспринимаются только во взаимодействии с текстом как художественной целостностью. Такое «взаимодействие приема и материала» (по Б. Гаспарову) [4, с. 277] выходит за рамки сугубо «информации», постепенно обретая качества устойчивого мотива Первой мировой с очевидной художественной эволюцией от романа к роману, следовательно, уже лейтмотива.

Нарушая хронологию создания и публикации очередных томов «штирлицяны», Ю. Семенов лишь в третьем романе «Испанский вариант» вводит мотив Первой мировой, казалось бы, несколько неожиданно, в связи с началом войны в Испании. Штирлиц уже в чине штурмбанфюрера «закордонной разведки Гейдриха» был командирован в Испанию с заданием – «собрать по крупницам информацию для составления ясной картины взаимоотношений Франко и Гитлера, фалангистов и национал-социалистов» [12, с. 20]. Необходимость иметь такие сведения была обусловлена нарушением Гитлером Версальского договора и введением войск в Рейнскую область, той растерянностью от случившегося и возможного развития событий, которые переживал и мир, и Германия, поскольку Гитлер, «вкусив пьянящую сладость первой внешнеполитической победы, подкрепленной силой оружия, закусил удила» [12, с. 20]. Как разведчик в разведке – советский в немецкой, к тому же успешно и стремительно продвигающийся по служебной лестнице в имперском управлении безопасности, поближе к кабинету рейхсфюрера, следовательно, «от ощущения к знанию» [12, с. 20], Штирлиц получал из Москвы все более сложные задания: «Центр, получив его шифровку о командировке в Испанию, вменил ему в обязанность заниматься изучением фигуры сеньора Гулиермо» – под таким именем вместе с Франко работал начальник абвера рейха адмирал Канарис, руководивший агентурной цепью в Испании еще в годы Первой мировой войны» [12, с. 20]. Таким образом в сюжет романа об испанской войне, напластовывается осознание миром близкого начала Второй мировой, ее причин и ключевых фигур, которые брали на себя ответственность за новый военный передел мира, ввергающего его в катастрофиче-

ское состояние, тем самым засвидетельствовав появление милитаризованных индивидов, претендующих на то, чтобы быть новыми «богами жизни», вытесняя «богов духа» (по Шеллеру). Далее писатель художественно эксплицирует свою мысль введением в повествование о новых военных событиях исторических экспликат, выраженных сопряженностью времен в образе Гитлера-рейхканцлера, который видел свою цель в том, чтобы «снова завоевать политическое могущество» [12, с. 37]. В небольшой по объему, но емкой по смыслу фразе, слово «снова» объединяет времена; с одной стороны, возвращая к Первой мировой, к ефрейторскому бытию Гитлера, к амбициям, уязвленным наличием Версальского договора, борьба против которого воспринималась как первоочередная задача, с другой – явление в художественно-экстенсивном изложении его новой программы, направленной на переустройство мира сообразно своему курсу молодого национал-социалиста. При этом текст «политического романа» взрывается известными фразами Гитлера о целях на завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа якобы в виду его исключительности, а для этого людей, в особенности молодежь, нужно было закалить в борьбе, чему могло способствовать только «жесточайшее авторитарное государственное руководство», первой целью которого является «устранение раковой опухоли – демократии» [12, с. 37]. Тем самым Ю. Семенов продемонстрировал индивидуальный художественный синтез объективной и субъективной повествовательности. Едва ли не важнейшим ее слагаемым является авторское видение формирования нового, негуманистического европейского пространства на основе германской национал-социалистической идеологии, представленной в меморандуме Гитлера: «В задачи настоящего меморандума не входит предсказание того, когда нынешнее шаткое положение в Европе перейдет в открытый кризис. Я хочу лишь выразить в данных строках мое убеждение, что этого кризиса невозможно избежать, ибо он обязательно наступит, и что Германия обязана всеми силами и средствами обеспечить свое существование перед лицом этой катастрофы, защитить себя...» [12, с. 52]. Возлагая на себя миссию якобы по «спасению» Германии, Гитлер выдвинул «следующие задачи: 1) через четыре года мы должны иметь боеспособную армию, 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне» [12, с. 53]. Следовательно, сроки начала будущей войны уже определены. Меморандум Гитлера введен в текст романа не в качестве цитаты, а как один из мотивов сюжета, в котором последовательность событий, линейность времени и

цельность пространства не нарушается, а наполняется возвращением к историческому прошлому, историческим фигурам Первой мировой. Подготовка ко Второй мировой, переданная через меморандум, осознается в романе как неотвратимое событие, уже независимое от того, кто и как из персонажей, в том числе и автор, его видит, переживает, что об этом говорит. Но именно через исторические материалы, их сопряженность с новым временем Первая мировая становится темой «штирлицяны», пронизывая повествование фактами, именами, а в данном романе – предвещая новую войну. Осмысление движущих причин надвигающейся войны, рассматриваемое как продолжение Первой, представлено в реальных фактах, тем не менее требующих более глубокого художественного осмысления в романе. Именно поэтому писатель идет по пути глубокого проникновения в заговорщическую связь милитаристской политики Германии, формирование военных конфигураций совместно с Испанией, Италией, Японией против мира. Через восприятие Штирлица представлена в романе реализация меморандума, то, как воспринималась разведчиком-интеллектуалом набирающая силу военная мощь Германии, как крепла слепая вера нации в своего лидера, а его идея мирового господства уже не вызывала ни малейшего сомнения. Это ощущение воплощено в образе карты Европы, явленной в цветовой политической символике – насыщенности коричневого цвета: «Коричневое пятно Германии властвовало в Европе. Территории Польши, Чехословакии, Австрии, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции были заштрихованы резкими коричневыми линиями; Венгрия, Румыния и Болгария, как страны, присоединившиеся к «антикоминтерновскому пакту», были окрашены в светло-коричневые цвета. Резкие черно-коричневые пятна уродовали территории Албании и Греции – там вела войну Италия... Россия представлялась белым, бездорожным пространством с маленькой точкой посередине – Москвой» [12, с. 116]. Коричневое с разными оттенками пятно, расплазующееся по Европе, представляет собою нечто антропоморфное, ассоциирующееся с цветом рубашек штурмовиков германского рейха. Таким образом, нагнетание разных оттенков коричневого цвета имеет историко-культурный смысл, в результате чего воспринимается не как таковой, а в своей выразительно-смысловой функции. Воздействие коричневого цвета сопряжено с ассоциативными и эмоциональными факторами восприятия его как политического символа. Словесная карта Европы представлена своеобразной многоплановой композицией, обусловленной повышенным интересом к цве-

ту, с его культурным восприятием пространства. Одно и то же цветочное коричневое пятно имеет разные символично-выразительные значения, которые зависят от глубины проникновения нацистских идей, создавая тем самым визуальный образ милитаристского преобразования европейского пространства, в чем-то воссоздавая трансформированный античный мотив «похищения Европы». В меморандуме Гитлера такая судьба предсказана, но со смещением акцентов исходящей угрозы: «густонаселенной Западной Европе (включая Германию) пришлось бы пережить в результате победы большевизма, пожалуй, самую страшную социальную катастрофу, какой никогда не переживало человечество со времени гибели античных государств» [12, с. 52 – 53].

В художественном осмыслении этого документа акценты смещаются на особенность конфигурации смыслов, меняющихся со временем, «предполагающего присутствие онтологического аспекта». Но если воображаемого предмета нет в действительности, в которой «пребывает воображающее его телесное существо», то предмет «пребывает в своей действительности, в ней происходит событие его существования и событие его восприятия, совершаемого созерцателем» [15, с. 42]. Так, воображаемая и вместе с тем реальная карта имеет в романе цветовой эквивалент, интуитивно продлевая германское экспрессионистическое колористическое движение, создателями и участниками которого были художники, воевавшие на фронтах Первой мировой, (Пауль Клее, Оскар Кокошка, Франц Марк (погиб в 1916 г. под Верденом), Макс Бекман и многие другие), следовательно, психологически травмированные, что нашло отражение уже в угасающих принципах экспрессионизма, в приглушенной колористике с преобладанием коричневого цвета, «крайне нервной, лихорадочной линии, представляющей собой плод чистой фантазии», как, например, у Пауля Клее [8, с. 81]. Композиция художника под названием «Абстракция: цветные круги, соединенные цветными лентами» (1914) передает его понимание языка цвета. Композиция выстроена на основе «цветовых масс» как открытия художника; различные оттенки и нюансы коричневого цвета, его насыщенность создают ритмически выразительную комбинацию. Круги, колористика, вкупе с ломаной линией соотносимы с воображаемой/реальной картой Европы с несколько деформирующим взглядом на нее и автора, и героя. Именно приглушенный колорит ее свидетельствует о тяжелом переживании воображаемого. Поэтому карта является большей частью реальностью внутреннего мира автора/героя, с использовани-

ем коричневого цвета, символизирующего духовную смерть, деградацию, и вместе с тем связующего звена с травматическими последствиями Первой мировой.

Образ Гитлера и его окружение (Канарис, Геринг), в «штирлицяне» связаны обретенным в результате Первой мировой опытом обесценивания человеческих ценностей, одержимых идеей реванша не только путем насильственного возвращения отторгнутых в пользу Франции и Польши земель по Версальскому договору, но и распространения нацистских взглядов на превосходство немецкой нации на почве солдатско-ефрейторской солидарности. Тем не менее, обозначенные фигуры введены в роман мотивом мировоззренческого содержания, но не только с философским или политическим смыслом, а эстетическим, точнее их синтезом с превалирующим содержанием ключевого для немецкого экспрессионизма понятия «Weltanschauung» (мировоззрение), переводимого как «состояние мира», в данном случае отражающего созревание нового военного заговора, тревог европейцев. Они (Гитлер, Канарис, Геринг, Франко) проговаривали, прописывали, обсуждали в переписке, в кабинетах на тайных собраниях свои скрытые стремления, желания, а в конечном итоге – заговор. Особенный смысл в нем придается переписке, обретающей статус исторического документа, подтверждающего наличие заговора. Об этом свидетельствует судьба письма Франко, немедленно переправленного фюреру, который, ознакомившись с документом «подписанным мятежным генералом», пригласил к себе для совещания Геринга, генерала Бломберга и Канариса, выступавшего за немедленную «помощь испанским борцам против большевизма» [12, с. 22]. Его поддержал Геринг, выразив мнение, что Германия, таким образом, поддержит «сражение против Коминтерна – это первое, и, второе, получим театр для великолепного спектакля, где стреляют не холостыми пулями, а трассирующими: я опробую в Испании мою авиацию. Маневры таят в себе элементы игры, а сражение с республиканцами есть генеральная репетиция битвы, которая предстоит нам в будущем» [12, с. 22]. При этом участники заговора в романе не портретизированы, поданы без психологических характеристик, а обозначены киноэкспрессионистическим приемом «ожившего рисунка», точнее, их фотоизображений (возникающих аллюзивно) времен Первой мировой, но как бы бестелесных, явленных только в своем речевом поведении с одновременной фузией смыслов (как известно, именно в этот период Гитлер осваивал ораторские приемы, театральность жестов, мимики, магического подавления толпы).

Разворачивая действия романа, Ю. Семенов естественно вплетает в канву событий исторические факты, тем самым создавая атмосферу тотальности информационности. Излюбленный прием писателя-детективщика – введение в разговор героев (например, Борцова с Пальма) информации, имеющей точное определение, а именно: «Высказывания рейхсканцлера Гитлера, изложенные перед главнокомандующим сухопутными войсками и военно-морскими силами во время посещения генерала пехоты барона Гаммерштей-Эквода на его квартире» [12, с. 36]. Информация подается подчеркнуто мелким шрифтом, создавая имитацию таинственности документа, с одной стороны, с другой – придает смысловую нагрузку разговорной речи. Так, определяя «цель всей политики», Гитлер намеревался «снова завоевать политическое могущество», подчинив тому «все государственное руководство (все органы!)». Это означало «полное преобразование нынешних внутривнутриполитических условий в Германии», непереносимость к «деятельности носителей мыслей, которые противостоят этой цели (пацифизм!)», а то и более жесткое отношение – «кто не изменит своих взглядов, тот должен быть смят». Особенные надежды Гитлер возлагает на подрастающее поколение, которое не испытало на себе травмы Первой мировой: «Воспитание молодежи и всего народа в том смысле, что нас может спасти только борьба. И перед этой идеей должно отступить все остальное (она воплощается в миллионах приверженцев национал-социалистского движения, которое будет расти). Всеми средствами сделать молодежь крепкой и закалить ее волю к борьбе». И тут же мысль, не покидающая его: «Борьба против Версаля», с которой, вероятно, должно было начинаться воспитание молодежи в нацистском духе, и требования карательного порядка: «Смертные приговоры за предательство государства и народа. Жесточайшее авторитарное государственное руководство. Устранение раковой опухоли – демократии», а также «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация...» [12, с. 36 – 37]. «Высказывание», т. е. выраженные словами цели политики Германии, по Гитлеру, произнесены в приватной беседе, на квартире, в локальном пространстве, что придает ему статус таинственности, заговора, как бы случайно ставшего известным с такими очевидными ассоциативными связями с событиями и последствиями Первой мировой.

В последующих романах «штирлицяны» Ю. Семенов развивает мотив исторической связи времен, раскрывая тайные пружины Первой мировой, провоцирующие начало Второй мировой, явленной чер-

тами несколько ломанной сюжетной и композиционной конструкции, переводя тем самым акценты/мотивы Первой мировой на внутреннюю напряженность романов. Эти два приема у Ю. Семенова соединяются, раскрывая нити заговоров через подчеркнутую информационность, сдержанность в ее осмыслении, что придает всему художественную выразительность. К таким относились мировоззренческие аспекты, специфика формирования идеологии нацизма. В роман «Альтернатива» автор вводит речь югославского писателя Августа Цесареца, произнесенную перед студентами университета, в которой выделены те аспекты идеологии национализма, которые могли привести к немецкой агрессии и возможной войне Гитлера против Югославии и в то же время представляющих собой угрозу и для Европы: «Я хочу остановиться сейчас на некоторых отправных пунктах национализма, то есть того идейного течения, которое может быть источником высокого подъема нации, но одновременно может оказаться причиной крушения государства, деградации национального духа, причиной крови и слез ни в чем не повинных людей, караемых лишь за то, что их родители говорили на языке отцов, не понимая языка соседей. Я хорват, патриот югославского государства, как, я надеюсь, и все вы, но о национализме я начну говорить, исследуя поначалу становление национальной идеологии в Германии» [12, с. 208]. Ее истоки Цесарец видел в учении Фихте, «который предвосхитил рождение национальной идеологии в Германии, который во время становления нации, то есть размежевания с наиболее близкими, угадал будущее, угадал тенденцию германского духа, приспособленную к экономическому развитию середины прошлого века. По мнению Цесареца, он первым ощутил неприятие германской нацией романского мира, то есть самого ближнего, наиболее могущественного, и предвосхитил гимн того времени, “Вахта на Рейне”» [12, с. 209], воспринятого как торжественная песня, превозносящая Германию, при Бисмарке «родился гимн: “Германия — превыше всего!”» [12, с. 210] Фалерстайна, принятого как символ государственного единства, воспевающего торжество националистической идеологии. Музыкальный мотив германских гимнов представлен изначально в истоках своих, в движении от музыкального романтизма к экспрессионистической выразительности, между которыми воображаемый крик, мятельность, указывали на те импульсы, которые обусловили их появление. Гимны в романе не «озвучены», не представлены историческими картинами массового их исполнения. Но уже одно только название их вызывает ассоциации с кино- и фотодоку-

менталистикой 1930-х – 1970-х, например, с известными фото, представленными и прокомментированными в серии «The Hulton Getty Picture Collection 1930's (Decades of the 20th Century)». В ней помпезно устрашающе продемонстрированы и ритм военщины, и торжество гимна на фотографии, изображающей «Канцлера Гитлера, которого прикрывают с фланга бойцы штурмовых отрядов СА, совершающего марш в Бюккебург, что возле Ганновера, в 1934 году. Как и все нацистские парады, мероприятие тщательно подготовлено в особом пафосном стиле» [17, с. 99], «10 сентября 1939 год. Неделя до начала Второй мировой войны, нацистские войска проходят маршем в Нюрнберге. Парад был организован для того, чтобы отпраздновать Съезд нацистов в городе» [17, с. 98]. Мировоззренческий порыв выражен во взрывной силе гимнов с таким очевидным отрицанием традиционных законов гармонии с приоритетностью милитаристских ритмов. Их музыкальное звучание, поданное как крик/ритм, соотносимо со словом, произносимым и самим Гитлером, и его окружением, создающим атмосферу тотального крика, крайнего напряжения, слушающей/поющей толпы, охваченной магией музыкальных диссонансов, мелодической агрессивностью, взрывающей пространство. «Неозвученность» гимнов в романах Ю. Семенова – прием, активизирующий мыслительную деятельность читателя, его воображение, направленное на поиск истины не только «телесными глазами», но и «духовным оком» (по Платону). Возникающие ассоциации с подлинным музыкальным экспрессионизмом насыщены и звуками «гимнопения» и маршировкой, и «голосами»: Гитлера в представленном меморандуме, в документе о тайной встрече с генералом на квартире, «Джозефа Геббельса, который как и Розенберг, был ярым антисемитом и мастером выступлений на массовых митингах. Когда была снята эта фотография, в 1935 году, он был главой так называемого Министерства народного просвещения и пропаганды» [17, с. 111], «Альфреда Розенберга на немецкой улице, переполненной людьми в 1932 году. Розенберг был нацистским пропагандистом и писателем, присоединившимся к партии в 1920-м. Был повешен за военные преступления в Нюрнберге в 1946 году» [17, с. 110] и даже красноречиво молчащего «Германа Геринга с убитым лосем в Восточной Пруссии, 1930 год. Геринг был летчиком-истребителем и воздушным асом времен Первой мировой войны, стал одним из первых, кто присоединился к Гитлеру при формировании партии нацистов» [17, с. 109]. Милитаризованность ощутима и в экспрессии текстов/документов, озвученных в романах, возникающих в ответ как взаимодей-

ствие криков/ритмов толпы, воплощающих борьбу враждебных сил против человека, переходящих в ассоциацию с разухабистой анархистской песенкой немецкой солдатни, движущейся на Восток с уверенностью в легкой победе.

Следующим шагом, отмеченным в речи, была проблема создания образа врага: «Австро-Венгрия, которую Берлин всегда считал своей неотъемлемой частью, захватила исконные земли славян. Чтобы утвердить себя, надо победить врага. Если врага нет, его следует создать. Была создана «угроза панславизма» ... Именно в ту пору оформилась в Германии вражда к славянам, и особенно к матери славян, России» [12, с. 209 – 210]. Отметим Цесарец и то, что «сараевский выстрел оказался «божьим знамением» для Берлина в его последовательном пути к мировому владычеству через владычество европейское» [12, с. 211], отзвуки которого ощутили в «трагедийной прелюдии» [12, с. 211], «перед лицом нацистской угрозы» [12, с. 214]. Факт знакомства Ю. Семенова с множеством документов сам по себе не подлежит сомнению, поскольку тот относился к числу наиболее целеустремленных писателей, преуспевающих на поприще поисков сохранившихся документов и пребывающих в здравии военных преступников Второй мировой (известны его встречи с Карлом Вольфом, Альбертом Шпеером, Отто Скорцени, поездки в Чили, Парагвай, Аргентину) представленных в художественном осмыслении через композиционные приемы фрагментарности или имитацию случайно попавшего в руки документа, хотя, по рассказам самого писателя, именно так чаще всего и происходило. Но в качестве художественного приема это всегда выглядело убедительней, как и восстановление цепочки поисков источника документа с озвучиванием известных исторических фигур к тому причастных, что создает не только эффект привязки к реальным историческим событиям, но и занимательные конспирологические сюжеты в каждом романе «штирлицианы», связанные с Версальской проблемой. Формируя ее как мотив, Ю. Семенов беллетризует публицистичность высказываний, охватывающих массовое сознание, которые можно также охарактеризовать как крик/призыв, но со смыслом противостоять захватническим замыслам нацистов, связанных с ниспровержением Версальских договоренностей. Материал, якобы подготовленный для публикации в прессе (роман «Альтернатива»), представляет собой синтез позиции автора, героя и массового сознания, ощущающего время нового «заката Европы» и переоценки ценностей: Гитлер «пришел к власти на гребне голода и разрухи, вызванных послед-

ствиями Версальского договора; он сказал немцам: «Восстаньте из пепла! Вы нация великих, за вами будущее!» Национальное тщеславие – лишь первый этап в восхождении диктатора «вверх по лестнице, ведущей вниз». Борьба за «национальное достоинство» дала Гитлеру определенное количество сторонников в народе, однако большинство немцев ждало от фюрера жизненных благ – колбасы и масла. На одном лишь «национальном энтузиазме» долго продержаться нельзя, ибо поползут разговоры о том, что «раньше было лучше», и мессианская идея третьего рейха окажется уничтоженной в зародыше отсутствием в лавках должного количества сосисок и маргарина. Выход национальной идее может быть найден лишь в сражении с окружением: «я» должен подчинить «его» [12, с. 322–323]. Ю. Семенов раскрыл как разворачивалась ситуация, когда вместо объединения против «расовой устремленности гитлеризма, открыто провозгласившего примат германской расы», Европа 1934-го года противопоставляла «социальным идеям Москвы», что во многом определило масштабность потерь Второй мировой войны [12, с. 323]. Экспрессионистический крик протеста против «наци» подавлялся их экстазом, ложной и враждебной миру патетикой, анархистско-вихревым движением стремительно организовывающихся *militärisch*. Такое сочетание всего со всем несколько выходит за пределы собственно стилистического приема, а создает юлиановско-семеновский жанр, балансирующий на грани политической хроники и конспирологического детектива.

Связующая нить двух мировых войн из речи Цесарца перетекает в размышления автора/героя как освоение сложно добываемых документов: «... чем дальше уходил мир от Версаля, чем громче звучали голоса Гитлера и Геринга – сначала в Мюнхене, а потом в Берлине и Вене, – тем яснее обнаруживался истинный агрессор, и лишь озлобленные лавочники приглашали политиков к союзу с фюрером» [12, с. 322]. Тем самым создается романное, тотальное полубеллетризированное информационное поле, текст, подтекст, ассоциативные связи которого представляют собой археологические напластования исторической и культурной памяти (по Фуко). Немецкий историк и писатель Голо Манн в своей книге «*Deutsche Geschichte im XIX und XX*» («Немецкая история XIX и XX веков») (1958) подчеркнул, что Первая мировая война «отчетливо возникла из духа времени, из понятий, в которых люди мыслили, из стиля, которым они жили. Не было никакого чуда в том, что она возникала. Чудо было в том, что она так долго не возникала» [16, с. 16]. При этом у Ю. Се-

менова на уровне внутреннего мотива романов идут поиски и прописываются духовные причины Первой мировой. Внимание сосредоточено не на августе 1914 г. как дне, от которого был начат катастрофический отсчет мировой истории, а на постепенном накоплении документов, фактов, человеческих знаний, обретающих смысл в ходе романного развития, сюжетной круговерти вокруг тем и проблем, но с обязательным акцентом на Версальском договоре, с ассоциативной привязанностью к размышлениям Фихте, скрытно и явно формируемым предпосылкам новой войны, которые ощутимы в акцентах на живописной, музыкальной, кинематографической экспрессионистичности и вместе с тем в контексте стилевых приемов с «новой деловитостью» немецкой литературы (Й. Рота, Э. Кестнер, Э. Ремарк), продуцирующей документальность, опору на факт, репортаж. Но Ю. Семенов сосредоточен на создании образа не «маленького человека» – солдата, мирного жителя, – попавшего в жернова войны и ставшего ее жертвой, а образах вершителей мировых судеб. Кроме Гитлера, Канариса, Геринга, представлен и Гелен, который «вступив в ряды армии после того, как был подписан Версальский договор, когда Германия была практически лишена права иметь воинские формирования, ... выполнил свой долг истинного патриота: империя без войск невозможна, необходимо сделать все, что в силах каждого немца, дабы вернуть стране могучую армию; будущее решает не станок и плуг, считал он, но штык и орудие» [13, с. 467] (роман «Приказано выжить»).

Расширяя мотивную структуру «штирлицяны», Ю. Семенов вводит в роман, наверное, одну из наиболее «жгучих тайн» XX века, поддерживаемую третьими могущественными силами: заговорщическую связь между Первой и Второй мировыми войнами, к тому же осуществляемую одними и теми же историческими фигурами. Именно наличие в XX веке «длинных волн» не только в культуре, но и в истории и политике, обусловило в «штирлицяне» расширение смысла лейтмотива Первой мировой в аспекте проблемы «власть и история», с очевидными кантовскими подтекстами трактовки властолюбия как неперемennого зла, присущего человеку, которому противостоит «нормативно-нравственное начало», составляющее суть культурного развития [6, с. 377]. В романе «Семнадцать мгновений весны» идея властолюбия раскрывается в глубинном заговорщическом мотиве, явленном не в конкретном тексте, а в соотносении представленных фактов, документов и событий, смысл которых расшифровывается следующим образом. Объединившись с Россией пе-

ред началом Первой мировой войны и потом продолжая сотрудничать для создания противовеса растущим силам гитлеровской Германии, европейские государства, а также США, тем не менее, верно рассчитали рост престижа «молодого колосса», понимая, что такой мировой лидер не отвечает их геополитическим интересам. В романе «Семнадцать мгновений весны» в одной из «информаций к размышлению» возникает фигура Аллена Даллеса как синтез портрета, биографии, максимально приближенной к жизненно-исторической подлинности, и аналитической модели заговорщика, о чем свидетельствует раскрытая в романе биографическая эмпирика: «в мае 1916 г. занял свой первый дипломатический пост в Вене. Работал в Париже в делегации, возглавлявшейся Вудро Вильсоном. Потом он получил специальное задание и работал в Швейцарии и в Австрии, пытаясь сохранить Австро-Венгерскую империю. Там в 1918 г. он подготовил свой первый заговор, который мог быть грандиозным, если бы Даллес довел его до конца. Однако ноябрьская революция в Германии, возглавлявшаяся коммунистами, встала на пути претворения заговора в жизнь. Будущая монархия Габсбургов, которая должна была стать санитарным кордоном, мощным бронированным щитом Запада на пути распространения большевизма в Европе, потерпела крах. Через год, в 1919-м, Даллес получил назначение первым секретарем посольства Соединенных Штатов в Германии. Здесь, работая на Вильгельмплац, 7, Аллен Даллес лицом к лицу столкнулся с теми людьми, которые ставили своей главной задачей противостоять большевизму в Европе. Именно здесь Аллен Даллес свел временного поверенного в делах Соединенных Штатов в Германии мистера Дрессела с генералом Гофманом, тем человеком, который разработал первый план немецкого наступления на Кремль» [13, с. 72]. Это информация не только к размышлению, но в которой раскрываются конспирологические качества одной из наиболее зловещих фигур XX века в разведывательной среде, образ его «злого гения», который в 1945 г., вступив в тайный сговор с Карлом Вольфом и стоящими за ним заправками рейха, пытался разрушить Ялтинские договоренности и тем самым завершить нить своего заговора, начатого в 1918 г. Информация о скрываемой судьбоносности фигуры Даллеса обретает черты мирового заговора. На этой трагической ноте Ю. Семенов не завершает мотивную линию Первой мировой в «штирлицяне», а в контексте бердяевской мысли предчувствует ее «духовное» продолжение, что засвидетельствовал роман «Отчаяние», воспринимаемый как воссоздание пережитого состояния ав-

тора/героя перед вновь открывшимися обстоятельствами от войны до войны.

И на этом фоне судьба героя Ю. Семенова Исаева-Штирлица представлена как «драма состояний» с большей или меньшей выразительностью экспрессионистического смысла, т. е. как «драмы с остановками». Романистика Ю. Семенова дает ее своеобразную трактовку. На своем пути становлении разведчика Исаев-Штирлиц проходит определенные фазы, раскрывая для себя мир, окутанный сетью заговоров, сталкиваясь и даже «сотрудничая» с их (по должности, занимаемой в разведке) создателями, сторонниками и противниками, формируя не только личную точку зрения на события, но и вступая в борьбу с преступными силами иногда на пределе человеческих возможностей, демонстрируя свое виртуозное мастерство раскрывать и срывать заговоры всегда с превосходством кантовского «морально должного».

Библиографические ссылки

1. *Амирян Т. Н.* Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой / Т. Амирян. – М. : Фаланстер, 2013. – 352 с.
2. *Бердяев Н. А.* Кризис искусства / Н. А. Бердяев. – М. : СП Интерпринт, 1990. – 48 с.
3. *Бердяев Н. А.* Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны) / Н. А. Бердяев. – М. : Канон, 2004. – 384 с.
4. *Гаспаров Б.* Структура текста и культурный контекст / Б. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М. : Наука, 1993. – 304 с.
5. *Гирин Ю. Н.* Образ Первой мировой войны в поэтике авангарда / Ю. Н. Гирин // Литература и война: Век двадцатый : сб. ст. к 90-летию Л. Т. Андреева. – М. : МАКС Пресс, 2013. – С. 90 – 99.
6. *Губман Б. Л.* Власть и культура / Б. Л. Губман // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / ред. С. Я. Левит. – М. : «Рос. полит. энцикл.» (РОССПЭН), 2007. – С. 376–380.
7. *Дух // Философский словарь: Основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкова.* – М. : Республика, 2003. – С. 145–147.
8. *Клее Пауль // Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / Л. Ришар; науч. ред. и авт. послесл. В. М. Толмачев; пер. с фр. – М. : Республика, 2003. – С. 79–82.*
9. *Кондаков И. В.* Интеллигенция / И. В. Кондаков // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. – Т. 1 / ред. С. Я. Левит. – М. : «Рос. полит. энцикл.» (РОССПЭН), 2007. – С. 779–786.

10. Роднянская И. Художественность / И. Роднянская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкина; Инст-т науч. информации по обществ. наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 1174–1180.

11. Семенова О. Юлиан Семенов / О. Семенова. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 592 с.

12. Семенов Ю. Испанский вариант. Альтернатива / Ю. Семенов / Собр. соч. : в 12 т. – Т. 2. – М. : Терра, 2009. – 512 с.

13. Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. Приказано выжить / Ю. Семенов / Собр. соч. : в 12 т. – Т. 4. – М. : Терра, 2009. – 640 с.

14. Толмачев В. М. Война и культура, культура войны? / В. М. Толмачев // Литература и война: Век двадцатый : сб. ст. к 90-летию Л. Т. Андреева. – М. : МАКС Пресс, 2013. – С. 5–7.

15. Федоров В. В. Оправдание филологии / В. В. Федоров. – Донецк : НОРД - Пресс, 2005. – 92 с.

16. Ernst P. Der Erste Weltkrieg – Zeitenbruch und Kontinuität. Einleitende Bemerkungen / P. Ernst, S. A. Haring, W. Suppanz // Aggression und Katharsis. Der Erste Weltkrieg in Diskurs der Moderne: Passagen, 2004. – 228 p.

17. Yapp N. The Hulton Getty Picture Collection 1930's (Decades of the 20th Century) / Nick Yapp. – Barnes and Noble, 2000. – 398 p.

Надійшла до редколегії 12.11.2014

УДК 83.3(2=411.2)5

И. Ф. Герасимова

*Рязанский институт (филиал) Московского
государственного университета культуры и искусств*

КАЗАЧЕСТВО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проаналізовано основні теми, мотиви, жанри козацького шару російської військової лірики періоду Першої світової війни.

Ключові слова: російська батальна лірика періоду Першої світової війни, козацька лірика, спадкоємність, традиції, Перша світова війна.

Анализируются основные темы, мотивы, жанры казачьего пласта русской военной лирики периода Первой мировой войны.

Ключевые слова: русская батальная лирика периода Первой мировой войны, казачья лирика, преемственность, традиции, Первая мировая война.

Analysiert werden die wichtigsten Themen, Motive, Genres der russischen «Schlachtendichtung» mit Kosakenbezug aus der Zeit des Ersten Weltkrieges.

Schlagwörter: russische «Schlachtendichtung» aus der Zeit des Ersten Weltkrieges, Kosaken-Dichtung, Kontinuität, Traditionen, Erster Weltkrieg.

In the course of analyses significant components of Cossacks' mentality such as love of the native land, bravado, love of freedom, ability and willingness to be at war, merciful attitude towards the defeated enemies have been revealed in these literary works.

The poems represent the generalized character of a Cossack as the representative of military class with dominant features of Cossacks' mentality such as patriotism, love of freedom, ability and willingness to be at war, merciful attitude towards the defeated enemies. In addition, it is typical that the authors being aware of the special status of the Cossacks as members of national military elite do not separate their heroes from the Russian army, Russian people but lay the emphasis on the idea of national unity.

The hero of the literary works of Russian poets during the period of investigation is a winner. This very peculiarity is tightly related to the numerous aspects of *dashing bravado* and *military bravery* motives.

Cossack lyric poems have a mobilizing nature and contain an invocatory modality.

In such a case, they demonstrate not only mobilizing potential but also historical and cognitive one as long as they record the course of military operations with a documentary accuracy, reconstruct battles' **«topography»**, **routes of Cossack troops transfer**. The use of toponyms distinguishing the places of combat actions is aimed at broadening the lines of a heroic chronotope. On the other hand, the detailed reconstruction of **«geographic» realia reflects the conviction and confidence of the narration** making it clear to a reader that the author knows firsthand the raw truth of a major war.

The works of lyric documentation predominate. The typological peculiarity of many of them is the story about the real hero and his heroic deed.

«Battle-field event», *Cossack song, song of praise* and so on dominates in a genre pallet.

In the fictional world of Cossack lyric the motive of centaurism (the unity of a warrior and his horse during a battle), poetization and embodiment of natural forces and also common for all of the works of the given subject matter image of a motherland every time consisting of the core image of *home*, *«fast and furious horse»*, *wind*, *«free bird»*, *river (Don)* are united. In addition, folkloric *«quiet Don»* appears as an *image-myth, patriarch of Cossacks generation, the centre of old-time glory, source of everlasting succession of spiritual and military heritage*. The personalization of Don in character of grey patriarch reveals the core of *«Cossack myth»*, Cossack heroic epos.

Keywords: Russian Battle lyric during the period of World War I, Cossack lyric, succession, traditions, World War I.

Исследуя лирику периода Первой мировой войны, невозможно обойти вниманием одну из граней батальной лирики – целый пласт произведений, посвященных *казачеству*, – многочисленной и грозной силе, вписавшей своей храбростью и верным служением Отечеству немало героических страниц в военную историю России [1; 2; 3]. В этой связи внимание к уникальному «воинскому сословию», «сословию воинов-землепашцев» [4, с. 10], померившемуся силами с войсками Германии и Австро-Венгрии уже летом 1914 г., не случайно. К казачьей теме в те годы неоднократно обращались как известные авторы (В. Гиляровский), так и те, чьи имена известны ныне узкому кругу специалистов (В. Воинов, В. Опочинин, С. Толстов, Н. Грушко, В. Петров и др.) или вновь возвращаются к современному читателю после долгих лет забвения (Н. Агнивцев, Н. Туровцев). Примечательно, что один из разделов первого выпуска сборника «Современная война в русской поэзии», изданного в 1915 г., назван «Казаки» [5, с. 103–116].

Казачьей тематике отдали дань как многие профессиональные литераторы (Б. Садовской, Л. Столица, С. Есенин, А. Липецкий, Е. Хмельницкая и др.), так и выходцы из казачьей среды (например, В. Петров).

Борис Садовской обращается к героическим традициям русского казачества в стихотворении «Казачий разъезд» [6, с. 70–71]:

Были бури, стук булата,
Колыхался тихий Дон;
На святую Русь с заката
Наступал Наполеон.
Но орлам его лукавым
Не сдался российский флаг.
И в Париж с гербом двуглавым
Победив, вступил казак.
Вы ломали рог турецкий,
Желтый был на вас дракон.
Неужель орды немецкой
Убоится тихий Дон?.. [6, с. 71].

Используя геральдическую символику (двуглавый орел расположен на гербе Российской империи; «рог турецкий» – метафорическое наименование флага Османской империи; желтый дракон – императорского Китая), автор повествует об участии казаков в сражениях Отечественной войны 1812 г., в русско-турецких войнах XIX в. и в других битвах. Так, известно, что именно казачий отряд

ликвидировал в Маньчжурии в 1902 г. – год спустя после официально зафиксированного поражения ихэтуаней – отряд его предводителя В. Хэды [7]. Известно также, что во всех без исключения сражениях казаки проявляли бесстрашие, истоки которого авторы искали и находили в преемственности ратной героики, в ратных подвигах предков, являвших чудеса храбрости на полях былых сражений. Б. Садовской в процитированном выше стихотворении говорит о том, что и в ходе новой войны враг будет побежден:

Пыль курится, сотня скачет,
Враг неистовый бежит.
И пред пикой казачьей
Каска медная дрожит [6, с. 71].

Боевые действия казаков воспринимаются в соответствии с русской фольклорной и поэтической традициями как исключительно героические и победоносные. Так, В. Гиляровский в стихотворном послании «Донцам-суворовцам» пишет: «И новый подвиг яркой славой / Украсит славный тихий Дон» [8, с. 15].

С. Есенин в стихотворении «Удалец» (1914) также воспекает молодецкую удаль героя-казака:

Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне...

Буду весел я до гроба,
Удалая голова.
Провожай меня, зазноба,
Да держи свои слова [9, с. 85–86].

В стихотворении С. Есенина обнаруживается характерное свойство казачьей лирики – почти культовое отношение к боевому коню, которое мы определяем понятием «кентавризм», что является отражением жизненного уклада казаков и проявлением казачьей мифопоэтической и фольклорной традиции. Примечателен в этом раннем произведении поэта образ женщины-казачки. Это «мать и тетка», которых герой просит «не реветь», поскольку «слезы сушат молодца»:

Отчего вам хныкать, бабы,
Домекнуться не могу.
Али руки эти слабы,
Что пешню [10, с. 258] согнут в дугу? [9, с. 86].

Во многих произведениях начального периода Первой мировой войны запечатлена картина мобилизации, например, в стихотворении В. Опочина «В станице»:

Что это? праздник сегодня?
Люди у каждых ворот,
Отперта церковь Господня,
Валом к ней валит народ...

Из-за садов переулка
Сколько сбежалось ребят...
Колокол тяжело и гулко
Разом ударил в набат...

Около той водокачки
Что-то читается вслух, —
Плачут, я вижу, казачки,
Скачет казак во весь дух...

Лица задумчиво строги,
Замер подавленный крик....
На повороте дороги
Крестится дряхлый старик...

Сбор объявили сегодня,
Вечером выступит полк [11, с. 289]...

Жанровые сцены пронизаны в этом стихотворении тревогой и волнением, столь естественными перед лицом грозной опасности. Психологическая атмосфера казачьей станицы нарисована в репортажном стиле. Найден автором и образ, в котором сосредоточены пласты смыслов, раскрываемых в этом произведении: это образ «вечевого» колокола.

Те же особенности характерны и для стихотворения участника Первой мировой войны, казачьего офицера, поэта Николая Туроверова «1914 год», написанного значительно позднее изображаемых событий, уже в эмиграции. Он, уже зная исход войны, нарисовал психологически точную обобщенную картину мобилизации:

Казаков казачки проводили,
Казаки простились с Тихим Доном.
Разве мы, их дети, позабыли,
Как гудел набат тревожным звоном?

Казачи скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалась в это время
Неизбежной близкая победа?.. [12, с. 48].

Поэт так же, как и его предшественники, дает характеристику коллективному герою, подчеркивая сплоченность казачьего воинства.

Для многих поэтических сочинений периода Первой мировой войны характерны мотивы верности присяге и высокой боевой готовности. Казаки быстро собираются на войну потому, что «из-под кочек, из-под пней / Лезет враг кровавый» [13]. Именно так объясняет их устремленность Н. Агнивцев. В бой казаков ведут «атаманы-удальцы», и даже сам Суворов дал имя одному из их полков [8, с. 14–15]. Именно поэтому казакам «в налетах страх неведом», в бой же они идут исключительно «за славой» [8, с. 10; 13], причем «за славой», не отрывной от славы Отечества.

Многие произведения казачьей лирики основаны на документальных фактах и реальных сюжетах, как, например, произведение Владимира Вишнякова «Кавалерийская разведка. Рассказ раненого казака» [14, с. 3], **поражающее своей суровой правдивостью: «Правило наше – за каждого чтобы / Всем до единого грудью стоять; / Ранен – так в госпиталь, мертвый – без гроба, / С русской молитвой самим зарывать. / Лишь бы солдатское тело добычей / В поле никак не досталось врагу. / Право, скажу я, хороший обычай / В нашем казачьем полку...»** [14, с. 3].

Принцип документальности является основным приемом создания образов героев во многих произведениях этого автора. Так, в стихотворении «Назад, в огонь!» [14, с. 11–12] указана точная дата: «6 августа с утра». «24 августа 1914 года» датировано стихотворение «Подвиг денщика» [14, с. 13–14], повествующее о том, как денщик с занятой врагом территории нес на себе шесть верст своего раненого командира. Стихотворение написано в жанре *фронтальной баллады*.

Нередко казачья лирика периода Первой мировой войны воспекает героев, чьи подвиги отмечены символом солдатской доблести – Георгиевским крестом. Это Козьма Крючков и его славные товарищи: Иван Щегольков, Василий Астахов, Михаил Иванков [15, с. 4]. Известно стихотворение Александра Петрова «Герои-казаки» (1914) [16, с. 8–9], в котором прославлялся совместно совершенный ими подвиг и которое не только в ритмическом, но и в идейно-образном отношении [тот же 4-стопный хорей – *И. Г.*] повторяет стихотворение А. Пушкина «Дон» (1829) [17, с. 120]. Приведем полностью оба:

А.С. Пушкин

Дон

Блеща средь полей широких,
Вот он лется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон:
От Аракса и Эвфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арапчайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

А. Петров

Герои-казаки

Как Кузьма Крючков, Астахов,
Иванков и Щегольков
Бились с немцами без страха,
Удивя своих врагов.

Бой неравный и кровавый
Удалые молодцы
Могли выдержать со славой,
Честь вам, храбрые донцы!

Пусть же немцы, австрияки
Знают, что в бою их ждет
Поражение... Казаки
С песней в бой идут вперед.

Пусть же помнят о Крючкове,
Как он немцев уложил...
Побеждать донцам не внове –
Дон бесстрашным вечно был!

Дон вскормил, вспоил казаков,
Этих славных удалцов,
Чтобы немцев, австрияков
Покачать со всех концов!..

Гей, донцы, вперед без страха
Страшной лавой на врагов!
Слава вам, Крючков, Астахов,
Иванков и Щегольков!

Художественная ценность стихотворений, несомненно, несопоставима, но общность героического пафоса, символизация образа «тихого Дона» как святыни казачества налицо. В связи с этим считаем необходимым обратить внимание и на малоизвестный факт, что образ «тихого Дона» впервые ввел в литературную традицию, позаимствовав его из казачьего фольклора, А. Пушкин.

Широко используется в произведениях казачьей лирики прием *стилизации*. Назовем в этой связи «новую сказку в стихах» С. Коврова «Как донской казак немца перехитрил» [18], в котором поэт использует ритмическую схему известной литературной сказки П. Ер-

шова «Конек-горбунок». Однако герой «новой сказки» не крестьянский сын, а удалой казак Фома – «образец в семье казацкой», – добивающийся победы исключительно собственным умом и храбростью. Автор откровенно любит своего героя, подчеркивая, что он «годен не только на безделье, / На забаву, на веселье»: «мастер прыгать и скакать, / Все легко преграды брать»; главное же в том, что он в совершенстве владеет боевым оружием – шашкой. Фома является верным членом казацкой семьи: как все, он с радостью откликается на призыв идти на войну:

*Все горят с врагом сразиться,
Не хотят и дня томиться –
Тянут песенку одну:
«На работу, на войну»!.. [18, с. 4].*

Заметим попутно, что восприятие войны как работы является здесь одним из ключевых концептов казацкой картины мира, зафиксированной, в том числе и в их речи. Так, герой корреспонденции безымянного автора – навyleт раненный пулей в щеку казак, недовольный тем, что его держат в госпитале, – говорит: «...Товарищи там работают [курсив наш. – И. Г.], а я тут со щекой» [19].

Прибытие на фронт казацких частей и их восприятие противником в произведении С. Коврова зачастую описано глазами неприятеля: «Услыхали австрияки, / Что на них идут казаки, / И, не зная, отчего, испугались того, / Обомлели, задрожали, / Понаслышке раньше знали / И пруссак, и австрияк / Слово страшное: казак» [18, с. 5–6]. Воинское умение казаков подтверждено в «новой сказке» описанием храброго поведения казаков на фронте. Автор подчеркивает их верную оценку врага («Были там бойцы лихие, / С ними бились горячо, / Иногда плечо в плечо» [18, с. 8]), *удаль и милосердное отношение к пленным*:

*С криком, гиканьем грозящим,
Дикий ужас наводящим
На австрийцев, пруссаков,
Бьет отряд из казаков.
Если ж враг пощады просит,
То казак его не бросит
И берет с собой в полон.
С безоружным ласков он... [18, с. 7].*

О том, что русский казак умеет щадить поверженного врага, пишут многие поэты и публицисты этого времени: «Доблестная русская армия – частица великого русского народа, величие которо-

го должно проявляться не только в победе над врагом, но и в великодушии к побежденному» [20, с. 145].

Называется в казачьей лирике и такое качество, как народная смекалка, с которой нередко связываются военные успехи казаков. Неунывающий и смысленный казак Фома смог обратить себе на пользу умение обращаться с боевым конем и вырвался из немецкого плена, в свою очередь захватив в плен немецкого офицера. Заметим, что о пленении казака в батальной лирике периода Первой мировой войны практически нет упоминаний, и в этом плане «новая сказка» С. Коврова – исключительное явление, обогащающее тематическую палитру произведений казачьей тематики.

Характерно, что те же мотивы развиваются и в фольклорной стилизации В. Опочинина «Из кавказских казачьих песен». В ней современность (казаки из станицы, что «у Подкумка, у реки» отправляются на турецкую границу) – также повод вспомнить героическое прошлое:

До границы недалече,
Ну, а враг – давно знаком, –
Помнит он бывлые встречи
С нашим русским казаком.

Стаю черных наших бурок
Чуть увидит вдалеке –
Ружья, пушки бросит Турок,
Убегая налегке... [21, с. 1–2 (361–362)].

Рисуя коллективный портрет своего героя, поэт подчеркивает его близость к природе, его веру в спасительную силу православной молитвы:

Утром выехать в дорогу
Так привольно и свежо, –
Помолитесь лучше Богу,
Чтобы встретиться ужю... [21, с. 1–2 (361–362)].

В произведении В. Опочинина бравый «русский казак», отправляясь в военный поход, который для многих неминуемо станет последним, подбадривает и успокаивает казачек, проявляя подлинно рыцарское отношение мужчины-воина к женщине в тылу:

Ой, казачки, плакать бросьте, –
Ждите радостной поры:
Мы гостинцев вам, как гости,
Привезем из-за горы [21, с. 2 (362)].

Образ женщины-казачки, верной и храброй подруги воина, также нередок в поэтических произведениях периода Первой мировой войны. Так, донской казак В. Петров в стихотворении «Письмо казачки» пишет:

Если пулею сразит тебя пруссак,
Ты умрешь за Родину без стога.
Помни, милый, ты – донской казак,
Кровь течет в тебе героев Дона.

Казаки умели воевать,
И, как львы, бросались в бой кровавый,
Казаки умеют умирать
За Царя и Родину со славой [22, с. 29–30].

Исток женской духовной силы – в безоговорочной вере в боевую доблесть своего суженого («О победе я уж не молюсь: / Там, где ты, победа неизбежна» [22, с. 30]).

Нередко в казачьей лирике исследуемого периода проявляется своеобразный «миф казачества», как, например, в стихотворении Бориса Богомолова «Казаки». В нем автор уподобляет своего героя былинному Илье Муромцу, подчеркивая тем самым его неразрывную связь с Русью. По мнению поэта, русский воин силен любовью к родной стране, верностью воинскому долгу, царю, своей православной верой:

Он несется как стихия,
Божьим пламенем горя, –
Он бессмертный сын России,
Витязь Русского Царя! [21, с. 9].

Таким образом, анализ произведений казачьей тематики периода Первой мировой войны позволяет сделать ряд выводов.

В стихотворениях дан собирательный образ казака – представителя воинского сословия, в котором ярко проявились характерные составляющие казачьего менталитета: патриотизм, свободолюбие, умение и готовность воевать, милосердное отношение к поверженному врагу. При этом характерен тот факт, что авторы, осознавая особый статус казачества как национальной воинской элиты, не отделяют своих героев от русской армии, от русского народа, но всячески подчеркивают идею народного единства.

Герой стихотворений русских поэтов исследуемого периода – победитель. Эта особенность самым тесным образом связана с многочисленными проявлениями мотивов молодецкой удали и ратной доблести.

Казачья лирика носит мобилизующий характер, несет в себе призывную модальность. При этом она обладает не только мобилизационным, но и историко-познавательным потенциалом, поскольку с документальной точностью фиксирует ход военных операций, воссоздает «топографию» сражений, маршруты перемещения казачьих войск. Использование топонимов, называющих места боевых действий, призвано расширить рамки героического хронотона. С другой стороны, подобное воспроизведение «географических» реалий придает убедительность и достоверность повествованию, давая понять читателю, что автор не понаслышке знает суровую правду большой войны.

Доминируют произведения лирической документалистики. Типологической особенностью многих из них является рассказ о реальном герое и его подвиге.

В жанровой палитре произведений преобладает «фронтовой эпизод», казачья песня, здравица (хвалебная песнь) и т. п.

В образном мире казачьей лирики соединились мотив кентавризма (единение воина и коня в бою), поэтизация и олицетворение природных сил, а также обций для всех произведений данной тематики образ Родины, который в каждом случае складывается из лейтмотивных образов: дом, «буйный конь», ветер, «вольная птица», река (Дон). При этом фольклорный «тихий Дон» предстает как образ-миф, патриарх казачьего рода, средоточие дедовской славы, как источник непреходящей преемственности духовного и воинского наследия. Персонализация Дона в образе седого патриарха, «батюшки» выявляет сердцевину «казачьего мифа», казачьей героической эпики.

Среди поэтических произведений немало посвященных донским казакам. Вероятно, это может быть объяснено, в том числе, и тем, что «донские казачьи части в годы Великой войны составляли треть от всей казачьей конницы» [24, с. 46].

Поэты, пишущие о казачестве, рассматривают события Первой мировой войны со сходных ценностных позиций, коренящихся в общности ментальных основ национального самосознания, в единстве исторического опыта.

Библиографические ссылки

1. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. – Вып. I – V. 1871–1874. – Вып. V. – СПб. : Печата-

но в типографии департамента уделов, 1874. – 542 с. – С. 300–301, 349–352; 349–352.

2. *Краснов П. Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году / П. Н. Краснов. – СПб. : Изд. газеты «Русское чтение», 1901. – 121 с.

3. *Плеханов А. А.* Казачество на рубежах Отечества / А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. – М. : Вече, 2009. – 460, [2] с.

4. *Шишов А. В.* Казачьи войска России / А. В. Шишов. – М. : Вече, 2007. – 336 с.

5. Современная война в русской поэзии: Вып. 1-2 / сост. Б. Глинский. – Пг. : Типография т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. – Вып. 1. – XIV, 276 с.

6. Современная война в русской поэзии : Вып. 1-2 / сост. Б. Глинский. – Пг. : Типография т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. – Вып. 2. – XIV, 252 с.

7. «Боксерское» восстание в Китае в 1898–1901 (Восстание ихэтуаней и военная интервенция 9 держав) [Электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в Интернете. – Режим доступа : URL: <http://hrono.ru/sobyit/1800sob/1898boks.php> (дата обращения: 05.10.2010).

8. *Гиляровский В.* Год войны : Думы и песни / В. Гиляровский. – М. : Улей, 1915. – 48 с.

9. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин / гл. ред. Ю. Л. Прокушев; редколл.: Л.Д. Громова, Н.В. Есенина, С.П. Есенина и др.; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. – М. : Наука; Голос, 1995 – 2002. – Т. 4. : Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / науч. ред. Л. Д. Громова; сост., подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкина и Н. Г. Юсова. – 1996. – 544 с.

10. Пешня – «лом, которым колют лед» // Фасмер И. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина / И. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986 – 1987. – Т. 3 (Муза – Сят). 1987. – 832 с. – С. 258.

11. *Опочинин В.* В станице / В. Опочинин // Новое время. – 1914. – 6 (19 сентября). – № 13824. – Титульная страница (289).

12. *Туроверов Н.* 1914 год / Н. Туроверов // Поэты Белой гвардии. Меч в терновом венце: Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Сергей Бехтеев / сост., вст. ст. В. Хатюшина. – М. : МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. – 64 с. – С. 48.

13. *Агнивцев Н. Я.* Казачья песня / Н. Я. Агнивцев // «Казачья песня» / Слова Н. Агнивцева. «Время изменится» / Слова Н. Ф. Коварского к священной войне 1914 г. – М. : Лит. С. М. Мухарского, 1915. – 1 с., с виньеткой. – 1 с.

14. *Вишняков В.* Наша армия. Кавалерийская атака. Назад, в огонь! Подвиг денщика. Рассказы в стихах / В. Вишняков. – М. : Культура, 1914. – 15 с.

15. Фамилия героя иногда писалась иначе: *Иваньков*. См.: Рассказ казака Крючкова // Война. – 1914. – № 8 (Русский солдат на войне, его отвага, добродушие и юмор / составил Альбионов). – С. 4.

16. *Петров А.* На бой – за Родину, за честь. Вторая Отечественная война 1914 года / А. Петров. – М. : Тип. А. Д. Плещеева, 1914. – 16 с.

17. *Пушкин А. С.* Дон / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. л-ры (Пушкинский дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. 4-е изд. – Л. : Наука, 1977 – 1979. – Т. 3.: Стихотворения, 1827 – 1836. – 1977. – 495 с. – С. 120.

18. *Ковров С.* Как донской казак немца перехитрил (Новая сказка в стихах) / С. Ковров. – Ярославль : Типография К. Ф. Некрасова, 1915. – 16 с.

19. Без автора. Казачья тоска по «работе» // Война 1914. – № 8. – С. 13.

20. *Семенов Е.* Война и пацифизм / Е. Семенов // Великая война в образах и картинках / под ред. Ив. Лазаревского. – М. : Изд. Д.Я. Маковского. – Вып. III. 1915. Январь. – С. 145.

21. *Опочинин В.* Из кавказских казачьих песен / В. Опочинин // Новое время. – 1914. – 8 (21) ноября. – № 13887. – С. 1–2 (361–362).

22. *Петров В. И.* Вперед, герои! Стихи донского казака В. И. Петрова / В. И. Петров. – М. : Типография т-ва А. Д. Сытина, 1915. – 32 с.

23. *Богомоллов Б.* Сказы. Подарок воинам / Б. Богомоллов. – Петербург : Типография т-ва «Наш век», 1914. – 15, [2] с.

24. *Рыжкова Н.В.* Донское казачество в войнах начала XX века / Н. В. Рыжкова. – М. : Вече, 2008. – 448 с.

Надійшла до редколегії 07.10.2014

УДК 070.82-3

Е. А. Гусева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В «ЗАПИСКАХ КАВАЛЕРИСТА» НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Перша світова війна залишила помітний слід в історії, проте в російській літературі, на відміну від зарубіжної, вона майже не знайшла відображення. Тим більший інтерес становлять художні та документальні і твори, що відкривають завісу забуття з подій цієї війни. До них відносяться і «Записки кавалериста» М. Гумільова, що охоплюють весь період його служби в лейб-гвардії уланському полку. «Записки кавалериста» – це окремі нариси, які описують бойові епізоди за участю автора. Гумільов фіксує те, що бачив сам, у чому особисто брав участь; події відтворюються з суб'єктивної, авторської точки зору. Але суб'єктивність авторського світосприйняття не

порушує достовірності зображення того, що відбувається, і це абсолютно органічно для документальної прози М. Гумільова.

Ключові слова: Перша світова війна, нариси, документалізм, авторська суб'єктивність.

Первая мировая война оставила заметный след в истории, однако в русской литературе, в отличие от зарубежной, она почти не нашла отражения. Тем больший интерес представляют художественные, документальные и произведения, приоткрывающие завесу забвения с событий этой войны. К ним относятся и «Записки кавалериста» Н. Гумилёва, охватывающие весь период его службы в лейб-гвардии уланском полку. «Записки кавалериста» – это отдельные очерки, которые описывают боевые эпизоды с участием автора. Гумилёв фиксирует то, что видел сам, в чём лично участвовал; события воспроизводятся с субъективной, авторской точки зрения. Но субъективность авторского мировосприятия не нарушает достоверности изображения происходящего, что совершенно органично для документальной прозы Н. Гумилёва.

Ключевые слова: Первая мировая война, очерки, документализм, авторская субъективность.

Der erste Weltkrieg hat eine beachtliche Spur in der Geschichte hinterlassen, doch in der russischen Literatur fand er, im Unterschied zur westeuropäischen, kaum Widerhall. Umso lebhafteres Interesse rufen Werke der schönen Literatur wie auch der Dokumentarprosa hervor, die den Schleier der Vergessenheit, der über die Ereignisse dieses Krieges gebreitet war, lüften. Zu diesen Werken gehören auch die «Notizen eines Kavalleriesoldaten» von Nikolaj Gumil'ov, die sich aus der gesamten Zeit seines Dienstes in der Leibgarde eines Ulanenregiments speisen. Die «Notizen eines Kavalleriesoldaten» präsentieren sich als Einzelskizzen, die Kampfepisoden beschreiben, in die der Autor verwickelt war. Gumil'ov fixiert Ereignisse, deren Zeuge und Akteur er selbst gewesen war, sodass diese aus der subjektiven Sicht des Verfassers dargestellt werden. Doch die Subjektivität der Wahrnehmung des Verfassers steht nicht im Widerspruch zur Wahrheitstreue der Darstellung der Ereignisse, was für die Dokumentarprosa von N. Gumil'ov sehr charakteristisch ist.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, Skizzen, Dokumentarismus, Autorens subjektivität.

The First World War left its mark in history, but in Russian literature, as opposed to foreign, it is almost not reflected. But this is understandable: the February Revolution and the ensuing October Revolution, the tragedy of the Civil War – and on the literary «proscenium» there were new events, new characters, «pushing aside» events of recent bloody battle of nations. As a result the war, which at first was called the Great or the Second Patriotic War, was not forgotten by succeeding generations, but remembered much rarer than all the revolutions or the Second World War. The names of many writers who voluntarily enlisted in the army or became war correspondents were forgotten. The art and documentary works which lift the veil of oblivion with the events of the first world war have the greater interest. Among them there is «Notes of the Trooper» by N. Gumilev,

covering the whole period of his service in the Life Guards of the uhlan regiment. Being the brightest representative of the poetry of the Silver Age, he voluntarily went to war in 1914, he wrote newspaper correspondence from the battlefield. Vivid pictures of war arise in front of the reader, presented through the eyes of not only the great poet-acmeist but also a cavalryman, who shared the hardships of military life, along with the rank and file soldiers. Gumilev wrote about the war in details and with pleasure. On the Eastern Front the cavalry was used for reconnaissance; the poet served in one of these units. That deal was dangerous and valiant; at least as it is presented in Gumilev's works.

«The Notes of the Trooper» is separate essays, which describe the battle scenes with the participation of the author. «Notes...» is strictly documentary; Gumilev captured what he saw, what was personally involved in; events are reproduced from the subjective, the author's point of view. The reader is included in the scope of the imaginary, he «hears» the sound of gunfire (and learns that shots from a revolver and rifle sound different), «sees» the Germans who blocked the road, vivid field... But the subjectivity of the author's perception of the world does not violate the reliability of the image of what is happening that is completely organically for Gumilev's nonfiction. Along the way, it should be noted that, in his «Notes...» the author was a poet, originally refuting known maxim («when the cannons speak, the Muses are silent»). That is why his descriptions of nature are so imaginative and poetic. But Gumilev not only wrote beautifully, but also fought bravely. At the end of 1914 for bravery and courage in reconnaissance, he was awarded the Cross of St. George IV class. In 1915, Gumilev fought in western Ukraine, where he had the most serious military trials and received the Cross of St. George III class, which he was very proud of.

In Russian literature new issues and topics appeared about the First World War: changing the attitudes towards the Russian army, the officers; deep, national awareness of the war as a universal misfortune; understanding the war as the suffering, followed by purification, repentance; awareness of the war as a feeling of relaxed brutality, manifested itself in the subsequent revolutionary events, and others. There are not so many genuine works of art devoted to this topic. One of them is «The Notes of the Trooper» by Nikolai Gumilev, showed an unexpected side of their author – a prominent Russian poet, essayist, traveller, warrior...

Keywords: The First World War, essays, documentalism, author's subjectivity.

Первая мировая война оставила заметный след в истории, однако в русской литературе она почти не нашла отражения. В отличие от зарубежной, и в этой связи естественно и традиционно упоминать произведения Хемингуэя и Ремарка, а фраза «потерянное поколение» стала своего рода идиомой. В случае же с русской литературой всё объяснимо: Февральская революция и последовавшая за ней Октябрьская, трагедия гражданской войны – и вот уже на литературную «авансцену» вышли новые герои, новые события, оттеснившие

эпизоды недавней кровавой схватки народов. В результате война, которая вначале называлась Великой или Второй Отечественной, последующими поколениями не то чтобы была забыта, но вспоминают о ней гораздо реже, чем обо всех революциях или той же Второй мировой. Поэтому вряд ли можно сразу, «навскидку» назвать произведения русской литературы, запечатлевшие события первой мировой войны и выразившие отношение к ней их авторов. Имена многих литераторов, добровольно вступивших в армию, ставших военными корреспондентами, были забыты. Это дало основание Л. Аннинскому сказать жёстко, но справедливо: «Вплоть до “Августа четырнадцатого” зиял в русской литературе провал; разрозненные сцены в горьковском “Самгине” и некоторые эпизоды у Шолохова и Федина лишь подчёркивали вакуум. Мы больше узнали об “августовских пушках” из Барбары Такман, чем из всей советской литературы. Да, Солженицын написал огромной силы книгу, достойную стать хрестоматийной, но, похоже, и его книга не была “дочитана”, а вплелась в бесконечное “Красное колесо”, где и увязла всё в той же бесконечности революции» [1, с. 182]. Первая мировая война, таким образом, практически не нашла отражения в русской литературе, поскольку вошла в общий контекст духовной жизни. То есть не было художественного произведения *только* о событиях 1914–1918 гг. (как, скажем, у Ремарка). Они могли быть лишь вплетены в ткань романа (как в трилогии А. Толстого), заняв определённую «нишу» в его фабуле. Тем больший интерес представляют документальные произведения, приоткрывающие завесу забвения с событий Первой мировой войны. И в этой связи мы рассмотрим «Записки кавалериста» (1914–1915) Николая Гумилёва.

Когда разразилась война, Гумилёв добровольно отправился на фронт и был зачислен вольноопределяющимся в лейб-гвардии уланский полк. После двух месяцев обучения и подготовки, в ноябре, полк был отправлен в Южную Польшу, а уже 19 ноября состоялось первое сражение, в котором принял участие и автор «Записок...». Надо заметить, что кавалерия в то время уже утратила своё значение как боевая сила: сменилась стратегия и тактика ведения боя. Однако в русской армии она активно использовалась – главным образом для разведки. В таком отряде служил и Н. Гумилёв. В своих записях он рассказывает об ощущениях человека, впервые попавшего в условия войны, о впечатлениях от разрушенных городов, о местах недавних боёв... Ко всему этому надо было привыкнуть, не струсить в решающий момент, в конце концов, стать своим для солдат. Конечно, Гумилёв пришёл на фронт не из столичного салона, в его биогра-

фии были и трудные африканские путешествия. Но Африка была его юношеской мечтой, и он её осуществил. А воевать поэт не собирался, более того, от военной службы был освобождён. Тем не менее он не мог себе позволить спрятаться от войны и ушёл воевать наравне с тысячами патриотов.

Жанр «Записок...» определяется по-разному. Скажем, Е. Степанов называет их документальной повестью, хотя это, несомненно, цикл военных очерков, охватывающих весь период службы Н. Гумилёва. Они фрагментарно и документально точно отражают ряд боевых действий, в которых тот участвовал, в них нет единого сюжета, и, вероятно, Е. Степанов называет это произведение повестью, чтобы повысить значение «Записок», возвести их в ранг художественной прозы. Е. Степанов, много работавший в военных архивах и стремившийся определить, насколько точно автор «Записок...» отразил военные действия, пришёл к выводу: «Сопоставление официальных документов и описаний автора указывает на точность и ответственность Гумилёва при написании документальной повести. Нет ни одного выдуманного или хотя бы как-то приукрашенного (в пользу автора) эпизода. Всё предельно точно» [3, с. 177]. Действительно, «Записки кавалериста» строго документальны, а описания их точны. К примеру, Гумилёв так воспроизводит ситуацию, когда он оказался впереди своего разезда и, по сути дела, попал в окружение, из которого пришлось вырываться: «Я понял, что на этот раз опасность действительно велика. Дорога к разезду мне была отрезана, с двух других сторон двигались неприятельские колонны. Оставалось скакать прямо на немцев, но там далеко раскинулось вспаханное поле, по которому нельзя идти галопом, и я десять раз был бы подстрелен, прежде чем вышел бы из сферы огня» [2, с. 69]. Это описание кратко, точно и выразительно. Автор фиксирует то, что он видел и слышал: «Мне были ясно видны их лица, растерянные в момент заряжания, сосредоточенные в момент выстрела. Невысокий пожилой офицер, странно вытянув руку, стрелял в меня из револьвера. Этот звук выделялся каким-то дискантом среди остальных» [2, с. 69–70]. События воспроизводятся с субъективной, авторской точки зрения. Н. Гумилёв фиксирует свои собственные ощущения: «Всё это в ту минуту я запомнил лишь зрительной и слуховой памятью, осознал же это много позже» [99, с. 70]. Читатель включён в сферу изображаемого, он «слышит» звуки выстрелов (причём узнаёт, что выстрелы из револьвера и винтовки звучат по-разному), «видит» немцев, перегородивших дорогу, вспаханное поле... Снова заметим, что субъ-

ективность авторского мировосприятия не нарушает достоверность изображения происходящего, что совершенно органично для очерковой прозы Н. Гумилёва. Скажем, он замечает: «Самое тяжёлое для кавалериста на войне – это ожидание» [2, с. 64]; или: «...с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под сёдла окоченевшие пальцы» [2, с. 64]. Как видим, у Гумилёва война – это не только лихие атаки кавалерии (хотя и они, безусловно, имели место), а прежде всего трудная, грязная, опасная работа. Однако в «Записках кавалериста» явственно ощущается и традиция, идущая от записок периода Отечественной войны 1812 г. Их автору явно нравится участвовать в боях, тем более что русским сопутствует успех. К примеру, он отмечает: «Наступать – всегда радость, но наступать по неприятельской земле – это радость, удесятерённая гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодецватее усаживаются в сёдлах. Лошади прибавляют шаг» [2, с. 65]. Аналогичное настроение угадывается, скажем, во «Взятии Дрездена» Дениса Давыдова, и в «Записках кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, и в «Письмах русского офицера» Фёдора Глинки...

Попутно надо заметить, что в своих «Записках...» автор остался поэтом, своеобразно опровергая известную сентенцию («когда говорят пушки, музы молчат»). Потому так образны и поэтичны его описания. Например, вражеский аэроплан Гумилёв сравнивает с ястребом над спрятавшейся в траве перепёлкой, а гром германских пушек – с большими кузнечными молотами... Необычайная образность пронизывает «Записки...»: «Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принюхивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища кого ему ужалить» [2, с. 72]. Но Гумилев не только красиво писал, но и храбро воевал. В конце 1914 г. (т. е. менее чем через три месяца после мобилизации) за смелость и мужество, проявленные в разведке, он был награждён Георгиевским крестом IV степени. В 1915 г. Гумилёв воевал на Западной Украине, где прошёл тяжёлые военные испытания и получил Георгиевский крест III степени; обеими наградами он очень гордился.

Автор много размышляет о поведении человека на войне, о предопределённости убийства. Скажем, он пишет: «Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня!» [2, с. 71]. Но это, так сказать, патетика. Ведь только на первый, общий взгляд воюют армии – на самом деле воюет каждый отдельно взятый солдат. И он чувствует, ощущает, живёт; и его порой занимают совершеннейшие мелочи: «...случайно добытый стакан

молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте» [2, с. 63]. Как видим, Гумилёв далёк от восторженного восприятия войны. Для него это трудная и опасная работа, в которой, однако, бывают и маленькие радости.

В то же время порой автор рисует и «батальные полотна», и они в его исполнении получаются не менее выразительными, чем отдельные эпизоды: «Дивное зрелище – наступление нашей пехоты. Казалось, серое поле ожило, начало морщиться, выбрасывая из своих недр вооружённых людей на обречённую деревню. <...> Не верилось, что это были отдельные люди, скорее это был цельный организм... <...> И для этого существа возрождался величественный ужас космических переворотов и катастроф» [2, с. 76] (Курсив наш – Е. Г.). Вот оно, ключевое слово, – «катастрофа». Война, какой бы победоносной она ни была, – это всегда трагедия. И Гумилёв в своих «Записках...» показывает это ясно и определённо. Тем более что Первая мировая впоследствии привела к крушению устоявшегося миропорядка: была заново перекроена Европа, пали могущественные империи, а на их обломках возникли фашизм и тоталитаризм... Но эта же война стала катализатором для самопознания многих народов и познания человека, взявшегося за оружие. Тогда «была жизнь, и была честь военного, и была присяга, и был долг, и была вражеская пуля, был сильный противник...» [4, с. 62]. В немногих произведениях русской литературы о Первой мировой войне звучали новые вопросы и проблемы: изменение отношения к русской армии, офицерству; народное осознание войны как всеобщей беды; осмысление войны как страдания, за которым последует очищение, покаяние; ощущение войны как раскрепощённой жестокости, проявившей себя в последующих событиях революции и гражданской войны.

Библиографические ссылки

1. Аннинский Л. Неизвестная война / Л. Аннинский // Родина. – 1993. – № 8–9. – С. 182–183.
2. Гумилёв Н. Записки кавалериста / Н. Гумилёв // Москва. – 1989. – № 2. – С. 61–100.
3. Степанов Е. «И смерти я заглядываю в очи...». Вокруг «Записок кавалериста» Н. С. Гумилёва (1914–1915) / Е. Степанов // Знамя. – 2010. – № 4. – С. 167–188.
4. Тюрин Ю. Проза поэта / Ю. Тюрин // Москва. – 1989. – № 2. – С. 61–62.

Надійшла до редколегії 20.10.2014

УДК 94:82-94](100)«1914/1918»

А. А. Газизова

Московский педагогический государственный университет

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЁВА 1914–1918 гг.

*Человек человеку – философ
И. П. Смирнов [11]*

І. С. Шмельов не був письменником побуту, але й не був і баталістом, майстром історичної прози, він не мав військового досвіду. Інтелектуальна та художня сила його виявилась в оригінальному та самобутньому відображенні подій Першої світової війни та ролі російського солдата в них. Він втілює ідею солдата, його духовний субстрат, що стикається з невидимою реальністю, «війна-філософа».

Ключові слова: І. С. Шмельов, Перша світова війна, оповідання, вінок невідомому солдату.

И. С. Шмелёв не был бытописателем, но не был и баталистом, мастером исторической прозы, у него не было военного опыта. Интеллектуальная и художественная сила его выразилась в оригинальном и самобытном отображении событий Первой мировой войны и роли русского солдата в них. Он воплотил идею солдата, его духовный субстрат, соприкасающийся с невидимой реальностью, «воина-философа».

Ключевые слова: И. С. Шмелёв, Первая мировая война, рассказы, венок неизвестному солдату.

I. S. Šmeljov war kein Darsteller des Alltags, doch war er auch kein «Schlachtendichter» und kein Meister der Historienprosa. Er hatte einfach keine Kriegserfahrung. Die intellektuelle und künstlerische Kraft des Schriftstellers kam in der originellen und sehr persönlichen Darstellung der Ereignisse des Ersten Weltkrieges und der Rolle des russischen Soldaten in diesen Ereignissen. Er schuf das Bild eines Soldaten, dessen geistiges Substrat mit der unsichtbaren Realität eines im Kriegsdienst stehenden Philosophen in Berührung kommt.

Schlagwörter: I. S. Šmeljov, Erster Weltkrieg, Erzählungen, Kranz für einen unbekannten Soldaten.

Many countries have a Tomb of Unknown Soldier. Europe saw the appearance of the memorials in 1920 when the soldier killed in France was reburied in

Westminster Abbey, London on 11 November. There was an epitaph on his grave: «A Soldier of the Great War known unto God».

The first Eternal Flame was lit on the Tomb of Unknown Soldier at the Arc de Triomphe in France on 28 January 1921. An epitaph states «Here lies a French soldier who died for the fatherland 1914–1918». The United States of America was the third country in the world with a Tomb of the Unknowns installed. It was a burial of an unidentified American serviceman, killed in France, under the inscription «Here Rests In Honored Glory An American Soldier Known But To God».

The USSR opened a first memorial The Tomb of Unknown Soldier on 8 May 1967 in the Alexander Garden at the Kremlin Wall in Moscow. It has the remains of the unknown soldier who was killed in the Battle of Moscow and initially buried in a mass grave. The Eternal Flame was transported from the Field of Mars, Leningrad. And there is a direct address to the Unknown Soldier stating «Your name is unknown, your deed is immortal».

It is vital to distinguish and consider a religious and philosophical meaning in an ambiguous notion of «unknown soldier», which is over-official and more than common. Russian theologians and philosophers believe that a soldier defends a Truth, being universe, while his is fighting. Thus, he is «united with Christ» in his sacrifice. Religious interpretation of a cosmic self-sacrifice made by a Russian soldier in battle was peculiar to Ivan Shmelyov.

He was one of those who perceived the world catastrophe with a grief intensified by personal anxiety. His son, who was a student of Moscow University, went to the front as a member of artillery, spent two years (1916–1917) fighting at the German front, poisoned with the enemy gas he came back home crippled. Being an artist, Ivan Sergeyevich sublimed his thoughts, observations and anxiety and turned them into a verbal art, aesthetically transforming them, thus, forming a garland to a Russian soldier of World War I. No one can feel more sorrow than that caused by the fact that Shmelyov's great epic idea failed to be implemented in life. A novel titled «Soldiers» was «to embrace the unembraceable», but had never been completed. (Russian culture of the 20th century is characterized by the incompleteness of the great ideas. For example, Pavel Korin's picture «Farewell to Rus» is close in an axiological sense to Shmelyov's ideas). The writer had made a lot of attempts to work out the novel «Soldiers». Since 1914 he had been writing, gathering and publishing the material – essays, novelettes, short stories, articles, interviews (recorded by the interlocutors), which contributed to the volumes in the collected works. Taken together they show the way in which the author collected the flowers to the metaphorical garland, giving different preference from year to year.

Keywords: I. S. Shmelyov, World War I, short stories, a wreath to the unknown warrior.

Анна Андреевна Ахматова говорила, что двадцатый век нужно исчислять не с 1900 г.: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, так же как XIX век начался Венским конгрессом. Календар-

ные даты значения не имеют» [1, с. 248]. И столетие начала Первой мировой войны в «веке необычайном» (Н. Глазков)¹ – тоже событие всечеловеческой истории.

Современные философы считают Первую мировую войну (1914–1918) фундаментальной и феноменальной (Мераб Мамардашвили) [9, с. 393], в ней участвовали тридцать пять стран, миллионы воинов погибли. Останки более тринадцати миллионов погибших не были или не могли быть опознаны [12, с. 233–257], и понятие «неизвестный солдат» стало их символом.

Во многих странах мира есть Могила Неизвестного Солдата. По слову О. Э. Мандельштама:

<...>И в своей знаменитой могиле

Неизвестный положен солдат [10, с. 487].

Мемориалы появились в Европе в 1920 г.: 11 ноября был перезахоронен в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве английский солдат, погибший во Франции. На его могиле – надпись: «Солдат Великой войны, его имя известно только Богу».

Вечный Огонь впервые в мире был зажжен 28 января 1921 г. под Триумфальной аркой в Париже – на Могиле Неизвестного Солдата. Надпись гласит: «Здесь лежит французский солдат, который погиб за Отечество в 1914–1918 гг.». США стали третьей страной мира, где появилась могила Неизвестного Солдата, перезахоронен был безымянный солдат, также погибший во Франции: «Здесь покоится в славе американский солдат, имя которого неизвестно никому, кроме Бога», – гласит надпись.

В СССР первый мемориал с названием «Могила Неизвестного Солдата» был открыт в Москве 8 мая 1967 г., около Кремлевской стены, в Александровском саду. В ней перезахоронен неизвестный солдат из братской могилы павших у деревни Крюково при защите Москвы. Вечный Огонь доставили из Ленинграда, с Марсова поля. В надписи – прямое обращение к Неизвестному Солдату, на «ты»: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Очень важно в многозначном понятии «неизвестный солдат» проявлять и учитывать его религиозно-философский смысл – «поверх официального» и общепринятого, обиходного. По мысли русских богословов и философов, солдат, воюя, отстаивает Истину, универ-

¹ «<...> Век двадцатый – век необычайный.

Чем столетье интересней для историка,

Тем для современника печальней» [4, с. 631].

сум, «объединяется с Христом» (С. Н. Булгаков), ради них жертвует собой. Именно этот смысл обнаруживает исследователь Л. Л. Горелик в поэтическом цикле О. Э. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» [10, с. 287–290], созданном в 1937 г., в преддверии Второй мировой войны: «Неизвестный солдат – обобщённый образ обречённого на жизненную борьбу и гибель человека <...> получает какую-то важную роль во Вселенной. Эта роль связана со смертью <...> неизвестного солдата», в чём поэт, считает исследователь, опирался «не только на Евангелие от Иоанна, но ещё более <...> на Деяния Апостолов и, особенно, На Вторую Книгу Царств», где впервые выразилась идея бессмертия, обещание погибшим Дома Бога [5, с. 14, 16]. Религиозное понимание космичной жертвенности воюющего русского солдата было свойственно и И. С. Шмелёву.

Он был среди тех, кто воспринимал случившуюся общемировую катастрофу с печалью, усиленную личными переживаниями: его сын – студент Московского университета – ушёл на фронт с артиллерийской бригадой, воевал в 1916–1917 гг. на немецком фронте, был отравлен газом, применённым противником, и вернулся домой – покалеченным. Иван Сергеевич, будучи художником, сублимировал свои размышления, наблюдения и переживания, переплавил их в словесном искусстве, эстетически перевоплотил, сплетая венок русскому воину Первой мировой войны. Никогда не избавиться от сожалений, что замысел большой эпопейной книги Шмелёву не удалось воплотить. Роман «Солдаты» «должен был объять необъятное» и не был дописан. (В русской культуре XX века недоовоплощённых величественных замыслов осталось немало. Например, живописное полотно Павла Корина «Русь уходящая», аксиологически близкое Шмелёву). Подступов к роману «Солдаты» в неустанной многолетней работе было у писателя немало. С 1914 г. и до конца жизни накапливался, прописывался, издавался подготовительный материал: и очерки, и повести, и рассказы, и публицистика, и прямые устные высказывания (зафиксированы собеседниками), – составившие тома в Собраниях сочинений. Сложенные вместе, они показывают, как писатель подбирал цветы к метафорическому венку, какие из них предпочитал в разные годы.

Он не был бытописателем, но не был и мастером исторической прозы, и баталистом, у него не было военного опыта. Интеллектуальная и художественная сила его выразилась в оригинальной и самообытной манере осмысливать и изображать как события Первой мировой войны, так и роль воюющего русского человека – солдата по пре-

имуществу. Если «душой времени была война» (по слову Б. Л. Пастернака), то олицетворять и время, и его душу суждено было именно солдату. Причём солдат для Ивана Сергеевича – не мелкая разменная монета (*soldus*; *solidus*; *soldo* значатся в латинском и итальянском языках). Прямой иноязычный смысл для него – не главный, он предпочитал широкое значение слова «солдат» – по Владимиру Ивановичу Далю. Сказано в его словарной статье, что солдатом называют «рядового воина»; в переносном значении – это «служивый», «казённый человек», посвятивший себя служению идее, долгу; возвышенный его смысл подкреплён поговорками: «промеж неба на земле» служит Богу»; «Солдат и на том свете в воинстве Христовом служит» [5, с. 264]; «Солдат – Богу свеча<...>» [6, с. 265].

Широкое, далевское толкование слова «солдат» вполне выразилось в шмелёвском рассказе «Солдат Кузьма (Из детских воспоминаний приятеля). Банного парильщика Кузьму Петровича нередко называют Солдатом, и это слово пишется в рассказе с большой буквы, чему есть все основания. Храбрец из храбрецов, молодой Солдат Кузьма отличился на Крымской войне, и, уже будучи пожилым, добровольцем отправился на войну с турками, вернулся с тремя крестами и раной в ногу. В его скромной, безвестной жизни идеально сочетались воинская сила, духовное благородство с непоказным «тихим подвижничеством»: «И много лет мало кому известный, только в большие праздники надевавший свои кресты, знаки незаметного героизма, нёс он малопочётную должность парильщика при банях» [13, с. 288]. И умер бездомный Солдат в военной богадельне, своей одинокой смертью подтверждая, что и доблестный героизм, и духовное подвижничество были проявлением глубинного религиозного духа в нём.

Так и понимали идею героизма русские религиозные философы. С. Н. Булгаков (1871–1944) посвятил ей специальное сочинение «Героизм и подвижничество («Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции», 1909). Отрицая и порицая показное внешнее героизм революционеров, он усматривал высшее проявление героизма в многотерпеливом и безвестном служении людям и Богу – в деятельном подвижничестве каждого. Под истинным, «вполне реальным» подвигом обыкновенного человека он подразумевал «внутреннее и незримое, но неуклонное исполнение своего долга. «Свободный духовный подвиг» означал для него борьбу с «самостью», «своеволием», с «самообожением» [3, с. 142–149], что предполагает немалую силу духа и готовность погибнуть в неизвестности.

И. С. Шмелёв признавал силу духа в солдате, она ему свойственна, и он ею обладает, поэтому каждый сильный духом мог счесть себя солдатом. Есть у него прямое высказывание на этот счёт – в интервью 1932 г., когда пояснял замысел романа «Солдаты»: «Мои солдаты не только военные, я к ним в будущем причислю вообще всех тех, кто стоит за свою идею: журналистов, писателей, общественных деятелей и просто сильных духом русских людей». Можно заметить ассоциативную близость с размышлениями О. Э. Мандельштама о метафизическом призвании солдата, если обратиться к точной интерпретации «Стихов о неизвестном солдате», предложенном Л. Л. Горелик: «Неизвестный солдат <...> – обыкновенный человек «всех времён и народов» <...>, любой человек перед Богом, так как любой человек осуждён на участие в жизненной борьбе и гибель» [5, с. 17]. Добавим к этому, что поэт причислял себя к неизвестным солдатам.

Внимательное, медленное чтение шмелёвских рассказов заставляет задумываться над неожиданными, удивительными и яркими словами, фразами, метафорами, символами, которые побуждают к религиозно-философскому восприятию образа солдата. Например, такая «крохотка», микротекст: юный воюющий сын заверяет родителей в письме, что во всём следует их советам и наставлениям, сражается честно, и заканчивает поклонами «от самого светлого моего лица до чёрной земли». Поразительно, как прочерчивается в простонародной речи персоналистская вертикаль: склоняя лицо своё – «самое светлое» от Света Божьего лика, – «до чёрной земли», сын клянётся в жертвенной верности отцу и матери, родине небесной и родине земной. А солдат зрелого возраста (рассказ «Развяза») кается в письме матери и жене за пьянство с рукоприкладством в довоенной жизни: «Молитесь обо мне». Солдатские письма в рассказах Шмелёва говорят о духовной высоте солдатского покаяния, милосердия, молитвы. «Солдат домой пишет, поминать велит», – запечатлено и в далевском словаре [6, с. 264].

Один из исследователей, анализируя русскую литературу периода Первой мировой войны [7], высказал мысль, что писатели, изображая воюющего рядового, сосредоточили внимание не на боевых, героических свойствах и воинском мастерстве, а на его душевных качествах и человечности; в понятии «человек с ружьём» акцентировалось слово «человек», что влекло за собой такое уточнение смысла: «человек, оказавшийся с ружьём». Следовательно, по суждению А. И. Иванова, изображался не солдат, осознающий себя воином, несущий бремя воинского долга, а – некий человек, попавший в окоп,

на поле сражения, где проявлял себя прежде всего как человек, а не солдат. Шмелёвская философия и метафизика войны не предполагают такой иерархии и такого противопоставления.

Повторим: по объективным причинам Шмелёв не изображал человека на войне, как и человека с ружьём, воина на поле сражения; в его рассказах он находится вне фронтовой стихии боёв и подвигов, окопного быта, мы видим его до войны, после войны, в госпитале, в отпуске, на побывке в деревне – по разным причинам. При этом принадлежность свою к солдатству он осознаёт, долг перед живыми и мёртвыми готов выполнить: «Война для него – не подвиг и не игра и, пожалуй, даже не зло. Страшно важное, страшно трудное дело. Сделать его нужно – не отвернёшься. Но нельзя и забыть своё, здешнее» («Под избой») [12, с. 402]. Идя воевать впервые или возвращаясь на фронт после ранения или отпуска, шмелёвские солдаты понимают или знают, что идут на смерть, что будут убиты: они особым образом прощаются, завещают имущество, поручают и близким, и далёким позаботиться о своей семье, обо всей родне, даже о не успевших родиться детях (рассказ «История», например).

Лев Александрович Аннинский заметил, что Л. Н. Толстой впервые в художественной литературе изобразил тех, кто идёт воевать и знает, что будет убит, что не вернётся. И. С. Шмелёв продолжил толстовскую линию в изображении мобилизованных мужиков, а их призывали «под косу, всех» [13, с. 308]. Обратившись в солдат, они понимают, что обречены на смерть за Веру, Царя и Отечество. Созданные автором ярчайшие картины деревенских проводов погружают в психологическое состояние уходящих на войну, в их переживания, нелёгкие размышления. При переходе из крестьян в солдаты, на границе между привычной и смертельно опасной жизнью шмелёвские мужики не только испытывают новые чувства, но и много, напряжённо думают, превращаясь в «воинов-философов» (понятие И. П. Смирнова). Солдат был интересен Шмелёву в той пространственно-временной точке, когда он философствовал, вёл интеллектуальный диалог, осмысливал эпоху катастрофических перемен и свою готовность к самоизменениям («Лик скрытый»). Незримым, внутренним движением мысли шмелёвский солдат проявляет духовную свободу, склонность в эмпирическом опыте военных лет усмотреть вышний бытийный смысл: «Крепко и глубоко зацепила невидная война. Со стороны будто и не так заметно: тянется привычная жизнь <...> А если взглядеться...» («Оборот жизни») [13, с. 219]; «За немцев до-

сочно! Механики ... даже первые в мире социал-демократы... пако-
стят свою жизнь злобой и жадностью...» («Чего ждёт земля: Суд Со-
ломона» [13, с. 231]. ; «И победим – всё равно шею подставляй, пото-
му мы не люди, не образованные, измывайся, лупи, как тебе угодно»;
«Может, через эту войну всё увидим... подведём баланцы» («Прав-
да дяди Семёна»).

Заметим, что большинство рассказов 1914–1918 гг. заканчива-
ются мыслями и вопросами мужиков, которые порождены военным
временем, но обращены к вечности и остаются без ответов: «– Ну
когда же предел будет, а? Так никто и не знает? <...> Один только
Господь знает...» («Правда дяди Семёна»). В финале «Поездки» де-
ревенский податной разглядывает небо: «И сколько веков эта звезда
смотрит, а под ней скрипит и скрипит (идут по зимней стуже обозы).
И для чего всё? А звёзды для чего?». В финале рассказа «На боль-
шой дороге» появляется из тьмы и во тьме растворяется потерявший
сына безымянный мужик (сын убит на фронте): «Что ж теперь?» –
спросил он тёмное поле» и пошёл, не разбирая дороги, «из колеи в
лужу». А до него так же шли парни и «кричали песню». «Что-то ме-
тафизическое» [12, с. 109] в устрашающем будущем уловлено Шме-
лёвым: оно и в безответном вопрошании осиротевшего мужика, и в
беспросветном бездорожье, и в безоглядном движении по нему под
пьяную песню.

И. С. Шмелёв умело проявлял неведомый лик скрытой крестьян-
ской жизни и показал, что деревенский мужик в своём ратном деле –
философичен. Он сосредоточился на изображении думающего сол-
дата и в этом не противоречил русским философам [11, с. 245]. Для
его солдата главным делом (до, после или без военных действий) ста-
новилось – думание о военной ситуации в глобальном, универсаль-
ном плане, осознание своей роли на войне и отыскание своего места
в мироздании. Не воюющий, а мыслящий, совершающий усилие со-
знания в духовном постижении мироустройства, самого себя, своего
социального положения, шмелёвский солдат – безусловное художе-
ственное открытие в литературе XX века. Он олицетворяет идею сол-
дата, его духовный субстрат, отклик на зов Сущего, «единый куль-
турный тип», «абсолют», соприкасающийся с высшей, невидимой
реальностью.

Что касается определений «безымянный», «неизвестный», то они
не могли быть близки сознанию И. С. Шмелёва, если им придавал-
ся атеистический, внерелигиозный смысл. Шмелёвскому духу, ко-
нечно, ближе надписи на памятниках героям Первой мировой вой-

ны в Англии, США, где сказано, что имя каждого погибшего воина известно Богу. Есть в Европе и мемориалы, сохраняющие поимённую память о погибших воинах Первой мировой войны: храм-музей в Эдинбургской крепости, часовня на главной городской площади в Вене.

Геройский генерал и известный эмигрантский писатель Пётр Николаевич Краснов (1869–1947) сетовал, что «сотни, тысячи <...> десятки тысяч <...> миллионы» погибших русских воинов лежат после Первой мировой войны безымянными на полях «Восточной Пруссии, Польши, Галиции и Буковины <...> в Карпатских горах, у границы Венгрии <...> в Румынии и Малой Азии <...> в чужой им Франции» [8, с. 13], что солдатские памятники – деревянные кресты – живут недолго: «<...> стоит низкий, почти равноплечный косой крест, сделанный из двух тонких дубовых жердей. На их скрещении кора снята и плоско застругана. Там химическим карандашом написано... Дожди и снега смыли почти все написанное»; «Крест покосился и уже мало походил на крест... Надпись выцвела и стерлась. Для всех – это была могила неизвестного солдата, мне же она была известна и издали приветствовала меня дорогими словами: “За Веру, Царя и Отечество”» [8, с. 9]. Он считал своим долгом назвать поимённо всех воинов, кого знал, видел в бою, с кем кратко встречался на полях сражений, в госпиталях, в пеших походах: «Во имя всех их <...> на их могилу мне хотелось бы возложить мой скромный венок воспоминаний...» [8, с. 11]. Он выполнил свой долг, написал книгу и назвал её «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии», 1923.

Своей прозой 1914–1918 гг. И. С. Шмелёв тоже настойчиво и многотерпеливо сплетал венок в память о воинах Первой мировой и тем противостоял болезни человеческого духа – беспмятству – в самом глубинном смысле слова. Показателен рассказ о церковных поминальных книгах – «У плакучих берёз (Памяти павшего в бою капитана Е. Е. Пиуновского)», 1915. Повествователь идёт в деревенскую часовенку, чтобы именно здесь вписать в поминальную книгу убитого на войне друга. Когда-то, будучи мальчиками, они приходили сюда и – бездумно – пошутили, оставив поминальную запись о вымышленных мужиках Сидоре и Тите. «А у нас нет никакого горя. Светла перед нами жизнь» [12, с. 207], – уверены были они. Но пришла война, убит друг, и возмужавший в горе повествователь хочет в той, старой поминальной книге оставить запись о нём, но тех поминальных книг уже нет: «Нарушены», – отвечает монах. Какое ём-

кое слово! Мы ведь так и говорим о болезни беспамятства: «Нарушена память».

В финальном лирическом слове повествователя трагическая нота невозвратимой утраты «убиенных воинов» усилена мощным суждением о всеобщем разрушении связи времён и поколений: «Они **рушатся** час за часом, неведомые <...> и **рушатся** с ними жизни поколений» [12, с. 207]. (Выделено мной – А. Г.). Но человеческому разрушительному беспамятству противостоит, по мысли автора, – природа. Он наградил повествователя духовным зрением и слухом, чтобы он увидел в «плакучих берёзах по дорогам» символические колокольни и услышал их погребальный звон: «По тебе они уже отзвонили, товарищ детства» [12, с. 209]. Плакучим берёзам суждено преодолеть беспамятство, звонить и по «новой страшной численности» погибших солдат.

Неизвестный Солдат в шмелёвских рассказах – не один из многих, а Тот, Самый, Ты, Он, Каждый, подтвердивший своё право на собственное имя, дарованное писателем: денщик Жуков, плотник МIRON, работник Максим, Семён Николаич Кубарев, Михайла Семёныч Орешкин, Мишка-солдат, Стёжкин, Андрон, Павел, офицеры Е. Е. Пиуновский, Сушкин, Шеметов, Жданов, Солдат Кузьма. По праву творца И. С. Шмелёв давал героям и персонажам имена, поступки, мысли, чувство и речь, проявлял их героизм на поле сражения и подвижничество невидимого духовного служения в миру. И мы знаем, что вечная память о них сохранится в Слове:

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена (1915) [2, с.47].

Библиографические ссылки

1. Ахматова А. А. Автобиографическая проза (очерки, заметки, дневниковые записи) / А. А. Ахматова // Сочинения в двух томах. – Т. 2. – М.: Художеств. л-ра, 1986. – С. 236–248.
2. Бунин И. А. Слово / И. А. Бунин // Мистраль: Избранная лирика. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – 80 с.
3. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков. – М.: Русская книга, 1992. – 528 с.

4. Глазков Н. И. «Лез всю жизнь в богатыри да в гении...» / Н. И. Глазков // *Строфы века : Антология русской поэзии* / сост. Е.Евтушенко. – М. : Полифакт. Итоги века, 1999. – 1053 с.

5. Горелик Л. Л. Отчёт о «правосудии Божиим» в Стихах о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама / Л. Л. Горелик. – Смоленск : Смоленс. гос. пед. ун-т, 1998. – 32 с.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1982. – 683 с.

7. Иванов А. И. Первая мировая война и русская литература (1914–1919 гг.). – Дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Иванов Анатолий Иванович. – М., 2005. – 225 с.;

8. Иванов А. И. Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / А. И. Иванов // *Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманит. вып. : Философия. Социол. История. Литературоведение. Унив. жизнь.* – 2005. – № 4. – С. 87–96.

8. Краснов П. Н. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии / П. Н. Краснов. – Джорданвиль : Свято-Троицкий монастырь, 1986. – 55 с.

9. Мамардашвили М. К. Вена на заре XX века / М. К. Мамардашвили // *Как я понимаю философию.* – Изд. 2-е. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1992. – С. 388–403.

10. Мандельштам О. Э. Стихи о неизвестном солдате / О. Э. Мандельштам // «И ты, Москва, сестра моя, легка...» : Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии: Венок Мандельштаму. – М. : Московский рабочий, 1990. – С. 486–490.

11. Смирнов И. П. Человек человеку – философ / И. П. Смирнов. – СПб. : Алетейя, 1999. – 369 с.

12. Шмелёв И. С. У плакучих берёз (Памяти павшего в бою капитана Е. Е. Пиуновского). Солдат Кузьма (Из детских воспоминаний приятеля). История. Под избой / И. С. Шмелев // *Собр. соч. : в 12 т. – Т. 4 : 1914–1916. – Рассказы. Пьесы.* – М. : Сибирская Благовонница, 2008. – 574 с.

13. Шмелёв И. С.оборот жизни. Чего ждёт земля: Суд Соломона / И. С. Шмелев // *Собр. соч. : в 12 т. – Т. 5 : 1916–1923. – Рассказы.* – М. : Сибирская Благовонница, 2008. – 446 с.

Надійшла до редколегії 15.11.2014

УДК 94:82-94](100)»1914/1918»

Я. В. Галкина

Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля

МОТИВ СУДЬБЫ В РАССКАЗАХ А. ГРИНА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Проаналізовано особливості художньої реалізації мотиву долі в оповіданнях Олександра Гріна, що стали відгуком на події Першої світової війни («Повість, завершена завдяки кулі» (1914), «Подія у квартирі пані Серіз» (1914), «Епізод у взятті форту Циклоп» (1914), «Наказ по армії» (1923)).

Ключові слова: оповідання, війна, мотив долі, вибір, подія.

Проанализированы особенности художественной реализации мотива судьбы в рассказах Александра Грина, ставших откликом на события Первой мировой войны («Повесть, оконченная благодаря пуле» (1914), «Происшествие в квартире г-жи Сериз» (1914), «Эпизод при взятии форта Циклоп» (1914), «Приказ по армии» (1923)).

Ключевые слова: рассказ, война, мотив судьбы, участь, выбор, событие.

Im Beitrag werden die Besonderheiten der künstlerischen Verwirklichung des Schicksalsmotivs in A. Grins Erzählungen analysiert, in denen sich die Ereignisse des Ersten Weltkrieges widerspiegeln («Erzählung, deren Ende einer Kugel zu verdanken ist» (1914), «Ein Vorfall in der Wohnung von Frau Series» (1914), «Episode bei der Erstürmung des Forts «Zyklop» (1914), «Armee-Befehl» (1923)).

Schlagwörter: Erzählung, Krieg, Schicksalsmotiv, Schicksal, Wahl, Ereignis.

Today literature about the World War I is associated with the writers of the «lost generation» (E. Hemingway, E.-M. Remarque, etc.). Despite the fact that Russia was one of the direct participants in the events, it is much more difficult to name the works elaborating upon this theme in Russian literature. Tendentious interpretation of the phenomenon of World War I in the history of the twentieth century contributed to ignoring some texts of Russian literature in general. Objective research approach requires a careful reading of the works about the event, as it contributes to the understanding its spiritual, moral component. The works of Alexandr Grin (Alexandr Stepanovich Grinevsky), better known to readers as the author of adventure and fantasy genre, played the important role in the process.

A. Grin is a writer with extensive experience of life observation. He worked as a sailor, a worker, a lumberjack. Serious challenge was sent by his military service (1902). But his rejection of military orders and free rebellious character

pushed the soldier Grin to desertion. He preserved the memories of the army terror during all his life.

In 1914 the military theme became an element of the works of the writer who had already been well-known in Russia. In the short stories about the war he explored the human psychology in extreme situations, in terms of the absurd reality.

It was World War I that provided the basis for the creative thinking. Though the writer did not participate in the event, he presented a specific cultural response to it. Today, this part of Grin's heritage has not actually been investigated in spite of its being important for understanding the author's worldview and significant for the understanding the literary perception of one of the 20th century tragedies. Moreover, it stipulates the Russian public opinion during the World War I.

The article studies the fate motif in A. Grin's short stories of 1914–1923. Artistic realization of this motif has been studied at the level of characters, plot, artistic space. The short stories «The Story completed by the bullet» (1914), «The incident in the apartment of Mrs. Cerise» (1914), «The incident in the capture of Fort Cyclops» (1914), «Order of the Army» (1923) have been analyzed.

The fate of the characters is constructed by means of history overlapping and its crossing, personal choice manifested in action, and the fate of the character from the «imaginary» space. As a rule, the choice of Grin's characters is grounded on a humanistic motive harmonizing the relationship between the human person and the world, even under the absurd circumstances.

Keywords: short story, war, motif of fate, destiny, choice, event.

Сегодня художественная литература о Первой мировой войне чаще ассоциируется с писателями «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Э.-М. Ремарк и др.), т.е. текстами, созданными в послевоенные годы. Значительно труднее назвать произведения на эту тему в русской литературе, хотя Россия и была непосредственным участником событий. Тенденциозное осмысление феномена Первой мировой в истории XX в. способствовало тому, что часть текстов русской литературы вообще игнорировалась. Объективный исследовательский подход требует внимательного прочтения произведений об этом событии – это способствует пониманию его духовной, моральной составляющей. Значительное место в этом ряду занимают произведения Александра Грина (Александр Степанович Гриневский), более известного читателям как автора приключенческого, фантастического жанра. Произведения Грина создавались прямо в годы войны или сразу после нее и их логично считать живым откликом на события.

А. Грин – писатель с огромным опытом наблюдения жизни. Он испробовал себя в разных профессиях – от моряка до лесоруба. Серьезным испытанием стала для него полугодовая служба в армии

(1902). Неприятие армейских порядков, свободолюбивый бунтарский характер подтолкнули солдата Грина к дезертирству. Воспоминания об армейской системе как кошмарной машине Грин хранил всю жизнь.

В 1914 г. военная тема вошла в произведения уже довольно известного в России писателя. В рассказах на военную тему он исследует психологию человека в экстремальной ситуации, в условиях абсурдной реальности.

Материалом для творческого осмысления становится именно Первая мировая война, в которой писатель не участвовал, но смог представить характерную культурную реакцию на событие. Сегодня эта часть наследия Грина фактически не исследована. Однако она важна для понимания авторского мировоззрения и представляет интерес для осмысления литературного восприятия одной из трагедий XX в., это часть общественного мнения в России времен Первой мировой войны.

Цель данной статьи – рассмотреть мотив судьбы в рассказах А. Грина 1914–1923 гг., исследовать художественную реализацию этого мотива на уровне персонажей, сюжета, художественного пространства. Проанализированы рассказы «Повесть, оконченная благодаря пуле» (1914), «Происшествие в квартире г-жи Сериз» (1914), «Эпизод при взятии форта Циклоп» (1914), «Приказ по армии» (1923).

Литературовед Кирилл Кобрин справедливо заметил, что война XX в. (Первая мировая) получила характер тотальной, и таковой постепенно стала изображаться в литературе, тогда как войны предыдущих периодов воспринимались и изображались как «персональные» (вроде личной войны Пьера Безухова против Наполеона в толстовском романе) [5]. По мнению К. Кобрина, Франц Кафка – первый европейский литератор, который отразил персональную трагедию человека, попавшего в «деперсонализированную ситуацию хорошо организованного абсурда» [5]. Произведения А. Грина, вышедшие в 1914–1918 гг. и разрабатывающие военную тему в качестве фоновой, тоже затрагивают проблему деперсонализированной реальности. Но конфликт личности с такой реальностью имеет не трагический, а драматический характер. В этих историях осуществляется судьба и выбор частного, обычного человека вне политических, экономических, религиозных, национальных интересов. Небольшие по объему рассказы исключают возможность развернутого, длительного, насыщенного многими событиями сюжета, поэтому повество-

вание как правило разворачивается вокруг одного случая/события, определяющего выбор и судьбу человека (судьбу – не в «шолоховском» понимании «жизнь», но в романтически-экзистенциальном – как участь).

Война в этом случае изображается некой общей долей, в которой каждый проходит свой личный путь и доказывает право быть человеком.

Истории Грина кажутся отголоском романтического сознания начала XIX в. В перечисленных произведениях использован весь арсенал узнаваемых средств романтической поэтики, начиная с двоемирия, связующим элементом в котором является соответствующий герой, и заканчивая иронией по поводу чаемого, но недостижимого, по поводу неизменности человеческой натуры

Военный фон у Грина – максимально обобщен. Автор не конкретизирует места событий, его не интересуют подробности военного быта. Но военная атмосфера передается отдельными штрихами, вполне достаточными для создания настроения. В «Повести, оконченной благодаря пуле» – это дорога к линии фронта, перестрелка в лесу. В «Происшествии в квартире г-жи де Сериз» – гребень бельгийского окопа под шрапнелью, в «Эпизоде при взятии форта Циклоп» – описание боя, разговоры в офицерских палатках, в «Приказе по армии» – «щелканье затворов» при встрече немцев и французов. Грина гораздо более волнует, что происходит у героя в душе.

Одно из характерных настроений описываемого времени уловил чешский писатель М. Брод, отметив: «Вспыхнула большая война. Настало время, по сравнению с которым все, из-за чего все мы до сих пор страдали, превратилось в какую-то сказочную страну, сверкающую розовым блеском детства» [5]. Прошлое, как представление о нормальной жизни, продолжало жить в сознании каждого в качестве мерила наступившей реальности. А. Грин выражает аналогичную мысль, используя в литературе XX в. модель двоемирия. Его герои живут одновременно в реальности военного абсурда и в реальности собственной фантазии. Для них это не столько способ бегства, сколько возможность сохранить человеческое лицо, лучше понимать происходящее и определять себя в нем.

В «Повести, оконченной благодаря пуле» главный герой – писатель Коломб, озабоченный завершением своего произведения. Самая существенная для него проблема – понять мотивировку поступка собственного персонажа. А персонаж этот – женщина-анархистка, неожиданно «предающая» идею и дело и отказывающаяся совершать

теракт. «Вживаясь» в сознание персонажа, писатель отправляется на войну, и в совершенно типичной для войны обстановке прозревает. Происходит это после его ранения навывлет в перестрелке. Коломб понял, что для его героини смерть, и почему она отказывается от убийства. Судьба Коломба благодаря его личному сознательному выбору в некой точке совпадает с судьбой литературной героини и с судьбами тысяч реальных людей, находящихся перед лицом смерти. «Она, как и он, ожидает смерти; как он, желает покинуть жизнь в несовершенном ее виде. Как он – она человек касты; ему заменила живую жизнь привычка жить воображением; ей – идеология разрушения; для обоих люди были материалом, а не целью, и оба, сами не зная этого, совершали самоубийство» [1, с. 327].

Так, совпадение индивидуального субъективного принципа и бытия обеспечивает экзистенциальное «озарение».

В «Происшествии в квартире г-жи Сериз» описывается совершенно фантастическая ситуация в духе сказочных новелл Гофмана. Маг и чародей Калиостро проживает очередную сотню лет в уединении – в гималайском дворце. Летом 1914 г. он улавливает некие «сотрясения эфира» и проявляет заинтересованность происходящим [2, с. 300]. Но проникновение в суть событий, использование помощи духов требует магической взятки «высшим силам» – доброго дела. Добрым делом Калиостро становится сохранение семейного счастья влюбленной пары – «маленьких людей» из Бельгии. Муж нежной и чувствительной госпожи Сериз отправлен на фронт. Жена страшно обеспокоена. Даже на героя читаемого ею женского романа (бравого офицера) она переносит свое беспокойство о муже. Проникнув в ее нехитрые мысли, Калиостро, как и положено волшебнику, изменяет книжную реальность (сохраняет жизнь герою романа) и укрывает от снарядов находящегося в окопе господина Сериза. Спасенное «частное» счастье – доступ Калиостро к Разуму событий, к божественной мудрости.

Рассказ откровенно ироничен, так как в нем писатель, подобно фокуснику, играет штампами женской развлекательной литературы, каббалистической терминологией, заставляет духов совершать анекдотические поступки (например, превращать порох в нюхательный табак). Сентиментально-сказочная мишура и теософский пафос вуалируют банальную и вечную истину – мир стоит на добрых делах.

И великий «созерцатель» Калиостро охотно этому принципу следует. Ситуация в этом рассказе смоделирована подобно той, которая присутствует в «Повести, оконченной благодаря пуле». В еди-

ной точке сходятся судьба волшебника, книжного персонажа, «маленьких» бельгийцев и мировая история, и именно в этот момент открывается смысл последней. Участь каждого не объяснима случайностью, но и predetermined ее считать нельзя. Она – результат осознанного выбора. Влюбленная в мужа госпожа Сериз молится о его спасении, «влюбленный» в «постижение начала вселенной» Калиостро совершает чудо, следуя определенному правилу. В основе выбора каждого – очевидный гуманистический мотив, позволяющий вселенной хоть на миг, но пребывать в гармонии.

В «Эпизоде при взятии форта Циклоп» А. Грин соединяет мотивы войны и игры с судьбой. Участвующие в осаде офицеры, уставшие от соседства со смертью, развлекаются игрой в карты. Один из них, Егер, формулирует нечто вроде пари: «Однако сделаем опыт, опыт в области случайности. Я, например, очень хочу проиграть сегодня все деньги, а завтра быть убитым. Уверю вас, что будет по-моему» [3, с. 307]. Дерзкое заявление объяснимо: Егер страдает от холодного письма возлюбленной, которая вдруг решила прервать отношения с ним. Писатель воспроизводит ситуацию, часто встречаемую в романтических произведениях. На стороне Егера вдруг оказывается постылое «счастье игрока», которому не повезло в любви, но сопутствует удача в картах и бою. Судьба отворачивается от него тогда, когда легкомысленная и легковверная возлюбленная, передумав, извиняется и снова благоволяет своему избраннику. Егер испытывает необыкновенное счастье, а следом – беспокойство за свою жизнь, освещенную этим счастьем. Беспокойство обрывается пулей в ближайшем сражении. Читатель расстается с героем в медицинской палатке, где невозмутимые хирурги гадают, выживет ли молодой офицер, и в чем его везение – в том ли, что еще не умер, или в том, что не пришел в сознание и, возможно, умрет без боли. Врачи не знают о «внутреннем» конфликте Егера, но их финальная сентенция, банальная до пошлости, вполне отражает идею рассказа и подводит итог действию: «Так, – сказал второй, – счастье условно» [3, с. 313]. Счастье, ощущение полноты жизни – ситуативны, моментальны, они скрашивают человеческую жизнь в условиях непостижимых и бессмысленных. И человек волен выбирать, как поступить, но не волен победить зло тотальное. Судьба – не неотвратимый фатум, но и не подвластный человеку инструмент. Это череда жизненных моментов.

Аналогичный взгляд просматривается в миниатюре «Приказ по армии», где описана встреча воюющих подразделений, французов и немцев, со случайно забредшими на обстреливаемую территорию

детьми. Повествование ведется в модусе романтической иронии, знакомой по «Происшествию в квартире г-жи Сериз»: «Великая европейская война 1914–1917 гг. была прекращена между Фиттибрюном и Виссенбургом обитательницей последнего, девицей Жанной Кароль, девяти лет и трех месяцев. Правда, эта война была прекращена не совсем, не более, как может быть, на один час и только в одном месте, – что до этого? Важно событие» [4, с. 212].

Девятилетняя девочка уподобляется спасительнице Франции Жанне д'Арк, так как факт ее присутствия остановил военные действия. Враждующие взрослые хотя бы ненадолго стали человечнее: и немцы, и французы поняли, что детей нужно срочно вывести с опасного участка, возникла ситуация кратковременного перемирия: «...Понемногу завязался разговор. Он кончился благополучно, как обычно кончаются подобные случаи непредвиденного «помешательства», стычки не произошло. Детей вывели на дорогу, приказали им идти домой» [4, с. 214]. Грин нормальное доброжелательное отношение иронично называет «помешательством», намекая на блаженство безумия, противостоящего якобы рациональному, но безлично-кошмарному миру. «Детское пространство» – единичный островок спокойствия в пространстве тотального убийства. Но одновременно это и пространство легендарной Жанны д'Арк. «Наложение» пространств и образов вновь создает возможность для гармонизации бытия и существования – на «один час и только в одном месте». Судьба детишек оказывается неразрывно сплетена с судьбой армий и всеобщей историей в веках.

«Моментальные» миры А. Грина, в которых сопряжены разнообразнейшие реальности, являются только благодаря неисчерпанности гуманистических идеалов. Рассказы Грина на военную тематику можно считать апологией того «человеческого, слишком человеческого», что Ф. Ницше подверг критике еще в 1878 г. в одноименной книге, оставляя идеализм в удел слабым [6]. Первая мировая стала одним из самых осязаемых проявлений цивилизации «свободных умов», т.е. сознания лишенного заблуждений и слабостей, рационального и предельно прагматичного. Романтический мир А. Грина – гуманистический барьер на пути дегуманизации искусства, культуры, истории.

Библиографические ссылки

1. Грин А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 3 : Алые паруса. Блистающий мир. Рассказы. – С. 315–327.

2. *Грин А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 2 : Рассказы 1909–1915 годов. – С. 300–306.
3. *Грин А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 2 : Рассказы 1909–1915 годов – С. 307–313.
4. *Грин А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 4 : Рассказы. – С. 212–214.
5. *Кобрин К.* Настоящий август Франца Кафки [Электронный ресурс] / Кирилл Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/kk16.html>.
6. *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 829 с.

Надійшла до редколегії 21.11.2014

Історіографія

<i>Лавренко В. С.</i>	Осмысление опыта Первой мировой войны на страницах военной периодики русской эмиграции
<i>Венгер А. Г.</i>	Чорне та біле: громадянин і науковець М. Бречкевич про початок «Великої європейської війни»
<i>Слісаренко О. М.</i>	Вітчизняна історіографія військово-морських операцій у Першій світовій війні
<i>Грищенко К. С.</i>	Катеринославський родич генерала Брусилова

Historiographie

V. S. Lavrenko

Verarbeitung der Erfahrungen des Ersten Weltkrieges in der Militärperiodika der russischen Emigration

A. G. Venger

Schwarz und Weiss: Der Bürger und Wissenschaftler M. Brečkavič über den Beginn des «Großen Europäischen Krieges»

O. N. Slisarenko

Ukrainische Historiographie der Militäroperationen der Kriegsmarine im Ersten Weltkrieg

K. S. Griščenko

General Brusilovs «Anverwandter» von Ekaterinoslav

УДК 94(4)–054.72 «1920–1930»

В. С. Лавренко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОЙ ПЕРИОДИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Зроблено спробу узагальнення досвіду Першої світової війни та її уроків, здобутих російською міжвоєнною еміграцією. Виокремлено ряд аспектів цього досвіду, зокрема: воєнний, спілкування з «іншими», підготовки армії та населення до війни.

Ключові слова: Велика війна, історичний досвід, російська військова еміграція, періодика.

Осуществляется попытка обобщения опыта Первой мировой войны и ее уроков, усвоенных русской межвоенной эмиграцией. Выделен ряд аспектов этого опыта: военный, общения с «другими», подготовки армии и населения к войне.

Ключевые слова: Великая война, исторический опыт, русская военная эмиграция, периодика.

Im Mittelpunkt des Beitrags steht die Verallgemeinerung der Erfahrungen des Ersten Weltkrieges und seiner Lehren für die russische Emigration der Zwischenkriegszeit. Hervorgehoben werden einzelne Aspekte dieser Erfahrungen: militärischer Aspekt, Kommunikation mit den «Anderen», Vorbereitung der Armee und der Bevölkerung auf den Krieg.

Schlagwörter: Großer Krieg, historische Erfahrung, russische Militäremigration, Periodikum.

The attempt to summarize the experience of the First World War and its lessons, learned by Russian interwar emigration, is made in the article. The row of aspects of this experience is shown. They are – the military aspect, communicational aspect and the preparation of army and population to the war.

The author stresses the great importance of military experience of former World War in the context of next one's coming, which was predictable for Russian refugees. The discussion about the character of future war (positional or mobile) in the surrounding of Russian emigration of the first after-revolutional wave is shown. The discussion about the effectiveness of cavalry in the next war is also analyzed by the author of the article. Thoughts of Russian emigration about principles of army equipment and connections between rearward and front are examined.

The author discovered one phenomenon: Russian emigration did an assent on the fact that Russian troops helped their Antanta allies even in cases where this help could damage their own interests. Such position caused a lot of conflicts between these groups abroad. The question of Russian-German convergence after the war and its reasons are also enlightened.

The article is devoted to the questions of the preparation of population before the war. The Great War showed the actuality of faster officer's courses and learning of psychological aspect of people's behavior on the battlefield. Russians in exile had some researches on these questions, their results are stressed by V. Lavrenko.

Though opinion of Russian emigration about the conclusions of the First World War gives very interesting material for historians, their experience left on the paper only, because emigrants did not have real possibilities to influence geopolitical decisions during 1939–1945.

Keywords: Great War, historical experience, Russian interwar emigration, periodicals.

Изучение вопросов исторического опыта и его осмысления имеет как общественную, так и научную актуальность. Не секрет, что в современном социуме, который можно охарактеризовать как информационный, СМИ и политические силы, за ними стоящие, часто используют апелляции к прошлому ради своих сиюминутных интересов. Такая неумелая игра с массовым историческим сознанием приводит к плачевным результатам: национальному снобизму, разжиганию межнациональной розни, виктимизации этносом своей действительности, а как следствие – к поиску виноватых в своих проблемах и прочее. Избежать этого можно только путем продуманной политики памяти, разрабатывать которую целесообразно лишь после осмысления и обобщения исторического опыта на уровне академической науки и публичных интеллектуалов. В силу этого, на передний план среди вопросов истории, изучение которых затребовано обществом, выдвигаются модели диалога человек-прошлое, существовавшие ранее.

Что касается научной актуальности, то изучение рефлексий людей предыдущих эпох над своим прошлым выводит нас на постановку проблемы методологического характера о том, может ли история преподносить какие-либо уроки человечеству.

Великая война еще в момент ее начала рассматривалась обществом как событие, достойное увековечивания. Свидетельством этому является серия публикаций «Великая война в образах и картинах», выходившая с 1914 г. [10–12]. И уже в тот период эта война рассматривалась как то событие, на котором стоит воспитывать нацию. В подтверждение этого тезиса сошлюсь на публикации дидак-

тического характера для школьников и студентов, появившиеся непосредственно еще в военное лихолетье: «Великая война в России за свободу и объединение славян. Сборник статей для школьных и народных библиотек» (М., 1914) [13], Г. Афанасьев «Происхождение теперешней войны. Лекция, прочитанная в Педагогическом музее цесаревича Алексея воспитанникам и воспитанницам киевских средних учебных заведений» (К., 1915) [7], М. Бречкевич «Великая европейская война, ее историческая основа и смысл. Публичная лекция, прочитанная 1 ноября 1914 г.» (Казань, 1914) [8], «Сборник лекций профессоров высших учебных заведений города Киева на тему «Война и заем» (К., 1917) [25], М. Любановский «О значении переживаемого ныне исторического момента (речь на акте медвединовской гимназии 2 октября 1915 г.» (Б.м) [17].

Однако советская эпоха отодвинула опыт Великой войны на второй план. Войне дали ярлык «империалистической», чуждой интересам рабочих и крестьян, а следовательно опыт этой войны стал не важен. Изучение Первой мировой превратилось в поиск виновных в ее развязании и поиск нажившихся за ее счет, буквально на «народной крови». Кроме того, впоследствии Вторая мировая война, более масштабная и менее отдаленная во времени, вытеснила образ «Великой войны» 1914–1918 гг. и из народной памяти. Примеры советской риторики о Первой мировой на основе названий научных работ являются: «Заговор против мира: как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы» (под ред. И. Ерухимовича, М., 1934 г.) [16], М. Миловский «Преступления империализма против человечества» (Л., 1966) [18].

Следствием такого подхода стало «забывание» Великой войны. Так что современная историография вполне справедливо иногда Первую мировую войну называет «Великой забытой войной» (В. Пархоменко «У войны забытое лицо. Малоизвестные страницы Первой мировой» (Николаев, 2011) [24]). Теперешние исследователи самого масштабного военного конфликта начала XX века как бы «припоминают» его, в том числе и реактуализируют его опыт.

А вместе с тем, для историков и публицистов русской эмиграции события Великой войны всегда оставались на слуху, над ними много рефлексировали, так как они знаменовали собой закат Российской империи и предвещали новый мировой конфликт, через который беженцы стремились ее восстановить (хотя бы частично). Поэтому обращение к этим наработкам русских эмигрантов является своевременным и важным.

В данной статье проанализированы ряд достаточно репрезентативных периодических изданий белоэмигрантов военного и военно-исторического характера, а именно журналы «Часовой» [26–96], «Вестник военных знаний» [2], «Александровец» [1–4], «Морской вестник» [19–23] и др., содержащих публикации о вооружении, тактике, персоналиях, психологических аспектах Первой мировой войны и прочее [5–6; 15].

Таким образом, целью статьи является обобщение уроков, извлеченных русской эмиграцией из войны 1914–1918 гг.

Целесообразно выделить три группы факторов, которые русская эмиграция поддавала осмыслению в качестве своеобразных «уроков истории» для грядущих поколений России: **военный** (включающий вопросы стратегии, оперативного планирования, тактики боя, технической реорганизации армии, налаживания снабжения и работы тыла), **взаимодействие с «другими»** (как бывшими союзниками, так и бывшими противниками), **подготовка армии и населения к войне**.

Осмысление военного опыта Великой войны было связано с тем, что эмигранты понимали наличие скрытых конфликтов между народами Европы, которые при условии несовершенства Версальско-Вашингтонской системы должны были вылиться в новую мировую бойню [28, с. 9–11; 44, с. 8; 48, с. 4–5]. Ю. Данилов прямо говорит о несостоятельности Лиги Наций как фактора поддержания мира, поскольку в нее вошли не все государства, она выражала интересы исключительно победителей Великой войны, и в ее распоряжении не было военной силы для применения санкций в случае невыполнения каким-либо из государств норм установленного мирового порядка [38, с. 6–8]. Вторит ему и полковник Никольский: «Расчеты на Лигу Наций, принципиально безликую и идейно миротворящую, не оправдались» [74, с. 12–14]. То есть, новой войне быть – таково было мнение большинства русских беженцев. В середине 1930-х гг. тематика новой войны на страницах самого читаемого военного журнала «Часовой» вытесняла практически полностью военно-исторические опысы и становилась доминирующей [51–93].

Первый вопрос, который оказался на повестке дня в эмиграции – будет ли грядущая война позиционной (каковой была, в основном, Первая мировая), или она будет маневренной. Большинство авторов издания «Часовой» склонялись к мысли, что новая война будет более динамичной, чем предыдущая [31, с. 10–11; 32, с. 6–7; 44, с. 7–8]. В связи с этим эмигранты говорили о крайней важности изучения

опыта боевых действий на Кавказском фронте, которые демонстрировали невиданную для начала XX века динамику, в основном за счет использования конницы и благодаря личному таланту генерала Н. Н. Юденича [61, с. 12].

Вопрос об интенсивности боевых действий выводил на другую дихотомию, которая интенсивно обсуждалась русским воинством в изгнании, а именно наполеоновская наступательная стратегия (захват ключевых пунктов) или массированное наступление по всей линии фронта [58, с. 6]. Однозначного ответа на этот вопрос эмигранты дать не смогли. С одной стороны маневренность войны предусматривала высокую скорость наступления, которая возможна не по всему фронту, а на его конкретных участках, где достигнуто численное превосходство над противником. С другой стороны – слишком быстрое продвижение вглубь территории противника приводило бы к разрыву с центрами поставок вооружения и продовольствия, что и стало роковой для русской армии при наступлении в Восточной Пруссии в 1914 г. и при Брусиловском прорыве в 1916 г. [34, с. 19–21; 87, с. 11].

Приверженность эмигрантов к маневренной войне объяснялась еще и тем фактом, что среди них было много кавалеристов, и они, естественно, хотели найти свою профессиональную нишу в новом мировом противостоянии. Поэтому конникам приходилось доказывать, что они еще нужны. Но был фактор, с которым эмигранты не могли не считаться – это идущее семимильными шагами развитие военной техники, а именно танков и самоходных установок. Не без оснований они полагали, что эти роды войск могут задвинуть кавалерию на задворки истории [28, с. 19; 40, с. 11; 57, с. 6].

В. Нефедов утверждал, что маневры 1937 г., проведенные во Франции, показали, что ландшафтные особенности и трудности с подвозом топлива для бронетехники не позволяют полностью вытеснить конницу. И хотя ударная мощь бронедивизий, бесспорно, выше, конница тем не менее в условиях бездорожья эффективна на Востоке. Поэтому не может быть альтернативы «или, или», необходимость диктует: и армейская кавалерия, и танки. Хотя этот же автор акцентирует внимание на том, что опыт русской кавалерии, датированный 1918–1920 гг. отстает от современных требований на столетие и что кавалеристам в борьбе за Россию в рамках нового мирового конфликта придется многому учиться [93, с. 19].

У эмигрантов было далеко неоднозначное отношение к военной технике. С одной стороны, они отмечали важность технического про-

гресса в России кануна и периода Первой мировой войны [6, с. 47]. Многократно в военных изданиях публиковались статьи об улучшении качества беспроводной радиосвязи, о развитии техники минирования и обхода минных заграждений. Особенно часты были такие публикации в «Морском вестнике» [19, с. 15; 21, с. 30; 22, с. 57].

Эмигранты высоко отзывались о немецком химике Грабере, первооткрывателе удушающих газов [63, с. 13]. В тоже время красной нитью в эмигрантской прессе звучала некая технофобия. Например, делался акцент на многочисленной гибели русских солдат от своей же артиллерии, на тяжелом психологическом эффекте, оказываемом новыми видами вооружения на противника, что считалось антигуманным [28, с. 9–11].

Еще одной проблемой, ставшей после Первой мировой войны, был принцип комплектации армий: кадровая армия профессионалов (таковой в начале войны была немецкая армия), или массовая армия, укомплектованная путем всеобщей воинской повинности? В целом, эмигранты были склонны считать, что новое мировое противостояние будет не войной армий, а войной наций, а следовательно, число солдат, вовлеченных в бои будет значительным [39, с. 3–5; 46, с. 4]. Но, вместе с тем, эмигранты с осуждением относились к сокращению срока службы во Франции, ибо это могло сделать неподготовленных солдат «пушечным мясом» в условиях войны [95, с. 4]. Баланс между числом и профессионализмом эмигранты пытались найти через систему допризывной подготовки и через национально-патриотическое воспитание.

Массовость военных действий по идее должна была нивелировать роль полководческих талантов в решении конфликта. Но эмигранты наоборот стремились доказать, что «время Суворовых и Кутузовых» еще придет. Свидетельством чему могут служить многочисленные биографические очерки о «звездах» Первой мировой – Фоше, Людендорфе, Гинденбурге и пр. [35, с. 7–9; 85, с. 9].

Главный вывод из Первой мировой войны – это была война на истощение и следующая война будет такой же. Поэтому, успех военных операций во многом будет зависеть от промышленных мощностей тыла, сети железных дорог и логистики. Именно эти аспекты военно-стратегического бытия являлись слабой стороной Российской империи и они, а не морально-волевые качества солдат, зачастую становились причиной катастроф на фронте. Следует отметить, что эмигранты недооценивали промышленный потенциал СССР, считая его аграрной отсталой страной, абсолютно неготовой к войне

с Европейскими государствами. В этом они ошибались, но умение не замечать успехи СССР создавали для эмигрантов атмосферу психологического комфорта [29, с. 5; 39, с. 10; 45, с. 4; 47, с. 4–5].

Что касается опыта общения с «другими», то русская эмиграция попала в уникальные условия, когда контакты и с бывшими союзниками, и с бывшими врагами по Первой мировой были ежедневными, а прошлые представления о «других» должны были быть трансформированы таким образом, чтобы сделать максимально конструктивным теперешний диалог с населением стран-реципиентов.

Магистральной идеей через все статьи, касающиеся Великой войны, проходит идея, что Россия действовала по принципу: «сам погибай, а товарища выручай!» [29, с. 5]. Звучал также тезис, о том, что Россия буквально обрекла себя на коалиционную войну [33, с. 5–8]. Можно выделить четыре эпизода войны, которые описывали эмигранты, когда Россия выполняла свои союзнические обязательства в ущерб собственным интересам:

1. Вступления войск Раненкампа и Самсонова в Восточную Пруссию в августе 1914 г. с целью отвлечь на себя немецкие контингенты, сражающиеся на Марне.

2. Штурм Эрзерума 2 февраля 1916 г. с целью переброски турецких войск с месопотамского фронта, где они сражались с англичанами, на Кавказский.

3. Брусиловский прорыв июля – сентября 1916 г., который, равно как и наступление англичан на Сомме, был отвлекающим маневром направляемым на поддержку союзницы Франции, чтобы оттянуть войска из-под Вердена.

4. Помощь Румынии, присоединившейся к Антанте в августе 1916 г., в удержании линии фронта [26, с. 19–20; 32, с. 6–7; 87–89; 91–92].

Отмечая также и факт героического участия русского корпуса в составе французской армии [48, с. 9–11], эмигранты подчеркивали, однако, что в памяти союзников закрепились не самопожертвование русских солдат, а только позорный Брест-Литовский мир.

Обвинения в сторону бывших союзников многочисленны, причем, в основном речь шла не о том, что Антанта недостаточно поддерживала белое движение как правопреемника имперской России в борьбе против большевиков, которые, по мнению эмигрантов, были напрямую связаны с немецким Генштабом, о том, что русские комбатанты в памятные дни чувствуют себя лишними на союзнических праздниках. Эмигрантов угнетало отсутствие пиетета перед их орде-

нами в Париже, отсутствие возможности пройти парадным маршем и непризнание их заслуг равными заслугам французских солдат.

Но как уже отмечалось, эмигранты были далеко не самостоятельны в своем поведении. Несколько сглаживали конфликт союзники – россияне в прессе заметки о приглашениях русских солдат и офицеров французскими братьями по оружию на их полковые праздники или публикации речей полководцев из числа союзников с признанием заслуг России [14; 15].

Однако этих «позитивных моментов» было явно мало. Эмигранты злорадствовали, когда Франция капитулировала перед Германией 22 июня 1940 г. В декабре 1940 г. передовица «Часового» выдвинула тезис о том, что основной причиной поражения Франции стала переоценка ею своих заслуг в Первой мировой войне: «Плохо, что руководители французских вооруженных сил стали рассматривать коллективную победу 1918 г., купленную огромной кровью (а более всего – русской кровью) как исключительную французскую победу. Война всего блока Антанты против Германии в понимании французов превратилась в франко-германскую войну» [95, с. 1–6].

Совсем иная ситуация сложилась с восприятием российской эмиграцией бывших военных противников. Существовало немало факторов, сближавших за границей русских и немцев. Это и ощущение национального унижения, и стремление решить ряд национальных задач при помощи новой войны, сложное материальное положение и многое другое [72; 73; 78–80].

В связи с этим Центральные государства в целом, и немцы в частности превратились на страницах эмигрантской военной периодики в людей с рыцарской этикой, в противника, достойного уважения. Такое описание предполагало возможность русско-немецкого союза в новой войне, к которому склонялись определенные эмигрантские круги.

Одним из примеров австрийского «рыцарства» на страницах «Часового» было следующее: австрийские офицеры во время борьбы с русской армией за перевалы Карпат оставили в блиндаже послание русским коллегам о том, что оставляют им комфортный и чистый блиндаж и небольшое угощение с расчетом на то, что русские офицеры будут поддерживать в нем чистоту до возвращения австрийков. Покидая этот блиндаж через несколько недель в связи с перемещением линии фронта, русские офицеры написали благодарственное письмо и тоже обещали в скором времени вернуться в свое временное жилище [62]. Биографии немецких полководцев в эмигрант-

ской печати также представляют собой примеры идеальных жизнеописаний национальных вождей. Единственное, чего не могли бывшие белогвардейцы простить немцам так это «опломбированного вагона», который ввез в Россию революцию [29, с. 20–21]. Но собственно, сами же немцы и пострадали от революции, симптомы которой были очень похожи на октябрьские события 1917 г. в Петрограде. И осознание этого, снова-таки, выступало фактором сближения русских и немцев. Еще один образ немцев – нация, которая умеет делать выводы из своих поражений. Эмигранты очень пристально следили за развитием межвоенной немецкой машины и явно оценивали ее выше, чем французскую или советскую [95; 96].

Великая война очень остро поставила вопрос быстрой ротации кадров. Особенным явным был недостаток в младших пехотных офицерах: их жизнь на фронте была самой короткой. В российской армии 1917 г. 75 % офицеров составляли прапорщики и подпоручики военного времени [12]. Кроме того, как уже говорилось, Первая мировая показала, что война отныне идет не между армиями, а между нациями. Осмысление этих двух фактов выдвинуло на передний план разработку ускоренных программ для подготовки младшего офицерского состава и акцентировало внимание на вопросе национально-патриотического воспитания, первичного ознакомления учащейся молодежи с военным делом и поддержания актуальными знаний воинов, ушедших в запас. Это нашло отражение в эмигрантской военной печати [1–4].

Эмигранты отмечали национальный подъем в России на первом этапе войны, который сменился разочарованием в связи с ее затягиванием. Войска стали подверженными влиянию революционной пропаганды [41, с. 7–8]. И отсутствие контрпропаганды, призывающей к войне до победного конца, но при этом способной затронуть что-то личное в солдатах, эмигрантские публицисты ставили в вину командованию. В последующих войнах таких просчетов следовало избегать, что озвучивалось в газетах. Особенно опасным после опыта Октября считалось скопление резервных войск, много слушающих агитаторов, в столице [64, с. 4–5; 68, с. 17].

Важен был для солдат и позитивный пример из прошлого военной действительности. Этим примером в контексте Первой мировой войны на страницах «Вестника военных знаний» и «Часового» стала оборона русской крепости Осовец [14; 47]. Русские войска, несмотря на длительную газовую атаку и численное превосходство немцев в сотни раз, двинулись в наступление, чем ввели противника в панический страх. Кста-

ти, описание этой «атаки мертвых» и на сегодня очень часто встречается в социальных сетях и в популярном искусстве в России.

В тоже время на боеспособности русской армии в Великой войне негативно отражалась и общая безграмотность населения. Например, осознавая отдаленность районов своего проживания, солдаты при непонимании геополитических целей стран Четвертного союза утверждали примерно следующее: «мы рязанские, до нас немец не дойдет» [33, с. 3]. Преодоление неграмотности населения и разъяснительная работа о планах противника могли предотвратить появление таких мнений, которые разлагали фронт, по мнению эмигрантов, не меньше, чем гул вражеской артиллерии.

Первая мировая война впервые выдвинула на передний план психологические аспекты боевых действий. Пример Осовца – яркое тому подтверждение. Эмигранты пытались дать классификацию человеческих страхов на войне и выявить пути минимизации эффекта страха на боеспособность конкретного солдата [82]. В качестве примера негативных психологических явлений они приводили следующий факт. Русская артиллерия из-за нехватки снарядов стреляла гораздо реже, нежели немецкая, которая вела непрерывающийся огонь, однако точность попадания была невысока и не причиняла особого вреда русским бойцам, сидящим в окопах. Но «молчание» своей артиллерии приводило к тому, что солдаты ощущали себя покинутыми, ненужными. Это подрывало веру в победу и в опеку государства над своими защитниками [43, с. 11–12].

Как видим, Великая война с одной стороны показала необходимость наладить «конвейер» во всех отраслях, сопряженных с войной – выпуск оружия, подготовка масс, пропаганда и пр. С другой стороны, эта же война обосновала важность поддержания максимально возможного комфорта конкретного солдата, сидящего в окопе.

Таким образом, осмысление боевого опыта Первой мировой войны белоэмигрантами привели к пониманию ими как просчетов командования, слабых сторон организации русской армии, так и многих вызовов, стоящих перед человечеством в контексте приближающейся новой военной угрозы. Однако этот опыт остался зафиксированным только на бумаге. Ибо эмиграция не имела реальных рычагов влияния на ход дальнейших событий мирового масштаба.

Библиографические ссылки

1. Александровец. – № 6. – июнь 1928 г.
2. Александровец. – № 8. – август 1928 г.

3. Александровец. – № 9. – сентябрь 1928 г.
4. Александровец. – № 33. – сентябрь 1930 г.
5. Армия и флот. – № 3. – 1938 г.
6. Армия и флот. – № 6. – 1939 г.
7. *Афанасьев Г.* Происхождение теперешней войны. Лекция, прочитанная в Педагогическом музее цесаревича Алексея воспитанникам и воспитанницам Киевских средних учебных заведений / Г. Афанасьев. – К. : б. м., 1915. – 37 с.
8. *Бречкевич М. В.* Великая европейская война, ее исторические основы и смысл. Публичная лекция, прочитанная 2 ноября 1914 г. / М. В. Бречкевич. – Казань : б. м., 1914. – 48 с.
9. *Булгаков С.* Война и русское самосознание (публичная лекция) / С. Булгаков. – М. : б. м., 1915. – 59 с.
10. Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М. : Изд. Д. Я. Маковского, 1914. – Вып. 1. – 54 с.
11. Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М. : Изд. Д. Я. Маковского, 1915. – Вып. 1. – 42 с.
12. Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М. : Изд. Д. Я. Маковского, 1916. – Вып. 4. – С. 153–201.
13. Великая война России за свободу и объединение славян. Сборник статей для школьных и народных библиотек / под ред. Ш. Тихомирова. – М. : Юная Россия, 1914. – 136 с.
14. Вестник военных знаний. – № 2 (15). – май 1932 г.
15. Вестник правления общества галлиполийцев. – № 7. – июль 1924 г.
16. Заговор против мира: как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы / под ред. И. Ерухимовича. – М. : Правда, 1934. – 163 с.
17. *Любавский М.* О значении переживаемого ныне исторического момента (речь на акте медвединовской гимназии 2 октября 1915 г.) / М. О. Любавский. – Б. м., б. и. – 9 с.
18. *Миловский М. П.* Преступление империализма против человечества / М. П. Миловский. – Л. : Соцпедгиз, 1966. – 40 с.
19. Морской журнал. – № 12. – декабрь 1928 г.
20. Морской журнал. – № 31–32. – июль–август 1930 г.
21. Морской журнал. – № 35. – май 1930 г.
22. Морской журнал. – № 41. – май 1931 г.
23. Морской журнал. – № 42. – июнь 1931 г.
24. *Пархоменко В. А.* У войны забытое лицо. Малоизвестные страницы Первой мировой / В. А. Пархоменко. – Николаев : ННУ им. В. А. Сухомлинского, 2011. – 180 с.
25. Сборник лекций профессоров высших учебных заведений г. Киева на тему: «Война и заем». – К. : изд. Киевской конторы гос. банка, 1917. – 140 с.
26. Часовой. – № 3–4. – февраль 1929 г.
27. Часовой. – № 5–6. – март 1929 г.

28. Часовой. – № 11–12. – июнь 1929 г.
29. Часовой. – № 13–14. – июль 1929 г.
30. Часовой. – № 15–16. – август–сентябрь 1929 г.
31. Часовой. – № 17–18. – октябрь 1929 г.
32. Часовой. – № 23. – 15 января 1930 г.
33. Часовой. – № 24. – 31 января 1930 г.
34. Часовой. – № 32. – 30 мая 1930 г.
35. Часовой. – № 34. – 30 июня 1930 г.
36. Часовой. – № 35. – 15 июля 1930 г.
37. Часовой. – № 38. – 1 августа 1930 г.
38. Часовой. – № 39. – 15 сентября 1930 г.
39. Часовой. – № 41. – 15 октября 1930 г.
40. Часовой. – № 42. – 31 октября 1930 г.
41. Часовой. – № 43. – 15 ноября 1930 г.
42. Часовой. – № 44. – 30 ноября 1930 г.
43. Часовой. – № 45. – 15 декабря 1930 г.
44. Часовой. – № 46. – 31 декабря 1930 г.
45. Часовой. – № 49. – 15 февраля 1931 г.
46. Часовой. – № 52. – 31 марта 1931 г.
47. Часовой. – № 57. – 15 июня 1931 г.
48. Часовой. – № 60. – 31 июля 1931 г.
49. Часовой. – № 70. – 15 декабря 1931 г.
50. Часовой. – № 71. – 1 января 1932 г.
51. Часовой. – № 73. – 1 февраля 1932 г.
53. Часовой. – № 75. – 1 марта 1932 г.
54. Часовой. – № 76. – 15 марта 1932 г.
55. Часовой. – № 78. – 15 апреля 1932 г.
56. Часовой. – № 79. – 1 мая 1932 г.
57. Часовой. – № 94–95. – 1 января 1933 г.
58. Часовой. – № 97. – 1 февраля 1933 г.
59. Часовой. – № 100. – 1 марта 1933 г.
60. Часовой. – № 101–102. – 1 января 1933 г.
61. Часовой. – № 114–115. – 1 декабря 1933 г.
62. Часовой. – № 123–124. – пасхальный 1934 г.
63. Часовой. – № 125–126. – 1 мая 1934 г.
64. Часовой. – № 129–130. – 1 июля 1934 г.
65. Часовой. – № 131–132. – август 1934 г.
66. Часовой. – № 133–134. – сентябрь 1934 г.
67. Часовой. – № 135–136. – октябрь 1934 г.
68. Часовой. – № 137–138. – ноябрь 1934 г.
69. Часовой. – № 141–142. – январь 1935 г.
70. Часовой. – № 162. – 15 января 1936 г.
71. Часовой. – № 164. – март 1936 г.
72. Часовой. – № 165–166. – апрель 1936 г.

73. Часовой. – № 167–168. – май 1936 г.
74. Часовой. – № 172. – август 1936 г.
75. Часовой. – № 177. – 1 ноября 1936 г.
76. Часовой. – № 179. – 1 декабря 1936 г.
77. Часовой. – № 182–183. – январь 1937 г.
78. Часовой. – № 185. – 20 февраля 1937 г.
79. Часовой. – № 186. – 5 марта 1937 г.
80. Часовой. – № 187. – 20 марта 1937 г.
81. Часовой. – № 190. – 25 мая 1937 г.
82. Часовой. – № 194. – 5 августа 1937 г.
83. Часовой. – № 196. – 5 сентября 1937 г.
84. Часовой. – № 199. – 5 ноября 1937 г.
85. Часовой. – № 204. – 10 января 1938 г.
86. Часовой. – № 206. – 15 февраля 1938 г.
87. Часовой. – № 227. – 1 января 1939 г.
88. Часовой. – № 228–229. – 1 февраля 1939 г.
89. Часовой. – № 230. – 20 февраля 1939 г.
90. Часовой. – № 231. – 10 марта 1939 г.
91. Часовой. – № 234. – 1 мая 1939 г.
92. Часовой. – № 235. – 15 мая 1939 г.
93. Часовой. – № 238–239. – 5 июля 1939 г.
94. Часовой. – № 240–241. – 1 августа 1940 г.
95. Часовой. – № 253. – 1 декабря 1940 г.
96. Часовой. – № 254. – 25 декабря 1940 г.

Надійшла до редколегії 11.07.2014

УДК 94(4)–054.72 «1914»

А. Г. Венгер

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЧОРНЕ ТА БІЛЕ: ГРОМАДЯНИН І НАУКОВЕЦЬ **М. БРЕЧКЕВИЧ ПРО ПОЧАТОК** **«ВЕЛИКОЇ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ВІЙНИ»**

Проаналізовано погляди відомого вченого-славіста початку ХХ ст. М. Брежкевича на причини Першої світової війни. У публічній лекції, виходячи з власного досвіду перебування у Німеччині, виклав власне бачення

причин війни, не зовсім наукове, яке спирається на почуття образи і бажання реваншу над германським світом.

Ключові слова: Велика війна, М. Бречкевич, Росія, Німеччина.

Проанализировано взгляды известного слависта начала XX века М. Бречкевича на причины Первой мировой войны. В публичной лекции, исходя из собственного опыта пребывания в Германии, изложил собственное видение причин войны, не совсем научное, которое опирается на чувства обиды и желания реванша над германским миром.

Ключевые слова: Великая война, М. Бречкевич, Россия, Германия.

Analysiert werden die Ansichten des zu Beginn des 20. Jh. bekannten Slawisten, M. Brečkavič, über die Ursachen des Ersten Weltkrieges. Ausgehend von persönlichen Erfahrungen seines Aufenthalts in Deutschland hatte Brečkavič in einer öffentlichen Vorlesung seine persönliche Sicht der Kriegsgründe geschildert, deren Wissenschaftlichkeit wegen der durchschimmernden Kränkung und Revanchebestrebungen gegenüber dem «Deutschtum» eher mit einem Fragezeichen zu versehen ist.

Schlagwörter: Großer Krieg, M. Brečkavič, Russland, Deutschland.

The article is devoted to the analysis of public lecture «The Great War, its historical base and sense» by Professor M. Brechkevich. This lecture was delivered in Kazan' at the beginning of the war and M. Brechkevich tried to show the historical reasons of the events that took place in summer 1914.

The author discovers the main periods in the life of famous Russian historian of early XX century. He comes to the conclusion that life of M. Brechkevich was closely connected with Ukraine in general and Dnipropetrovsk in particular.

Though M. Brechkevich was a specialist in medieval history of Slavs, he had a desire to give some evaluations of contemporary events, but his position was not a position of scientist but a point of view of a person involved into policy.

Russian imperial historian gave the features of German national character and making the conclusions on the base of it he told about special cruelty and geopolitical ambitions of these people. He summarized anti-Slavic and anti-Russian doings of German government and ordinary people according to his life experience during the scientific trip to Germany and blamed this actions.

He makes an assent that to win Germany is the only way for Russia to preserve its own culture and to prolong its progressive but special development in different spheres of life. M. Brechkevich also stresses that relations between Russia and France and between Russia and Great Britain were always friendly, based on the respect of geopolitical interests of both sides.

Doing assents on some facts without telling about another makes M. Brechkevich's lecture not so important as a scientific work but very delightful as a historical source, which gives us a possibility to reconstruct Russian intellectual's vision of the origins of the First World War.

Keywords: Great War, M. Brechkevich, Russian, Germany.

Фігура Митрофана Бречкевича належить до тих багатьох, які стоять у тіні сучасної української історіографії, про них ніби говорять, але сказано не так і багато. На думку Ю. Мицика, «М. Бречкевич належить до малознаних і незаслужено призабутих істориків...» [12, с. 75], подібної точки зору притримується і А. Портнов [16]. Але ця теза має право на життя у межах вітчизняної історіографії. Значний внесок у дослідження та осмислення спадщини М. Бречкевича зробили О. Москаленко [14], Л. Лаптева [9–11]. У полі зору їх уваги опинився період злету творчої кар'єри нашого героя, що припадав на роки перебування у Юр'ївському та Казанському університетах. Український період життя залишився майже поза увагою дослідників. М. Бречкевич був помітною постаттю у вітчизняній історичній науці п.п. ХХ ст., галузь його наукових інтересів припадала на добу середньовіччя, досліджував поморських слов'ян [4–6].

Він був вихідцем із родини священнослужителя із Волині, отримав відповідну освіту (1890 р. закінчив Волинську духовну семінарію) й не забавив іти по стопах батька, присвятив себе педагогіці. Спочатку викладав у зразковій церковнопарафіяльній школі при Волинській семінарії, через рік був спостерігачем в Єлисаветградській духовній семінарії. У 1897 р. до Юр'ївського університету дозволили набирати випускників духовних семінарій, чим і скористався молодий викладач. У тому ж році він став студентом історико-філологічного факультету, цим самим підтримав традицію волинської молоді навчатись у цьому закладі [10, с. 3]. На поч. ХХ ст. громада українців в університеті була однією з найбільших у Російській імперії, там навіть діяли українські товариства та земляцтва [8].

Під час навчання в університеті привертає увагу свого земляка, відомого професора медієвіста (теж славіста) А. М. Ясінського, учнем якого стане у найближчому майбутньому. Ще у студентські роки його наукові розвідки зацікавили наукову спільноту і за роботу «Опыт исследования истории славянского государства в Восточной Померании» отримав золоту медаль сенатора фон Брадке [18]. У 1901 р. М. Бречкевич закінчив університет і був залишений для підготовки до професорського звання на кафедрі всесвітньої історії строком на 2 роки. У 1902 р. було надруковано його статтю про поморського князя Святополка [6], яку високо оцінили на факультеті й вона стала підставою для клопотання про надання йому закордонного відрядження з метою глибшого вивчення джерел. Попри те, що профільне міністерство визнало доцільним це відрядження, скорочення витрат з державної казни 1904–1905 рр. не дозволило реалі-

зувати задум. У 1906 р. він захищає дисертацію «Первые поморские монастыри» [5] того ж року стає приват-доцентом університету і викладає курс історії слов'янських народів. У 1912 р. він захищає іншу дисертацію – «Введение в социальную историю княжества Славииили Западного Поморья» [4].

У 1911 р. М. Бречкевич знову звертається до Міністерства з проханням про відрядження до Німеччини для вивчення нових джерел. Цього разу його прохання знайшло позитивний відгук і він отримав відрядження на 2 роки. Поїхав у Шеттін та Берлін, а згодом – у Париж. У 1913 р. йому запропонували очолити кафедру в Казанському університеті, в якому буде працювати до виїзду в Україну 1923 р. [10, с. 6].

Із 1923 р. доля пов'язала М. Бречкевича з Дніпропетровським інститутом народної освіти, де він викладав історію середніх віків. Дніпропетровський період життя ученого – це час згортання його славистичних студій, і початок переорієнтації у дослідженні на краєзнавчі сюжети. У Дніпропетровську пише декілька статей, які пізніше критиками, зокрема О. Вайнштейном, будуть названі такими, що лише прикриваються марксистсько-ленінською концепцією [7, с. 79–80]. Він бере участь у археологічних розкопках під керівництвом Д. Яворницького [13, с. 150]. У 1931 р. йде на пенсію, переїжджає в Севастополь, де працює екскурсоводом. Із 1938 р. запрошений викладати стародавню історію у Київському педагогічному інституті, 1940 р. був затверджений у званні професора й за сумісництвом читав історію середніх віків у Київському університеті. Під час війни працював у Сталінградському (1941–1942), Бірському (1942–1943) та Молдавському (Бугуруслан, 1943–1944) педагогічних інститутах. Коли ж повернувся до Києва восени 1944 р., очолив кафедру історії середніх віків Київського державного університету (до 1950 р.) [19].

Публічна лекція була прочитана 2-го листопада 1914 р. в м. Казань (день оголошення Росією війни Туреччині). Тема лекції: «Велика європейська війна, її історичні основи та смисл». Текст лекції був надрукований у тому ж році в Казані на 48 сторінках [2]. Вдруге роботу перевидано через рік у Москві [3].

На початку лекції наведений епіграф (слова В. Соловйова), у якому сказано, що мільйонні армії та страх нових воєн доводять, що одного культурного зближення не достатньо й ідея всесвітньої політичної влади має майбутнє.

Текст розділений на три нерівномірні частини, позначені великими літерами: А – «Необычайная важность современной войны

и различные мнения о ней», Б – «Три сферы, в которых возможно искать факторы войны», В – «Противоположение германизму со стороны общечеловеческой культуры и со стороны европейских государств, в частности со стороны России».

Початок війни у 1914 р. був викликом для більшості сучасників. Не реагувати на нього було не можливо. Зрозуміло, що більшість реакцій залишилися недоступними для істориків, оскільки вони не фіксувалися, а просто були особистими переживаннями мільйонів людей. Більш оптимістичною у цьому плані виглядає ситуація, яка склалася з інтелектуалами, адже багато з них свої переживання чи оцінки викладали на папері: у листах, на шпальтах газет та журналів, у публічних виступах та ін. Серед них М. Бречкевичу належить своя ніша. Попри те, що він за напрямом діяльності був медієвістом, все ж взяв на себе відповідальність прочитати лекцію про причини сучасної йому війни.

Ця лекція цікава у першу чергу тим, що дозволяє поглянути на початок війни очима російського інтелектуала, як видно з тексту, патріотичного держави та російської, у широкому сенсі цього слова, культури. Прочитана М. Бречкевичем лекція – це в першу чергу памфлет патріота, а ніяк не доповідь історика. Текст показує, що у ситуації війни інтелектуали, які здатні критично мислити, теж ділять світ на білий та чорний. Інтерес до його позиції та поглядів полягає в тому, що автор напередодні війни був у Німеччині й, з тексту це добре видно, там окрім підвищення своїх професійних якостей закріпив ряд комплексів меншовартості слов'ян перед німцями. Складається враження, що його лекція – це у тому числі й маленький реванш за ті образи та насмішки, які йому доводилося чути в Німеччині на адресу своєї батьківщини. Одна з тез, яка червоною ниткою пройде його роботою, про те, що німці дорікали слов'янам у їх культурній відсталості, а самі ведуть себе по-варварськи. Для посилення ефекту історик-пропагандист підбере факти з ранньої середньовічної історії та проведе паралель між давніми германцями та знищеним ними Римом. Рятівницею Європи він буде вважати Росію, яку наділить найблагороднішими рисами: боротьбою за правду, гуманністю тощо. У арсеналі автора двоє окуляр, через які він дивиться на проблему: патріотичні та антинімецькі, через що більшість його висновків не наукові, а політичні.

Джерел до своєї лекції він не вказує, окрім цитати за Д. Анучиним «Значение нынешней войны» [1], в якій характеризується образ росіян у німецькому сприйнятті. З тексту стає зрозуміло, що він ко-

ристується, у першу чергу, як науковим своїм досвідом (дослідженнями німецької колонізації слов'янських земель), так і особистими контактами – в Юр'ївському університеті були значні німецькі впливи, до 1882 р. викладання велося німецькою мовою, відрядження до Німеччини.

Текст насичений історичними екскурсами в основному у середньовічну історію, за якою він спеціалізувався у часи студентства та яку згодом викладав. Історичні сюжети підводять до того, що агресивність німців – це явище не сьогодишнє, а навпаки, це – генетичний код із часів варварства і руйнація культурних цінностей у них у крові: спочатку Рим, потім Хрестові походи. Складається враження, що таким чином автор у непрямий спосіб відповідає професорам німецьких університетів, а також всім німцям за їхні насмішки та, як стверджував автор, шовіністичні схильності щодо слов'янства в цілому і росіян зокрема.

Частина А – «Необычайная важность современной войны и различные мнения о ней» – являє собою вступ, у якому автор актуалізує тему лекції. Початок актуалізації він проводить через себе і кожного присутнього, до кого звертається, акцентуючи увагу на тому, що жодна людина неминуче думає про цю війну. Й одразу ж додає, що відчуває незручність, коли піднімається на кафедру читати таку лекцію, адже вважає, що не може сказати слухачам нічого такого, про що б вони не знали [2, с. 1].

Далі говорять про унікальність цієї війни у порівнянні з іншими (Столітньою, Семилітньою і т.д.). На перше місце автор виводить те, що вона відбувається зараз і вони є її учасниками, далі відмічає жорстокість цієї війни, адже використовується незнана до цього зброя, а наостанок відмічає її величезний масштаб [2, с. 2]. Проводить паралель між війнами Наполеона та його геополітичними планами і доходить висновку, що якщо для припинення наполеонівських воєн досить було смерті однієї людини – Наполеона, то тепер воюють не уряди, а народи. У роботі це надзвичайно важлива теза, вона знов і знову буде підніматися у всьому тексті.

Далі він задається питанням, чому війна виникла з культурним суспільством, який у багатьох справах став взірцем для росіян? І підводить до відповіді, яку він шукає не у світових процесах, великій політиці, а робить побутовий зріз, у якому акцентує увагу на русофобських настроях німців. Для підтвердження цього перелічує неприємні ситуації, які сталися з російськими мандрівниками та їх родинами у Німеччині, з усього видно, що він дуже гостро переживає за своїх зем-

ляків. Це друга теза, яка буде проходити через всю роботу, – русофобство, яке автор назве шовінізмом.

Потім М. Бречкевич, не без докору землякам, стверджує, що російське суспільство було у полоні зразкового образу Німеччини й у перші дні війни на тисячу ладів кричали, що «народ німецький не бажає війни» [2, с. 3], і свідки стверджували, що в Берліні маніфестацію за війну з Росією проводять підлітки та хлопчакі, а доросле населення проти цього. Причину війни, на його думку, досить довго трактували як таку, що зводиться до бажання однієї особи, голови німецького уряду, який ніби через своє честолюбство втягує у військову авантюру весь німецький народ [2, с. 4]. Далі він наводить цитати Бельгійських та англійських політиків, які стверджували, що воюють не з німецьким народом, а з пруським мілітаризмом.

У висновках до вищесказаного М. Бречкевич говорить, що реальні факти згодом виявилися набагато впертіші, ніж романтичні погляди більшості сучасників. Як стане зрозуміло з тексту далі, себе вже він не відносив до таких романтиків, у ньому вже уживалося два почуття: захоплення зразковістю німецької культури та образа за їх відкрити зверхність до слов'ян, росіян.

Розділ Б – «Три сфери, в которых возможно искать факторы войны» – автор розпочинає з пояснення неможливості зупинитися на дипломатичних, політичних та економічних сюжетах, через відсутність у нього повного комплексу джерел. Головну причину війни він вбачає у «характері та схильностях німецького народу» [2, с. 6], у цьому він подібний до Полібія, який пояснював успіхи Риму характером римського народу. Далі він підводить до думки, що Вільгельм II та його уряд втілює у життя не власні амбіції, а бажання свого народу. В аналізі обставин готовності німецького народу до війни він зупиняє свій погляд на ролі засобів масової інформації, стверджує, що саме газети та журнали, кінематограф першим насадив німецькому населенню дух війни, адже тема мілітаризації червоною ниткою проходила скрізь і все це відбувалося за активної участі та підтримки очільника держави. Потім він говорить про антиросійську кампанію в пресі: «Удобнее всего и нагляднее всего недоброжелательство немецкого общества к России и руському можно было наблюдать за последние годы на немецких газетах и журналах. В известиях, касающихся России и руських был разлит тонкий, даже не всем заметный дух недоброжелательства, насмешки, пренебрежения, иногда даже вражды» [2, с. 7]. Подібну ситуацію змальовує і стосовно російської мови, яка, з його слів, у Німеччині викликає настороженість та недо-

віру. Висуваючи ці тези, автор, перш за все, виходив із власного досвіду, оскільки у переддень війни 1911–1913 рр. був на стажуванні за кордоном. На підтримку цього припущення говорить той факт, що відношенню німців до росіян він протиставляє відношення англійців та французів, у цих країнах він був після відвідання Німеччини [10, с. 8]. Підсумовуючи вищесказане, логічним завершенням наводить сюжет із заможною росіяною, яку безпідставно звинуватили у шпигунстві, а потім навіть не вибачилися, але його найбільше обурило не цей факт, а те, що після того, як стало відомо, що вона не винна, преса продовжувала насміхатися з неї.

Далі автор відкрито ділиться особистим досвідом перебування в академічному середовищі Німеччини. Як стає зрозуміло, воно теж залишило неприємне враження, помножене на особисту образу. М. Бречкевич наголошує, що відмовився слухати лекції із всесвітньої історії через те, що вони були просякнуті націоналізмом і почав відвідувати практичні заняття із середньовічної історії, але і там постійно відпускалися жарти щодо Росії в основному через порівняння прогресивності Німеччини та відсталості першої [2, с. 8].

Після сюжету з шовінізмом у вищій школі автор критикує Німеччину за вторгнення у Бельгію й особливо дорікає німецькій інтелігенції, яка здебільшого підтримала агресивну політику уряду й активно її виправдовувала, оперуючи месіанськими гаслами. Цим прийомом намагається показати зв'язок між ідеями, які підтримуються у суспільстві, та практикуючою політикою.

Після характеристики інтелігенції він починає аналізувати характер німецького народу й доходить висновку, що саме він лежить в основі війни, а також виділяє дві головні риси: грубий шовінізм та грубий практицизм зі схильністю до захоплень [2, с. 13]. Шовінізм підживлювався, на його думкою, наукою. На перше місце він ставить антропологію, яка доводила винятковість німецької раси, потім – національну історію, в якій доводилась винятковість і месіанська роль німців, і наостанок говорить про філософію, що підтримує ідею винятковості й абсолютності німецького духу. Також наводить приклад, як окремі німецькі дослідники, порівнюючи Рафаеля та Дюрера, говорили, що перший не витримує конкуренції з останнім або взагалі дехто стверджував, що Рафаель – німець. Коріння німецької винятковості, на думку М. Бречкевича, криються у тіні століть і для переконливості він наводить пролог із Салічної правди, в якому сказано про богохранимість франків, перелічено їх чесноти і т.д. На цей пролог автор обрушив шквал критики, він вбачав його зайвим, без-

глуздим і основне – безпідставним. Цим самим засуджує не пролог, як такий, а в його образі позицію більшості німців.

Говорячи про рису схильності до захоплень, апелює до власного наукового доробку і зупиняється на німецькій колонізації литовських та слов'янських земель, цим самим проводячи незриму паралель між прецедентами минулого і його сучасністю і використовуючи такі терміни як «захоплення», «хижацьке захоплення» і т.д. Для підтвердження своєї теорії автор зупиняє увагу на війнах, що вела Німеччина останні два століття і дає їм безапеляційний вирок – розбійницькі. Автор гостро критикує історичних героїв німецького народу, які, на його погляд, є антигероями: Альбрехта Ведмеда, Генріха Лева, що в 1147 р. очолили хрестовий похід проти слов'ян; Фрідріха Барбаросу; Отто фон Бісмарка. М. Бречкевич протиставляє їм історичних героїв російського народу, а особливо загальноприйняті в народі епітети: «Красное Солнышко», «Тишайший», «Благословенный», «Царь-Миротворец», «Царь-Освободитель» [2, с. 20] і при цьому красномовно замовчує інші епітети, такі як «Грозный», «Палкин», «Кровавый». Автор докоряє німецьким правителям, звинувачує їх у загарбанні того, що їм не належало і при цьому продовжує красномовно мовчати про експансійну політику Російської держави, ніби такої ніколи і не було.

Після цього історик зупиняється на релігії та знову робить історичний екскурс у добу франків, які, на його переконання, використовували християнізацію для розширення своїх володінь. Лунають звинувачення на адресу німців і у тому, що вони викривили ідею хрестоносного руху – зробили його інструментом для свого збагачення. Ніби ніколи не було ідеї збирання православних земель, не говорячи про її реалізацію у Російській державі. Автор вперто намагається сформувати антигерманський образ у слухача, цілком зрозуміло зводячи при цьому свою лекцію до чорного піару.

Далі знову піднімається тема захоплення німцями Бельгії. Бельгійців порівнює зі спартаканцями у Фермопільській ущелині [2, с. 23], М. Бречкевич підсилює образ безчестя німців, наводить уривки висловів німців про бельгійців без авторства: «бельгійці – гієни» і «дикі звірі», «не покаравши бельгійців, ми не виконаємо свій борг перед людством» [2, с. 23]. Коли ж говорить про початок війни, стверджує, що росіяни, які на той момент були в Німеччині, зазнали жахливих утисків, на відміну від німців у Росії [2, с. 24]. І при цьому продовжує мовчати про антинімецькі кампанії, які розпочалися в Росії з початком війни. 28 липня 1914 р. Микола II підписав указ, за яким піддані

ворожих держав призивного віку, що знаходилися на території Росії, оголошувалися військовополоненими, за державою залишалося право висилати за свої межі «ворожих підданих» або ж переселяти їх в інші губернії [15, с. 236]. Автор також мовчить про антинімецькі погроми, що відбулися у Петербурзі та Москві після оголошення війни.

М. Бречкевич не відкидає внесок німців у світову культуру, однак зазначає, що під час націоналістичного підйому справжній німець не звертає жодної уваги на чужу культуру. Для більшої образності своєї тези порівнює німців із мисливцями за журавлями, які у своєму полюванні не звертають увагу на зім'яту траву та метеликів [2, с. 27]. Образ зім'ятої трави та розтоптаних метеликів, скоріше за все, – це паралель із зруйнованими і втраченими назавжди мистецькими творіннями народів, на які напала Німеччина. Особливо дорікає германцям за вандалізм, який засуджує весь світ і виправдовує німецька інтелігенція. Швидше за все мова йде про руйнування Реймського собору, що отримало широкий міжнародний резонанс та засудження у суспільстві і підживлювало антинімецькі настрої. В унісон з М. Бречкевичем поет О. Рославлев (Саша Чорний) пише свій сонет «Разрушение Реймского собора», у якому пророчить устами Господа: «Германии – конец» [17].

Конфлікт між Німеччиною та Росією вбачається автору через її зверхнє ставлення до останньої. Основна вина, яку німці приписують Росії, на думку автора, це – безкультурність. І він починає виправдовуватися, цим самим погоджуючись із цією тезою. Виправдання він знаходить в історичному корінні [2, с. 31], а саме у тому, що Росія була вимушена боронитись (у тому числі прикриваючи собою Європу) від кочових орд, які остаточно присмирила в європейській частині у XVII ст., а в Азійській – у XIX ст. Європа у цей час мала змогу розвивати культуру, під захистом Росії. У своїх прагненнях долучитися до європейської культури Росія зустрічала опір німців, які всіляко обмежували доступ майстрів та інтелектуалів, і тут автор підводить до висновку, що держава була надана сама собі та монгольському впливу [2, с. 32].

Ще одна з причин війни, на думку М. Бречкевича, криється у світових ідеях, таких як об'єднання усіх народів під одним управлінням. Стверджується, що ця ідея культивувалася у німецькому суспільстві, а її вирішення вбачалося двома способами. Перший – приєднати до Німеччини західні кордони європейської Росії – послаблення слов'янства. Другий – панування німців у всій Європі і перетворення інших держав на напівзалежних. З цього автор робить ви-

сновок, що суть війни – це боротьба Німеччини за гегемонію в Європі, тому назва цієї війни – або ж «Велика Європейська», або ж «Велика Німецька». Ті ж події, що відбуваються за межами Європи, на думку автора, відіграють другорядну роль [2, с. 33–34].

Після цього автор намагається виправдати не завжди успішні військові операції і робить це, говорячи про те, що Росія ніколи не готувалася до війни [2, с. 34]. При цьому він замовчує війну з Японією, яку побіжно згадував вище. Всілякими приємними характеристиками М. Бречкевич наділяє французів та англійців і називає перемогою російської дипломатії союз із ними.

Частина В – «Противоположение германизму со стороны общечеловеческой культуры и со стороны европейских государств, в частности со стороны России».

Ідейним підґрунтям війни, на думку автора, є германізм, мета якого – полонити весь європейський культурний ареал. Автор робить екскурс у стародавню історію й наводить цивілізаторські функції давніх світових монархій, у тому числі римської, і приходить до висновку, що німцям немає кого цивілізувати у Європі, що жодна європейська культура не стоїть на нижчому щаблі. Основний недолік німецької – це відсутність гуманності та поваги до правди. Ці дві вищеназвані риси є у антинімецької коаліції і це, на думку автора, їх споріднює [2, с. 38–39]. Опосередковано М. Бречкевич засуджує Данію та Нідерланди, які обрали нейтральну позицію, хоча декількома сторінками раніше засуджував Німеччину, що порушила нейтралітет Бельгії.

Далі автор прогнозує стан речей у загальногуманітарній сфері, а саме пониження рівня гуманності та справедливості людства, наголошує, що це вже колись було – півтори тисячі років тому, коли германці наблизилися до центру людської культури – Риму [2, с. 42–43]. Автора турбує те, що світ можливо не засудить німецькі злочини, бо отримує інформацію з преси, яку, на його думку, контролюють німецькі агенти.

Війну для Росії автор називає неминучою і передбачуваною та відзначає, що розпочалася вона у найкращий для Росії час, коли проти Німеччини не одна держава, а цілий ряд великих європейських держав. У випадку перемоги Німеччини пророкує кінець російської самобутності [2, с. 45] і підсумовує: «А кто раз попал под иго немцев, тому более не возвратиться к самостоятельности. История знает, что славяне возрождались от турецкого ига, от монгольского, после многовекового порабощения но не знает еще избавления от немец-

кого ига. Никогда еще не вставали те славянские народы, которых утеснили и придавили немецкие каблуки» [2, с. 45]. Автор залишається оптимістом і переконаний, що російська армія своїм героїзмом перемаже сучасну німецьку техніку. Завершуючи свою лекцію, М. Бречкевич закликає слухачів поцікавитися образом росіян у німецькій культурі та наводить цитату Д. Анучіна з роботи «Значение нынешней войны» [1], у якій він перераховує проблеми російського суспільства: бідність, безграмотність, відсталість, нездатність еліти продукувати власну культуру, а лише копіювати європейську і т. д. А далі сам говорить про найбільшу, на його думку, проблему, – це міжусобиці у широкому розумінні цього слова і наводить приказку: «Нам русским хлеб не надобен, мы друг друга едим и этим сыты» [2, с. 47]. Автор переконаний, що, подолавши цю проблему, Росія стане на рівні з іншими європейськими народами, і окреслює ті задачі, які варто вирішити Росії найближчим часом: «...устранение раздоров навсегда – энергичная культурная работа – вот задача дальнейшего будущего» [2, с. 48].

На сам кінець варто відзначити, що лекція М. Бречкевича є тенденційною і її мотиви зрозумілі – це підняття духу патріотизму у слухачів. Інструментарій, яким керувався автор, не був новим, це – тенденційний підбір фактів, висування вперед одних сюжетів і замовчування інших. Розглянута лекція – результат змішаних почуттів: піднесеного патріотизму, образи, невдоволення і, як здається автору цих рядків, зведення особистих рахунків у заочній формі з німецьким націоналізмом. Ця лекція – піка тим німецьким професорам, інтелігенції й, зрештою, суспільній думці, що змушувала ніяковіти, комплексувати М. Бречкевича, перебуваючи на стажуванні за кордоном.

Бібліографічні посилання

1. *Анучин Д.* Значение нынешней войны / Д. Анучин // В те дни : лит.-худ. альбом. – М. : Наши дни, 1915. – 192 с.
2. *Бречкевич М. В.* Великая европейская война, ее исторические основы и смысл. Публичная лекция, прочитанная 2 ноября 1914 г. / М. В. Бречкевич. – Казань, 1914. – 48 с.
3. *Бречкевич М. В.* Великая европейская война, ее исторические основы и смысл. Публичная лекция, прочитанная 2 ноября 1914 г. / М. В. Бречкевич. – 2-е изд., печатанное без перемен с 1-го... – Москва; Петроград: Изд. А. С. Панафидиной, 1915. – 48 с.
4. *Бречкевич М. В.* Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного поморья: исследования по истории прибалтийских помо-

рян за первые полтора века со времени принятия ими христианства (1128–1278 г.) / М. В. Бречкевич. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. – 267 с.

5. *Бречкевич М. В.* Первые Поморские монастыри. Очерк истории Балтийского Поморья в XII в. / М. В. Бречкевич. – Юрьев : Эд. Бергмана, 1905. – 49 с.

6. *Бречкевич М. В.* Святополк, князь Поморский / М. В. Бречкевич. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. – 34 с.

7. *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики / О. Л. Вайнштейн. – Ленинград: Наука, 1968. – 424 с.

8. *Ісаков С. Г.* Українські студенти в Тартуському університеті XIX – поч. XX ст. / С. Г. Ісаков // Український історичний журнал. – К., 2005. – № 1. – С. 70–81.

9. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. – М.: Индрик, 2012. – 840 с.

10. *Лаптева Л. П. М. В. Бречкевич как представитель позитивизма в русском славяноведении первой четверти XX века / Л. П. Лаптева // Славяноведение.* – М., 1995 – № 1. – С. 3–12.

11. *Лаптева Л. П.* Контакты русских славистов с немецкой наукой в 20–60-е годы XIX века / Л. П. Лаптева // Россия и Германия. – М., 2001 – № 2. – С. 71–91.

12. *Мицик Ю.* З листів учених до М. С. Грушевського / Ю. Мицик, І. Тарасенко, Т. Шестюк // Національний університет «Києво-Могилянська Академія» «Магістеріум» історичні студії. – К., 2010. – № 41. – С. 75–86.

13. *Мілер М.* Дніпрелістанівська археологічна експедиція Наркомосу України 1927–1932 рр. / М. Мілер // Науковий збірник Українського Вільного Університету. – 1956. – Т. 6. – С. 147–166.

14. *Москаленко А. Е. М. В. Бречкевич (1870–1963) и его работы по истории поморских славян / А. Е. Москаленко // Славянский сборник.* – Саратов, 1972. – С. 100–107.

15. По вопросу о принятии в российское подданство неприятельских подданных. 28 и 30 июля 1914 г. // *Особые журналы Совета министров Российской империи* / под ред. Б. Д. Гальпериной, В. В. Шелохаева и др. – М. : РОССПЭН, 2006. – 699 с.

16. *Портнов А. В.* Історії істориків. Обличчя й образи української історіографії XX століття / А. В. Портнов. – К. : Критика, 2011. – 245 с.

17. *Рославлев А.* Разрешение Реймского собора / А. Рославлев // Новый Сатирикон. – М., 1914. – № 39.

18. Становление ученого: М. В. Бречкевич в Тартуском университете в начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/authors/author53069/>.

19. Українські історики XX століття: Бібліографічний довідник / «Українські історики». – К. : Ін-т історії України НАН України, 2004. – Вип. 2, частина 2. – 382 с.

Надійшла до редколегії 07.10.2014

УДК 94(100) «1914/1918»

О. М. Слісаренко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ВІТЧИЗНЯНА ІСТОРІОГРАФІЯ ВІЙСЬКОВО-МОРСЬКИХ ОПЕРАЦІЙ У ПЕРШІЙ СВІТОВІЙ ВІЙНІ

Здійснено аналіз історіографічних надбань за 100 років від початку Першої світової війни, під час вивчення військово-морських операцій.

Ключові слова: військово-морська операція, морська блокада, мінні постановки, революційні події.

Осуществлен анализ историографических приобретений за 100 лет с начала Первой мировой войны, во время изучения военно-морских операций.

Ключевые слова: военно-морская операция, морская блокада, минные постановки, революционные события.

Analysiert wird die 100jährige Entwicklung der Historiographie seit Studienbeginn der Militäroperationen der Kriegsmarine im Ersten Weltkrieg.

Schlagwörter: Operationen der Kriegsmarine, Seeblockade, Minenlegung, Revolutionsereignisse.

The author of the article have chosen to study historiography of the navy operations for next reasons:

- First of all, in my opinion, exactly the war on the sea gave the finishing blow to countries of the Central Powers, thanks to realization of the classical theory of «naval blockade» by the Entente countries. Triple Alliance could win only at one condition – before overland victory over French and Russian armies (what was quite real) it had to defeat the strongest naval power of the time – British fleet. As far as Germany couldn't gain this end, its defeat was just a question of time;

- Secondly, this topic in native historiography is studied worst of all. As the author shows, it happened because of next reasons: the main theatre of struggle on Eastern front for the Russian empire was overland, not naval; naval forces of Russia didn't gain considerable success – because water area was secondary or Russian fleet was weak. In addition, revolution in Russia in fact made the country go out of the world war at the end of 1917 with undefined status – it was not a winner, but not defeated side either.

The analyses of historiography of naval operations for 100 years - from the beginning of World War I till today – is made.

It is possible to define three big periods in historiographic heritage of Russian and Soviet historiography. During the first (1917–1941) different in quality and amount works saw light, devoted to separate operations on sea theatres or separate kinds of naval forces. During second period (1945–1991) complex summarizing

works appear, but with known ideological distortions and exaggerations of Russian fleet input in the victory over Germany and its allies. In the end of this period Soviet historiography starts to take into consideration results of émigré works on naval forces. The third period the author considers to be the most fruitful – it started in 1991 and lasts till now. At this period censorial barriers for research are actually eliminated, foreign sources are actively used, archive materials are brought into play more objectively. The author also analyzed research on naval topics, done by modern Ukrainian authors.

At the end of the article the author points out a number of historiographic problems, not solved yet, and particularly specifies the absence of well-established appraisals of military talents of the main captains of World War I. The activity of only one admiral – notably German R. Heepper – is estimated as unequivocally positive. The questions about fleets recruitment also remain unstudied.

Keywords: naval operation, sea blockade, mine raisings, revolutionary events.

Перша світова війна була надзвичайною подією XX століття – вона розколола світ, до того зовні єдиний, на два протилежних табори з різними економічними системами. Все це підняло спіраль боротьби між народами на новий рівень надзвичайної тотальності та жорстокості. Уже через 20 років вибухнула нова світова війна, що за територіальним масштабом й втратами людства перевершила першу в 6–7 разів. Хоча принципових змін у геополітичному плані не сталося, але гігантські людські втрати й запеклість боротьби заслонили перед подальшими поколіннями дослідників події Першої світової війни.

Не дивно, що таке сприйняття Першої світової війни позначалося на стані її вивчення науковцями та усвідомлення її наслідків політиками. Події Першої світової вивчені і нерівномірно, і не глибоко, залишається багато «білих плям», а загалом історіографічний здобуток не дуже великий і дуже поступається історіографії Другої світової війни.

Автор обрав темою даної статті дослідження воєнно-морських операцій через такі міркування:

– по-перше, на думку автора, саме в ході війни на морі було завдано вирішального удару країнам Четверного союзу, завдяки реалізації класичної теорії «морської блокади» країнами Антанти. Перемогти Четверний союз міг лише за однієї умови – до перемоги на суходолі над французькою та російською арміями (що було цілком реально) необхідно було перемогти найсильнішу морську потугу на той час – британський флот. Оскільки Німеччина не змогла досягти цієї мети, її загальна поразка ставала лише питанням часу;

– по-друге, вивчення цієї теми саме у вітчизняній історіографії здійснено найгірше. Як вважає автор, подібне явище стало можли-

вим через такі фактори: основним театром боротьби на Східному фронті для Російської імперії був сухопутний, а не морський; морські сили Росії не добилися суттєвих успіхів або через другорядність морських акваторій або через слабкість своїх флотів. Крім того, революція у Росії фактично вивела цю країну зі світової війни наприкінці 1917 р. з невизначеним статусом – і не переможений, і не переможець.

У історіографічному доробку російської та радянської історіографії можна визначити три великих періоди розвитку.

Перший етап припадає на міжвоєнний період 1919–1941 рр. Здавалося б у цей час запит на науково-історичні дослідження має найкращі умови, але значної кількості праць у цей період не спостерігається. На думку автора, це пов'язано з трьома факторами. З одного боку, перемога більшовицької партії зробила більш актуальним вивчення досвіду (а заодно й оспівування) громадянської війни, а не Першої світової. Тому з'явилися праці щодо ролі флоту в революційних подіях, але майже не вивчався оперативний досвід царського флоту у боротьбі на морях. Цьому сприяли також і налагодження дружніх стосунків з учорашнім ворогом після Рапальської угоди 1922 р. З іншого боку, військово-історична наука зазнала великих кадрових втрат (у тому числі й внаслідок еміграції та репресій проти учасників білого руху). Дослідників, що залишилися у СРСР і мали доступ до архівних матеріалів, не заохочували вивчати події 1914–1917 рр., а навпаки – перенацілювали на 1918–1920 рр. Емігрантські ж кола були відрізані від джерельної бази, тому переорієнтувалися на випуск мемуарної літератури. Як бачимо, мав місце розрив між теоретичними та емпіричними факторами воєнно-історичної науки. З третього боку, знайшовся достатньо ефективний замітник вітчизняних досліджень – перекладна література як німецькомовна, так і англomовна. Ці дослідження носили якісний академічний характер, а завдяки походженню з протилежних таборів, читач отримував достатньо збалансоване уявлення про хід військово-морських операцій на різних театрах світової війни. Радянський читач мав можливість звертатися до праць Дж. Корбета, Г. Ньюболта, Д. Кресвела, Р. Шеєра, Г. Рольмана, А. фон Чишвица, А. Міхельсена та інших.

Все ж у Радянському Союзі в цей час було опубліковано чотири томи (фактично самостійні монографії) в серії «Борьба флота против берега» [2; 14; 15; 31]. Позитивною рисою цих видань була спроба пов'язати морські операції з діями армії на сухопутних театрах. Інколи, як у праці Коленковського, сухопутний матеріал суттєво пере-

важав над морським. Варто відзначити також монографію, присвячену спеціальним вузьким питанням морської тактики, а саме використання мін у ході війни, що стало дуже важливим і показовим фактором бойових дій [14]. Цікавим матеріалом є праця Ю. Македона, не фахового військового, але кораблебудівельника, в якій розглянуто питання як стратегічного, так і мобілізаційного характеру стосовно подвійного використання цивільних суден у ході світової війни [22]. Крім того, у радянській історіографії було здійснено спробу комплексного, аналітичного аналізу головних боїв між надводними кораблями [32]. Хоча кваліфікація Петрова не викликала сумніву, все ж він не зумів провести паралелі між головними битвами воєн початку XX століття – біля р. Ялу, біля Сантьяго-де-Куба, Цусимській, Ютландській. Тим не менше подібної праці і по сьогоднішній день немає ні в російській, ні в українській військово-морській літературі. На жаль, до радянського читача не дійшли роботи російської еміграції – кваліфікованих морських офіцерів та безпосередніх учасників операцій російського флоту [10; 21; 37].

Другий етап розвитку історіографії співпадає з повоєнним часом існування СРСР (1945 – 1991 рр.). Хоча фактично він розпочався значно пізніше і також відбувався в умовах серйозного ідеологічного тиску, перебуваючи в затінку Другої світової війни. Для цього етапу історіографії характерною є поява великих узагальнюючих праць. З цього кола праць слід відзначити двотомну академічну працю «Флот в первой мировой войне». Перший том було присвячено аналізу бойової діяльності російського флоту по театрах – Балтійське, Чорне море та Північ [35]. У другому томі (вдвічі меншому за об'ємом) розглянуто бойові дії флотів інших країн, учасників війни на інших театрах – Північному, Середземному морях, Тихому та Індійському океанах [36]. Монографія вміщує цілу низку схем та таблиць, що полегшує сприйняття матеріалу, але його компоновка повинна формувати у читача уявлення, що основний тягар морських операцій ліг на плечі російського флоту. Ще одним дослідженням більш комплексного характеру стала двотомна «Історія першої світової війни» за редакцією М. І. Ростунова, видана до 60-річчя початку світової війни [12], де поєднано опис воєнних дій як на суходолі так і на морських театрах, але крім детального фактологічного матеріалу, суттєвих позитивних зрушень в аналітичному чи методологічному планах досягнуто не було. Та й в деталізації подій ця «Історія» поступається попередньому двотомнику. Збереглися, а подекуди й посилились ідеологічні штампи попередньої епохи. Наприклад, у праці А. Пухо-

ва, присвячений 40-літтю Моонзундського бою, ситуацію змальовано так, ніби героїчні екіпажі російських моряків відвернули неминучу каральну експедицію німецького флоту проти революційного Петрограду [34]. У період послаблення ідеологічного тиску на наукову літературу в часи «хрущовської відлиги» з'явилася досить нестандартна праця порівняльного характеру В. Андрєєва [1]. Правда, автор віддав у ній перевагу матеріалу Другої світової війни, що і зрозуміло, з точки зору як віддаленості подій в часі, так і можливості показати роль радянського флоту. Однак, автор повністю замовчав факт співпраці радянського та німецько-фашистського флотів у 1939–1941 рр. але оскільки нас цікавить Перша світова війна, то В. Андрєєв цілком успішно упорався зі змалюванням крейсерських операцій кайзерівського флоту, а цей матеріал майже повністю присутній в тексті видання згаданого нами вище – «Флот в первой мировой войне».

Але на цьому ж етапі з'явилися дослідження специфічного характеру. З одного боку, в науково-популярній формі з середини 1970-х рр., у технічних журналах почали публікувати невеликі нариси, присвячені історії кораблебудування, але у прив'язці до реалізації технічних рішень у бойових умовах. У даному разі нас повинні цікавити роботи Р. М. Мельникова, виконані на досить високому науково-методичному рівні із залученням широкого архівного матеріалу, який ще ніхто не використовував [29]. Але його монографії мали на меті, насамперед, дослідження техніки суднобудування й супутніх моментів державно-політичного життя, бойова ж служба кораблів російського флоту відігравала у його працях другорядну роль, а їх участь у подіях Першої світової війни й взагалі автор розглянув епізодично. Характерною була й підбірка об'єктів дослідження – лінійний корабель «Князь Потьомкін», крейсери «Варяг» та «Очаков», – які були важливими елементами легендаризації військово-морської історії СРСР.

Найбільш плідним став третій період розвитку історіографії, що розпочався з кінця 1980-х рр., коли цензурні та ідеологічні обмеження було різко послаблено. Найбільш прикметною рисою цього періоду стала поява монографій, присвячених діям флотів на основних театрах війни – Північне море, Середземне море, а також океанським рейдерським операціям, які раніше взагалі були поза увагою радянських дослідників. До такого типу досліджень належить праця Д. Ліхарева, де у формі біографії одного з найвидатніших адміралів англійського флоту Девіда Бітті розглянуто основні етапи розвитку британського флоту на початку XX століття, розгортання сил обох

ворожих таборів на початку та в ході Першої світової війни, основні бойові операції, де брав участь адмірал Бітті [19]. Події на Північному (Німецькому) морі розглянуто переважно з британської точки зору. Правда в монографії присутні деякі незрозумілі похибки, пов'язані, як нам здається, з друкарськими помилками, а не з некомпетентністю автора. Наприклад, це стосується відстані, яку проплив під час випробувань лінійний корабель «Дредноуд» [19, с. 54]. Заслужують на увагу публікації О. Г. Больних, які претендують на комплексність розгляду подій на морських театрах світової війни практично в усіх регіонах планети. Варто відзначити високу компетентність автора та його енциклопедичність, зокрема обізнаність з широким колом англомовних джерел. Разом з тим, слід зауважити, що перша з цих монографій є фактично авторизованим перекладом праці англійського історика флоту Дж. Беннета [3; 4; 5]. Ще специфічніше виглядає монографія вже нині покійного широко відомого популяризатора військової історії І. Л. Бунича [6]. Фактично вона є компіляцією ряду німецько- та польськомовних праць і не носить самостійного характеру. Заслуга І. Бунича полягає в даному випадку у введенні в коло російськомовної літератури раніше практично невідомих епізодів рейдерської війни в океанах упродовж 1914–1917 рр.

У цей час було продовжено в більш широкому та поглибленому масштабі розробку військово-технічного напрямку історії Першої світової війни. Крім уже згаданого Р. М. Мельникова, на цю ж тему з'явилося досить якісне дослідження С. Є. Виноградова [26–27; 28; 8]. На новому методологічному рівні розглянуто уже традиційно популярні події на Балтійському морі. До таких праць відносяться монографії П. Лемішевського [17] та М. Кузнєцова [16]. Правда, остання є швидше збіркою статей з історії російського флоту за період 1907 – 1917 рр., тобто Микита Кузнєцов виступає фактично в якості упорядника, а не автора. У вказаних дослідженнях інакше оцінено бойову діяльність балтійського флоту, залучено ширше коло джерел, значно більше уваги приділено персоналіям російських адміралів, імена яких були маловідомі на відміну від, скажімо, адміралів значно коротшої російсько-японської війни.

Лише в третьому періоді розвитку історіографії з'явилася така історіографічна форма як спеціалізовані журнали з морської історії – санкт-петербурзькі «Гангут» (виходить з 1991 р.), «Гілея» (виходить з 2005 р.) та московські «Морська війна» (виходить з 2008 р.), «Флот-мастер» (виходить з 1997 р.). Але ці журнали торкаються всього періоду існування російського флоту, тому тематика Першої світової вій-

ни є досить невеликим фрагментом. За обсягом та різноманітністю матеріалів вона поступається навіть російсько-японській війні. Однак, оскільки кількість номерів цих журналів досягає близько 150, детальний аналіз цих матеріалів, очевидно, вимагатиме аж надто великих обсягів для даної статті. Все ж один з матеріалів журналу «Гангут» заслуговує на увагу автора цієї статті. У 2007 р. було вміщено об'ємний матеріал А. В. Невського, який на широкій джерельній базі, у тому числі з використанням російських архівів та іншомовних публікацій здійснив детальний аналіз крейсерської епопеї німецького адмірала Максиміліана фон Шпее у серпні – грудні 1914 р. [30]. Матеріал А. В. Невського вигідно відрізняється від короткого огляду А. Лов'ягіна, зробленого майже за 80 років до цього [20]. Правда А. В. Невський дещо захопився аналізом «шпигунських пристрастей» навколо звитязного бою німецьких крейсерів проти переважаючих англійських сил біля Фолклендських островів. Загалом, характеризуючи матеріали вказаних журналів, можна відзначити певне германфільство авторів. Вони підкреслюють не лише технічні переваги німецьких кораблів над союзними, але і їх естетичну вишуканість та красоту. Не піддаються сумніву висока якість підготовки німецьких моряків та їх мужність.

Нарешті, завершити наш огляд варто здобутками власне української історіографії. Хоча реально досліджувати цю тематику розпочали лише з початку 1990-х рр., тим не менш певних результатів все ж вдалося досягти.

Активно розроблялись питання, пов'язані із ситуацією на Чорноморському флоті протягом 1917–1918 рр. та його трагічною долею як цілісного бойового організму. Активно публікував матеріали у цьому напрямі М. Мамчак [23–24; 25]. Вони не позбавлені недоліків, пов'язані з намаганням автора надати їм науково-популярного характеру, однак свою позитивну роль відіграли.

Особливо позитивним фактором української військово-морської історіографії став вихід тематичного номеру українського журналу «Воєнна історія», що виходив друком з 2002 по 2012 рр. У цьому номері вміщено статтю відомих воєнних істориків С. Х. Литвина та А. В. Лубенця. Вони полемізують із дніпропетровським міліарним істориком Ю. Калібердою з приводу комплектації Чорноморського флоту вихідцями з українських губерній. Ю. Каліберда, услід за радянськими істориками, вважає, що 65 % військових службовців були українцями, автори ж обґрунтовують цифру у 80 % [18, с. 69, 81].

Ще однією статтею у цьому ж журналі є біографічний нарис І. Печенюка, присвячений адміралу Андрію Покровському.

У цій детальній біографії міститься й достатньо детальний аналіз діяльності контр-адмірала у 1914–1918 рр. [33]. Наскільки відомо, це перша детальна біографія адмірала Чорноморського флоту, якщо не брати до уваги біографію О. Колчака, що короткий час теж служив на Чорному морі.

Як видається автору запропонованої статті, радянська, сучасні російська та українська історіографія досить поверхово й непослідовно досліджували тематику військово-морської історії Першої світової війни. Окремі події досліджено досить детально – Моонзундська операція 1917 р., революційні події 1917 р. на Балтійському та Чорному морях, цілий ряд операцій почали досліджуватись лише останнім часом – блокадні операції проти Босфору, підводна війна, рейдерські операції після 1914 р. Саме внаслідок цих досліджень виявився той факт, що основний тягар підводної війни на Балтійському морі вели не російські, а британські підводні човни. Залишаються майже не дослідженими ще цілий ряд моментів – питання комплектування особового складу флотів із точки зору національної належності, морські операції на океанічних театрах (Тихий, Індійський океани), внесок японського та американського флотів у перемогу Антанти та флотів малих країн – Бразилії, Португалії, роль авіації у морських операціях. Фактично не створено цілісного стратегічного нарису війни на Чорноморському театрі з листопада 1914 по листопад 1915 рр., коли існувала рівновага морських сил російського та турецько-німецького флоту. Аналізуючи столітній період розвитку історіографії автор не зустрів усталених оцінок флотоводчих талантів основних командирів Першої світової війни. Однозначно позитивно оцінюється, мабуть, діяльність лише одного адмірала – а саме німця Р. Хіппера.

Не позбавлені методологічних недоліків праці сучасного історіографічного етапу, де зустрічаються політично забарвлені матеріали (або апологетика, або ж надмірно критичні оцінки). Враховуючи, що минуло вже 100 років, склалися всі умови для досягнення якомога об'єктивніших оцінок подій Першої світової війни, у тому числі на морських театрах.

Бібліографічні посилання

1. Андреев В. И. Борьба на океанских коммуникациях / В. И. Андреев. – М. : Воениздат, 1961. – 373 с.
2. Белли В. А. Борьба за Тихий океан / В. А. Белли, Б. Б. Жерве. – М. : Воениздат, 1929. – 205 с.

3. Больных А. Г. Схватка гигантов / А. Г. Больных. – М. : АСТ, 2000. – 512 с.
4. Больных А. Г. Трагедия ошибок / А. Г. Больных. – М. : АСТ, 2000. – 448 с.
5. Больных А. Г. На океанских просторах / А. Г. Больных. – М. : АСТ, 2001. – 560 с.
6. Бунич И. Л. Корсары Кайзера / И. Л. Бунич. – К. : Изд-во А.С.К., 2001. – 212 с.
7. Быков П. Д. Военные действия на Северном военно-русском морском театре в империалистическую войну 1914 – 1918 / П. Д. Быков. – Л. : Военмориздат, 1939. – 97 с.
8. Виноградов С. Е. Броненосный крейсер «Рюрик» – флагман Балтийского флота / С. Е. Виноградов, А. Д. Федечкин. – М. : Яуза – ЭКСМО, 2010. – 181 с.
9. Гончаров Л. Г. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914 – 1918 гг. / Л. Г. Гончаров, Б. А. Денисов. – М.; Л. : Военмориздат, 1940. – 176 с.
10. Граф К. Г. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию / К. Г. Граф. – Мюнхен : Типография Р. Ольденбург, 1922. – 488 с.
11. Залесский Н. А. «Краб» – первый в мире подводный заградитель / Н. А. Залесский. – Л. : Судостроение, 1988. – 183 с.
12. История первой мировой войны. 1914 – 1918 гг. : в 2 т. / под ред. Н. И. Ростунова. – М. : Наука, 1975. – Т. 1. – 446 с.; Т. 2. – 607 с.
13. Крылов А. Н. Мои воспоминания / А. Н. Крылов. – Л. : Судостроение, 1979. – 479 с.
14. Коленковский А. Дарданелльская операция / А. Коленковский. – М.; Л. : Гиз, 1930. – 112 с.
15. Косинский А. М. Моонзунская операция Балтийского флота 1917 года / А. М. Косинский. – М. : РИО В-М. сил РККА, 1928. – 168 с.
16. Кузнецов Н. А. Слава и трагедия балтийского линкора / Н. А. Кузнецов. – М. : Вече, 2013. – 288 с.
17. Лемишевский П. В. Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны / П. В. Лемишевский. – СПб. : РГА ВМФ, 2005. – 256 с.
18. Литвин С. Х. Українська революція 1917 року та передумови відродження національного військового флоту / С. Х. Литвин, А. В. Лубенець // Воєнна історія, 2012. – № 2. – С. 67 – 78.
19. Лихарев Д. В. Адмирал Дэвид Битти. История британского флота в конце XIX – первой половине XX вв. / Д. В. Лихарев – СПб. : ГИПП «Искусство России», 1997. – 219 с.
20. Ловягин А. Шпее в Тихом океане / А. Ловягин // Мор. сбор. – 1930. – № 6. – С. 128 – 129.
21. Мазуренко К. И. На «Славе» в Рижском заливе, 1915 – 1917 / К. И. Мазуренко. – Джорданвилл (Нью-Йорк) : Изд-во Свято-Троицкого монастыря, 1949. – 71 с.

22. *Македон Ю. А.* Использование судов торгового флота в военное время / Ю. А. Македон. – М.; Л. : Госмориздат, 1940. – 155 с.
23. *Мамчак М.* Україна: шлях до моря / М. Мамчак. – Снятин : Прут-Принт, 2007. – 404 с.
24. *Мамчак М.* Чорноморський флот у боротьбі за незалежність України (1917 – 1921 рр.) / М. Мамчак. – Севастополь : ПП «Стрижак», 2011. – 244 с.
25. *Мамчак М.* Військово-морське будівництво в Україні у XX ст. / М. Мамчак : зб. док. – Севастополь : «Просвіта», 2013. – 316 с.
26. *Мельников Р. М.* Броненосцы типа «Пересвет» / Р. М. Мельников. – М. : Военкнига, 2006. – 116 с.
27. *Мельников Р. М.* Линейный корабль «Андрей Первозванный» / Р. М. Мельников. 1906 – 1925. – СПб. : Изд-во АНТ-Принт, 2003. – 182 с.
28. *Мельников Р. М.* Линейные корабли типа «Императрица Мария» / Р. М. Мельников. – СПб. : Ленко, 1993. – 32 с.
29. *Мельников Р. М.* Крейсер «Очаков» / Р. М. Мельников. – Л. : Судостроение, 1986. – 256 с.
30. *Невский А. В.* Гибель эскадры вице-адмирала М. фон Шпее / А. В. Невский // Гангут, 2007. – Вып. 40. – С. 80 – 91; вып. 41. – С. 90 – 108; вып. 42. – С. 96 – 115; вып. 43. – С. 103 – 130; вып. 44. – С. 111 – 125; вып. 45. – С. 94 – 124.
31. *Новиков Н. В.* Операции на Чёрном море и совместные действия армии и флота на побережье Лазистана / Н. В. Новиков. – М. : В.-М. Академия РККА, 1927. – 120 с.
32. *Петров М. А.* Обзор главнейших сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства / М. А. Петров. – Л. : РИО В.-Морских сил РККА, 1927. – 562 с.
33. *Печенюк І.* Адмірал Андрій Покровський: будівничий національного флоту Української держави (до 150-ї річниці з дня народження) / І. Петров // Воєнна історія, 2012. – № 2. – С. 100 – 109.
34. *Пухов А. С.* Моонзунское сражение / А. С. Пухов. – Л. : Лениздат, 1957. – 118 с.
35. Флот в Первой мировой войне : в 2 т. / под ред. Н. Б. Павловича. – М. : Воениздат, 1964. – Т. 1 : Действия русского флота. – 648 с.
36. Флот в Первой мировой войне : в 2 т. / под ред. В. А. Белли. – М. : Воениздат, 1964. – Т. 2 : Действия флотов на Северном, Средиземноморском и океанском театрах. – 363 с.
37. *Шульц Г. К.* С английским флотом в Мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при английском Гранд Флите / Г. К. Шульц. – СПб. : Изд-во «Корабли и сражения», 2000. – 92 с.

Надійшла до редколегії 03.09.2014

УДК 94(477)«19»(092)

К. С. Грищенко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

КАТЕРИНОСЛАВСЬКИЙ РОДИЧ ГЕНЕРАЛА БРУСИЛОВА

Автор наголошує на необхідності насичення вітчизняної історії іменами людей «другого плану», які поки що не стали об'єктом уваги дослідників. Це дозволить більш адекватно зрозуміти історичні епохи і людей, які їх представляють. Стаття присвячена висвітленню військової кар'єри катеринославського дворянина, генерал-майора Миколи Борисовича Герсєванова. Розглянуто основні військові кампанії, в яких брав участь Герсєванов, його посади та нагороди.

Ключові слова: Герсєванов, Кавказ, Угорська революція, Кримська війна, Брусилов.

Автор обращает внимание на необходимость насыщения отечественной истории именами людей «второго плана», которые пока ещё не стали объектом внимания исследователей. Это позволит полнее и качественнее понять исторические эпохи и представляющих их людей. Статья посвящена военной карьере екатеринославского дворянина, генерал-майора Николая Борисовича Герсєванова. Рассмотрены основные военные кампании, в которых принимал участие Герсєванов, его звания и награды.

Ключевые слова: Герсєванов, Кавказ, Венгерская революция, Крымская война, Брусилов.

Der Verfasser verweist auf die Notwendigkeit der Auffüllung der nationalen Geschichte mit Namen der «zweiten Reihe», die bislang noch nicht ins Blickfeld der Forschung gerückt sind. Dies würde ein umfassenderes und besseres Verständnis der historischen Epoche und der sie repräsentierenden Menschen ermöglichen. Der Beitrag ist der militärischen Laufbahn des Ekaterinoslaver Edelmanns, Generalmajor Nikolaj Borisovič Gersevanov gewidmet. Behandelt werden die wichtigsten Kriegsoperationen, deren Teilnehmer Gersevanov gewesen war, ebenso eingegangen wird auf seinen jeweiligen Dienstgrad und die Auszeichnungen.

Schlagwörter: Gersevanov, Kaukasus, Ungarische Revolution, Krim-Krieg, Brusilov.

The author draws attention to the need of saturating the ukrainian history with names of people of the “second plan”, which have not yet become the object of attention neither ideology nor researchers. This will help to understand the historical era and it's representatives. The article is devoted to the military

career of Katerinoslav nobleman, Major-General Nikolai Gersevanov. The main military campaigns in which he participated Gersevanov, his awards and titles are reviewed.

Keywords: Gersevanov, Caucasus, Hungarian Revolution, Crimean War, Brusilov.

Одна з тенденцій сучасної історичної науки, яка особливо популярна на пострадянських теренах, це намагання включити до реконструкції та розуміння подій минулого більше коло персоналій. І не лише окреслити існуючі точки зору, позиції, «правди» різних груп суспільства, але й наповнити їх живими людьми. Цікаво, що в радянській історіографії згадана тенденція була реалізована в межах військової історії. Справа не в тиражуванні подвигів матросів і солдат, імена яких стали синонімами перемоги радянського народу – Матросова, Гастелло, Панфілова та інших, такий підхід до формування образу героя відомий здавна і актуальності не втратив. Більш симптоматичним є рух пошукачів, нові покоління яких і зараз намагаються повернути з небуття загинувших у війнах ХХ ст., водночас ідентифікуючи знайдені останки. Олександра Матросова та червоноармійця Івана Іванкова, вбитого в Смоленській області та знайденого 2004 р., поєднує те, що вони стали відомими лише після смерті.

У нашій культурній традиції так склалося, що «стати героєм» = «померти». І якщо для істориків це професійна даність, всі наші герої вже фізично мертві, то для «цивільних» така постанова навіює атмосферу приреченості. Тому варто пам'ятати й про «живих» героїв, які свій статус отримали ціною не власного життя, частіше всього. Це командувачі військами. Чи не найвідомішим російським військовим початку ХХ ст. правомірно вважається Олексій Олексійович Брусилов, людина і прорив. Російський, потім радянський генерал, його особі присвячена значна історіографічна традиція, зокрема праці: В. Мавродина, С. Семенова, С. Базанова, Ю. Соколова, А. Голікова, Г. Белова, В. Шабанова, дисертація Б. Александрова та багато інших [10; 23; 2; 25; 6; 3; 28; 1]. Сам О. Брусилов залишив мемуари, тому його біографія не є загадкою для дослідників. Однак дослідження будь-якої персоналії під кутом зору «нової біографістики» вимагає від дослідників тотального вивчення не тільки самого героя, а й всіх деталей контексту, до якого належить і родинний світ у його вузькому та широкому значенні. Тому в даному разі пропоную звернути увагу не стільки на самого Олексія Олексійовича, скільки на одного з його родичів, іншого російського генерала – Миколу Борисовича Герсєванова.

Як відомо, Олексій Олексійович народився у родині Олексія Миколайовича Брусилова та Марії-Луїзи Нестоемської. Дідом його був Микола Іванович Брусилів¹, який, окрім сина Олексія, мав доньку. З нею ж одружився Борис Єгорович Герсєванов, у подружжя народилися сини Єгор та Микола. Таким чином, Олексій Брусилів та Микола Герсєванов були кузенами. Вони мали значну різницю у віці, Олексій Олександрович народився у 1853 р., коли його батьку було 64 роки, а Микола Борисович (1809 р. народження) тоді вже мав чин полковника. Крім того, Брусилів народився у Тифлісі, а Герсєванов – Катеринославщині. Ніяких прямих доказів спілкування родичів наразі не маємо, але, користуючись загальною логікою цілком впевнено стверджуємо, що вони були знайомі. До того ж, окрім родинних зв'язків, їх поєднувала професія. Службовий шлях Олексія Олексійовича ретельно вивчений, а військова кар'єра Миколи Борисовича не була предметом спеціальних досліджень. Більше уваги науковців привертала активна публіцистична та земська діяльність Герсєванова [11; 27; 9; 8]. Це й зрозуміло, якщо будувати дослідження від загального до конкретного. Якщо ж перевернути цю схему, то безумовно важливими видаються ієрархії ідентичностей досліджуваної особи. У випадку з Герсєвановим, безумовно, однією з ключових виглядає самоідентифікація *військовий*. Улюбленій професії Микола Борисович присвятив 33 вдалі роки життя. Тому не лише корисним, але й справедливим вважаємо звернути увагу на історію військового служіння Російській імперії катеринославського дворянина Герсєванова.

10 квітня 1825 р. 16-річного Герсєванова було зараховано унтер-офіцером до Новоросійського драгунського полку, а по перевірці документів в Інспекторському Департаменті Головного Штабу, за розпорядженням № 7116 від 7 червня 1825 р. Микола Борисович став юнкером. 12 листопада 1826 р. його було переведено до Білгородського уланського полку, а 8 жовтня 1829 р. у віці 20 років Герсєванов отримав перше офіцерське звання корнета і призначення на службу до Псковського кірасирського полку. Останнім для кавалериста Герсєванова став Стародубовський кірасирський полк, до якого він прибув 2 березня 1832 р. Тут 5 липня 1834 р. Микола Борисович отримав чин поручика. А 2 жовтня цього ж року після складання вступних випробувань Герсєванов вступив до створеної 1832 р. Академії Генерального штабу.

¹ Московський віце-губернатор 1802 – 1806 рр., Полтавський губернатор 1806 – 1808 рр., Литовсько-Віленський губернатор 1808 – 1810 рр.

Відкриття Академії – визначна подія в історії військових сил Російської імперії. Це була унікальна установа не лише для держави, але й для всієї Європи. Проект цього вищого військового закладу належав генерал-ад'ютанту Жоміні. Микола I прихильно сприйняв і підтримав ідею. Щоправда для обговорення проекту Жоміні імператор скликав комісію, яка значно змінила початкові пункти плану. Фельдмаршал І. І. Дібіч, генерали О. І. Чернишев та О. І. Нейгарт хотіли бачити в майбутніх випускниках командувачів, для яких необхідні воля, рішучість, енергія, мобільність, натиск і т. ін., а Жоміні вважав, що для штабної роботи перш за все необхідні високі якості розуму, акуратність, аналітичні здібності. В Академії він вбачав джерело військової інтелектуальної еліти. Мабуть, ніхто з членів комісії не міг залишитися остаточно задоволеним, але компроміс було знайдено і 1832 р. Академія прийняла перших слухачів. Незважаючи на те, що у перші роки офіцерів, охочих отримати вищу освіту, було небагато, керівництво не гналося за кількістю. Серед заохочень вступників – лише додаткові 500 руб. сріблом до річного жалування. Для столичного Петербурга це були не такі вже великі кошти, адже слухачі мали знімати квартири та вести гідний статусу спосіб життя. Тому у власника кондитерської неподалік від Академії у боржниках був майже увесь цвіт російської армії.

Ті, хто успішно подолав складні вступні випробування, ставали слухачами Академії, навчання в якій тривало 2 роки та поділялось на 2 класи – Теоретичний і Практичний. Така доля спіткала і Миколу Борисовича. Відзначимо, що до Академії освіти Герсєванов отримував у Рішельєвському ліцеї в Одесі. Він залишив цей заклад 1825 р. після класу риторики, тому не слухав там курсу вищих наук, де викладали математику, фізику, механіку, логіку, метафізику, право, фортифікацію та артилерію, а значить засвоював ці дисципліни для вступу в Академію самостійно паралельно з військовою службою.

Ще під час навчання Микола Борисович отримав звання штабс-ротмистра (23 квітня 1836 р.), а 2 грудня 1836 р. закінчилася кар'єра кавалериста Герсєванова. Після випуску з Академії у віці 27 років Микола Борисович став офіцером Генерального штабу зі званням ротмистра. У жовтні 1837 р. Микола Борисович отримав звання штабс-капітана і призначення на службу до 6-го піхотного корпусу. Про подальший відрізок служби знаємо не багато. Залишилися лише відомості про «Всемилолюбивейшее пожалование подарком по чину» – діамантовим перстнем – за відмінно-старанну службу, що відбулося 4 вересня 1839 р. за нагоди відкриття Бородинського монумента [15, арк. 307; 16, арк. 38].

20 вересня 1842 р. наказом по Генеральному Штабу за № 265 Герсєванова було призначено на службу у 5-й піхотний корпус. 5 жовтня Микола Борисович прибув до Одеси, де розташовувався штаб корпусу. Із 4 вересня по 1 грудня 1843 р. за розпорядженням керівництва знаходився у відрядженні для перевірки та виправлення статистичних відомостей про Херсонську губернію [16, арк. 39 – 40]. 20 листопада того ж року за відмінно-старанну та ревну службу йому була оголошена іменна Найвища милість монарха.

Через 2 місяці по закінченню відрядження до Херсона, 24 січня 1844 р. Микола Борисович разом із військами 5-го піхотного корпусу вирушив у похід на Кавказ, де підрозділ приєднався до Дагестанського загону. Як можна побачити з досить сухих відомостей формулярного списку, перший бойовий досвід Микола Борисович прийняв з честю та відвагою, що не залишилася непоміченою. Майже кожного дня капітан Герсєванов брав участь у походах, захопленнях, захистах, прикриттях, будівництві укріплень, розробці доріг, рекогносцировках тощо. У рапорті генерал-ад'ютанту О. І. Нейгарту від 11 травня 1844 р. генерал від інфантерії О. М. Лідерс описував дії полковника Євдокимова, якому було наказано провести рекогносцировку на Кадарі та відволікти супротивника від Дербентської дороги. Дургенійський загін Н. І. Євдокимова вирушив о 3 годині ночі 8 травня. Зайнявши позицію ближче до поселення горців, на розвідку було відправлено загін майора князя Орбеліані, який на зворотному шляху захопив та забрав до 1500 баранів, тим часом у поселенні почалася тривога. Великі сили горців швидко стали прибувати, зав'язалась велика перестрілка. Хоча позиція російських військ була вигідною, але, оцінивши ризик розтягування військ та збільшення кількості супротивника, полковник Євдокимов обрав шлях для відступу: «Тогда горцы стремительно атаковали отступавшие войска и арьергард, усиленный еще вследствие того двумя ротами 3-го батальона. Несколько раз горцы бросались в шашки, но были каждый раз отражаемы с уроном, или опрокидываемы вниз, и отступление произведено было без малейшей торопливости в совершенном порядке» [20, арк. 124 зв.–125]. Командував прикриттям Герсєванов і не дивно, що полковник Євдокимов: «приписывает успех отступления отличному мужеству Г.г. штаб и обер офицеров и указывает на Генерального Штаба Подполковника Нордстренга и Капитана Герсєванова, как на помощников его в этом деле» [20, арк. 126].

Після насичених весни та літа 1844 р., 14 серпня війська відійшли на зимові квартири до Ставрополя. За відмінні дії проти горців 12 ве-

ресня 1844 р. Герсєванов отримав звання підполковника. Після того Найвищим наказом 22 листопада його було звільнено у річну відпустку для лікування у Росії та закордоном, із виданням разової допомоги у розмірі річного окладу за чином.

Далі військова служба у Герсєванова була у розпалі, він отримував нові завдання та нагороди. 14 жовтня 1847 р. Микола Борисович за відмінно-старанну службу нагороджений орденом Св. Анни 3-го ступеня. 24 жовтня 1848 р. він був призначений дивізійним квартирмейстером у 13-ту піхотну дивізію, а з 11 жовтня 1848 р. по червень 1849 р. керував частиною Генерального Штабу при військах 5-го піхотного корпусу у Новоросійському краї. У той же час за наказом військового міністерства Герсєванов склав «Військово-статистичний огляд Таврійської губернії». При роботі над оглядом Герсєванов ретельно обстежив весь Крим з Чоргуна, де він зупинився: «Я оттуда во все стороны изъездил по городам» [21, арк. 11]. У результаті було створено ґрунтовну працю, важливість та корисність якої було оцінено хоч і досить скоро – під час Кримської війни, але вже по факту, а не на етапі підготовки військових дій.

Влітку 1849 р., за розпорядженням командира 5-го піхотного корпусу Герсєванов посилив штаб військ корпусу, який діяв у Трансільванії супротив угорців. У с. Марієнбург, де розташовувався штаб, Герсєванов прибув 17 червня й поступив до загону під керівництвом генерала від інфантерії О. М. Лідерса. 20 липня – 25 серпня 1849 р. Микола Борисович виконував обов'язки обер-квартирмейстера загону, за наказом по діючому загону військ № 97. Генерал Лідерс у рапорті до головнокомандуючого І. Ф. Паскевича-Ериванського, доповідав, що у зв'язку зі смертю начальника штабу загону генерал-майора Г. Я. Скарятіна, на його місце було призначено полковника Непокойницького, а на місце останнього – обер-квартирмейстера – він призначив генерального штаба підполковника Герсєванова [17, арк. 106].

19 липня 1849 р. Микола Борисович проявив себе у справі з повстанцями при Шесбурзі. Саме у цьому бою було смертельно поранено генерала Скарятіна. Для цього бою підполковником Герсєвановим у міжгір'ї було обрано місце для зосередження всієї російської артилерії. Під час бою Микола Борисович позиції не полишав, там під ним було вбито коня [17, арк. 285–285 зв.]. У результаті, російські вояки захопили 2 стяги та 8 гармат [12, с. 318]. За звитягу у цій справі 12 листопада 1849 р. його було нагороджено орденом Св. Володимира 4 ст. з бантом.

6 серпня Герсеванов приймав капітуляцію угорського загону під проводом Беккера у м. Дева, а 7 серпня капітуляцію загону Фруммера: «Послал я вместе с парламентарями в г. Дева Исправляющего должность Обер-квартирмейстера Отряда Генерального Штаба Подполковника Герсеванова и адъютанта Военного Министра Штабс-ротмистра Скобелева, которые по объявлении Венгерским войскам что капитуляция заключена приветствованы были криками виват и ура. Баталионы один за другим сделали на караул, преклонили знамена, сложили ружья в козлы и двинулись к авангарду. Отряд в Деве состоял из 12 баталионов пехоты, 8 эскадронов кавалерии и более чем 50 орудий» [17, арк. 302 зв.].

25 серпня Герсеванов повернувся з Трансільванії у Дунайські князівства у Бухарест, де й перебував до 12 вересня 1849 р. Досить ретельні спогади про військові дії у Трансільванії залишили товариші Герсеванова по службі підполковник М. І. Дараган та оберквартирмейстер, а згодом начальник штабу полковник О. О. Непокойчицький. Про Миколу Борисовича вони, щоправда, згадують небагато, лише в контексті вже згаданих подій. Хіба що Дараган згадує ще: «Близ сел. Кёкёш, на речке Фекеде, генерал Гасфорд встретил отряд венгерцев, тысяч в пять, при 8-ми орудиях. Венгерцы наблюдали, значит, за нами довольно близко. Неприятель открыл огонь со своих батарей; мы поставили также батареи, и отвечали. Но как речка в этом месте была непроходима, то генерал Гасфорд послал Генерального Штаба подполковника Герсеванова с двумя баталионами и четырьмя орудиями отыскивать брод. Брод отыскался версты четыре ниже. Едва только эта обходная колонна стала переходить брод, венгерцы снялись, и начали отступать» [7, с. 72]. 8 вересня 1849 р. за проявлену мужність, хоробрість і безстрашність у війні проти повсталих угорців Герсеванову було оголошене Монарше Його Імператорської Величності благовоління. За звиягу у бою з повсталими угорцями отримав чин полковника 18 жовтня 1849 р., у тому ж році був нагороджений австрійським орденом Св. Леопольда. У 1850 р. отримав срібну медаль, встановлену за приборкання Угорщини та Трансільванії у 1849 р.

За наказом по 5-му піхотному корпусу від 30 червня 1852 р. за № 107 Герсеванов був призначений виконувати обов'язки оберквартирмейстера корпусу. 15 листопада 1852 р. Найвищим наказом призначений оберквартирмейстером корпусу. 6 грудня 1852 р. за відмінно-старанну службу нагороджений орденом Св. Анни 2-го ст.

Влітку 1853 р. Микола Борисович отримав знак відмінної служби за 15 років [18, арк. 530 зв.]. 4 грудня 1853 р. Герсеванов вступив із

військами у Придунайські князівства. У березні 1854 р. призначений до штабу 3, 4 і 5 корпусів, і вже 11 квітня із загоном військ генерал-ад'ютанта О. М. Лідерса вступив у Турцію. У цей час, за запрошенням генерала С. П. Бутурліна, Герсєванов служив черговим штаб-офіцером. З початком облоги Силістрії, 8 травня 1854 р.: «назначены постоянными начальниками частей траншей, по очереди, на левом фланге генерла-майор Веселицкий и Юферов, а на правом – генерал-майор Заливкин и полковник генер. штаба Герсєванов» [26, с. 668], за звитягу нагороджений орденом Св. Володимира 3 ст. (10 листопада).

13 вересня 1854 р. Герсєванова було командировано у розпорядження головнокомандувача сухопутними та морськими силами у Криму кн. Меншикова. З початком операції союзників у Криму виявилось, що командував не мав штаба, змушений був особисто контролювати розташування військ по позиціях, видавати розпорядження через офіцерів, які випадково опинились неподалік та через власних ад'ютантів. Для виправлення ситуації князь М. Д. Горчаков відправив декількох інженерів та офіцерів до князя Меншикова і 7 жовтня писав: «Из Главной квартиры, в распоряжение Князя Меншикова, командированы: полковник Герсєванов, подполковник Батезатул и капитан Дорожинский» [22, с. 22–23]. Наказом по армії за № 47 від 26 вересня 1854 р. було оголошено, що полковник Герсєванов призначався перебувати при командувачу [14, арк. 49 зв]. Проте відомо, що Микола Борисович вже 24–25 вересня активно брав участь у посиленому кавалерійському рекогносцируванню.

13 жовтня Микола Борисович взяв участь у бою при Балаклаві. Генерал Ліпранді доповідав, що генерального штаба полковник Герсєванов, який знаходився при ньому під час бою, був корисним помічником і строго точно переказував всі накази військам, що знаходились на передовій [19, арк. 34]. 23 жовтня Герсєванова було призначено виконувати обов'язки начальника штаба армії. А вже 24 жовтня відбувся Інкерманський бій, диспозицію для якого підписував саме Микола Борисович, який також безпосередньо брав у ньому участь. За мужність його було нагороджено золотою напівшаблею з написом «За храбрость» [14, арк. 181].

Обов'язки начальника штаба Герсєванов виконував нетривалий час. Приблизно 10 листопада на цій посаді його замінив генерал-майор Костянтин Романович Сем'якін і Микола Борисович сконцентрувався на обов'язках генерал-квартирмейстера, 6 грудня імператорським наказом Герсєванова було затверджено на цій посаді. Разом із Сем'якіним Герсєванов розташовувався на Північній стороні

Севастополя. Костянтин Романович у листі до дружини так описував умови: «Живу под дурной крышей, вместе с Герсевановым, кругом ординарцы, топографы, писаря и прислуга, так что нас в 4-х небольших комнатах живет душ до 40, ежели не более» [24, с. 127].

З початком бойових дій у Криму, Меншиков не мав у штабі ані людей, ані необхідних документів, планів, карт місцевості тощо. Щоправда, багато сучасників відмічали вкрай недовірливе і зневажливе ставлення князя до своїх офіцерів, тому навіть коли функціонування штабу було налагоджене, повної взаємодії годі було й чекати. Одна з перших суттєвих проблем, що з ними зіткнувся Микола Борисович – відсутність детального плану місцевості навколо Севастополя. Доповівши про це Меншикову, Герсеванов отримав доручення зв'язатися з Військово-топографічним Депо в Петербурзі з проханням надати існуючі плани, проте примірник виявився лише один. Це, разом з бюрократичними перепонами, призвело до того, що під час битви під Альмою та в Інкерманському бою російські війська не знали ні куди наступати, ні куди відступати. Свою роль у цьому зіграв саме генерал П. А. Даненберг. На початку війни, його 4-й корпус знаходився у Придунайських князівствах, під командуванням князя М. Д. Горчакова. Дізнавшись про скрутне становище кримської армії, яка поступалась союзникам у чисельності, Горчаков вирішив на допомогу Меншикову відіслати корпус Даненберга. Цей крок, в умовах нестабільності на західному кордоні, небезпеки зі сторони Австрії, яка не визначила ще своє місце у конфлікті, багатьма оцінювався як героїчний, з боку Горчакова, який відповідно послабив власні позиції. Але, разом із корпусом, князь Горчаков надіслав Меншикову листа, де окрім іншого написав, що: «Командир 4-го пехотного корпуса, генерал Даненберг, при его достоинствах весьма несчастлив во всех встречах с неприятелем. Самые последние тому доказательства Ольтеницы и Журжа» [22, с. 29]. Щоб не випробовувати долю, князь Михайло Дмитрович радив залишити Даненберга у Сімферополі, де б той міг «облегчить своими распоряжениями движение войск», зайнятися опікою над пораненими, зберігати лінію від Перекопа до Севастополя і т. ін. [22, с. 29]. Князь Меншиков натомість наблизив Даненберга. Князь В. І. Васильчиков у своїх записках згадав дуже примітну історію, яка згодом розійшлася по різних працях, присвячених Кримській війні. Наступного дня після Інкерманського бою Віктор Іларіонович прийшов на пароплав, де розташувався князь Меншиков, там на палубі він зустрів полковника Герсеванова, який тримав у руках якийсь пакунок, розмахував ним та схвильованим від обурен-

ня тоном привітав Васильчикова: «Вот как у нас дела делаются. Вчера мы давали решительное сражение, а сегодня, только сегодня доставлен к нам план той местности, на которой происходило сражение» [4, с. 206]. На зауваження, що потрібно було раніше про це потурбуватися, Герсєванов відповів, що давно вже шукали цей план, що складений він був під керівництвом Даненберга раніше, штабом 5-го корпусу, але корпус та його архів знаходились у різних місцях (у Дунайських князівствах та Одесі відповідно). Вахтер, якого залишили при архіві в Одесі серед купи паперів знайти необхідні папери не міг. Військовий міністр князь В. А. Долгорукий вів довге бюрократичне листування зі штабом Меншикова перш ніж надіслати план. Час йшов, настав момент рішучих дій, а плану все ще не було. У цей час з'явився Даненберг, який заспокоїв: «местность он знает как свои карманы и никакого плана ему не нужно» [4, с. 207]. У результаті, російські війська під час наступу несподівано для себе натрапляли на яри та пагорби.

Восени – взимку 1854–1855 рр. Герсєванов декілька разів відверто писав до Петра Кононовича Менькова, який в той час служив у штабі князя Горчакова, з проханням: «Ваш штаб уважается в Петербурге; все что вы не представите, принимается тот час к непременно-му исполнению. Быть может, и наши представления уважались бы, но мы ничего не пишем. Помогите» [21, арк. 16 зв.–17]. Не лише не писали, а й взагалі мало що робили, сподіваючись на зимові морози (лист від 16 грудня), які не дадуть флоту союзників підійти ближче до берегів для бомбардування. Війна перейшла в окопи, де переваги нарізної зброї нівелювалися, проте цим не користувалися і за довгий час було лише дві крупні вилазки. Менькова Микола Борисович просив порадити Петербургу надіслати до Криму штуцерів, багнетів, Затлера² та Веселітського³: «За Урусова и Хрулева – большое спасибо. Нам нужна пехота, прислали кавалерию, которая объела Край, нам нужны штуцера, прислали сестер милосердия» [21, арк. 17]. Також у грудні Герсєванов подав Меншикову дві записки про дієвість вилазок, де довів їх корисність, виклав склад загону, окреслив головний напрямок: «Зеленый Мыс над пересыпью, господствующий над Южною бухтою, большим врагом, так называемым Саранди-

² Федір Карлович Затлер (1805–1876 рр.) – барон, генерал-інтендант Південної і Кримської армії.

³ Сергій Гаврилович Веселітський (1804–1866 рр.) – генерал-лейтенант. Командував 17-тою піхотною дивізією, а у 1855 р. очолив 11-ту піхотну дивізію.

наки и балкою лабораторною, где пролегает Южнобережное шоссе» [13, арк. 28]. У своїх записках Микола Борисович розглянув, здається, всі можливі обставини та умови проведення вилазок, особливо наголошуючи на їх психологічній важливості, окремо зупинившись на практичних настановах, серед інших – розпочинати дії ближче до ранку, годині о 4-й; тихо себе поводити, не кричати «Ура!»; прийняти якесь слово, щоб не плутати свого з чужим; усім людям на шинелі одягати білі полушубки або сорочки; у сильну завірюху дозволити начальникам дистанцій розпочинати дії несподівано, без особливого наказу [13, арк. 39 зв.–40].

14 січня 1855 р. у наступному листі до Менькова, незважаючи на те, що «Вы мне не отвечали, но это нисколько меня не удерживает: не буду в претензии если не будете отвечать и теперь, мне все равно лишь бы дело было сделано», а справа не просувалась, кримський штаб сподівався на Бога і нічого не робив: «Есть несомненные доказательства, есть факты что мысли, предположения Вашего Штаба о делах крымских, доходили к нам чрез Петербург в форме повелений, недели чрез три. Нельзя ли и теперь тоже устроить, на счет будущего плана кампании. Нам надо непременно предупредить их; как только выйдем в поле нас побьют как под Альмою и Инкерманом; единственные средства взять верх есть выйти из крепости, овладеть английскими батареями, которые давным-давно молчат, обратить их в редут, не выходя из-под выстрелов крепости и имея всегда к ней верный путь отступления. Тогда устроить на занятой высоте батарею, чтобы быть в фланге францужия батареи и заставить их снять. Тогда пусть начинают сызново осаду, пусть переходят опять на северную сторону... Пусть потребуют из Петербурга план предполагаемых действий, пусть прикажут наступать» [21, арк. 20 зв.]. Меньков досить швидко відповів, і якщо останній лист Миколи Борисовича дуже емоційно напружений, на грані відчаю, то після відповіді Петра Кононовича він писав ніби видихнувши, підсумовуючи: «Я несколько раз подавал Князю записки о необходимости действовать штыком в траншеях и на штурмах, говорил о необходимости выйти из третьего бастиона и окопаться над пушками крепости, писал о страшном перевесе, который дают нашим врагам штуцеры в поле. Долг мой исполнен. Всем флигель-адъютантам едущим в Петербург, твержу о штуцерах, талисмане, которым нас одолевают, дайте штуцеров, штуцеров» [21, арк. 23 зв.].

Зиму Микола Борисович провів у клопотах і спробах підготувати війська та плани військових дій, що мали відновитися з потеплен-

ням. Смерть Миколи І та усунення князя Меншикова від командування ознаменували новий етап війни. Князь М. Д. Горчаков, новий командувач військ, мав власний штаб, який очолив генерал Павло Євстафійович Коцебу, а пост генерал-квартирмейстера дістався генералу Сергію Петровичу Бутурліну. Не відомо, яку посаду після цього займав Герсєванов, але, скоріше за все, він залишився у штабі. Деякий час до прибуття у Крим Бутурліна Микола Борисович продовжував виконувати обов'язки генерал-квартирмейстера і вже на весні 1855 р. передав Сергію Петровичу напрацьовані матеріали, плани і карти (було вже що передавати). Після цього Герсєванов не полишив активної діяльності: «бывал он часто в Севастополе, следил за ходом осады, и таким образом, будучи свидетелем и участником хода всей кампании в окрестностях города, имел случай видеть все роды войск, все местности и позиции» [5, с. 359]. Крім того, Герсєванов їздив парламентарем до союзників, зокрема напередодні Великодня, який у 1855 р. у православних та католиків разом був 27 березня і був відзначений союзниками потужним бомбардуванням. 30 травня 1855 р. у сутичці з французькою кавалерією у Байдарській долині він командував летучим загonom. За виконання важливих і «многотрудных» обов'язків у цій справі отримав діамантовий перстень «с вензелевым изображением Высочайшего имени». 4 серпня був у бою на Чорній річці. Під час Кримської війни Герсєванов брав участь у всіх битвах, крім Альмінської.

29 жовтня 1855 р. Герсєванов був підвищений до звання генерал-майора з призначенням командиром 2-ї бригади 14-ї піхотної дивізії (Житомирський і Подільський піхотні полки). 26 листопада його було нагороджено орденом Св. Георгія 4 ст. за вислугу 25 років в офіцерських званнях. 1 грудня 1856 р. було скасовано поділ піхотних дивізій на бригади і 28 березня 1857 р. Микола Борисович змінив посаду на помічника начальника дивізії. У 1858 р. Герсєванов отримав орден Св. Станіслава І-го ступеня і перейшов у запасні війська. 12 березня 1860 р. вийшов у відставку «за сімейними обставинами». Таким чином, Микола Борисович пройшов шлях від юнкера до генерала, був кавалеристом, топографом, статистиком, колоновожатим, командував артилерією, піхотою, квартирмейстерською частиною та штабом, брав участь у всіх визначних кампаніях російських військ середини ХІХ ст. Його військова кар'єра вдала, але не запаморочлива. На відміну від кар'єри О. Брусилова. Різні часи, в яких реалізовували себе двоюрідні брати схожі характером – війни, невдалої війни, карколомних соціальних та політичних зрушень. По-різному прояви-

ли себе у ці часи наші герої, що може стати предметом для окремої статті. Наразі на запитання: кому з братів варто було б більше пишатися спорідненістю? Для нас відповідь очевидна.

Бібліографічні посилання

1. *Александров Б. Ю.* А. А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877 – 1924 гг. : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. : спец. 07.00.02. «Отечественная история» / Б. Ю. Александров. – М., 2009. – 19 с.
2. *Базанов Н.* Жизнь и звездный час генерала Брусилова / Н. Базанов // Наука России. – 2006. – № 4. – С. 91 – 98.
3. *Белов Г.* Русский полководец А. А. Брусилов / Г. Белов // Военно-исторический журнал. – 1962. – № 10.
4. *Васильчиков В. И.* Записки начальника штаба севастопольского гарнизона (Писаны в Москве, в 1875 – 1877 годах) / В. И. Васильчиков // Русский архив. – 1891. – № 6. – С. 206.
5. *Герсевич Н.* О причинах тактического превосходства французов в кампанию 1854 и 1855 годов / Н. Б. Герсевич // Русский инвалид. – 1858. – № 86. – С. 359.
6. *Голиков А. Г.* Генерал А. А. Брусилов: Страницы жизни и деятельности / А. Г. Голиков // Новая и новейшая история. – 1998. – № 4.
7. *Дараган М. И.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. / М. И. Дараган. – СПб. : Издание Я.А. Исакова, 1859. – С. 72.
8. *Кочергин І. О.* Земське самоврядування Катеринославщини (персоналогічний вимір) / І. О. Кочергин. – Д. : Герда, 2011. – 216 с.
9. *Литвинова Т. Ф.* «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – в першій половині XIX ст. (ідеологічний аспект) / Т. Ф. Литвинова. – Д. : Ліра, 2011. – 732 с.
10. *Мавродин В. В.* А. А. Брусилов. / В. В. Мавродин. – М. : Госполитиздат, 1942. – 48 с.
11. *Мурзакевич Н. Н.* Н. Б. Герсевич. Некролог / Н. Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1872. – С. 359 – 362.
12. *Непокойчицкий А. А.* Описание войны в Трансильвании 1849 г. / А. А. Непокойчицкий. – СПб. : Военная типография, 1858. – С. 318.
13. Російський державний архів військово-морського флоту (далі: РДА ВМФ). – Ф. 19, оп. 4, спр. 107.
14. РДА ВМФ. – Ф. 19, оп. 4, спр. 108.
15. Російський державний військово-історичний архів (далі: РДВІА). – Ф. 442, оп. 2, спр. 1302.
16. РДВІА. – Ф. 846, оп. 1, спр. 5449.
17. РДВІА. – Ф. 846, оп. 16, спр. 5351.
18. РДВІА. – Ф. 846, оп. 16, спр. 5431. – Т. 2.
19. РДВІА. – Ф. 846, оп. 16, спр. 5616.

20. РДВИА. – Ф. 846, оп. 16, спр. 6565.
21. Російська національна бібліотека. Відділ рукописів. – Q.IV. – №365.
22. Русский заграничный сборник. Журнал Севастополя. – Берлин; Париж; Лондон. – 1858.
23. Семенов С. Брусилов / С. Семенов. – М. : Молодая гвардия, 1980.
24. Семякин К. Р. Выписки из писем / К. Р. Семякин // Сборник рукописей, представленных его Императорскому Высочеству наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. – СПб., 1873. – Т. 3. – С. 127.
25. Соколов Ю. В. Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова / Ю. В. Соколов. – М. : Россия молодая, 1994.
26. Стренг А. О. На Дунае и под Силистриею в 1854 г. Из записок бывшего офицера генерального штаба / А. О. Стренг // Русская старина. – 1890. – Т. 68. – С. 668.
27. Чулков Н. Герсеванов, Николай Борисович / Н. Чулков // Русский биографический словарь. – М., 1916. – Т. 6. – С. 86–89.
28. Шабанов В. М. А. А. Брусилов: [Судьба ген. рус. армии, впоследствии сов. военачальника А.А. Брусилова] / В. М. Шабанов // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 10. – С. 63 – 65.

Надійшла до редколегії 10.07.2014

Послевоенный мир

Козирева М. Е.

Адміністративні та соціально-економічні наслідки Першої світової та громадянської воєн для Миколаївщини

Архирейський Д. В.

Економічне значення українсько-російського кордону 1918–початку 1919 рр.

Кабанов В. И.

Последствия Первой мировой войны для угольной промышленности Германии

Nachkriegswelt

M. E. Kozyreva

Administrative und sozialökonomische Folgen
des Ersten Welt- und des Bürgerkrieges für das
Gouvernement Nikolaev

D. V. Archirejskij

Wirtschaftliche Bedeutung der ukrainisch-
deutschen Grenze 1918– Anfang 1919

V. I. Kabanov

Folgen des Ersten Weltkrieges für die deutsche
Kohleindustrie

УДК 323.1

М. Е. Козирева

Миколаївський державний педагогічний університет

АДМІНІСТРАТИВНІ ТА СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ НАСЛІДКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ТА ГРОМАДЯНСЬКОЇ ВОЄН ДЛЯ МИКОЛАЇВЩИНИ

Розглянуто на основі опублікованої статистики наслідки для Миколаївщини адміністративних змін та соціально-економічних трансформацій періоду Першої світової та громадянської воєн.

Ключові слова: адміністративні зміни, соціально-економічні трансформації, Перша світова війна.

Рассмотрено на основе опубликованной статистики последствия для Николаевщины административных перемен и социально-экономических трансформаций периода Первой мировой и гражданской воин.

Ключевые слова: административные изменения, социально-экономические трансформации, Первая мировая война.

Auf Grund der veröffentlichten Statistik werden die Folgen der administrativen Veränderungen und der sozialökonomischen Transformationen während des Ersten Welt- und des Bürgerkrieges behandelt.

Schlagwörter: administrative Veränderungen, sozialökonomische Transformationen, Erster Weltkrieg.

The aim of the article is to carry on the comparative analyses of changes caused by World War One and Civil War to Nikolaiv region, using published statistic sources.

Nikolaiv region was the part of Kherson gubernia in the Russian Empire. Administrative-territorial system was re-organized when the Bolsheviks came to power. On 28 of January 1920 All-Ukrainian Revolutionary Committee (*Vseukrrevkom*) resolved to divide Kherson gubernia into two parts: Odessa and Kherson gubernii. Despite the fact, that Nikolaev became the center of new Kherson gubernia, only in December 1920 Kherson gubernia was renamed into Nikolaev gubernia. In 1922 it was incorporated into Odessa gubernia.

Till 1914 in Nikolaev region birth rate exceeded mortality, and male inhabitants exceeded female population, but during civil war and after the Soviets came to power, the tendency turned reverse.

Colonization of the region which started in pre-war time, remained active both during civil war and after its end. Agriculture was the main occupation of the population, but after the decrease of crop yield and cutback of

cultivation area croppage of cereal, compared to prewar times, considerably went down.

During World War One changes happened in local industry as well, the number of workers employed in it noticeably grew. Under the impact of civil war and introduction of Soviet rule the export turnover of the Nikolaev port seriously lessened.

Thereby, named administrative and socio-economic changes in the region during World War One and civil war had predominantly negative consequences.

Keywords: administrative changes, socio-economic transformation, World War One.

Карколомні зміни часів Першої світової та громадянської воєн мали непересічні наслідки для Миколаївщини. Численні адміністративні перетворення та радикальні соціально-економічні трансформації цього періоду кардинально змінили обличчя краю. Та попри наочність змін, що сталися, поза увагою дослідників й досі перебувають порівняльні характеристики цих параметрів довоєнного та післявоєнного часу.

У пропонованій статті робиться спроба такого співставлення на підставі даних опублікованої статистики. При цьому слід зауважити, що далеко не завжди в наявних відомостях є можливість відокремити матеріали, які стосуються безпосередньо наслідків Першої світової та громадянської війни, адже статистична інформація початку 1920-х рр. несе на собі вагомий відбиток жажливих «жнив» голоду 1921–1923 рр.

Напередодні Першої світової війни територія Миколаївщини входила до складу Херсонської губернії, однак у ході революції й громадянської війни та по їх завершенні зазнала значних адміністративних перетворень. Ще під час військових дій радянська влада (вважаючи негативною спадщиною дореволюційного адміністративно-територіального поділу нерівномірність у розмірах площі й кількості та густоті населення) на губерньському, повітовому та волосному рівні вдалася до адміністративно-територіальних змін [2, с. 70, 72]. Губернські й повітові ревкоми та виконкоми почали стихійно утворювати однорідні райони. Це призвело до відходу від прив'язки господарських районів до адміністративно-територіальних кордонів [1, с. 18].

Після остаточного встановлення радянської влади Всеукрревком 28 січня 1920 р. прийняв постанову про розділ Херсонської губернії на Одеську та Херсонську. Хоча центром останньої став Миколаїв, та тільки в грудні 1920 р. Херсонська губернія була перейменована на Миколаївську. У 1922 р. її приєднали до Одеської губернії.

До складу Миколаївської губернії відійшли два повіти колишньої Херсонської губернії – Херсонський та Єлисаветградський. До них з бувшої Таврійської губернії було приєднано частини Одеського й Олександрійського повітів та цілком долучено Дніпровський повіт.

Заснована Миколаївська губернія складалася з чотирьох повітів – Єлисаветградського, Миколаївського (утворений з 1/4 колишнього Херсонського, 1/4 Одеського і 1/10 Єлисаветградського повітів, з м. Очаковом і 36 волостями), Херсонського (2 міста і 32 волості) та Дніпровського (4 міста і 19 волостей з повітовим центром у м. Олешки). На підставі декрета, затвердженого президією ВУЦВК 7 березня 1923 р., Миколаївський повіт було перетворено на Миколаївську округу, що увійшла до складу Одеської губернії [6, с. 2].

На Миколаївщині за п'ять довоєнних років (з 1910 по 1914 рр. включно) народжуваність була вищою за смертність – в середньому на 1000 мешканців було 46,85 народжень та 26,05 померлих (приріст – 20,8). Те ж саме спостерігалось й по місту Миколаєву, де в середньому на 1 тис. мешканців було 39,65 народжень й 26,12 померлих (приріст – 13,53). На 1917 р. ці показники зменшилися (29,2 народжень і 24,0 померлих). А у період громадянської війни показники смертності стали значно перевищувати народжуваність (у 1919 р. – 23,0 народжень і 39,4 померлих). Ще значнішою ця тенденція стала із остаточним встановленням радянської влади (у 1920 р. – 10,2 народжень і 22,8 померлих) [6, с. 110–111].

Напередодні Першої світової війни чоловіків у Херсонській губ. було більше за жінок (на 1914 р. 50,7 % та 49,3 % відповідно). У Миколаєві, де внаслідок особливостей попередньої колонізації завжди було перевищення чоловічого населення, в 1914 р. на 61 975 чоловіків припадало 55 604 жінки [6, с. 112]. Однак у післявоєнний час ситуація змінилася навпаки: у 1925 р. по Миколаївській окрузі було 223 352 чоловіка та 246 189 жінок.

У попередній період унаслідок багатьох природних, історичних та культурних умов йшло активне переміщення населення (у першу чергу українського та російського) на південь. Серед чинників, що сприяли цьому провідне місце посідала перенаселеність, при наявності екстенсивної форми землеробства, у місцевості виходу [6, с. 115]. Вагомим міграційним фактором, зокрема для росіян, стали й події громадянської війни, що змусили «багатьох «тікати» на південь» [6, с. 114]. Звідси на Миколаївщині (з її незначною, у порівнянні з іншими українськими регіонами, щільністю заселення [6, с. 112–113]) розпочаті ще у довоєнний час колонізаційні про-

цеси активно продовжувалися як у буремну воєнну годину, так і по завершенні військового лихоліття.

За відсутності на Миколаївщині значних запасів природних копалин основним заняттям населення здавна було сільське господарство.

У дореволюційний час площа Миколаївської округи (1 028 646 дес.) за категоріями землевласників розподілялася таким чином: селянська надільна земля – 39,35 %, приватновласницька – 50,01 %, церковна – 2,08 %, установ – 0,34 %, державна – 4,58 %, міська – 3,64 %. З націоналізацією землі радянською владою розподіл між землекористувачами радикально змінився: селянам у користування надано 84,92 %, колективам 2,42 %, радгоспам 1,30 %, іншим установам 1,42 %, містам 0,87 %, у державному користуванні 9,07 % [6, с. 121].

Посівна площа Миколаївської губернії в 1920 р. у порівнянні з 1917 р. становила 63,4 % [7, с. 22]. А в межах Миколаївської округи вона зменшилася з 762 913 дес. у 1914 р. до 278 992 дес. у 1922 р.

У деяких районах Миколаївщини на початку 1920-х рр. найпоширенішим видом озимини став низькосортний хліб – т. зв. суржик (суміш пшениці із житом) [6, с. 124]. Знизилася і врожайність посівних культур. Із 1 дес. в пудах у 1913 та 1925 рр. відповідно вона становила: жита – 56,0 % і 28,2 %, озимої пшениці – 54,0 % і 36,8 %, ярової пшениці – 43,4 % і 13,3 %, ячменю – 61,2 % і 18,0 %, вівса – 59,3 % і 30,2 %, кукурудзи – 99,2 % і 68,1 %. Тільки врожайність проса дещо зросла – з 39,1 % до 39,4 %. Якщо середня багаторічна врожайність у 1902–1911 рр. сягала 37,5 пудів із дес., то у 1923–1924 рр. вона складала 15,36 пудів із дес.

Внаслідок зниженої врожайності і скорочення посівних площ на Миколаївщині валовий збір зернових по всіх видах культур у порівнянні з довоєнним часом зменшився: у 1914 р. він становив 32 млн. пудів, а у 1923–1924 рр. – 5 562 428 пудів. Після врахування всіх витрат по сільському господарству залишок, який можливо було поставляти на ринок у 1925 р., становив менше 10 % довоєнного товарного надлишку [6, с. 126].

У той же час на Миколаївщині у селянських господарствах зросла площа чистих парів. Якщо у 1914 р. пар на надільних землях становив 0,6 % від площі пашні, а на всіх землях 2,3 % пашні, то у 1920–1921 сільськогосподарському році пари займали 5,7 % всієї площі [7, с. 22].

Змінилася й площа пізніх культур. У Херсонському повіті в 1914 р. пізні посіви становили 6,6 % від площі засіву і 4,6 % від

всієї пашні. У 1921 р. пізні культури складали 13,4 % всіх засівів або 7,7 % від всієї пашні.

Динаміка розподілу селянських засівів (у відсотках до посівної площі) по Миколаївському і Херсонському повітах у 1914, 1916 та 1920 рр. відповідно виглядала таким чином: озимина (жито, пшениця) – 14,4 %, 20,0 %, 12,5 %; ярові ранні (пшениця, ячмінь, овес) – 89,4%, 71,8%, 74,9%; ярові пізні (просо, гречка) – 0,5 %, 0,8 %, 2,5 %; масляні (олія, рапс, льон, коноплі) – 0,2 %, 0,2 %, 2,5 %; просапні (кукурудза, баштанні, картопля, буряк та ін.) – 4,5 %, 7,2 %, 7,8 %. Збільшення засівів пізніх ярових, масляних і деяких просапних було пов'язане з натуралізацією селянського господарства і нерівномірним підвищенням ринкових цін на різні продукти рослинництва.

Показово, що до Першої світової війни населення Миколаївської губернії споживало головним чином привезену олію і культура сояшника була слабо розвинена. Та в умовах економічної скрути популярність сояшникового насіння серед населення регіону неухильно зростала і на початку 1920-х рр. вже вся губернія харчувалася власною олією і здатна була вивозити її до інших районів.

Військові дії відразу позначилися на наявності робочої сили у сільському господарстві краю. Вже у 1914 р. відчутною стала нестача робочих рук, що змусило Єлисаветградське повітове земство, на прохання землевласників, звернутися з клопотанням залишити на зимовий час наявних у повіті військовополонених. Клопотання було задоволено і до квітня 1915 р. 993 чоловіки працювали з оплатою у 8 крб. на місяць [8, с. 82].

До Першої світової війни сільське господарство в регіоні вважалось галуззю, що приносила мінімальний відсоток на витратний капітал, а ціна на пшеницю встановлювалась попиту-пропозицією. За воєнний час ситуація кардинально змінилася: не стало вільної конкуренції і покупець у переважній більшості був один. За цих умов встановлення твердої ціни на пшеницю стало руйнівним для населення, переважна більшість якого займалася сільським господарством – основою державного бюджету і у мирний час базою для фабрично-заводського виробництва. Як наслідок, витрати на десятину у 1915 р. збільшилися на 23,43 % [4, с. 1–2].

Привертають увагу й такі дані: у доповіді Ради і Правління Миколаївського Товариства Взаємного Сільськогосподарського Кредита 6-м черговим Загальним Зборам членів Товариства по звіту за 1915 р. повідомлялося про величезні збитки в сумі 235 925,59 крб. Серед причин цього, крім загальної економічної кризи

військового часу та розладу товарообігу, називалося значне зниження платоспроможності торгівців і землевласників у цілому та членів Товариства зокрема. Серед списаного у збиток більша частина належала до «німецьких векселів», тобто боргів німецьких колоністів, які проживали в регіоні з початку XIX ст. У доповіді зазначалося, що цей контингент членів Товариства до війни був найбільш акуратним у виконанні своїх зобов'язань. Однак після публікації «ліквідаційного закону», відчуження земель та повного закриття в усіх банках кредитів німецьким колоністам їхня сплатоспроможність геть впала і всі строкові зобов'язання не були сплачені. Правління було змушене їх опротестувати й подати до стягнення, для чого були запрошені дві особи на допомогу юрисконсульту, що дало можливість Товариству швидко вилучити 30 тис. крб. [3, с. 1].

Відчутних змін зазнала й миколаївська промисловість. У довоєнний час у Миколаєві було 44 промислових підприємства, на яких працювало 16 921 чоловік. У 1915 р. кількість робітників зросла до 21 324 чоловік із виробництвом на суму в 61 665 417 крб. Також нараховувалося 882 ремісничо-кустарних підприємства з 1793 працюючими із валовим заробітком 1 120 740 крб.

На долю Миколаївського порту, що у повоєнний час здійснював експортні операції з мільйонними оборотами [6, с. 151], до Першої світової війни із загальної суми експорту припадало до 20 % [6, с. 161]. У 1913 р. обсяг експорту становив 1 788 541,1 т, однак у 1923–1924 рр. він знизився до 425 832,9 т [6, с. 162].

Якщо у довоєнний час головними експортерами з Миколаївського порту були агенти закордонних фірм (Фрішін, Дрейфус, Дейчер-Кайзер, Властелиця, Нейфельд та ін.), то із встановленням радянської влади експортерами стали державні, кооперативні та громадські установи: Експортхліб, Держбанк, Держзовнішторг, Хлібопродукт, Заготконтора, Держторг, Вукоспілка, Сільський господар, Експорт-руда та ін. [6, с. 166]. Та незмінними залишилися головні предмети експорту (зернова й олійна продукція, марганцева і залізна руда та продукти тваринництва), а також перевага експорту над імпортом, бо в останньому традиційно вела Одеса [6, с. 162].

Значний вплив на експорт із Миколаївського порту мала залізниця Миколаїв–Водопій–Снігурівка–Апостолово, будівництво якої було розпочато у 1913 р. і завершено вже під час Першої світової війни. Ця лінія залучала до експорту всі вантажі з хліборобського району вздовж залізниці, а також залізну й марганцеву руду з Криворіжжя і Нікопольщини [6, с. 169].

Крім залізниці, до механізованих суходольних шляхів сполучення відносився єдиний в окрузі миколаївський електричний трамвай, відкритий 21 грудня 1914 р., що замінив собою побудовану у 1897 р. кінно-залізну дорогу. Та у 1918 р. миколаївський міський трамвай змушений був припинити роботу до травня 1922 р.[6, с. 178].

Отже, за наведеними даними адміністративні та соціально-економічні зміни, яких зазнала Миколаївщина в період Першої світової і громадянської воєн, за основними параметрами мали для регіону переважно негативні наслідки.

Бібліографічні посилання

1. Горбик В. О. До питання про районування України / В. О. Горбик, П. І. Скрипник // Український історичний журнал. – 1995. – № 2. – С.17–27.
2. Дмитрієнко М. Ф. Зміни в адміністративно-територіальному устрою України в 1919–1920 рр. / М. Ф. Дмитрієнко // Український історичний журнал. – 2003. – № 6. – С. 68–78.
3. Доклад Совета и Правления Николаевского Общества Взаимного Сельскохозяйственного Кредита 6-му очередному Общему Собранию членов Общества по отчету за 1915 год.
4. На темы дня // Известия Херсонского Уездного Земства. – 1916. – 3 июня (№ 23).
5. Николаевское Губернское Экономическое Совещание. Отчет Украинскому Экономическому Совету и Совету труда и обороны за 1-е полугодие 1921–22 года (октябрь–март). – Херсон : Гос. типография № 2 им. Ленина, 1922. – 487 с.
6. Николаевщина. Краеведческий сборник : Географический очерк. Флора Николаевского округа. Птицы Николаевщины. Экономический очерк. Исторический очерк. – Николаев: Изд. Николаев. ин-та наробраза и окремтодкома наробраза, 1926. – 244 с.
7. Отчет Николаевского губэкономсовещания Совета Труда и Обороны за январь–сентябрь 1921 г. – Николаев : Советская типография № 1, 1921. – 98 с.
8. Сельскохозяйственная хроника Елисаветградского уезда, июль, август, сентябрь и октябрь 1915 г. – Херсон : Изд. Херсон. губерн. зем. управы, 1915. – 89 с.

Надійшла до редколегії 02.09.2014

УДК 94(477)«1918–1919»

Д. В. Архірейський

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЕКОНОМІЧНЕ ЗНАЧЕННЯ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКОГО КОРДОНУ 1918 – ПОЧАТКУ 1919 рр.

Розглянуто умови створення в 1918 р. державного кордону між незалежною Україною та радянською Росією. Проаналізовано його економічне значення, причини та обставини ліквідації на початку 1919 р. радянською владою.

Ключові слова: демаркаційна лінія, економіка, кордон, мішечники, німецьке командування, прикордонний контроль, РСФРР, Україна.

Рассмотрены условия создания в 1918 г. государственной границы между независимой Украиной и советской Россией. Проанализировано ее экономическое значение, причины и обстоятельства ликвидации в начале 1919 г. советской властью.

Ключевые слова: демаркационная линия, экономика, граница, мешочники, немецкое командование, пограничный контроль, РСФСР, Украина.

Es werden die Umstände der staatlichen Grenzziehung zwischen der unabhängigen Ukraine und Sowjetrussland im Jahre 1918 behandelt und die wirtschaftliche Bedeutung, die Ursachen und Umstände der Aufhebung dieser Grenze durch die Sowjetmacht zu Beginn des Jahres 1919 analysiert.

Schlagwörter: Demarkationslinie, Wirtschaft, Grenze, «Sackleute», deutsche Heeresführung, Grenzkontrolle, RSFSR, Ukraine.

The terms of creation in 1918 of state boundary between independent Ukraine and soviet Russia are considered. It will be that the decision factor of establishment of line of east border was will of the German military command which pursued own militaristic and economic aims. The level of defence of border from both sides and at participation of the German troops is reflected. Economic potential Ukrainian-Russian to the border, straight dependency upon development of economic situation in both countries, and also from the economic policy of Germany, directed on exploitation of resources of Ukraine is analysed. Food dependence of RSFSR is rotined on of that time Ukraine, about what testified moving of many people from Russia to Ukraine in search of bread. The loss of Germany in world war and departure of its troops out of territory of Ukraine made possible encroachment here of troops of RSFSR. Establishment in Ukraine of soviet power was leveled by a value Ukrainian-Russian to the border as state

and custom. A situation which was folded on a border at the beginning of 1919 is considered. It is explained, why Ukrainian-Russian a border was liquidated only in three months after ascension to of bolshevists power in Ukraine.

Keywords: line of demarcation, economy, border, mishechniki, German command, border control, RSFSR, Ukraine.

Цікавою, актуальною і водночас малодослідженою науково-історичною темою є українсько-російський кордон, який існував у 1918 – на початку 1919 рр. між незалежною Україною та Російською Соціалістичною Федеративною Радянською Республікою (РСФРР). Вітчизняними істориками розглядались окремі аспекти цієї проблеми: В. Сергійчук приділив увагу переговорам між Українською Народною Республікою (УНР) та Українською Державою (УД), з одного боку, та РСФРР, з іншого, навесні–восени 1918 р., наслідком яких стала делімітація українсько-російського кордону [10, с. 190]; О. Тимошук вивчав те, як УД захищала свій східний кордон [13]; нами аналізувалося значення кордону в контексті розвитку такого характерного для часів революції явища, як мішочництво, також вивчалися процеси ліквідації цього кордону на початку 1919 р. [1; 2]. Українсько-російському кордону 1918 р. приділив деяку увагу й сучасний російський історик О. Давидов у контексті дослідження такого явища часів революції, як мішочництво [3, с. 176–178, 195].

Під час брестських тристоронніх переговорів (держав Четверного блоку, РСФРР та УНР), що проводились у грудні 1917 – на початку березня 1918 р., представники РСФРР під тиском німецької делегації зобов'язалися примиритися з УНР. Кордон між незалежною Україною та радянською Росією мав бути визначений пізніше окремою міждержавною угодою. Саме для цього на початку весни 1918 р. до України прибула московська переговорна делегація на чолі з Х. Раковським та Д. Мануїльським. Із кінця квітня переговори продовжилися з урядом гетьмана П. Скоропадського, який сам визнавав, що німці «вимагали ведення з більшовиками переговорів із встановлення кордонів між Совдепією та Україною» [11, с. 213, 302]. Деяким «досягненням» цих затяжних та незавершених переговорів було встановлення демаркаційної лінії «від Суража на півночі України ... до Куп'янська на півдні» [4]. Далі – від Кантемирівки до Азовського узбережжя – йшов кордон між Українською Державою П. Скоропадського та Областю Війська Донського отамана П. Краснова, державними новоутвореннями, які дипломатично визнавали одне одного. 29 липня 1918 р. український гетьман визнав дореволюційний

кордон між Катеринославською губернією України та Донською областю, відмовившись на користь останньої від Таганрога з околицями [12, с. 124, 125, 129, 130].

Демаркаційна лінія як початковий кордон між УНР та РСФРР була межею максимального просування німецьких військ на схід. Німецьке командування не враховувало ні особливостей місцевого територіально-адміністративного поділу, ні кордонів етнічного розмежування українців і росіян, визначаючи східну межу своєї окупаційної зони виключно власними військовими та економічно-транспортними потребами. На думку О. Федюшина, «поширення німецького панування в Україні не було наслідком добре продуманого політичного плану. Це була просто реакція військового командування рейху на погіршення економічної ситуації у Німеччині, а також визнання того факту, що (Центральній) Раді треба було надавати подальшу військову допомогу...» [14, с. 123]. Таким чином, демаркаційна лінія, перетворена незабаром на українсько-російський державний кордон, була визначена насамперед німецьким військовим командуванням, яке розуміло свою перевагу над вчорашніми партнерами з переговорів у Бресті і принципово не зважало на бажання українського керівництва мати кордон східніше, аби включити до складу Української Держави українські етнічні землі.

У ході зазначених переговорів, 12 червня 1918 р., було підписано довгоочікуваний договір між УД та РСФРР, яким обидві держави визнали *de facto* лінію демаркації як міждержавний кордон. Українсько-російський кордон став історичним явищем. Встановлення кордону і загальний військово-політичний контекст зумовлювали облаштування його захисту та організацію пропускнуго режиму. У залежності від того, як тогочасні український та російський уряди сприймали сам факт встановлення кордону та його значення, організовувався і його захист. Більшовики, маючи клопіт в інших регіонах колишньої Російської імперії, де виникали альтернативні їм військово-політичні режими, і покладаючись на гарантії Брестського миру, не вважали за потрібне тримати на українському кордоні значні війська. Тільки восени 1918 р., коли ставали зрозумілими загальні підсумки світової війни, уряд РСФРР почав формувати у прикордонні спеціальні військові підрозділи для вторгнення на територію України з метою встановлення над нею свого контролю.

З українського боку кордон захищали нечисельні німецькі війська. Ще наприкінці квітня 1918 р., підтримавши в Україні переворот П. Скоропадського, німецьке командування пропонувало остан-

ньому здійснювати прикордонний контроль, у тому числі, вочевидь, й на східному кордоні, спільно [14, с. 160]. Н. Махно, який на межі червня–липня 1918 р. на курсько-харківському напрямку перетинав кордон, згадував про наявність німецьких прикордонних пікетів [7, с. 183]. Роль німців у здійсненні прикордонного контролю на східному кордоні підкреслював білогвардійський генерал О. Лукомський [6, с. 108]. На білгородській ділянці німці облаштували навіть табір-карантин для російських мішечників, що перетинали український кордон [3, с. 178]. З літа уряд Скоропадського з дозволу німецького командування почав розміщувати вздовж кордону власні військові формування, не довіряючи більшовикам.

Договір від 12 червня мав і економічну складову. Обидві держави зобов'язувалися впроваджувати «необхідні заходи коло якнайшвидшого установаження можливого тимчасового товарообміну для задоволення невідложних біжучих потреб кожної з сторін у відповідних продуктах» [10, с. 185]. Відомо, що уряд РСФРР зобов'язувався повернути до України потяги, вагони, інше майно, вивезене більшовиками до Росії навесні 1918 р. [10, с. 189]. На початку 1919 р. під час місії УНР на чолі з С. Мазуренком у Москві одним із питань переговорів також була можливість товарообміну між державами [10, с. 201–225], що за умов тодішнього більшовицького військового вторгнення в Україну було нереальним.

Проте, звичайно, за умов домінування на території України німецької військово-політичної сили говорити про самостійний характер тодішньої українсько-російської співпраці не доводиться, бо німці в цілому ревно спостерігали за економічною діяльністю уряду УД. 23 квітня 1918 р. ще з урядом УНР німці уклали торгову угоду, відповідно до якої українська економіка ставала фактичним додатком німецької. Згода П. Скоропадського на цю угоду давалася, по суті, в обмін на підтримку німцями гетьманського перевороту 29 квітня. Дослідники в цілому не мають сумніву, що в 1918 р. німці переслідували в Україні передовсім економічні цілі, прагнучи за допомогою українських ресурсів забезпечити собі перемогу у Світовій війні [14, с. 126, 128, 129, 141, 209–221].

Німецькі плани з експлуатації українських ресурсів *a priori* не передбачали самостійності української економіки. Німці взяли з України «обіцянку не здійснювати жодних продовольчих поставок у нейтральні країни, доки не будуть виконано її зобов'язання перед центральними державами... Ще більш обтяжливі обмеження були нав'язані Україні в її економічних відносинах з Радянською Росією.

Київ не мав санкціонувати будь-який експорт до Росії без схвалення Німеччиною. Імпорт же із Радянської держави треба було ділити з рейхом» [14, с. 218]. У контексті зазначеного ясно, що німцям було край невігідно посилювати економічний потенціал саме східного кордону України, адже їх цікавили експортно-імпорتنі операції насамперед на західному кордоні. На східному ж кордоні з весни 1918 р. переважали пасажирські (переважно у напрямку з Росії до України), а не вантажні перевезення, хоча треба визнати, що поволі зростаючий рух мішечників по суті поєднував ці два види перетину кордону.

Втім, більшовицька Росія і в 1918 р. мала економічний інтерес до України, будучи традиційно зацікавленою як в українському хлібі, так і у вугіллі з Донбасу. На початку липня, знаючи про проблеми німців із збором і доправкою до рейху українського збіжжя, представник РСФРР у Берліні А. Йоффе офіційно запропонував, аби саме московському уряду германці доручили заготівлю зерна в Україні як для Німеччини, так і для радянської Росії [14, с. 215]. Напряму поїздок російських мішечників – до України за хлібом – також свідчить про те, що Україна саме в економічному сенсі була край потрібна тодішній Росії для простого фізичного виживання останньої. Проте продовольчі проблеми РСФРР Німеччину, доки та сама восени 1918 р. не занурилася у хвилі революції, турбували мало. Аби міцніше прив'язати Україну до себе, Німеччина 10 вересня 1918 р. уклала з нею нову економічну угоду [14, с. 261]. Водночас і заблокувати повністю східний кордон німці не вважали за доцільне, дозволяючи приватним особам перетинати його з обмеженими вантажами.

Під час існування УД охорону російсько-більшовицьких економічних інтересів уздовж українського кордону забезпечували Смоленський і Курський митні округи. Слід зауважити, що стабільна і відносно заможна гетьманська Україна виявилася важливим торговим партнером більшовицької Росії. Про це свідчать офіційні документи митного відомства РСФРР – «Відомості про діяльність за минулий 1918 р. митних установ, розташованих по всій демаркаційній лінії» і такі ж відомості за січень і лютий 1919 р. У першому документі, зокрема, зазначається, що Петроградський митний округ протягом 1918 р. зібрав мит загальною сумою близько 55 тис. крб., Великолуцький округ – близько 299 тис. крб., Смоленський – близько 2076 тис. крб., а Курський – близько 600 тис. [9, арк. 6]. Як бачимо, мита, зібрані російськими митниками на українському кордоні, на порядок перевищують суми зборів на північній ділянці західного кордону.

Одна з функцій будь-якого кордону – суто економічна: розмежування економічних просторів, зон, сфер, належних різним державним утворенням, які мали налагоджувати між собою відповідне співробітництво. Безперечно, українсько-російський кордон часів революції виконував таку функцію. Ясно, що міждержавний товарообмін був можливий тільки при нормалізації стандартних прикордонних процедур. Отож, традиційне облаштування українсько-російського кордону було неминучим. Під традиційним облаштуванням слід розуміти встановлення митно-прикордонного контролю. Передбачалося, що через кордон будуть пропускатися як пасажери, так і вантажі. Як згадував білогвардійський генерал О. Лукомський, дружині якого довелося перетинати тогочасний українсько-російський кордон по дорозі з Москви, через кордон ходили так звані українські потяги, що перевозили на батьківщину за угодою між УД та РСФРР українських громадян [6, с. 108].

Проте, як швидко з'ясувалося, організація захисту українсько-російського кордону була викликана станом економік обох держав. Політика «воєнного комунізму» в більшовицькій Росії поглибила затяжну економічну кризу, складовою якої став дефіцит продовольства. Уряд РСФРР встановив продовольчу диктатуру, що викликало зростання цін на продовольчі товари і не вирішило проблему їх дефіциту. Переважна більшість населення контрольованих більшовиками територій змушена була голодувати. Продовольча криза об'єктивно спонукала частину населення, найбільш активного і ділового, займатися самопостачанням. Так виникло явище, відоме під назвою мішечництва.

Продовольча ситуація в Україні розвивалася інакше. Уряд П. Скоропадського навесні 1918 р. запровадив режим вільної торгівлі. Це ліквідувало в країні дефіцит продовольства і стабілізувало внутрішній ринок. Всі, кому пощастило у травні–листопаді 1918 р виїхати з «країни Рад» до України, помічали різкий контраст у насиченості ринків обох держав продовольчими товарами, різниці у цінах на них, ставленні обох режимів до принципів і практики внутрішньої торгівлі. Відмінності у продовольчій політиці урядів України та Росії, ясна річ, були не на користь останньої. Як наслідок, тисячі мішечників із Росії проникали до України. Очевидці повідомляли про значні транспортні обози, що накопичувались на кордоні і часто супроводжувалися збройною охороною. Українсько-німецькі прикордонні, військові та митні служби переважно пропускали мішечників із продовольством назад до Росії [3, с. 120]. Українські місцеві селяни, зі свого боку,

також готувалися до прибуття мішечницьких транспортів з Росії. З українського боку до пунктів перетину кордону підтягувалися сотні возів із продовольством, яке продавалося росіянам [3, с. 194, 195].

До осені 1918 р. російські прикордонні служби майже не боролися з рухом мішечників. Сучасний російський дослідник О. Давидов пояснює це тим, що «в радянському продовольчому відомстві були переконані, що пунктуальні німці ... не допустять переходу кордону людьми без відповідного дозволу» [3, с. 176]. Тому контроль на кордоні здійснювався переважно силами митників. Однак з осені 1918 р. ситуація почала радикально змінюватися. Країни Четверного блоку програли війну, їх війська мріяли повернутися на батьківщину. Почав слабнути контроль на українсько-російському кордоні. Дезорганізація політичного життя України не пройшла повз увагу очільників РСФРР, які з листопада почали готуватися до військового вторгнення на українську територію. Здавалося, що в контексті планів встановлення радянської влади в Україні необхідність у російсько-українському кордоні, з точки зору російських більшовиків, мала б відпасти. Він дійсно був ліквідований, але не відразу, а лише через три місяці після початку вторгнення Червоної армії до України. Ця затримка пояснювалася побоюваннями більшовиків втратити контроль над продовольчою справою, що означало втрату і влади, тому ситуацію під контролем було вирішено тримати за допомогою надзвичайних заходів. На лінію кордону з Росії почали перекидати реквізичійно-загороджувальні загони [3, с. 336].

Частина партійців і представники Наркомату торгівлі та промисловості РСФРР, складовою якого було митне відомство, були за негайне скасування кордону. Митників, зокрема, дратувало те, що на кордоні відмінялися митні збори, адже колишні громадяни Української Держави керівництвом РСФРР заочно і без їх згоди урівнювалися у правах з громадянами Росії [5, с. 73; 8, арк. 41]. Представники ж Наркомату закордонних справ (НКЗС) та Наркомпроду РСФРР були за тимчасове збереження кордону. НКЗС Росії рекомендував не поспішати з ліквідацією кордону з політичних причин, аби новостворена, хоча в цілому і контрольована з Москви, УСРР мала можливість зберігати видимість державного суверенітету. Таким чином реалізовувалася актуальна під час революції більшовицька національна політика.

Вже з початку 1919 р. більшовики розробляли плани економічного об'єднання України та Росії, що означало ліквідацію митного кордону між республіками [5, с. 85]. Проте зволікання у вирішенні цієї про-

блеми російськими урядовцями змушувало уряд УСРР якимось діяти. Українські власті виступали ініціаторами адміністративного розмежування прикордонних територій обох республік, не поспішали об'єднувати власні митні структури з російськими, хоча зі свого боку кордону ще в січні припинили митні процедури [8, арк. 44, 183–185, 211]. Затягування вирішення правового статусу українсько-російського кордону не сприяло продовольчій диктатурі, яка, на думку дослідників, наприкінці 1918 р. вже зазнала краху [3, с. 324]. Населення і навіть державні організації відверто порушували відповідні закони, масово займаючись мішечництвом, а загороджувальні заходи практичними діями часто-густо дискредитували ідею продовольчої диктатури [8, арк. 57]. Аби вийти із ситуації, уряд РСФРР, формально не відмінюючи диктатуру, дещо її пом'якшив. Поступки стосувалися, насамперед, державних організацій, відомств, державних промислових підприємств, кооперативів: їхнім представникам офіційно дозволялося ставати мішечниками, тобто власними силами забезпечувати продовольством свої організації [3, с. 325]. Іншим заходом, що послаблював продовольчу диктатуру, було нормування продуктів. У РСФРР ще від 4 серпня 1918 р. діяв декрет про ввезення нормованої продукції з України. Більш актуальним цей закон ставав наприкінці грудня 1918 – в січні 1919 р., коли почала вирішуватися проблема українсько-російського кордону. 17 січня вийшла постанова Всеросійського Центрального Виконавчого Комітету РСФРР про нормування продуктів, що провозилися пасажирами через кордон [3, с. 325, 326].

Однак усі ці напівзаходи, ініційовані російськими урядовцями, у цілому не досягали мети. З одного боку, продовольча диктатура вже виглядала як діряве решето, з іншого, – перевізники продовжували зазнавати обмежень і переслідувань від реквізиційних команд. У зоні українсько-російського прикордоння декілька перших місяців 1919 р. панував справжній хаос, який становив загрозу не тільки для прибулих мішечників, а й для місцевого населення. В очікуванні директив зверху власті прикордонних губерній України і самі почали проявляти ініціативу. На Чернігівщині, наприклад, створювалися свої загороджувальні заходи, які обмежували надмірний вивіз українського продовольства до Росії [8, арк. 44]. В інших випадках російських мішечників просто не пускали на українську територію [2, с. 207].

Рішення про остаточну зміну статусу українсько-російського кордону з державного на адміністративний (це сталося 1 квітня 1919 р.) доцільно розглядати саме в контексті намагань більшовиків утримати продовольчу справу під контролем. З огляду на те, що військовий успіх

Червоної армії в Україні ставав очевидним, більшовики дійшли висновку про доцільність вирішення продовольчої справи за рахунок реквізицій продовольства не у міщаників на кордоні, а безпосередньо в українському селі. Саме туди, на їхню думку, слід було направляти продовольчі загони. В Україні також встановлювалась продовольча диктатура, що відразу викликало дефіцит і подорожчання продовольчих товарів. Таким чином, ліквідація міждержавного кордону між Україною та Росією з економічної точки зору кориснішою виявилася для останньої.

Бібліографічні посилання

1. *Архирейський Д. В.* Російські міщаники та український кордон (кінець 1918 – початок 1919 рр.) / Д. В. Архирейський // Питання аграрної історії України та Росії: матеріали восьмих наук. читань, присвячених пам'яті Д. П. Пойди. – Д. : ДНУ, 2010. – С. 112–120.
2. *Архирейський Д. В.* Українсько-російський державний і митний кордон у першій половині 1919 р.: зміна статусу / Д. В. Архирейський // Історія торгівлі, податків та мита. – 2010. – № 1. – С. 202–214.
3. *Давыдов А. Ю.* Мещочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. / А. Ю. Давыдов. – СПб. : Алетей, 2007. – 400 с.
4. *Каплунов В.* Восточные границы Украины года 1918: становление, защита, развитие / В. Каплунов // День. – 1996, 3 июля.
5. *Кульчицький С.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928) / С. Кульчицький. – К. : Основи, 1996. – 397 с.
6. *Лукомский А.* На Украине в 1918 году // 1918 год на Украине / А. Лукомский. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – С. 85–111.
7. *Махно Н.* Воспоминания / Н. Махно; под ред. С. С. Волка. – М. : Республика, 1992. – 333 с.
8. Російський державний архів економіки. – Ф. 413, оп. 14, спр. 9.
9. Російський державний архів економіки. – Ф. 413, оп. 14, спр. 11.
10. *Сергийчук В.* Неусвідомлення України. Ставлення світу до української державності: погляд у 1917–1921 роки з аналізом сьогодення / В. Сергийчук. – Л. : Свічадо, 2002. – 704 с.
11. *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918 / П. Скоропадський. – К., Філадельфія, 1995. – 493 с.
12. *Смирнов А. А.* Атаман Краснов / А. А. Смирнов. – М. : ООО «Изд. АСТ»; СПб. : Terra Fantastika, 2003. – 368 с.
13. *Тимошук О. В.* Охоронний апарат Української Держави (квітень–грудень 1918) : моногр. / О. В. Тимошук. – Х. : Вид-во Ун-ту внутр. справ, 2000. – 462 с.
14. *Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918 / О. Федюшин; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 334 с.

Надійшла до редколегії 04.06.2014

УДК 94(430) «1913/1931»

В. И. Кабанов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ

Проаналізовано наслідки військових дій і Версальського договору на стан вугільної промисловості Німеччини. Головну увагу приділено економічному розвитку Рурського басейну: обсягам добування вугілля, продуктивності праці, ціновій і тарифній політиці.

Ключові слова: вугільна промисловість, Німеччина, Рурський басейн, криза, репарації, заробітна плата, безробіття.

Анализируется последствия военных действий и Версальского договора на состояние угольной промышленности Германии. Главное внимание уделяется экономическому развитию Рурского бассейна: объёмам добычи угля, производительности труда, ценовой и тарифной политике.

Ключевые слова: угольная промышленность, Германия, Рурский бассейн, кризис, репарации, заработная плата, безработица.

Analysiert werden die Folgen der Kriegshandlung und des Versailler Vertrags für die deutsche Kohleindustrie. Das Hauptaugenmerk des Verfassers gilt der wirtschaftlichen Entwicklung des Ruhrgebiets: Umfang der Kohleförderung, Arbeitsproduktivität, Preis- und Tarifpolitik.

Schlagwörter: Kohleindustrie, Deutschland, Ruhrgebiet, Krise, Reparationen, Lohn, Arbeitslosigkeit.

The author of this article does the comparative analysis of developing and condition of German coal industry on the eve of the World War I and in the first decade after its ending. The basis for the assessment of the pre-war level of the coal industry were indices of 1913 year as the last full year of peaceful condition of economy.

For researching the following indices of level of German coal industry developing the author of this article used the statistical report of economic Committee of League of Nations that was published in a number of editions of «Mining journal» for 1931 year.

Regionally the author studied two main coalfields of German – Ruhr (including the adjacent to it Saar coalfield) and Silesian one too.

Main indicators for analytics were: comparison of production volumes of coal, labor productivity increasing, impact of price and tariff policy. In last case were considered not only fluctuations in the internal market of coal sales, but also

the impact of international factors, including competition with coal producers from England and France.

The author gives considerable importance to technical retooling of coal enterprises in German and possibility of using this experience in Soviet Union, more specifically – in Donetsk coalfield. For USSR factor of international market fluctuations didn't play a significant role, therefore engineering and technical aspects of German experience had priority over commercial and institutional aspects. The author of this article also considers some of the social aspects – increasing of unemployment and emigration of miners.

Keywords: coal industry, German, Ruhr coalfield, crisis, reparations, unemployment, salary.

К началу Первой мировой войны четко определилась тройка ведущих стран с наиболее высокими темпами экономического прироста – США, Германия, Великобритания. Однако разрыв между ними был не особенно ощутим: утратившая мировое промышленное лидерство Великобритания еще не очень отстала от новых лидеров. И хотя общие темпы экономического прироста США были несколько выше, чем в Германии, в целом ряде отраслей, например машиностроении, первенство принадлежало немецким компаниям. Не исключено, что эта экономическая ситуация породила иллюзию у германского руководства о возможности победоносной войны с блоком Антанты и привела к трагическим событиям августа 1914 г.

Избирая тему предлагаемой статьи, автор руководствовался следующими соображениями. Основой энергетики на рубеже XIX – XX вв. оставалась каменноугольная промышленность. С середины XIX в. уголь практически повсеместно вытеснил дрова как основной энергоноситель. Он становился незаменимым на железнодорожном и водном транспорте. Нарождающаяся электроэнергетика так же базировалась на угле, военные флоты – гордость сверхдержав того времени целиком зависели от угля.

Добыча угля до войны непрерывно росла. С 1886 по 1913 гг. мировое потребление угля увеличилось, в среднем, на 4 % в год. В течение этих 28 лет добыча угля в США увеличилась в пять раз, в Германии – более чем в три раза и в Англии – на 80 %. Перед войной потребление тех стран, которые не имели достаточно угля и вынуждены были импортировать его, покрывалась Германией, Великобританией и США. Из общего экспорта угля доля Англии составляла приблизительно 2/3 [10, с. 1416]. Рурский бассейн Германии, расположенный между двумя притоками Рейна – Руrom и Липпе и занимающий площадь около 5 тыс. кв. километров в 1913 г., то есть в по-

следнем году перед войной, дал 114, 5 млн т. угля или 60 % всей добычи Германии [4, с. 3].

В целом, в 1913 г. в Европе было добыто 605 млн т угля. Из этого количества, примерно, 1/3 поступила на международный рынок. Во время войны международная торговля углем прекратилась. Страны, зависящие от привозного угля, вынуждены были осуществлять свою собственную добычу или изыскать другие источники топлива и энергии. В результате сложившейся в послевоенное время ситуации, цены на уголь в 1919 и 1920 гг. достигли небывалой высоты. В тоже время в 1920-е гг. был достигнут большой прогресс в области научно обоснованных методов рационального сжигания топлива, в использовании для электрификации водной энергии и низших сортов угля, например, лигнита и других. Погоня за экономией в расходовании топлива и поиски других источников топлива привели к широкому использованию на транспорте двигателей внутреннего сгорания [11, с. 1416].

Вместе с тем изучение послевоенной экономики Германии как в СССР, так и в современных России и Украине происходило неравномерно и явно не достаточно. Наибольший интерес к этому вопросу в советской науке приходился в 1920-е гг. Это диктовалось не только сходством экономической ситуации после неудачных для обеих стран результатов мировой войны, но и проведением в ходе первой пятилетки индустриализации в СССР. Большинство работ этого периода были посвящены рассмотрению вопросов внешнеполитического, дипломатического сотрудничества Германии и СССР, взаимодействию партий, профсоюзному движению, ряду внутривнутриполитических аспектов. Собственно экономических вопросов касались лишь немногие авторы, например, Н. Майский [7], Г. Слуцкий [11; 12], Л. Полонская [9], Ю. Лурье [6], а также документальное издание плана Ч. Дауэса [8]. С приходом к власти в Германии нацистов исследование экономической истории Веймарской республики фактически прекратилось. Относительная активизация экономической тематики в отечественных исторических исследованиях началась с конца 1950-х гг. и продолжалась до начала 1970-х гг. Однако в этих исследованиях авторы сосредотачивали свое внимание преимущественно на событиях Рапальской конференции. Среди них заслуживают внимания исследования И. М. Файнгара [14], С. В. Сухорукова [13], А. И. Иоффе [3], А. М. Рудченко [10]. Однако они касались либо экономики Германии в целом, либо советско-германских экономических связей, не углубляясь в отраслевую специфику. Подобные же

тенденции характерны и для публикаций в научных журналах СССР в конце 1970-х – 1980-х гг. Здесь следует указать на статьи В. Д. Кульбакина [5] и А. А. Ахтамзяна [1].

После распада СССР в современной России ощущается утрата исследовательского интереса к экономической истории Германии после окончания Первой мировой войны. Хотя в этом направлении работали авторитетные ученые – М. И. Орлов, М. Е. Ерин, С. В. Кретинин – их работы фактически лишь углубляли и детализировали исследования так называемого «рапалльского периода». Удалось выявить лишь одну специальную работу, посвященную послевоенной экономике Германии, – статью В. Л. Черноперова [15]. В украинской историографии вопросы, затрагиваемые автором предлагаемой статьи, рассмотрены лишь в работе каменец-подольского исследователя В. П. Газина [2].

Таким образом, историография данной проблемы свидетельствует о недостаточной изученности экономической истории Веймарской Германии как в целом, так и в отдельных отраслях. Освещая проблему влияния на развитие каменноугольной промышленности Германии результатов Первой мировой войны, автор обратился к материалам «Горного журнала» за 1929–1932 гг., а также отдельным статьям журнала «Уголь и железо», используя как источник статистику, приводимую в этих изданиях. Исходя из изученных источников, автор видит предметом своего исследования влияние экономического спада в Германии после поражения в Первой мировой войне на налаживание экономического сотрудничества между СССР и Германией в послерапалльский период. Основой будущего индустриального рывка СССР должна была стать глубокая модернизация топливно-энергетического комплекса СССР на базе привлечения передовых технологий западных стран и прежде всего Германии. Об этом в конце 1920 г. говорил еще В. И. Ленин. Каменноугольная промышленность оставалась стержнем такой модернизации. Считалось, что в Германии была достигнута экономия в 10 % при сжигании топлива, благодаря усовершенствованным котлам, топкам и т. д. Таким образом, с развитием техники и технологии стало возможным сокращение потребления угля [11, с. 1417].

Характерно констатирование экономическим комитетом Лиги наций того факта, что падение цены на уголь в очень слабой степени повлияло на рост его потребления. Комитет приводил данные за 1923–1928 гг. и 1924–1928 гг. Они показывали наличие противоречий между сильными колебаниями цен и незначительным изменением добычи [11, с. 1417].

Высокие цены на уголь в 1923 и в 1926 гг. были вызваны падением из общемировой добычи рурского и английского угля. Так, Германия добыла в 1922 г. 160 млн т угля и лигнита (лигнит пересчитан в уголь в пропорции 9 т лигнита равны 2 т угля), а в 1923 г. только 88,5 млн т. Английская добыча составляла в 1925 г. 247 млн т, а в 1926 г. она опустилась до 128 млн т. Таким образом, добыча в Англии упала на 119 млн т в 1926 г. Между тем мировая добыча сократилась в том же 1926 г. только на 2,3 млн т [11, с.1418].

Германия, чтобы восполнить добычу угля, которой она лишилась, благодаря утрате, в результате Версальского договора, Верхней Силезии, Саарского бассейна и Эльзас-Лотарингии, удвоила добычу бурого угля и увеличила добычу каменного угля только в немецкой Верхней Силезии на 8 млн т по сравнению с довоенной. Добыча угля приняла совершенно новый характер. В Рурском бассейне в 1913 г. механическим способом добывалось только 2 % угля, а в 1927 г. 83 % [11, с. 1418].

Многие государства ввели специальные пошлины на уголь, чтобы защитить свою угольную промышленность. Вводились прямые и косвенные субсидии и временные запреты ввоза угля из других государств или вводились специальные лицензии на импорт угля, кроме того для развития и экспорта в угольной промышленности устанавливались специальные покровительственные железнодорожные тарифы. Облегченные тарифы ввела Германия и большинство европейских стран. Такие тарифы устанавливались для облегчения вывоза [11, с. 1419].

В 1927 г. добыча в Рурском бассейне достигала рекордной цифры в 118 млн т и превысила довоенную добычу на 3,5 млн т или на 3,02 %. В 1928 г. добыча опустилась до 114,6 млн т, что составляло уменьшение на 3,4 млн т или 2,9 %. Таким образом, добыча была все же еще немного выше, чем в 1913 г. Производство кокса продолжало увеличиваться и в 1928 г., хотя и не таким темпом как в 1927 г., когда было добыто 28,6 млн т, что превышало производство 1913 г. на 3,3 млн т или 13,10 %. Производство брикетов продолжало сокращаться и в 1928 г. – на 1,6 млн т или на 32,13% менее, чем в 1913 г. [12, с. 1433].

Подъем, который, начался в Рурском бассейне в 1926 г., благодаря забастовке английских горнорабочих, удержался и в 1927 г. Казалось, что он будет продолжаться и в 1928 г. Ухудшение промышленной конъюнктуры внутри Германии, забастовка рейнских водников в мае – июне и локаут в металлургической промышленности в ноябре

1928 г. оказали влияние на дальнейшее развитие горной промышленности [12, с.1433].

Число рабочих, занятых в рурской горной промышленности, постоянно увеличивалось в первые годы после окончания войны. В феврале 1923 г. оно составляло 564 061 чел. Однако в результате увеличения рабочего времени, рационализации и механизации, число работающих значительно сократилось, и в мае 1926 г. составляло 365 234 чел. Таким образом, за три с небольшим года число работающих сократилось на 190 827 чел. В мае 1926 г. в рурской горной промышленности было занято на 14,27 % меньше рабочих, чем в 1913 г. Оживление, начавшееся вследствие стачки английских горняков, вызвало новое увеличение числа работающих, достигшее наивысшей точки в феврале 1927 г., когда было занято 418 506 рабочих. С падением производства число рабочих сократилось в декабре 1928 г. до 360 247 чел. [12, с. 1434].

Наивысшая производительность труда горняков была достигнута в декабре 1928 г. Тогда она превышала довоенную производительность труда на 29,59 %. Средняя годовая производительность труда составляла 126,30 % по сравнению с показателями 1913 г. Добыча угля на одного шахтера также постоянно увеличивалась. Данные важнейших горных районов Германии показывают, что Рурский бассейн давал самый большой рост производительности труда [12, с. 1438]. Тяжелые условия труда часто приводили к трагическим случаям. По официальным статистическим данным количество горняков, погибших от несчастных случаев в Рурской области, в послевоенное время составило 10 тыс. чел. За тот же период времени число раненых достигло 700 тыс. чел. [19, с. 59].

Число безработных, которое до мая 1928 г. уменьшалось, с мая этого года начало снова увеличиваться. Так, число безработных в апреле было 5 327, а в декабре 1928 г. достигло 16 741. Для некоторых спасением была трудовая эмиграция в Советский Союз. Так в Донбасс направились свыше 476 рурских горнорабочих. Многие из них приехали с семьями. На вокзале немецким рабочим была устроена братская встреча. На митинге, посвященном их приезду, отмечалось в советской печати, рурские горняки дали торжественное обещание ударно работать в социалистической каменноугольной промышленности страны Советов [23, с. 60].

Вывоз угля за пределы Рура в 1928 г. был меньше, чем в 1927 г. [12, с. 1441] из-за конкуренции английского, а так же голландского угля. В то время как рурская горная промышленность вывезла

в 1926 г. 40,8 % своей добычи, в 1927 г. доля вывоза уменьшилась до 28,7 %. Верхняя Силезия сумела увеличить свой вывоз с 6,1 % добычи в 1927 г. до 7,1 % в 1928 г. Нижняя Силезия в соответствующие годы увеличила свой вывоз с 10,2 до 10,8 % [12, с. 1447].

В среднем за 1927 и 1928 гг. вся европейская угольная добыча достигала в общем 600 млн т, причем на долю Германии приходилось 30 %, а на долю Англии – 50 %. В борьбе за рынки сбыта каменного угля наиболее спорными являлись рынки Франции, Италии и самой Германии, вернее так называемых «спорных» ее областей. Как в Италии, так и в самой Германии произошел сдвиг – поставки английского угля по сравнению с довоенным временем значительно уменьшились, особенно в Германии. Ей удалось вытеснить английский уголь со своего внутреннего рынка путем снижения цен в ущерб себе, но за счет потребителей «спорных» областей [18, с. 2360, 2361].

Общий вывоз (кокс и брикеты) из Рура уменьшился в 1928 г., по сравнению с 1927 г., на 1,74 % – с 29,28 млн т до 28,77 млн т. Вывоз в 1928 г., включая репарационные поставки, составлял в 1928 г. 30,05 млн. т и уменьшился на 10,78 %. Это означало уменьшение так же и обязательных репарационных поставок, которые сократились на 70,96 % [12, с. 1447]. Процент вывоза по отдельным странам изменился незначительно. Наибольшее увеличение вывоза приходится на Италию, доля которой в немецком вывозе увеличилась с 5,4 % 1927 г. до 16,22 % 1928 г. Но это увеличение было чисто формальное, так как по существу оно зависело от того, что репарационные поставки заменились свободной поставкой [12, с. 447].

Цены на уголь с октября 1924 г. остались почти без изменений. Многократные предложения Рейнско-Вестфальского угольного синдиката об увеличении цен отвергались имперским министром народного хозяйства. Оно обосновало свой отказ тем, что это повышение вызовет общее повышение цен. Однако после повышения, по постановлению примирительной палаты, заработной платы в мае 1928 г., цены на уголь были повышены. Цена «жирного угля», которая может рассматриваться как основная цена, была увеличена на 2 марки или 13,45 %. По сравнению с 1913 г., когда цена составляла 12,54 марки (включая 4,5 % на торговые расходы, которые нужно прибавить для сравнения с послевоенными ценами), цена жирного угля увеличилась на 34,53 %. В тоже время цены же на средства существования увеличились, согласно общеимперскому индексу, к концу отчетного года на 52,07 % по сравнению с довоенным временем [12, с. 1451].

Эссенский союз горнопромышленников обратился к правительству с докладной запиской, подробно излагающей все те трудности, с которыми приходилось бороться Рурской каменноугольной промышленности, и в которой мрачными красками изображались открывающиеся перед этой отраслью перспективы, в связи с общим тяжелым положением области и непосильными налогами. Союз указывал, что легкую передышку 1926 г., произошедшую благодаря стачке английских углекопов, сменили новые осложнения, вызванные увеличением зарплаты в 1927 и 1928 гг. [16, с. 1511].

В течение мая 1929 г. экспорт рурского угля испытывал сильную конкуренцию со стороны английского угля. Вывоз угля из Рура значительно упал, тогда как ввоз английского угля в Роттердам сильно возрос. Большая часть прибывающего английского угля переправлялась вверх по Рейну для того, чтобы быть проданным в Эльзасе и Пфальце [16, с. 1511].

С 1 июля 1930 г. в Германии постановили снизить фрахтовые расходы при экспорте германского угля через сухопутную границу в бельгийские, германские и голландские морские гавани. Во избежание конкуренции между германскими районами, добывающими уголь, снижение фрахтовых ставок относилось только к его экспорту за рубеж и они являлись недействительными в случае экспорта угля в Германию через северные или остзейские гавани. Кроме того это снижение не относилось и к бункерному углю при перевозках его в германские морские гавани, так как для этого угля существовали особые пониженные ставки, предусматриваемые в береговых тарифах [21, с. 64].

Опубликованные годовые итоги работы Рурского угольного бассейна выявили картину тягчайшего кризиса, в котором пребывал энергетический центр германского хозяйства. Угольная добыча в Руре составила в 1930 г. 107 млн т против 123,6 млн т в 1929 г. (уменьшение на 13,4 %). Эти цифры не дают настоящей картины кризиса. Резкость падения производства отчетливо видна при сопоставлении данных о суточной добыче в 1929 и 1930 гг. С января по декабрь 1929 г. суточная добыча поднялась с 389 до 443 тыс. т. С этого времени она неуклонно падала, достигнув в декабре 1930 г. 345 тыс. т. И таким образом четвертого квартала 1930 г. сократилась по сравнению с прошлым годом на 21 %.

Еще резче сократилось производство кокса. В 1930 г. оно упало в суточном измерении на 31,8% [19, с. 60].

Показателем глубины кризиса являлся огромный рост запасов, несмотря на сильное падение производства. По данным «Deutsche

Bergwerkszeitung» запасы угля выросли за год (декабрь 1929 г. – декабрь 1930 г.) с 655 383 до 2 720 000 т, запасы кокса – с 813 016 до 4 475 000 т и запасы брикетов – с 55 005 до 96 000 т. [19, с. 60].

Сбыт угля Рейнско-вестфальского угольного синдиката в апреле 1930 г. сократился по сравнению с предыдущим месяцем на 23 %, а против того же месяца прошлого года на 20,08 %. Сбыт угля за счет синдиката равнялся 3,9 млн т. Весь сбыт кокса выразился в 738 тыс. т. Ежедневный сбыт при 14 605 т дает сокращение на 14,86 % против предыдущего месяца и на 28,37 % против апреля 1929 г. [21, с. 65].

Резко сократился и вывоз рурского угля. За 11 месяцев 1929 г. он составил 31,7 млн т, а за соответствующий период 1930 г. – 26,7 млн т. При учете растущей конкуренции иностранного, особенно английского угля, усиленно проникающего в последнее время на германский рынок, отмечалось в прессе, перспективы Рурского бассейна вырисовывались в очень мрачном свете. Обозреватели подчеркивали, что в виду спорных вопросов, возникавших ещё на Гаагской конференции и связанных с репарационными поставками Германии, вопрос об угольном экспорте Германии и сопоставлении его с английским экспортом приобретает особенно актуальный интерес [17, с. 2153].

Не простым было положение и в других немецких угольных бассейнах. Добыча каменного угля в германской Верхней Силезии, его сбыт и количество груженных вагонов видны из следующих данных: добыча за апрель 1930 г. – 1 365 тыс. т, за май 1930 г. – 1 486 тыс. т. Потребление на самих копиях: 62 200 т и 59 243 т. Сбыт внутри Верхней Силезии – 390 тыс. и 400 тыс. т, в остальную Германию 841 тыс. т и 904 тыс. т; за границу 73 тыс. т и 97 тыс. т. Весь сбыт: 1 312 тыс. т и 1 399 тыс. т. Перевозка по железной дороге : 1 099 тыс. т и 1 193 тыс. т. Перевозка водным путем 223 тыс.т и 251 тыс. т. Запасы угля к концу отчетного месяца 581 тыс. т и 608 тыс. т; запасы кокса 278 тыс. т и 303 тыс. т. Количество груженных вагонов: угля, кокса и брикетов (вагоны в 10 т) всего 127 тыс. т и 133 тыс. т. [21, с. 65].

Тяжелый кризис в угольной промышленности и рационализация, проводимая шахтовладельцами, выбросили на улицу сотни тысяч горняков. В Германии в течение 1930 г. лишились работы 150 тыс. углекопов, а в 1931 г. количество занятых рабочих снизилось более чем на 250 тыс. чел. [21, с. 62; 22, с. 60].

В такой сложной хозяйственной атмосфере протекала борьба рурских горняков с предпринимателями. По сообщению имперского министра труда возник конфликт между правительством и союзом шах-

товладельцев в связи с сокращением зарплаты в Рурской области. В его разрешение вынужден был вмешаться президент Германской республики П. Гинденбург, который 9 января 1931 г. издал постановление о назначении третейского судьи для примирения спорящих сторон. Третейским судьей был назначен профессор Бран. Постановление было действительно не только для конфликта в Рурской области, но и в других районах [19, с. 59, 60], чем не преминули воспользоваться в Верхней Силезии, снизив решением третейского судьи 15 января 1931 г. зарплату на 6 % [20, с. 61].

Оценивая результаты развития германской угольной промышленности в 1920-е гг., можно согласиться с оценками А. Ахтамзяна: «Для Советского Союза, решавшего проблемы индустриализации..., представляли интерес самые совершенные машины, передовой технологический опыт. Взамен он мог предложить преимущественно промышленное сырье и сельскохозяйственную продукцию, в которых нуждалась Германия» [1, с. 46].

Развитие экономического сотрудничества между Германией и Советским Союзом было достаточно перспективным, невзирая на экономический спад, наблюдавшийся в обеих странах после Первой мировой войны. Советский Союз и Германия на взаимовыгодной основе использовали различные формы сотрудничества. В СССР осуществлялась индустриализация, в т. ч. и за счет германских технологий в горной промышленности, так как Германия занимала в этой сфере одну из ведущих позиций, успешно конкурируя с другими европейскими странами, уступая лишь технологиям США, но при этом предлагая СССР выгодные финансовые условия, как, например, кредитное соглашение 1926 г. В то же время и Германия с помощью советского сырья и валюты решала проблему выплаты репараций после Первой мировой войны и поддержки своей промышленности в конкурентоспособном состоянии.

Библиографические ссылки

1. Ахтамзян А. А. Советско-германские экономические отношения 1922–1932 гг. / А. А. Ахтамзян // Новая и новейшая история. – 1988. – № 4. – С. 42–56.
2. Газін В. П. Економіка і зовнішня політика Веймарської республіки (1925–1933) / В. П. Газін. – Кам'янець-Подільський : Вид-во КПДП, 1999. – 151 с.
3. Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917 – 1932 / А. Е. Иоффе. – М. : Наука, 1975. – 429 с.
4. Каменецкий М. Л. Электрификация крупнейших угольных бассейнов Европы / М. Л. Каменецкий // Уголь и железо. –1928 . – № 29. – С. 3–18.

5. Кульбакин В. Д. Экономические связи с Советским Союзом и позиция общественных сил в Германии / В. Д. Кульбакин // Вопросы истории. – 1977 г. – № 5. – С. 63–76; № 6. – С. 59–80
6. Лурье Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918) / Ю. Лурье. – М.; Л. : Госиздат, 1928. – 296 с.
7. Майский И. Современная Германия (экономика, политика, рабочее движение) / И. Майский. – М.; Л. : Красная новь, 1924. – 167 с.
8. План Дауэса. Финансовое восстановление Германии / ред. Н. Н. Любимов. – М. : Финансовое изд-во, 1925. – 268 с.
9. Полонская Л. Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы. 1913–1923 / Л. Полонская. – М. : Госиздат, 1929. – 228 с.
10. Рудченко А. М. История становления и развития советско-германских экономических отношений. 1917–1925 : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история» / А. М. Рудченко – М. : МГИМО, 1972. – 28 с.
11. Слуцкий Г. Международные проблемы угольной промышленности / Г. Слуцкий // Горный журнал. – 1929. – № 8–9. – С. 1416–1419.
12. Слуцкий Г. Рурский бассейн в 1928 г. и в первой половине 1929 г. / Г. Слуцкий // Горный журнал. – 1929. – № 8–9. – С. 1433–1451.
13. Сухоруков С. В. Советско-германские отношения. 1917–1933 / С. В. Сухоруков / Ежегодник германской истории, 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 397–420.
14. Фаингар И. М. Очерк развития германского монополистического капитала / И. М. Фаингар. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 436 с.
15. Черноперов В. Л. Факторы социально-экономического развития Веймарской республики глазами советских специалистов / В. Л. Черноперов // Россия и Германия в XX в. : сб. науч. тр. / отв. ред. : В. И. Логина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – С. 80–106.
16. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1929. – № 8–9. – С. 1511–1517.
17. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1929. – № 11. – С. 2151–2157.
18. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1929. – № 12. – С. 2360–2368.
19. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1931. – № 6. – С. 57–65.
20. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1931. – № 7. – С. 61–65.
21. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1931. – № 2. – С. 63–68.
22. Хроника горного дела. Иностранная // Горный журнал. – 1932. – № 3. – С. 60–62.
23. Хроника горного дела. Союзная // Горный журнал. – 1931. – № 2. – С. 58–63.

Надійшла до редколегії 22.10.2014

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Татьяна Анатольевна – старший научный сотрудник Днепропетровского национального исторического музея им. Д. И. Яворницкого. Днепропетровск, Украина.

Архирейский Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры восточноевропейской истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Бойко Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточноевропейской истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Бурмага Владимир Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры восточноевропейской истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Венгер Альберт Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Вернер Ханс – доцент университета Виннипег. Виннипег, Канада.

Газизова Амина Абдуллаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв. и журналистики Московского педагогического государственного университета. Москва, Россия.

Галкина Яна Викторовна – доцент кафедры английской филологии и перевода Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля. Днепропетровск, Украина.

Герасимова Ирина Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств. Рязань, Россия.

Голубь Дарья Александровна – аспирантка кафедры зарубежной литературы факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Гусева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры массовой и международной коммуникации Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Грищенко Екатерина Станиславовна – аспирантка кафедры истории Украины Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Дик Иоганнес – магистр теологии и докторант кафедры протестантской теологии Свободного университета Амстердама, директор Института теологии и истории Боннской библейской семинарии. Бонн, Германия.

Дятлов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, первый проректор, проректор по научно-педагогической работе Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко. Чернигов, Украина.

Дяченко Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Жванко Любовь Николаевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Харьковского национального университета городского хозяйства им. А. Н. Бекетова. Харьков, Украина.

Задерейчук Иван Афанасьевич – кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедры социально-экономических дисциплин Крымского экономико-правового института Международного гуманитарного университета. Симферополь, Украина.

Кабанов Виктор Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточноевропейской истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Козырева Марина Едуардовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Николаевского национального университета им. В. О. Сухолинского. Николаев, Украина.

Кеда Марина Константиновна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора института истории, этнологии и права Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко. Чернигов, Украина.

Лавренко Валерия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права. Екатеринбург, Россия.

Нам Ираида Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Россия.

Наривская Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Нелипович Сергей Геннадьевич – кандидат исторических наук, начальник архивного отдела администрации городского округа Балашиха Московской области. Балашиха, Россия.

Олиевский Александр Иванович – преподаватель истории Черновецкого юридического колледжа. Черновцы, Украина.

Петренко Ольга Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального искусства Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского. Николаев, Украина.

Савчук Варфоломей Степанович – доктор исторических наук, профессор кафедры физики Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Свитыч Екатерина Сергеевна – аспирантка кафедры восточно-европейской истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Слесаренко Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права, истории права и политико-правовых учений Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Снида Евгений Олегович – аспирант кафедры восточноевропейской истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Суржикова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Группы истории повседневности Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Екатеринбург, Россия.

Тутик Людмила Семеновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Днепропетровского государственного университета внутренних дел. Днепропетровск, Украина.

Ходченко Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара. Днепропетровск, Украина.

Цымлякова Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник Днепропетровского национального исторического музея им. Д. И. Яворницкого. Днепропетровск, Украина.

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ

Олієвський О. І. Про деякі аспекти фронтового побуту російської армії під час «Великої війни» (1914–1918 рр.).....	9
Суржикова Н. В. Российский плен 1914–1917 гг.: к терминологической разметке исследовательского поля	16
Мотревич В. П. Смертность военнопленных Первой мировой войны и современное состояние их захоронений на Урале	24
Жванко Л. М. Інститут головуповноважених та уповноважених з улаштування біженців у Російській імперії: нормативно-правові аспекти та реалії життя 1915–1917 рр....	32
Задерейчук И. А. Благотворительная деятельность немцев Крыма в период военных действий Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.	45
Дяченко О. В., Тутік Л. С. Діяльність лікарень на Катеринославщині у період Першої світової війни	49
Бурмага В. П., Світич К. С. Роль жінки в організації допомоги фронту в роки Першої світової війни (на матеріалах України)	57
Савчук В. С. Фармация Российской империи в Первой мировой войне: Екатеринославский йод	64

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

Нелипович С. Г. Антинемецкая пропаганда в России в первые месяцы Первой мировой войны 1914–1918 гг.	80
Ходченко Е. Е. Власть и меннониты в годы Первой мировой войны: Россия • США • Канада	92
Нам И. В. Немецкие переселенцы в Сибири и власть в годы Первой мировой войны: неудавшийся опыт создания самоуправления	115

КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Дик И. Перед разворотом в безмолвие: факторы идентичности меннонитов России и Первая мировая война.....	122
Werner H. An Array of Contradictions: Mennonite Expressions of Nationalism in Imperial Russia during World War I.....	130
Бойко О. В., Снида Е. О. Реакция православного духовенства Екатеринославской епархии на начало Первой мировой войны	146
Дятлов В. А., Кеда М. К. Западноевропейские страны в церковной публицистике Российской империи накануне и во время Первой мировой войны. Региональный аспект	154
Цымлякова Т. Н., Архипова Т. А. Реликвии Первой мировой войны в собрании Днепропетровского национального исторического музея	166
Петренко О. Н. Культура города Николаева в период австро-немецкого военного присутствия: 17.03.1918–14.03.1919 гг.....	179
Наривская В. Д. Тема Первой мировой войны в «Дневниках» В. Винниченко: осмысление и реализация травматического опыта.....	185
Голубь Д. А. От войны до войны: лейтмотив Первой мировой войны в «штирлицяне» Ю. Семенова	207
Герасимова И. Ф. Казачество в русской поэзии периода Первой мировой войны.....	227
Гусева Е. А. Первая мировая война в «Записках кавалериста» Николая Гумилёва	239
Газизова А. А. Известные солдаты в рассказах И. С. Шмелёва 1914–1918 гг.	246
Галкина Я. В. Мотив судьбы в рассказах А. Грина о Первой мировой войне.....	257

ИСТОРИОГРАФИЯ

Лавренко В. С. Осмысление опыта Первой мировой войны на страницах военной периодики русской эмиграции	267
---	-----

Венгер А. Г. Чорне та біле: громадянин і науковець М. Бречкевич про початок «Великої європейської війни» ...	279
Слісаренко О. М. Вітчизняна історіографія військово-морських операцій у Першій світовій війні	292
Грищенко К. С. Катеринославський родич генерала Брусилова	302

ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР

Козирєва М. Е. Адміністративні та соціально-економічні наслідки Першої світової та громадянської воєн для Миколаївщини	318
Архірейський Д. В. Економічне значення українсько-російського кордону 1918–початку 1919 рр.	325
Кабанов В. И. Последствия Первой мировой войны для угольной промышленности Германии	334
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	345

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ СБОРНИКА «ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ»

В редакцию следует представлять статьи на языке, выбранном автором, в двух экземплярах, напечатанных с одной стороны листа на белой бумаге формата А4. Объем рукописи не должен превышать 12 стр. Кроме того, авторами должна быть представлена электронная версия статьи на дискете в формате Word-7.0/6.0.

Рукопись должна начинаться фамилией автора (инициалы предшествуют фамилии), затем помещается название статьи. Под названием печатаются краткие (до 10 строк) аннотации на русском, украинском, английском и немецком языках.

В конце статьи за алфавитным порядком должен быть размещен список используемых источников, который называется «Библиографические ссылки», оформленный согласно Формы 23 Бюлетня ВАК Украины. – 2009. – № 5 и ДСТУ ГОСТ 7.1:2006. Порядковый номер каждой работы в списке является номером ее позиции. Следовательно в тексте отсылки к списку должны выглядеть так: [1; 22] или [4; с. 3; 35, с. 71], где первые цифры 1, 4, 35 – позиции конкретных работ, последующие – номера страниц. Иностранные источники описываются на языке оригинала, но с соблюдением тех же правил. Ссылки на архивные источники оформляются с точным указанием названия архива, номера фондов, описи, дела, использованных листов.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

К рукописи необходимо приложить сведения об авторах: полностью фамилия, имя, отчество; ученая степень и звание; место работы и должность с полным наименованием учреждения или организации; служебный телефон, адрес для переписки (если есть, то e-mail), другие данные.

Решение о публикации статьи принимает редакционная коллегия.

Гонорар авторам не выплачивается, рукописи, корректура и отписки статей авторам не отсылаются.

Статьи должны соответствовать требованиям, определенным постановлением Президиума Высшей аттестационной комиссии Укра-

ины «О повышении требований к специализированным изданиям, внесенным в перечень ВАК Украины» от 15 января 2003 г. № 7-05/1 (см. Бюлетень ВАК України. – 2003. – № 1. – С. 2). При несоответствии требованиям статья не принимается к печати.

При отсутствии текста статьи на машинном носителе сроки публикации не регламентируются и соответствие статьи оригиналу не гарантируется.

При превышении установленного объема рукописи редакция оставляет за собой право на сокращение объема статьи.

***Рукописи статей следует направлять по адресу:
49050, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 72, Днепропетровский
национальный университет имени Олеся Гончара,
исторический факультет, кафедра всемирной истории,
телефон: (056) 374-98-59,
e-mail: unidnu@i.ua***

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Наукове видання

**ПИТАННЯ НІМЕЦЬКОЇ ІСТОРІЇ
ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ
FRAGEN ZUR DEUTSCHEN GESCHICHTE
QUESTIONS OF GERMAN HISTORY**

Збірник наукових праць

Українською, російською, англійською та німецькою мовами

Редактор Т. А. Ягельська
Коректор Т. А. Ягельська
Комп'ютерна верстка М. А. Геращенко

Підписано до друку 20.03.2015. Формат 60 84^{1/16}. Папір друкарський.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 20,69. Тираж 100 пр. Зам. № 108.

Віддруковано в друкарні «Ліра».
49050, м. Дніпропетровськ, вул. Наукова, 5.
Свідоцтво про внесення до держреєстру ДК № 188 від 19.09.2000 р.

ISSN 2313-1993